ИСТОРІЯ
ЖИЗНИ и ПУТЕШЕСТВІЙ
ХРИСТОФОРА КОЛОМБА.

ИСТОРІЯ

ЖИЗНИ И ПУТЕШЕСТВІЙ

ХРИСТОФОРА КОЛОМБА.

Сочиненіе

ВАШИНГТОНА ИРВИНГА.

Переводъ съ Французскаго,

НИКОЛАЯ ВРЕДИХИНА.

Venient annis
Saecula seris, quibus Oceanus
Vincula rerum laxet, et ingens
Pateat tellus, Typhisque novos
Detegat orbes, nec sit terris
Ultima Thule.

SENECA, *Medea.*

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Печатано въ типографіи Х. Гинце.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

СПб., Января 12 дня, 1837 года.

Ценсоръ А. Фрейганъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ТРЕТЬЯГО ТОМА.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

СТРАН.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

СТРАН.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

КОНЕЦЪ ОГЛАВЛЕНІЯ ТРЕТЬЯГО ТОМА

ИСТОРІЯ

ЖИЗНИ И ПУТЕШЕСТВІЙ

ХРИСТОФОРА КОЛОМБА.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

Безпорядки на островѣ Испаніолѣ. — Поведеніе мятежниковъ въ Ксарагвѣ (30 августа 1498).

Коломбъ прибылъ въ Санъ-Доминго удомленный продолжительнымъ и тягостнымъ путешествіемъ и изнуренный тѣлесными страданіями; умъ и тѣло его имѣли равную нужду въ успокоеніи; но ему не суждено было вкушать сладости покоя съ той самой минуты, какъ онъ перешагнулъ за рубежъ частной жизни. Островъ Испаніола, на которомъ онъ основывалъ столько блестящихъ надеждъ,

долженъ былъ содѣлаться для него источникомъ безпрерывныхъ работъ и безпокойствъ, остановить всѣ его предпріятія и разлить горечь на весь остатокъ его поприща. Этотъ богатый и прекрасный островъ былъ превращенъ въ страну бѣдствія и нищеты преступными страстями нѣсколькихъ негодяевъ. Войны съ туземцами, возмущенія колонистовъ, прервали разработку минъ и истощили всѣ источники богатства. Ужасы голода послѣдовали за ужасами войны; воздѣланіе земли находилось въ общемъ пренебреженіи; многія провинціи сильно потерпѣли во время возмущеній; большая часть жителей разбѣжалась въ горы, а остальные потеряли охоту работать, зная что плоды ихъ трудовъ будутъ похищены чужеземными варварами. Правда, въ Бегѣ снова царствовали миръ и спокойствіе; — но это спокойствіе походило на печальное безмолвіе пустыни. Эта, нѣкогда прекрасная страна, не далѣе какъ за четыре года столь многолюдная, столь счастливая, заключавшая въ плодотворномъ нѣдрѣ своемъ всѣ сокровища природы, и какъ-будто никогда незнакомая съ нуждами и заботами свѣта, — теперь представляла обширное позорище нищеты и страданія. Большая часть тѣхъ самыхъ селеній, гдѣ нѣкогда Испанцы были удерживаемы трогательнымъ гостепріимствомъ туземцевъ, — гдѣ они были почти боготворимы, какъ благодѣтельныя божества,

теперь стояли пусты и уныли. Часть ихъ разсѣянныхъ обитателей скиталась между утесовъ и пещеръ; другая томилась въ рабствѣ; много умерло отъ голоду, много погибло отъ меча. Кажется почти невѣроятнымъ, чтобъ горсть Европейцевъ, управляемыхъ при томъ весьма благонамѣренными людьми, могла въ столь короткое время произвесть такое множество бѣдствій. Но это происходило оттого, что начала зла имѣютъ пагубную дѣятельность: лучшій изъ людей, при величайшихъ усиліяхъ, часто достигаетъ только небольшаго добра, между-тѣмъ какъ существо самое порочное можетъ во всякое время и безъ труда надѣлать неисчислимое множество золъ.

Но если порочныя страсти бѣлыхъ людей имѣли столь гибельное вліяніе на этотъ невинный народъ, то тѣ-же страсти, по заслуженному наказанію, произвели не менѣе бѣдственныя послѣдствія и для нихъ самихъ. Нигдѣ, на цѣломъ островѣ, не представлялось этому болѣе поразительнаго примѣра, какъ между колонистами Изабеллы — самымъ лѣнивымъ, самымъ буйнымъ и развращеннымъ скопищемъ людей изъ всего острова. Общественныя работы были ими брошены; поля и сады, которые они начали было обработывать, оставлены невоздѣланными; грабежи и жестокости ихъ безчестной шайки разсѣяли окрестныхъ жителей, такъ что цѣ-

лая страна вокругъ Изабеллы представляла видъ обширной пустыни. Чувствуя отвращеніе ко всякому труду, и лишенные всякихъ способовъ занять чѣмъ-нибудь свою праздную лѣнь, они заводили между собой ссоры, возмущались противъ своихъ начальниковъ; и отъ раздоровъ переходили къ унынію и отчаянью. Многіе отряды, неизмѣнившіе своему долгу, сильно потерпѣли во время послѣднихъ возмущеній, будучи принуждены держаться въ селеніяхъ, гдѣ они были расположены квартерами, въ оборонительномъ положеніи, безъ движенія, и питаться несвойственною имъ пищею; а тѣ изъ нихъ, которые употреблялись на дѣйствительную службу, были изнурены форсированными маршами и нуждами всякаго рода. Много людей было похищено болѣзнями; другіе чувствовали, что ихъ ослабленныя силы не въ состояніи долго бороться съ ними. Всюду царствовало общее желаніе — уѣхать съ острова, убѣжать отъ бѣдствій, порожденныхъ ими-же самими, укрыться изъ того цвѣтущаго края, изъ той благословенной страны, къ которой поэты и философы обращали взоры съ такимъ умиленіемъ, которая осуществляла собой картины золотаго вѣка! Такъ-то справедливо, что воображеніе не можетъ создать такого рая, котораго-бы страсти злыхъ не превратили въ адъ!

Одна изъ первыхъ мѣръ Колумба, по его

пребыванія, состояла въ обнародованіи прокламаціи, которою онъ одобрялъ всѣ мѣры аделантадо и обвинялъ Рольдана и его сообщниковъ. Этотъ буйный человѣкъ расположился въ Ксарагвѣ, гдѣ жители приняли его самымъ лучшимъ образомъ. Тамъ онъ позволилъ своимъ сообщникамъ предаваться, совершенно по произволу, любимымъ ихъ склонностямъ — праздности и разврату, и жители сдѣлались жертвами ихъ пороковъ и страстей. Одно происшествіе, случившееся прежде чѣмъ мятежники узнали о прибытіи Коломба, усилило ихъ средства и придало бунтующей шайкѣ видъ еще болѣе грозный. Въ одинъ день, нѣсколько Испанцевъ, прогуливаясь по берегу, увидѣли на морѣ, въ отдаленіи, три карабеллы. Появленіе судовъ въ этой пустынной части океана изумило и испугало ихъ. Корабли подошли къ берегу и бросили якорь. Мятежники оробѣли, полагая что суда присланы для ихъ усмиренія. Но Рольданъ, который имѣлъ столько же проницательности какъ и дерзости, догадался, что это вновь прибывшіе корабли, отклоненные отъ своего пути теченіями, увлекшими ихъ къ западу, и что слѣдственно экипажи ихъ ничего не знаютъ о томъ, что происходитъ на островѣ. Приказавъ своимъ сообщникамъ хранить глубокую тайну, онъ отправился на карабеллы и разсказалъ тамъ, что поставленъ въ этой области для удержанія жителей въ повинове-

нія и для сбора съ нихъ дани. Догадка его на счетъ судовъ оказалась справедлива. Это дѣйствительно были тѣ самыя три каравеллы, которыя Коломбъ отдѣлилъ отъ своей эскадры у Канарійскихъ-Острововъ, для скорѣйшаго доставленія колоніи припасовъ. Капитаны, не зная силы теченій, прорѣзывающихъ Караибское-Море, были увлечены ими гораздо западнѣе того пути, котораго они держались слѣдуя своимъ вычисленіямъ, — и наконецъ очутились у Ксарагвскаго берега.

Рольданъ и его сообщники цѣлыхъ три дня строго хранили отъ прибывшихъ капитановъ тайну обо всемъ происшедшемъ на островѣ. Капитаны, считая его значительнымъ лицемъ, заслуживающимъ полной довѣренности, нисколько не затруднились удовлетворить всѣ его требованія. Такимъ образомъ они доставили ему, по его требованіямъ, разнаго рода оружія — шпагъ, копьевъ, арбалетъ, аммуниціи и припасовъ. Между-тѣмъ сообщники его посѣщали каждый день прибывшіе корабли и склоняли тайно экипажи на свою сторону, представляя имъ съ одной стороны — суровую и тягостную жизнь колонистовъ въ Санъ-Доминго, а съ другой изображали всѣ удовольствія, которыми они сами наслаждаются въ Ксарагвѣ. Надобно замѣтить, что большая часть экипажей для прибывшихъ кораблей, была набрана, вслѣдствіе неблагоразумнаго предложенія Коломба, изъ преступ-

никовъ, заслуживавшихъ смертную казнь и осужденныхъ, вмѣсто нея, на ссылку въ колоніи, — изъ бродягъ и негодяевъ, извержениія Испанскихъ городовъ, или изъ злодѣевъ, освобожденныхъ изъ тюремъ: однимъ словомъ изъ людей весьма склонныхъ внимать подобнымъ внушеніямъ. Они обѣщали мятежникамъ воспользоваться первымъ случаемъ къ побѣгу и присоединиться къ ихъ шайкѣ.

Не прежде какъ уже на третій день капитанъ Алонсо Санчесъ де-Карвайяль, проницательнѣйшій изъ всѣхъ офицеровъ прибывшихъ карабеллъ, догадался о замыслахъ своихъ опасныхъ гостей и о родѣ ихъ посѣщеній. Но тогда было уже поздно: зло было сдѣлано. Открывъ замыселъ мятежниковъ, капитаны прибывшихъ карабеллъ имѣли нѣсколько жаркихъ переговоровъ съ Рольданомъ, стараясь убѣдить его — возвратиться къ своимъ обязанностямъ и отказаться отъ противоборствованія законной власти. Извѣстіе, что Коломбъ находится на пути и скоро долженъ прибыть съ новыми силами и болѣе обширною властью въ Испаніолу, сдѣлала на него глубокое впечатлѣніе. Онъ уже предупредилъ, какъ мы видѣли, своихъ друзей въ Санъ-Доминго, чтобъ они ходатайствовали за него у адмирала, по его возвращеніи, прося ихъ увѣрить Коломба, что онъ возсталъ единственно противъ несправедливостей и угнетеній аделантадо, но всегда готовъ поко-

риться адмиралу, какъ скоро онъ пріѣдетъ. Карвайяль, замѣтивъ что упорство Рольдана и главнѣйшихъ его сообщниковъ поколебалось, льстилъ себя надеждой, что оставшись на нѣсколько времени съ мятежниками, онъ успѣетъ своимъ вліяніемъ обратить ихъ къ долгу. Такъ-какъ противные вѣтры препятствовали судамъ плыть противъ теченія, къ Санъ-Доминго, то капитаны положили между собой — немедленно отправить въ колонію сухимъ путемъ часть экипажей, именно тѣхъ людей, которые знали ремесла и слѣдственно могли быть тамъ полезны. Для отвода этихъ людей былъ назначенъ Хуанъ Антоніо Коломбо, капитанъ одной изъ трехъ каравеллъ, родственникъ адмирала, совершенно преданный ему; Аранѣ положено было отплыть съ судами при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ, а Карвайялю, вслѣдствіе его предложенія, остаться въ Ксарагвѣ и стараться уговорить бунтовщиковъ, чтобъ они обратились къ своему долгу.

Вслѣдствіе этого распоряженія, на другой день Хуанъ Антоніо Коломбо былъ перевезенъ на берегъ съ сорока человѣками, вооруженными луками, шпагами и копьями. Но только-что онъ сдѣлалъ высадку, какъ почти вся его команда вдругъ разбѣжалась, и онъ остался не болѣе какъ съ восемью человѣками, которые не захотѣли принять участія въ преступномъ замыслѣ своихъ товарищей. Де-

зертиры съ торжествомъ перешли къ возмутителямъ, которые приняли ихъ съ радостными восклицаніями. Напрасно изумленный Хуанъ Антоніо употреблялъ увѣщанія и угрозы, чтобъ обратить своихъ людей къ долгу. Большая часть изъ нихъ были закоренѣлые преступники, ненавидѣвшіе всякой порядокъ и привыкшіе презирать законы. Также безуспѣшны были его попытки усовѣстить Рольдана, которому онъ напоминалъ увѣренія его въ покорности губернатору. Рольданъ отвѣчалъ ему, что онъ не можетъ принудить другихъ къ повиновенію; что поселеніе его въ Ксарагвѣ — *Вольный Монастырь*, куда всякой можетъ вступать безвозбранно. Таковы были первыя бѣдственныя послѣдствія ссылки въ колоніи преступниковъ, которые своими пороками и злодѣяніями оядотворили въ источникѣ первыя поселенія.

Печальный и смущенный Хуанъ Антоніо возвратился на корабль съ горстью людей, оставшихся вѣрными своему долгу. Для предупрежденія дальнѣйшихъ побѣговъ, онъ и товарищъ его, капитанъ Арана, рѣшились немедленно отплыть съ кораблями отъ Ксарагвы, оставивъ въ ней Карвайяля, который не терялъ еще надежды уговорить мятежниковъ покориться законной власти. Послѣ безчисленныхъ препятствій и замедленій въ пути, въ продолженіе котораго судно Карвайяля врѣзалось въ песчаную отмель и претерпѣло

сильное повреждение, они достигли наконецъ Санъ-Домингскаго порта. Но съѣстные припасы, которыми были нагружены суда, частію были потреблены, остальные испортились. Вслѣдъ за ними прибылъ сухимъ путемъ и Алонсо Санчесъ де-Карвайялъ. Для предохраненія на пути отъ нападеній туземцевъ, Рольданъ далъ ему въ конвой нѣсколько своихъ солдатъ, которые сопровождали его на разстояніи шести миль. Покушенія Санчеса склонить мятежниковъ къ немедленной покорности, были безуспѣшны; однако жъ Рольданъ обѣщалъ ему, что какъ только онъ узнаетъ о прибытіи Коломба, тотчасъ-же выступитъ къ Санъ-Домингу для удобнѣйшаго представленія адмиралу своихъ жалобъ и объясненій своихъ поступковъ, также для переговоровъ съ нимъ на счетъ отвращенія на будущее время всякихъ поводовъ къ раздорамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Рольданъ вручилъ ему письмо къ Коломбу обо всемъ этомъ. Карвайялъ, основываясь на своихъ наблюденіяхъ надъ возмутителями, обнадеживалъ, что одного обѣщанія всеобщаго прощенья достаточно, чтобъ обратить ихъ къ повиновенію (1).

(1) **Las Casas, lib. I, cap. 149, 150. — Herrera, decad. I, lib. III, cap. 12.** — *Hist. del Almirante,* cap. 77.

ГЛАВА II.

Переговоры адмирала съ мятежниками. — Отплытіе кораблей въ Испанію (1498).

Несмотря на благопріятныя извѣстія, сообщенныя Карвайядемъ, Коломбомъ овладѣло сильнѣйшее безпокойство, когда онъ узналъ о происшедшемъ въ Ксарагвѣ. Онъ предугадывалъ, что дерзость возмутителей и увѣренность ихъ въ своихъ силахъ возрастутъ еще болѣе при столь значительномъ подкрѣпленіи, людьми хорошо вооруженными и на все готовыми. Вызовъ Рольдана прибыть къ Санъ-Доминго, заставилъ содрогнуться адмирала. Онъ сомнѣвался въ искренности его обѣщанія—покориться законной власти, и полагалъ, что отъ человѣка столь хитраго, отважнаго и дерзкаго, предводительствующаго войскомъ, рѣшившимся на всѣ опасности и преданнымъ его волѣ, должно всего страшиться. Кромѣ-того, примѣръ его буйной и своеволь-

ной орды, кочующей по острову, непризнавая надъ собой никакой власти и проводящей жизнь совершенно безпорядочную и распутную, могъ имѣть весьма вредное вліяніе на прибывшихъ изъ Европы колонистовъ. Съ приближеніемъ бунтовщиковъ къ Санъ-Доминго, должно было опасаться, что они вступятъ въ сношенія съ недовольными, станутъ давать имъ у себя убѣжища, — и легко могло случиться, что вся колонія, настроенная ихъ тайными внушеніями, увлечется ихъ примѣромъ и, подобно имъ, откажется отъ повиновенія.

Все это заставляло принять мѣры сильныя и поспѣшныя, которыя бы удержали колонистовъ въ ихъ обязанностяхъ и утвердили ихъ вѣрность противъ всѣхъ искушеній. Коломбъ зналъ, что многіе колонисты пламенно желали возвратиться въ Испанію, и что мятежники искусно воспользовались этимъ обстоятельствомъ, распустивъ слухъ, будто адмиралъ и его братья намѣрены удержать всѣхъ безъ изъятія людей на островѣ, изъ корыстныхъ видовъ. Для опроверженія этого слуха, адмиралъ издалъ, 12 сентября, прокламацію, въ которой, вмѣстѣ съ объявленіемъ объ отплытіи пяти кораблей въ Испанію, предоставлялъ всѣмъ желающимъ — возвратиться въ свое отечество. Этимъ средствомъ онъ надѣялся очистить колонію отъ праздныхъ и недовольныхъ, ослабить партію Рольдана и

удержать при себѣ только людей испытанной вѣрности и преданности.

Въ тоже время онъ написалъ къ Мигуэлю Баллестеру, храброму и благородному ветерану, коммендáнту форта «Зачатія», чтобъ онъ держался на сторожѣ, потому что къ укрѣпленію должны вскорѣ прибыть мятежники. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ уполномочивалъ этого почтеннаго офицера предложить Рольдану свиданіе, обѣщать ему совершенное прощеніе и забвеніе всего прошедшаго, если онъ немедленно обратится къ своему долгу, и пригласить его въ Санъ-Доминго для переговоровъ съ адмираломъ, давъ ему клятвенное, а если онъ пожелаетъ — письменное обѣщаніе, что его особа останется тамъ неприкосновенна. И Коломбъ обѣщалъ это отъ чистаго сердца: кроткій и человѣколюбивый отъ природы, онъ никогда не сохранялъ въ душѣ своей ненависти и мщенія—даже къ самымъ злымъ и презрѣннымъ негодяямъ, которые жестоко отравляли дни его горечью.

Только - что Баллестеръ получилъ письмо отъ адмирала, какъ мятежники начали сходиться къ деревнѣ Бонао, лежащей на прелестной долинѣ, въ Бегѣ. Окрестности ея имѣли особенно плодоносную почву и были хорошо населены. Деревня Бонао находилась отъ форта «Зачатія» миляхъ въ десяти, а отъ Санъ-Доминго — около двадцати. Педро Рикельмъ, одинъ изъ начальниковъ мятежной

партіи, имѣлъ въ ней обширныя плантаціи, и его резиденція была назначена главною квартирой бунтовщиковъ. Къ этому сборному пункту сначала привелъ свою шайку гнусныхъ разбойниковъ, Адріанъ де-Моксика, — человѣкъ грубый и буйный, находившій удовольствіе собственно въ безпорядкахъ; потомъ, вслѣдъ за нимъ, прибыли съ своими отрядами Рольданъ и другіе начальники возмутителей.

Мигуэль Баллестеръ, узнавъ о прибытіи Рольдана, тотчасъ-же отправился къ нему на свиданіе. Баллестеръ, былъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, и самой почтенной наружности; пріемы его были — чисто военные; характеръ — открытый, прямой и важный; и все это соединялось съ дѣтскимъ простосердечіемъ (1). Не было человѣка способнѣй его для роли посредника съ людьми буйными и развращенными: никто лучше его не могъ укротить ихъ страстей — своею важностью, обезоружить ихъ буйную пылкость — лѣтами, пріобрѣсть ихъ довѣренность — благороднымъ праводушіемъ, и наконецъ внушить самому пороку уваженіе къ своей безупречной добродѣтели.

Баллестеръ засталъ Рольдана вмѣстѣ съ Педро Рикельмомъ, Педро Гамицемъ и Адріаномъ Моксикой, — тремя главнѣйшими его со-

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, cap. 153.

общниками. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ силъ мятежниковъ, возросла и самонадѣянность Рольдана. Онъ съ презрѣніемъ отвергъ предложенное ему прощеніе, и отвѣчалъ Баллестеру, что пришелъ не для мирныхъ переговоровъ, а чтобъ требовать освобожденія туземцевъ, которыхъ захватили будто-бы противъ всякой справедливости, и, какъ ему извѣстно, намѣрены отправить въ Испанію для продажи въ неволю, несмотря на то, что онъ въ качествѣ алькада, далъ клятвенное обѣщаніе быть ихъ защитникомъ и покровителемъ. Онъ рѣшительно объявилъ, что до-тѣхъ-поръ не станетъ слушать никакихъ предложеній, пока не освободятъ захваченныхъ жителей, и простеръ дерзость свою до-того, что намекнулъ — будто участь адмирала находится въ его рукахъ и что отъ него зависитъ рѣшить ее по своему произволу.

Туземцы, о которыхъ говорилъ Рольданъ, были подданные Гуаріонекса, котораго самъ же онъ подговорилъ не платить дани, и подъ покровительствомъ мнимой своей власти, принять участіе въ возмущеніи Беги. Рольданъ зналъ, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ неудовольствія двора на управленіе адмирала островомъ, заключалась въ обращеніи дикихъ въ рабство, противъ котораго возставала королева, — и онъ успѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобъ придать своему возмущенію противъ Коломба, видъ заступниче-

ства за права несчастныхъ островитянъ. Мятежники предложили еще много другихъ требованій, — и все это самымъ наглымъ образомъ, — и кончили рѣшительнымъ объявленіемъ, что на будущее время они не примутъ для переговоровъ никого, кромѣ Карвайяля, котораго справедливость и безпристрастіе испытаны уже ими въ сношеніяхъ его съ Рольданомъ въ Ксарагвѣ.

Этотъ надменный отзывъ на предложеніе всеобщей амнистіи, вовсе не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Колюмба. Положеніе его было крайне затруднительно. Измѣна и коварство окружали его со всѣхъ сторонъ. Онъ зналъ, что у Рольдана были тайные приверженцы и друзья, даже между тѣми людьми, которые носили личину преданности къ нему, — и не могъ опредѣлить даже, гдѣ оканчиваются вѣтви этого заговора. Вскорѣ одно обстоятельство доказало, что опасенія его были слишкомъ основательны. Онъ назначилъ колонистамъ Санъ-Доминга смотръ, въ полномъ вооруженіи, желая узнать, какія силы можетъ онъ выставить въ поле, въ случаѣ надобности. Тотчасъ разнесся слухъ, что цѣль этого сбора—походъ въ Бонао противъ мятежниковъ, и когда наступилъ день смотра, въ строй явилось только семьдесятъ человѣкъ, и изъ нихъ еще можно было положиться не болѣе какъ на сорокъ. Всѣ остальные уклонились подъ разными предлогами: одни притворились увѣч-

ными, другіе большими чѣмъ предателями; что въ войскѣ Рольдана служатъ ихъ родные или друзья: однимъ словомъ, почти никто не захотѣлъ стать въ ряды.

Этотъ случай показалъ Колумбу всю безполезность усилій — прекратить мятежъ оружіемъ: это значило-бы только обнаружить свою слабость, и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергнуть униженію достоинство и власть правительства. Оставалось одно средство — медлить, какъ ни унизительно, впрочемъ, казалось ему и это средство. Онъ удержалъ въ портѣ корабли, назначенные къ отплытію въ Испанію, цѣлыхъ восемнадцать дней, въ надеждѣ найти какой-нибудь способъ утушить возмущеніе и сообщить двору болѣе благопріятныя извѣстія объ островѣ. Но съѣстные припасы истощились, плѣнные туземцы жестоко страдали на судахъ; нѣкоторые изъ нихъ бросались въ море, другіе, заключенные на днѣ трюма, задыхались въ тѣснотѣ отъ зною, и погибали во множествѣ. Кромѣ того, самъ онъ желалъ съ нетерпѣніемъ выслать какъ возможно болѣе недовольныхъ въ Испанію прежде, чѣмъ дойдетъ до рѣшительнаго дѣла съ мятежниками.

Все это заставило его наконецъ отпустить эскадру, и 18 октября корабли отплыли изъ порта (1). Колумбъ послалъ съ ними подроб-

(1) На одномъ изъ этихъ кораблей находился отецъ

ное донесеніе ихъ величествамъ о возмущеніи, о предложенномъ съ его стороны всепрощеніи мятежникамъ и объ ихъ отказѣ. Такъ, какъ Рольданъ утверждалъ, что его возмущеніе не что иное, какъ только частная ссора между нимъ и аделантадо, въ которой адмиралъ не могъ быть безпристрастнымъ судьей, то Колумбъ просилъ ихъ величества, чтобъ они отозвали Рольдана въ Испанію, и приняли на себя трудъ разобрать его поведеніе, или приказали-бы произвесть слѣдствіе на островѣ, въ присутствіи Алонсо Санчеса де-Карвайяля благопріятствующаго Рольдану, и Мигуэля Баллестера, какъ свидѣтеля со стороны аделантадо. Онъ доносилъ ихъ величествамъ, что причина большей части возмущеній на островѣ заключалась въ безконечныхъ проволочкахъ, удержавшихъ его такъ долго въ Испаніи, и въ препятствіяхъ, которыя противопоставляли ему тѣ самыя лица, на которыхъ возложено было во всемъ споспѣшествовать ему; что отъ этого замедлилось отправленіе судовъ съ припасами; въ колоніяхъ открылся голодъ и произвелъ неудовольствія, за ними послѣдовалъ явный ропотъ и наконецъ — возмущеніе. Онъ просилъ убѣдитель-

почтеннаго историка Ласъ-Казаса, сообщившій своему сыну важнѣйшія подробности этой части его Исторіи (Las Casas, lib. I, cap. 153).

нѣйшимъ образомъ ихъ величества повелѣть, чтобъ дѣла, относящіяся къ колоніи, не были оставляемы въ небреженіи, и чтобъ тѣ лица, которымъ поручено управленіе ими въ Севиллѣ, не старались-бы вредить имъ изъ личной ненависти къ частнымъ лицамъ, вопреки существеннымъ пользамъ правительства, о которыхъ они обязаны прилагать всевозможное стараніе. Далѣе, онъ просилъ прощенія у нихъ величествъ въ самоуправномъ поступкѣ одномъ съ негодяемъ Ксимено Бревіеско, наглымъ любимцемъ Фонсеки, прибавляя, что онъ увѣренъ, что и это обстоятельство, какъ множество другихъ, представлено ихъ величествамъ его неутомимыми врагами въ самомъ омерзительномъ видѣ, и весьма легко можетъ повредить ему въ мнѣніи его государей, но что онъ умоляетъ ихъ величества не внимать, въ его отсутствіи, коварнымъ навѣтамъ его враговъ. На счетъ острова онъ писалъ, что естественные способы его требуютъ только благоразумнаго направленія, чтобъ удовлетворить всѣмъ нуждамъ колонистовъ, которые не извлекаютъ изъ нихъ выгодъ единственно по лѣности и разврату, и что онъ, пользуясь отправленіемъ судовъ въ Испанію, высылаетъ на нихъ недовольныхъ и праздныхъ, а въ замѣнъ ихъ просить доставить на островъ людей трудолюбивыхъ и добронравныхъ. Въ томъ-же письмѣ онъ проситъ и о высылкѣ

духовныхъ особъ, какъ для наставленія туземцевъ и обращенія ихъ въ христіанство, такъ и для исправленія Испанцевъ, преданныхъ порокамъ, что не менѣе важно. Наконецъ изъявляетъ желаніе имѣть искуснаго и опытнаго законовѣдца, который бы могъ занять на островѣ должность главнаго алькада, или судьи, и нѣсколько чиновниковъ для управленія королевскими удѣльными помѣстьями. Ничто не можетъ быть благоразумнѣе и сообразнѣе съ здравою политикою какъ эти мѣры и требованія Колумба; но, къ несчастью, въ томъ-же самомъ письмѣ мы встрѣчаемъ одно мѣсто, которое сильно вредитъ ихъ нравственному достоинству: онъ ходатайствуетъ въ немъ о дозволеніи Испанцамъ удержать на своихъ работахъ въ неволѣ еще на два года всѣхъ туземцевъ, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ или въ возмущеніяхъ. Извиненіемъ Колумбу служитъ обычай вѣка, въ которомъ онъ жилъ; со всѣмъ-тѣмъ, подобная просьба разительно противорѣчитъ всегдашней его кротости и истинно-отеческому обращенію его съ этимъ несчастнымъ народомъ.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Колумбъ послалъ къ королю и королевѣ другое, заключавшее въ себѣ описаніе его послѣдняго путешествія, при которомъ были приложены карты и образцы золота, въ особенности жемчугу, найденнаго имъ въ Заливѣ Паріи; на

который онъ обращалъ особенное вниманіе государей, какъ на произведеніе Новаго-Свѣта еще въ первый разъ найденное, и вообще распространялся въ самыхъ напыщенныхъ выраженіяхъ и съ величайшимъ энтузіазмомъ объ открытомъ имъ материкѣ, называя его благословеннѣйшимъ краемъ въ цѣломъ Востокѣ, источникомъ неисчерпаемыхъ богатствъ и, по всей вѣроятности, вмѣстилищемъ земнаго рая. Въ заключеніе, онъ обѣщалъ продолжать свои открытія на этомъ прославленномъ материкѣ съ тремя оставшимися судами, тотчасъ какъ только дѣла острова позволятъ предпринять ихъ.

Рольданъ и его друзья также отправили съ отплывающими въ Испанію кораблями свои письма, въ которыхъ старались оправдать свое поведеніе и обвиняли Коломба и братьевъ его въ угнетеніи и несправедливостяхъ, представляя ихъ поступки въ самомъ ненавистномъ видѣ. Правда, можно было предвидѣть, что доносы подобныхъ людей не будутъ имѣть большаго вѣса противъ испытанныхъ дарованій и высокихъ заслугъ Коломба: но у нихъ было множество друзей въ Испаніи; они имѣли на своей сторонѣ народные предразсудки и при дворѣ нѣсколько недоброжелательныхъ адмиралу людей, готовыхъ ходатайствовать за нихъ, — между-тѣмъ какъ Коломбъ, выражаясь его собственными

словами — простыми, но трогательными: «былъ далеко отъ двора, окруженъ завистниками и чужой въ Испаніи (1).»

(1) Las Casas, Hist. Ind., lib. I, cap. 167.

ГЛАВА III.

Сдѣлка съ мятежниками (1498).

По отплытіи кораблей, Коломбъ возобновилъ переговоры съ мятежниками. Онъ рѣшился, во что-бы то ни стало, утушить возмущеніе. Положеніе дѣлъ требовало этого неизбѣжно. Невозможно было ничего предпринять до возстановленія порядка. Бунтовщики угрожали спокойствію цѣлаго острова, и всѣ блистательные планы новыхъ открытій адмирала оставались безъ исполненія. Суда стояли въ гавани въ бездѣйствіи, между-тѣмъ какъ цѣлый материкъ, повидимому заключавшій въ себѣ несмѣтныя богатства, оставался необозрѣннымъ. Коломбъ сначала располагалъ послать къ мятежникамъ брата своего; но присутствіе аделантадо, котораго дѣятельность и мужество были ему слишкомъ извѣстны, было совершенно необходимо въ Санъ-Доминго: надобно было опасаться, чтобъ мятежники не отважились на какое-нибудь по-

кушеніе открытою силой. И подобныя-то затрудненія суждено было Коломбу встрѣчать на каждомъ шагу при исполненіи его великаго предпріятія, — затрудненія, противупоставляемыя ему въ одно время и тайными кознями Испанскихъ вельможъ и наглою буйностью горсти негодяевъ. Онъ имѣлъ частыя и продолжительныя совѣщанія съ небольшимъ числомъ преданныхъ ему Испанцевъ, которымъ онъ могъ ввѣриться. До него дошли слухи, что главная причина всеобщаго неудовольствія заключалась въ строгости его брата, котораго обвиняли въ тиранскомъ управленіи. Со всѣмъ тѣмъ, Ласъ-Касасъ, основываясь на свѣдѣніяхъ, собранныхъ имъ изъ разныхъ источниковъ относительно дѣйствій аделантадо, совершенно оправдываетъ его во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ и утверждаетъ, что къ Рольдану въ особенности онъ былъ снисходителенъ, — болѣе чѣмъ къ кому-либо другому. Вслѣдствіе этихъ совѣщаній, Коломбъ, по совѣту преданныхъ ему друзей, также какъ и по влеченію собственнаго своего сердца, рѣшился испытать мѣры кротости. Онъ началъ съ того, что написалъ къ Рольдану, 20 октября, самое дружелюбное и ласковое письмо, въ которомъ напоминалъ ему старинную ихъ пріязнь, — описывалъ горесть, которою исполнилось его сердце, когда онъ узналъ о ссорѣ, происшедшей между нимъ и аделантадо; убѣждалъ его,

ради общественнаго блага и изъ уваженія къ собственной своей репутаціи, не упорствовать долѣе въ неповиновеніи, и тѣмъ оправдать отличный отзывъ, который онъ сдѣлалъ объ немъ государямъ, и въ заключеніе снова давалъ ему честное слово, что если онъ, или его товарищи, пожелаютъ прибыть въ Санъ-Доминго для объясненій съ нимъ, то на личную безопасность ихъ не будетъ сдѣлано ни малѣйшихъ покушеній.

Когда письмо было написано, представилось затрудненіе — кому поручить отвезть его къ Рольдану, Мятежники объявили, что не хотятъ слышать о переговорахъ иначе какъ черезъ Алонса Санчеса де-Карвайяля, — а въ вѣрности этого офицера многіе изъ преданныхъ адмиралу Испанцевъ сильно сомнѣвались. Тѣ, которые были больше другихъ предубѣждены противъ Санчеса, замѣтили Коломбу, что онъ дозволилъ Рольдану провести болѣе двухъ дней на своей карабеллѣ въ Ксарагвѣ, что снабдилъ его оружіемъ и припасами, не задержалъ его на своемъ кораблѣ, узнавъ что онъ мятежникъ и не принялъ никакихъ мѣръ для возвращенія дезертировъ; что мятежники провожали его до воротъ Санъ-Доминга; что онъ присылалъ къ нимъ въ Бонао припасы (1), и называлъ себя «товарищемъ» Коломба, будто-бы назначеннымъ

(1) Hist. del Almirante, cap. 78.

правительствомъ для надзора за его дѣйствіями, съ прямомъ подвергать изслѣдованію поступки адмирала; къ этому еще прибавляли подозрѣніе, что и самый совѣтъ его мятежникамъ — подойти къ Санъ-Доминго, былъ данъ имъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ, въ случаѣ неприбытія адмирала, соединиться съ Рольданомъ и овладѣть управленіемъ острова. Наконецъ, говорили они, и желаніе мятежниковъ — вести переговоры именно съ нимъ однимъ, уже явно доказываетъ, что онъ присталъ къ ихъ партіи, готовъ принять надъ ними начальство и выставить знамя бунта въ Бонао. Всѣ эти обвиненія терзали Коломба, и онъ въ продолженіе нѣкотораго времени не зналъ, на что рѣшиться. Однакожъ, размысливъ, что во всѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ онъ имѣлъ случаи наблюдать за Карвайялемъ, дѣйствія этого офицера всегда обнаруживали въ немъ честнаго человѣка, — что большая часть поступковъ, въ которыхъ его обвиняли, если разсмотрѣть ихъ внимательно и безпристрастно, заслуживаютъ скорѣе похвалу чѣмъ порицаніе, а остальное — невѣрные слухи, и наконецъ, что самъ онъ, къ несчастью, испыталъ на себѣ лично, до какой степени недоброжелательство можетъ искажать самые благородные поступки и самыя чистыя намѣренія, — и сообразивъ все это, рѣшился, не поддаваясь подозрѣніямъ, положиться вполнѣ на Карвайяля: и послѣдствія оправда-

ли его довѣренность, въ которой онъ никогда не имѣлъ причины раскаяваться.

Только-что адмиралъ успѣлъ отправить Карвайяля, какъ получилъ отъ начальниковъ мятежной партіи письмо, написанное ими за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Въ немъ бунтовщики, не думая нисколько оправдываться въ своемъ возмущеніи, вмѣняли себѣ, напротивъ-того, въ великую заслугу, что отклонили своихъ солдатъ отъ намѣренія умертвить аделантадо, въ отмщенье за его угнетенія и уговорили ихъ дождаться терпѣливо возвращенія адмирала, въ полной увѣренности, что онъ окажетъ имъ правосудіе. Теперь, со времени прибытія его прошелъ уже мѣсяцъ, въ продолженіе котораго они съ нетерпѣніемъ ожидали его приказаній; но видя, что онъ изъявилъ имъ только гнѣвъ свой, не смотря на то, что они отвратили великія несчастія отъ острова, они вынуждены объявить, что честь и личная безопасность ихъ недозволяютъ имъ далѣе продолжать службу, и потому они просятъ его принять отъ нихъ прошенія объ увольненіи въ отставку. Это письмо было отправлено изъ Бонао, 17 октября, и подписано Франциcкомъ Рольданомъ, Адріаномъ Моксикой, Педро де-Гамесомъ и Діэго де-Эскобаромъ (1).

(1) *Hist. del Almirante*, cap 79. — Herrera, decad. I, lib. III, cap. 13.

Между-тѣмъ Карвайялъ прибылъ въ Бонао въ сопровожденіи Мигуэля Баллестера. Мятежники сначала приняли ихъ съ высокомѣріемъ и самонадѣянностью; но кроткое письмо адмирала, вмѣстѣ съ убѣдительными увѣщаніями Карвайяла и благоразумными представленіями ветерана Баллестера, произвели столь благопріятное впечатлѣніе на многихъ начальниковъ мятежа, у которыхъ было разсудка болѣе, чѣмъ у грубыхъ ихъ подчиненныхъ, что Рольданъ, Гамесъ, Эскобаръ и нѣсколько другихъ, рѣшились тотчасъ же покориться адмиралу. Они уже сѣли на лошадей съ тѣмъ, чтобы отправиться къ нему, какъ вдругъ были остановлены шумнымъ ропотомъ солдатъ. Привыкнувъ къ праздной и своевольной жизни, эти грубыя созданія ужаснулись при мысли о порядкѣ и повиновеніи, которыя сдѣлались для нихъ жестокимъ игомъ. Они объявили своимъ начальникамъ, что въ дѣлѣ, которое касается ихъ всѣхъ, никакая мѣра не можетъ быть принята иначе какъ открыто, письменно и съ общаго ихъ одобренія. Ихъ вопли продолжались цѣлыхъ два дня; наконецъ ихъ съ трудомъ успокоили. Рольданъ написалъ къ адмиралу, что его товарищи не иначе позволяютъ ему отправиться въ Санъ-Доминго, на предложенное свиданіе, какъ если онъ вышлетъ охранные листы для него, Рольдана, лично, и для всѣхъ людей, которые

будутъ сопровождать его. Въ тоже время прислалъ къ адмиралу нарочнаго Мигуэля Баллестера, съ письмомъ, въ которомъ убѣждалъ его согласиться на условія мятежниковъ, каковы-бы они ни были, весьма благоразумно представляя, что силы бунтовщиковъ возрастаютъ съ каждымъ днемъ, между-тѣмъ какъ его солдаты безпрестанно дезертируютъ и пристаютъ къ ихъ сторонѣ, и что, по его мнѣнію, если это дѣло не кончится въ непродолжительномъ времени полюбовною сдѣлкой и мятежники не будутъ удалены въ Испанію, то не только власть, но и самая особа адмирала можетъ подвергнуться опасности, потому-что хотя онъ и вполнѣ увѣренъ, что хидальги и преданные адмиралу офицеры готовы умереть за него, но никакъ не можетъ ручаться за солдатъ и прочихъ Испанцевъ, на которыхъ, повидимому, нельзя слишкомъ полагаться (1).

Колумбъ, постигая всю важность и силу обстоятельствъ, немедленно выслалъ охранные листы, и Рольданъ пріѣхалъ въ Санъ-Доминго. Но изъ поступковъ его тотчасъ обнаружилось, что онъ болѣе думалъ объ усиленіи своей партіи новыми сторонниками и подговорами къ побѣгамъ, чѣмъ о заключеніи условій. Онъ имѣлъ съ адмираломъ частыя совѣщанія, лично и письменно, жа-

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. 1, cap. 153.

ловался и дѣлалъ непомѣрныя требованія. Коломбъ уступалъ все, что было возможно (1); но притязанія Рольдана простирались до такой дерзости, что адмиралъ положительно отвергъ нѣкоторыя изъ нихъ. Окончательно не было рѣшено ничего. Рольданъ уѣхалъ, подъ предлогомъ совѣщанія съ товарищами, обѣщая увѣдомить о послѣдствіяхъ своихъ переговоровъ съ ними. Коломбъ послалъ съ нимъ своего майордома, Діэго де-Саламанку, въ качествѣ полномочнаго повѣреннаго съ своей стороны (2). 1-го ноября онъ получилъ отъ Рольдана письмо изъ Бонао, въ которомъ были изложены условія мятежниковъ. Рольданъ просилъ доставить отвѣтъ въ фортъ «Зачатія,» потому-что истощеніе жизненныхъ припасовъ принуждало его вскорѣ выступить изъ Бонао. Онъ прибавилъ, что будетъ ждать отвѣта до слѣдующаго понедѣльника, то есть до 12-го числа. Его письмо, исполненное угрозъ и высокомѣрія, содержало въ себѣ столь дерзкія требованія, что адмиралъ увидѣлъ совершенную невозможность удовлетворить ихъ; со всѣмъ тѣмъ, желая показать все свое расположеніе къ кроткимъ мѣрамъ и отнять у мятежниковъ всякій поводъ къ жалобамъ на чрезмѣрную строгость, онъ велѣлъ прибить къ крѣпостнымъ воротамъ, на трид-

(1) Las Casas, *Hist. Ind*, lib. I, cap. 158.

(2) *Hist. del Almirante*, cap. 79.

цать дней, прокламацію, которою обѣщалось совершенное помилованіе и забвеніе прошедшаго Рольдану и его приверженцамъ, всѣмъ вообще и каждому въ особенности, если они обратятся къ своимъ обязанностямъ и явятся къ адмиралу до истеченія одного мѣсяца, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялось, что если кто изъ нихъ пожелаетъ отправиться въ Испанію, тѣмъ будутъ доставлены средства къ переѣзду; съ другой стороны адмиралъ угрожалъ поступить по всей строгости законовъ съ тѣми, которыя не явятся до опредѣленнаго срока. Копію съ этой прокламаціи онъ отправилъ съ Карвайялемъ къ Рольдану, при особомъ письмѣ, въ которомъ давалъ замѣтить послѣднему всю нелѣпость его требованій и всю невозможность выполнить ихъ; но предлагалъ утвердить всякую сдѣлку, которая будетъ одобрена Карвайялемъ и Саламанкой.

Между-тѣмъ Рольданъ подступилъ къ форту «Зачатія,» подъ тѣмъ предлогомъ, что туда укрылся одинъ преступникъ, котораго онъ, по званію главнаго-алькада, или судьи, требовалъ для сужденія. Такимъ-образомъ ветеранъ Баллестеръ былъ осажденъ. Не надѣясь овладѣть крѣпостью приступомъ, онъ расположился блокировать ее, въ намѣреніи принудить гарнизонъ къ сдачѣ голодомъ, и отвелъ уже отъ нея воду. Когда Карвайялъ прибилъ къ крѣпостнымъ воротамъ прокла-

мацію адмирала, мятежники насмѣхались надъ предлагаемымъ прощеніемъ, говорили, что скоро самъ адмиралъ будетъ просить его. Однакожъ сильныя представленія Карвайля заставили начальниковъ подумать основательнѣе о своемъ положеніи. Наконецъ, при его посредничествѣ, были составлены договорныя статьи. Вотъ ихъ содержаніе.

Рольдану и его товарищамъ дозволялось отплыть изъ Ксарагвскаго порта въ Испанію, на корабляхъ, которые адмиралъ обязался, для этого путешествія, снарядить и снабдить всѣми нужными припасами, въ теченіе пятидесяти дней со дня заключенія договора.

Всѣмъ имъ онъ обязался выдать аттестаты о добропорядочномъ поведеніи и жалованье все сполна, по самый день подписанія договора, и назначить участки невольниковъ, на томъ же основаніи, какъ они даны другимъ.

Такъ-какъ многіе товарищи Рольдана имѣли при себѣ туземныхъ женщинъ, изъ которыхъ иныя были беременны, другія недавно разрѣшились отъ бремени, то всѣмъ мятежникамъ было разрѣшено взять означенныхъ женщинъ, если онѣ согласятся на то, съ собой, въ Европу, въ замѣнъ невольниковъ.

И наконецъ, тѣ изъ товарищей Рольдана, которыхъ движимое или недвижимое иму-

щество было конфисковано, должны были получать приличное вознагражденіе.

Остальныя статьи относились къ обезпеченію личной безопасности мятежниковъ. А въ концѣ было постановлено: что если означенный договоръ не будетъ утвержденъ взаимно, обѣими договаривающимися сторонами, въ продолженіе одной недѣли, то онъ уничтожается и признается недѣйствительнымъ.

Условія были подписаны Рольданомъ и его сообщниками въ фортѣ «Захатія» 16-го ноября, а адмираломъ 20-го того-же мѣсяца въ Санъ-Доминго. Вмѣстѣ съ тѣмъ адмиралъ обнародовалъ амнистію еще полнѣе прежней; ею дозволялось всѣмъ сообщникамъ Рольдана, которые пожелаютъ остаться на островѣ, вступить въ королевскую службу и поселиться въ Санъ-Доминго или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ острова, по избранію каждаго. Однакожъ мятежники предпочли раздѣлить участь Рольдана, который такимъ образомъ отправился со всей шайкой въ Ксарагву, гдѣ онъ долженъ былъ дожидаться прибытія кораблей. Его сопровождалъ Мигуэль Баллестеръ, посланный адмираломъ для надзора за приготовленіями къ ихъ отплытію.

Самымъ жестокимъ испытаніемъ для Коломба во всемъ этомъ дѣлѣ было то, что онъ принужденъ былъ отказаться отъ предположенной имъ экспедиціи — для обозрѣнія

новооткрытаго материка, остановленной столь ничтожными препятствіями, потому-что корабли, на которыхъ онъ располагалъ отправить для этой цѣли своего брата, были назначены для переѣзда въ Испанію горсти непокорныхъ мятежниковъ. Однакожъ онъ утѣшался мыслью, что покрайней-мѣрѣ вмѣстѣ съ ними удалятся навсегда и причина всѣхъ бѣдствій, столь долго тяготѣвшихъ надъ островомъ, и что на будущее время на немъ водворится порядокъ и спокойствіе.

Онъ велѣлъ какъ возможно поспѣшнѣй кончить снаряженіе судовъ, и какъ только они будутъ готовы, тотчасъ-же отправить ихъ въ Ксарагву. Но недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ и разныя затрудненія, встрѣченныя при сборахъ къ столь дальнему пути, замедлили ихъ отсылку гораздо долѣе опредѣленнаго срока. Коломбъ зналъ, что выдавая Рольдану и его сообщникамъ аттестаты о добромъ поведеніи, онъ нѣкоторымъ образомъ обманывалъ короля и королеву: поэтому онъ описалъ ихъ величествамъ всѣ подробности своей сдѣлки съ бунтовщиками; донесъ обо всѣхъ ихъ безпорядкахъ, — объ открытомъ сопротивленіи законной власти, о препятствованіи туземцамъ платить дань, о грабежахъ и разбояхъ ихъ на островѣ, о вывозѣ множества золота, пріобретеннаго беззаконнымъ образомъ, и о похищеніи у многихъ касиковъ дочерей, — представивъ имъ, что вынуж-

день былъ дать мятежникамъ аттестаты о добромъ поведеніи по совѣту приближенныхъ къ нему особъ и по чрезвычайно стѣсненному положенію дѣлъ на островѣ, единственно для избѣжанія дальнѣйшихъ безпорядковъ и бѣдствій, потому-что мятежники угрожали всему конечнымъ истребленіемъ. По уваженію всѣхъ этихъ обстоятельствъ, онъ просилъ ихъ величества, — чтобъ они повелѣли задержать бунтовщиковъ, по ихъ прибытіи, и отобрать у нихъ всѣ сокровища и невольниковъ, до того времени, пока ихъ поступки будутъ разобраны и изслѣдованы судебнымъ порядкомъ. Онъ поручилъ доставленіе этого письма государямъ одному офицеру испытанной преданности, который долженъ былъ отправиться на одномъ изъ отплывающихъ кораблей (1).

Не опасаясь болѣе сосѣдства мятежниковъ, и видя, что въ Санъ-Доминго все спокойно, Коломбъ передалъ на время власть брату своему, дону Діэго; а самъ, вмѣстѣ съ аделантадо, отправился осматривать разныя посты на островѣ, въ намѣреніи возстановить всюду порядокъ.

(1) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. I, lib. III, cap. 16.

ГЛАВА IV.

Новое возмущеніе мятежниковъ. — Вторичная сдѣлка съ ними (1499).

Коломбъ и аделантадо провели въ разъѣздахъ по острову нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Послѣднія смятенія произвели всюду безпорядокъ и замѣшательство. Рудники были оставлены, фермы запущены; стада, назначенныя для размноженія породъ, частью разсѣяны, частью истреблены; кацики перестали платить дань: надобно было все перестроивать. Несмотря на то, Коломбъ льстилъ себя надеждой, что съ отбытіемъ виновниковъ опустошеній, спокойствіе на островѣ возстановится и колоніи процвѣтутъ снова. Но этимъ пріятнымъ надеждамъ не суждено было утѣшать долго Коломба. Между-тѣмъ какъ онъ полагалъ, что Рольданъ и его сообщники находятся уже на пути въ Испанію, до него дошли весьма горестныя извѣстія — что они еще не уѣхали, и что вспыхнуло

новое возмущеніе. Карабеллы, назначенныя для отвоза мятежниковъ, были отправлены изъ Санъ-Доминго въ Кеарагву еще въ концѣ февраля; но претерпѣвъ сильную бурю, онѣ принуждены были укрыться въ одномъ изъ портовъ Испаніолы, гдѣ противные вѣтры задержали ихъ до конца марта. Причемъ одна изъ карабеллъ до-того повредилась, что должна была возвратиться въ Санъ-Доминго. Вмѣсто ея тотчасъ выслали другое судно, и неутомимый Карвайялъ самъ отплылъ на немъ для ускоренія отъѣзда мятежниковъ. Его путешествіе продолжалось три дня и онъ засталъ другую карабеллу уже въ Кеарагвѣ.

Между-тѣмъ сообщники Рольдана успѣли перемѣнить намѣреніе: они не захотѣли ѣхать въ Испанію, устрашась, быть-можетъ, ожидавшаго ихъ тамъ наказанія или, просто, не желая разстаться съ жизнью праздною, исполненною разврата и своеволія, къ которой они привыкли. Но по всегдашнему своему обыкновенію, они и въ этомъ случаѣ обратили всю вину на Коломба — утверждая что адмиралъ съ умысломъ замедлилъ отправленіе кораблей гораздо долѣе срока, опредѣленнаго договоромъ, и наконецъ прислалъ имъ такія суда, которыя не въ состояніи выдержать предположеннаго путешествія, и притомъ весьма скудно снабжены припасами. Къ этому они прибавляли и другія обвине-

нія основанныя на обстоятельствахъ, которыя, какъ имъ самимъ очень хорошо было извѣстно, нисколько не зависѣли отъ Коломба. Карвайялъ, встрѣтивъ это новое, вовсе неожиданное сопротивленіе мятежниковъ, тотчасъ-же составилъ противъ нихъ формальное обвиненіе въ присутствіи находившагося при немъ нотаріуса, и найдя, что суда дѣйствительно получили сильное поврежденіе въ пути и терпятъ недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, отослалъ ихъ обратно въ Санъ-Доминго, а самъ рѣшился возвратиться туда-же сухимъ путемъ. Рольданъ изъявилъ желаніе проводить его на нѣкоторое разстояніе, сѣлъ на лошадь и выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ селенія, въ видимомъ раздумьѣ. И въ самомъ дѣлѣ, положеніе его, несмотря на поверхность мятежниковъ надъ партіею адмирала, было вовсе не блестящее; съ одной стороны— онъ трепеталъ при мысли о возвращеніи въ Испанію, гдѣ почти неизбѣжно долженъ былъ подвергнуться слѣдствію и суду; съ другой— видѣлъ ясно всю опасность настоящаго своего положенія, въ случаѣ еслибъ вознамѣрился остаться на островѣ, — положенія атамана разбойничьей шайки, явно возстающей противъ законной власти, — которое, рано или поздно должно было довести его до позорной казни, на которую быть-можетъ, выдадутъ его сами-же его подчиненные: какъ полагаться на вѣрность людей, нарушившихъ уже

священнѣйшія свои обязанности? Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе въ глубокой задумчивости, онъ остановилъ свою лошадь и сказалъ Карвайялю, что желаетъ переговорить съ нимъ кое о чемъ до разставанья. Они сошли съ лошадей и сѣли въ тѣни подъ деревомъ. Рольданъ началъ разговоръ увѣреніями въ чистотѣ своихъ намѣреній, и, послѣ нѣкоторыхъ околичностей, сдѣлалъ прямое предложеніе — что если адмиралъ согласится выслать для него и главнѣйшихъ его офицеровъ новый охранный листъ, то онъ явится къ нему, съ непремѣннымъ намѣреніемъ кончить дѣло равно удовлетворительнымъ образомъ для обѣихъ сторонъ, но съ тѣмъ только, чтобъ сдѣланное имъ предложеніе оставалось тайною для его людей. Карвайяль, восхищенный возможностью окончательной развязки, поспѣшилъ сообщить намѣреніе Рольдана Коломбу, который тотчасъ-же выслалъ ему охранный листъ, скрѣпленный королевскою печатью, при ласковомъ письмѣ, въ которомъ увѣщевалъ его не противиться болѣе власти государей. Въ тоже время, по предложенію адмирала, нѣсколько важнѣйшихъ изъ приближенныхъ къ нему чиновниковъ, написали къ Рольдану особыя письма, въ которыхъ ручались ему за личную безопасность его и всѣхъ, кто съ нимъ прибудетъ, во все продолженіе переговоровъ, если только они не сдѣлаютъ какого-либо поку-

щенія противъ власти короля или его представителей.

Среди этихъ смутныхъ обстоятельствъ, и въ то время, когда Коломбъ съ неутомимымъ рвеніемъ и благороднѣйшимъ самоотверженіемъ старался всѣми силами возстановить на островѣ порядокъ и повиновеніе и утвердить власть короля и королевы, былъ полученъ изъ Испаніи отвѣтъ на его послѣднее письмо, посланное предшествовавшею осенью, въ которомъ онъ доносилъ государямъ о бѣдственномъ положеніи колоніи, до котораго она была доведена преступными дѣйствіями мятежной шайки Рольдана, и просилъ ихъ величества о помощи и покровительствѣ. Этотъ отвѣтъ былъ написанъ ненавистнымъ врагомъ его, Фонсекою, главноуправляющимъ дѣлами Индіи. Епископъ увѣдомлялъ адмирала, что донесеніе его о мятежѣ Рольдана получено въ Испаніи, но что рѣшеніе по этому дѣлу отложено до того времени, пока ихъ величества разсмотрятъ его лично, послѣ чего немедленно будутъ сдѣланы нужныя распоряженія (1).

Это ледяное письмо произвело на Коломба самое неблагопріятное впечатлѣніе. Оно явно показывало, что его представленія не имѣютъ болѣе вѣсу въ глазахъ правительства и что ложные навѣты его враговъ успѣли повредить

(1) Herrera, decad. I, lib. III, cap. 16.

ему въ мнѣніи государей. Послѣ этого онъ не могъ сомнѣваться, что мятежники удвоятъ свою наглость и дерзость, какъ скоро узнаютъ о незначительности его вліянія при дворѣ. Не смотря на то, проникнутый усердіемъ къ успѣху своего предпріятія и преданностію къ выгодамъ своихъ государей, онъ рѣшился не щадить никакихъ пожертвованій для возстановленія спокойствія на островѣ. Поэтому, желая пламенно возстановить переговоры съ Рольданомъ, онъ отправился въ концѣ августа на двухъ карабеллахъ въ ближайшій къ Ксарагвѣ портъ, Асну, лежащій къ западу отъ Санъ-Доминго, въ сопровожденіи многихъ важнѣйшихъ чиновниковъ колоніи. Рольданъ также прибылъ туда съ буйнымъ Адріаномъ Моксикой и частью своей шайки. Уступки, сдѣланныя ему по послѣднему договору значительно увеличили его дерзость а теперь, когда онъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, узналъ, какъ холодно принялъ дворъ донесеніе адмирала, началъ вести себя какъ завоеватель, предписывающій условія послѣ побѣды, а не такъ какъ преступникъ, старающійся снискать помилованіе покорностью.

Онъ прибылъ къ адмиралу, на его карабеллу, и съ свойственнымъ ему безстыдствомъ, предложилъ прелиминарныя статьи, на основаніи которыхъ онъ и его сообщники намѣрены были вступить въ переговоры. Эти статьи заключали въ себѣ слѣдующія требованія:

1) Чтобъ ему дозволено было отправить въ Испанію пятнадцать человѣкъ изъ своихъ подчиненныхъ, на судахъ, находящихся въ Санъ-Домингскомъ портѣ.

2) Чтобъ всѣмъ прочимъ его сообщникамъ, которые останутся на островѣ, были отведены земли для воздѣланія, въ замѣнъ слѣдующаго имъ жалованья.

3) Чтобъ со стороны адмирала было объявлено всенародно, что всѣ обвиненія, взведенныя на него и его товарищей, были основаны на ложныхъ донесеніяхъ и клеветѣ людей, имѣвшихъ намѣреніе погубить ихъ и недоброжелательствующихъ пользамъ ихъ величествъ.

4) Чтобъ онъ, Рольданъ, былъ возстановленъ въ своемъ званіи главнаго-алькада или великаго-судьи острова (1).

Не смотря на всю наглость этихъ предварительныхъ требованій, они были приняты. Рольданъ возвратился на берегъ и сообщилъ своимъ товарищамъ объ успѣхѣ начала переговоровъ. Послѣ двухдневныхъ совѣщаній, мятежники прислали адмиралу договорныя статьи, написанныя въ дерзкихъ выраженіяхъ, но съ соблюденіемъ всѣхъ обычныхъ формальностей.

Въ нихъ заключались всѣ прежнія условія, утвержденныя въ фортѣ «Зачатія,» съ при-

(1) Herrera, decad. I, lib. III, cap. 16.

бавленіемъ тѣхъ, которыя выговорилъ Рольданъ за два дня. Кромѣ-того, въ нихъ была помѣщена еще дополнительная и самая дерзкая статья, которою было постановлено, что если адмиралъ нарушитъ хотя одну изъ вышеозначенныхъ статей договора, то мятежники будутъ имѣть право собраться вновь и требовать исполненія условій вооруженною силой, или другимъ какимъ-либо средствомъ, по ихъ благоусмотрѣнію (1).

Не возможно описывать безъ отвращенія и читать безъ справедливаго негодованія подробностей этой продолжительной и несчастной борьбы человѣка столь почтеннаго какъ Коломбъ, оказавшаго такія блистательныя заслуги государству, съ горстью презрѣнныхъ негодяевъ. Окруженный бѣдствіями, чужой посреди ревнивой націи, начальствуя, безъ вѣса и поддержки со стороны правительства, на мятежномъ островѣ, подозрѣваемый и оставленный дворомъ, которому онъ старался всѣми силами быть полезнымъ, и самою огромностью своихъ заслугъ вселявшій въ него недовѣрчивость къ себѣ, — Коломбъ не зналъ, къ кому обратиться, гдѣ искать дѣйствительной помощи. Положеніе его было такъ невѣрно, такъ шатко, что, казалось, самая земля, на которую онъ ступалъ, готова была каж-

(1) Herrera, decad. I, lib. III, cap. 16. — *Hist. del Almirante*, cap. 38.

дую минуту измѣнить ему, обрушится подъ его ногами. Среди этихъ несчастныхъ обстоятельствъ, онъ узналъ, что солдаты, оставшіеся на его сторонѣ, начали составлять противъ него заговоръ. Безнаказанность возмутителей поколебала ихъ вѣрность. Они видѣли, что мятежники живутъ вольно, въ изобиліи, безъ принужденія и труда, въ прекраснѣйшихъ областяхъ острова; сравнивали свое положеніе съ ихъ, — порядокъ и строгую подчиненность съ совершеннымъ своеволіемъ, — и не могли устоять противъ искушенія. Они начали сговариваться между собой, послѣдовать примѣру мятежниковъ — оставить адмирала, и овладѣвъ провинціей Гигей, лежащею въ восточной части острова и изобилующею, какъ они слышали, богатыми золотыми рудниками, поселиться въ ней, независимо отъ правительства острова.

Въ этомъ критическомъ положеніи, устранивъ всѣ личныя побужденія, и рѣшившись принесть въ жертву все, — если нужно, даже личное свое достоинство, для сохраненія выгодъ слишкомъ мало признательнаго правительства, — Коломбъ покорился необходимости и подписалъ самый унизительный договоръ, въ надеждѣ, что со временемъ, когда представится случай открыть монархамъ всю истину, онъ убѣдитъ ихъ величества, что на эти постыдныя условія онъ вынужденъ былъ согласиться непреодолимою силой обсто-

ятельствъ и неизбѣжною опасностью, которой подвергалась вся колонія.

Совсѣмъ-тѣмъ, онъ не иначе рѣшился подписать договоръ, какъ со включеніемъ въ него статьи, по которой мятежники обязывались выполнять въ точности и безпрекословно всѣ повелѣнія королевскія, адмирала и назначаемыхъ имъ чиновниковъ (1).

(1) Herrera, *Hist. Ind.*, Dec. I, lib. III, cap. 16.

ГЛАВА V.

Уступки, сдѣланныя Рольдану и его шайкѣ. — Отъѣздъ части мятежниковъ въ Испанію (1499).

Рольданъ, вступивъ снова въ званіе главнаго-алькада, или великаго-судьи, острова, началъ обнаруживать все высокомѣріе человѣка, захватившаго въ свои руки власть недостойными средствами. Въ Санъ-Доминго онъ постоянно былъ окруженъ своими единомышленниками, имѣлъ связи только съ недовольными, и поддерживаемый всѣми буйными и неблагонамѣренными людьми колоніи, устрашалъ своею дерзостью Испанцевъ миролюбивыхъ и вѣрныхъ своему долгу. Онъ явно противился власти адмирала, и самовольно отрѣшилъ отъ должности одного изъ главнѣйшихъ его чиновниковъ, по имени Родрига Переса, подъ тѣмъ предлогомъ, что никто на островѣ не могъ получить мѣста безъ его утвержденія (1).

(1) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. I, lib. III, cap. 16.

Коломбъ съ величайшимъ терпѣніемъ сносилъ наглость этого человѣка и шайки безстыдныхъ разбойниковъ, возвратившихся въ колонію подъ его покровительствомъ. Онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на множество злоупотребленій, въ надеждѣ прекратить недоброжелательство и предубѣжденіе ихъ противъ него мѣрами кротости и снисхожденія, и наконецъ всѣми возможными уступками обратить возмутителей къ ихъ долгу. Онъ предложилъ тѣмъ изъ нихъ, которые желали остаться на островѣ — или вступить въ королевскую службу, на жалованье, — или получить земли и въ помощь при обработываніи полей по нѣскольку туземцевъ, отчасти свободныхъ, другихъ какъ невольниковъ. Всѣ безъ исключенія приняли послѣднее предложеніе, и адмиралъ занялся распредѣленіемъ участковъ, стараясь сколько возможно согласить при этомъ назначеніи частныя выгоды съ общею пользой колоніи.

Рольданъ представилъ-было ему прошеніе болѣе чѣмъ отъ ста человѣкъ прежнихъ своихъ сообщниковъ, которые просили позволенія избрать мѣста для своего поселенія въ Ксарагвѣ. Но адмиралъ, не безъ причины опасаясь сборища такого множества мятежниковъ въ столь отдаленной области, гдѣ они могли свободно заводить новыя смуты, уклонился отъ исполненія ихъ просьбы и успѣлъ разсѣять ихъ по разнымъ частямъ ос-

трова: однихъ послалъ въ Бонао, гдѣ они учредили колонію, послужившую основаніемъ городу того-же имени; другихъ — на берега Ріо-Вердо, или Земной-Рѣки, въ Бегу; нѣкоторыхъ поселилъ въ шести миляхъ за Сантъ-Яго, и всѣмъ безъ изъятія отвелъ прекрасные и плодоносные участки земли и далъ невольниковъ, которыхъ жребій войны осудилъ на эту долю. Кромѣ-того, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ сосѣдственные съ колоніями кацики, вмѣсто уплаты слѣдующей съ нихъ дани, доставляли поселенцамъ вольныхъ работниковъ въ помощь при воздѣланіи имъ полей. Этотъ родъ феодальной повинности былъ началомъ *repartimientos*, или раздѣла на участки свободныхъ туземцевъ между колонистами, введенный впослѣдствіи во всеобщее употребленіе и обращенный самымъ постыднымъ образомъ во зло, во всѣхъ Испанскихъ колоніяхъ. Онъ сдѣлался неисчерпаемымъ источникомъ ужаснѣйшихъ бѣдствій для несчастныхъ туземцевъ и одною изъ главнѣйшихъ причинъ совершеннаго истребленія ихъ племени на Испаніолѣ (1).

Коломбъ смотрѣлъ на островъ какъ на край, завоеванный имъ въ пользу его государей, которыхъ онъ былъ намѣстникомъ: поэтому онъ присвоилъ себѣ всѣ права завоевателя надъ нимъ. Вслѣдствіе такого образа воззрѣ-

(1) Herrera, decad. I, lib. III, cap. 16.

нія той вещи, онъ находилъ дѣломъ весьма естественнымъ и справедливымъ, чтобъ и всѣ сподвижники его участвовали въ пріобрѣтенныхъ имъ правахъ, то-есть получали участки и обзаводились на нихъ на правѣ феодальныхъ владѣльцевъ, обращая туземцевъ въ *виллановъ*, или *вассаловъ* (1). Однакожъ эти распоряженія адмирала совершенно противорѣчатъ его первымъ намѣреніямъ. При открытіи острова онъ располагалъ управлять жителями кротко и снисходительно, какъ мирными подданными Испанскаго престола, — и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ выполнилъ бы это намѣреніе. Но сила обстоятельствъ увлекла его: неистовства и распутство большей части его подчиненныхъ ниспровергли всѣ его планы въ самомъ началѣ, такъ что впослѣдствіи всѣ мѣры, которыя онъ вынужденъ былъ принимать для возстановленія спокойствія на островѣ, казались ему уже неизбѣжною необходимостью. Такъ, на-примѣръ, онъ учредилъ родъ военной полиціи, набравъ особую роту солдатъ, которой обязанность состояла въ безпрерывныхъ переходахъ изъ однихъ мѣстъ въ другія, для наблюденія за исправною платой туземцами податей и поведеніемъ колонистовъ: онъ предоставилъ капитану этой роты полную и неограниченную власть — подавлять малѣйшіе признаки без-

(1) Munnos, *Hist. del Nuevo Mundo*, lib. VI, § 50.

порядка и мятежа по его личному усмотрѣнію (1).

Обезпечивъ столь успѣшно выгоды своихъ сообщниковъ, Рольданъ не считалъ нужнымъ скромничать и въ отношеніи къ собственнымъ своимъ пользамъ. Онъ потребовалъ у адмирала *возвращенія* огромныхъ участковъ земли въ окрестностяхъ Изабеллы, будто-бы ему принадлежавшихъ до его возмущенія, а кстати — и королевскую ферму, *Эсперенсу*, въ Вегѣ, которая была назначена для разведенія и выхаживанья разныхъ породъ дворовой птицы. Адмиралъ удовлетворилъ всѣ его требованія и сверхъ того, далъ право употреблять на работы въ фермѣ «Эсперенсѣ» подданныхъ того самаго кацика, которому Алонсо де-Ойеда, въ первую экспедицію свою въ Вегу, отрѣзалъ уши. Кромѣ того, Рольданъ получилъ еще земли въ провинціи Ксарагвѣ и по нѣскольку штукъ разныхъ породъ скота изъ стадъ, принадлежавшихъ правительству. Однакожъ адмиралъ имѣлъ осторожность оговорить, что все это дается Рольдану во временное владѣніе, до полученія извѣстій о намѣреніяхъ короля и королевы (2). Онъ не терялъ еще надежды, что если ихъ величества узнаютъ, какими насильственными и мятежными поступками возмутители вынудили

(1) Herrera, decad. I, lib. III, cap. 16.

(2) *Hist. del Almirante*, cap. 84.

у него согласіе на удовлетвореніе ихъ требованій, то не только повелятъ лишить ихъ имущества, пріобретеннаго столь беззаконнымъ образомъ, но еще подвергнуть слишкомъ заслуженному ими наказанію. Обогатясь сверхъ надеждъ своихъ, Рольданъ просилъ у Коломба позволенія осмотрѣть свои земли. Адмиралъ согласился, но съ видимымъ отвращеніемъ, и предводитель мятежниковъ немедленно отправился въ Бегу. Остановясь на пути въ Бонао, прежней своей главной квартирѣ, онъ возвелъ Педро Рикельма, одного изъ дѣятельнѣйшихъ своихъ сообщниковъ, въ званіе младшаго-алькада, или уѣзднаго судьи, тамошняго округа, съ правомъ арестовывать виновныхъ и отправлять ихъ въ фортъ «Зачатія,» для окончательнаго суда и приговора надъ ними, что̀ онъ предоставлялъ себѣ. Коломбъ былъ чрезвычайно недоволенъ и встревоженъ этимъ поступкомъ Рольдана, который присвоивалъ себѣ такимъ-образомъ вовсе непринадлежащее ему право — избирать и утверждать чиновниковъ въ званіяхъ младшихъ алькадовъ. Къ этому присоединились еще другія обстоятельства, которыя заставляли сильно опасаться новыхъ замысловъ со стороны мятежниковъ: Педро Рикельмъ, подъ предлогомъ построенія конюшенъ и хлѣвовъ, заложилъ на одной высотѣ обширное и прочное зданіе, которое по выгодному своему мѣстоположенію могло служить неприступною крѣпостью. Въ коло-

4*

ніи носились слухи, передаваемые за тайну, что эта мѣра принята Рикельмомъ по соглашенію съ Рольданомъ, съ тою цѣлью, чтобъ мятежники могли имѣть на всякой случай вѣрное убѣжище. Положеніе дѣлъ и самая мѣстность, которою было окружено предполагаемое укрѣпленіе, оправдывали эти слухи; зданіе закладывалось на границѣ Беги, заселенной множествомъ прежнихъ сообщниковъ Рольдана и Рикельма, и слѣдственно могло во всякое время служить сборнымъ пунктомъ возмутителямъ и средоточіемъ ихъ мятежныхъ замысловъ и дѣйствій. Педро де-Арана, благородный приверженецъ законной власти, — отличавшійся, между прочими качествами, особенною свѣтскою любезностью, — жилъ по сосѣдству съ Рикельмомъ; онъ не могъ не замѣтить его замысловъ и формальнымъ образомъ воспротивился исполненію ихъ. Обѣ стороны защищали съ жаромъ свои причины передъ адмираломъ. Но Арана имѣлъ на своей сторонѣ безупречность дѣйствій цѣлой жизни, а Рикельмъ — справедливо заслуженныя подозрѣнія, и адмиралъ запретилъ возведеніе заложеннаго зданія (1).

Между-тѣмъ Коломбъ рѣшился отправиться вмѣстѣ съ братомъ своимъ, дономъ Варфоломеемъ, въ Испанію. Онъ видѣлъ всю не-

(1) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. I, lib. III cap. 16. — *Hist. del Almirante*, cap. 83, 84.

обходимость своего присутствія при дворѣ, для изустнаго объясненія королю и королевѣ послѣднихъ происшествій на островѣ въ настоящемъ ихъ видѣ. Опытъ показалъ ему, какъ недостаточны объясненія письменныя, которыхъ дѣйствіе всегда можетъ быть уничтожаемо клеветой недоброжелательныхъ враговъ. Но обстоятельства не позволяли ему предпринять этого путешествія въ скорости: на островѣ не совсѣмъ еще утихло волненіе и по-временамъ обнаруживались признаки безпокойства. Онъ не могъ положиться на вѣрность людей, которые такъ недавно еще отвергали всякую власть надъ собой и явно возставали противъ него, хотя онъ и купилъ ихъ покорность дорогою цѣной. Кромѣ-того, слухи, что горное племя Чигайцевъ приготовлялось сдѣлать вторженіе въ провинцію Бегу, въ намѣреніи освободить своего касика, Майобанекса, содержавшагося въ фортѣ «Зачатія», въ качествѣ военноплѣннаго. Въ тоже время получено было извѣстіе изъ западныхъ провинцій острова, что у тамошнихъ береговъ показались четыре корабля, по видимому съ недобрыми намѣреніями. Всѣ эти причины заставили Коломба отложить свое путешествіе въ Испанію до окончательнаго устройства дѣлъ на островѣ — предметѣ его отеческой заботливости и вмѣстѣ источникѣ всѣхъ его несчастій.

Въ началѣ октября двѣ карабеллы, назна-

ченныя для отвоза въ Испанію людей, пожелавшихъ возвратиться на родину, отплыли въ море. Въ числѣ этихъ людей находилось нѣсколько приверженцевъ Рольдана; почти каждый изъ нихъ увезъ съ собой по нѣскольку невольниковъ; другіе — обольщенныхъ ими дочерей кациковъ, которыхъ они похитили изъ среды семействъ ихъ. Адмиралъ принужденъ былъ закрыть глаза на всѣ эти насильственные поступки, какъ и на многіе другіе, равно оскорблявшіе его. Этого мало. Онъ зналъ, что отпуская этихъ людей, онъ такъ-сказать добровольно посылалъ противъ себя подкрѣпленіе своимъ врагамъ, въ Испанію, и столько-же ложныхъ свидѣтелей, готовыхъ порочить его намѣренія и чернить поступки, сколько отъѣзжало мятежниковъ. Совсѣмъ-тѣмъ, онъ покорился обстоятельствамъ; ему не оставалось другаго средства. Однако-жъ, желая по возможности ослабить дѣйствіе навѣтовъ бунтовщиковъ, онъ отправилъ на тѣхъ-же судахъ храбраго о·почтеннаго ветерана, Мигуэля Баллестера, и Гарсіа де-Барантеса, снабдивъ ихъ довѣрительными грамотами для ходатайства въ его пользу при дворѣ, и всѣми документами, собранными до того времени относительно поведенія Рольдана и его сообщниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Коломбъ написалъ къ королю и королевѣ убѣдительное письмо, въ которомъ умолялъ ихъ величества о позво-

леніи представить имъ донесеніе о послѣднихъ происшествіяхъ на островѣ и обратить вниманіе на обстоятельства, вынудившія у него уступки въ пользу мятежниковъ, и потомъ опредѣлить рѣшеніе, какъ имъ заблагоразсудится, — прибавляя, что, по его мнѣнію, договоръ, заключенный имъ съ мятежниками не долженъ имѣть никакой силы и дѣйствія по многимъ причинамъ, которыя онъ исчислилъ подробно. Въ числѣ этихъ причинъ онъ приводитъ между прочимъ, что договоръ вынужденъ у него насильственно; что онъ заключенъ на морѣ, которое не принадлежитъ къ вѣдомству вице-королевскаго управленія; что надъ мятежниками были произведены два раза слѣдствія, по которымъ они признаны и объявлены измѣнниками; что власть, присвоенная званію адмирала, недостаточна для разрѣшенія подобныхъ преступленій; что многія статьи договора заключаютъ въ себѣ условія въ ущербъ королевскимъ доходамъ, которыми располагать онъ не имѣетъ никакого права, безъ участія опредѣленныхъ правительствомъ для надзора за ними чиновниковъ, и наконецъ, что Рольданъ и его сообщники, отъѣзжая изъ Испаніи, дали присягу на вѣрность королю и королевѣ, и адмиралу, какъ ихъ представителю. По этимъ причинамъ, онъ убѣждалъ ихъ величества, не только не считать себя обязанными утвердить уступки, сдѣланныя имъ бунтовщикамъ

противъ его воли и хотѣнія, по насилію, но повелѣть еще произвесть надъ ними слѣдствіе и подвергнуть наказанію по законамъ (1).

Далѣе онъ повторяетъ просьбу, съ которою обращался къ ихъ величествамъ въ послѣднемъ письмѣ — чтобъ они прислали на островъ благоразумнаго и свѣдущаго человѣка для исправленія обязанности главнаго-алькада, или великаго-судьи, и для примѣненія общихъ законовъ государства къ частнымъ обстоятельствамъ и случаямъ, встрѣчающимся по дѣламъ судебнаго управленія въ новоучрежденныхъ колоніяхъ, такъ какъ онъ подвергался уже не одинъ разъ обвиненіямъ въ излишней строгости, несмотря на то, что, по сознанію совѣсти, во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ всегда и предпочтительно руководствовался внушеніями кротости. Онъ просилъ также объ избраніи нѣсколькихъ опытныхъ чиновниковъ, однихъ для засѣданія въ Совѣтѣ, другихъ для опредѣленія въ надсмотрщики за казенными сборами, опредѣливъ ихъ относительныя права и власть такимъ образомъ, чтобъ ни въ какомъ случаѣ они не могли нарушить правъ и преимуществъ, дарованныхъ ихъ величествами ему, и на этой послѣдней просьбѣ онъ настаивалъ въ особенности, потому-что права его давно уже

(1) Herrera, decad. I, lib. III, cap. 16.

утратили большую часть своей силы. Въ заключеніе, онъ замѣчалъ ихъ величествамъ, что, быть-можетъ, онъ ошибается, но что, по его мнѣнію, польза государей требуетъ, чтобъ они оказывали полную довѣренность къ особамъ, дѣйствующимъ отъ ихъ имени, потому-что, это — единственное средство сохранить ихъ собственную власть, могущество и вліяніе въ цѣлости и неприкосновенности, безъ чего они въ скоромъ времени могутъ потерять всю свою силу: замѣчаніе справедливое, дознанное Коломбомъ на опытѣ. И дѣйствительно, большая часть встрѣченныхъ имъ затрудненій при управленіи островомъ, и самое торжество мятежниковъ, происходили именно отъ недовѣрчивости двора и невниманія къ его справедливымъ жалобамъ.

Коломбъ, чувствуя, что лѣта и немощи начинаютъ тяготѣть надъ нимъ, и что здоровье его получило гибельный ударъ во время послѣдняго путешествія, разсудилъ, что сынъ его, Діэго, можетъ быть ему весьма полезенъ на островѣ, раздѣливъ съ нимъ заботы и труды, сопряженные съ его званіемъ; притомъ-же, такъ какъ Діэго долженъ былъ наслѣдовать ему, то онъ полагалъ, что весьма кстати будетъ вызвать его изъ Испаніи, чтобъ онъ заблаговременно и на глазахъ отца пріобрелъ необходимую опытность для успѣшнаго исполненія предстоявшихъ ему высокихъ обязанностей. Діэго все еще

находился при дворѣ пажемъ; однакожъ онъ вышелъ уже изъ дѣтскаго возраста и былъ въ состояніи понимать важнѣйшія отношенія свои къ другимъ и оцѣнить то положеніе, которое было предназначено ему занять въ свѣтѣ: поэтому Коломбъ написалъ, чтобъ его выслали къ нему «въ помощь отцу, который, говоритъ онъ, сталъ уже дряхлъ и утратилъ прежнюю дѣятельность (1).»

(1) Herrera, decad. III, lib. 1, cap. 1.

ГЛАВА VI.

Появленіе Ойеды съ эскадрой у западныхъ береговъ острова. — Рольданъ высланъ противъ него (1499).

Въ числѣ причинъ, побудившихъ Коломба отложить свое путешествіе, мы упомянули о прибытіи четырехъ кораблей къ западнымъ берегамъ острова. 5-го сентября эти корабли бросили якорь въ одной гавани, пониже Жакмеля, подъ предлогомъ заготовленія груза Бразильскаго дерева и пріобретенія невольниковъ изъ тамошнихъ жителей. Изъ послѣднихъ донесеній адмиралъ узналъ, что прибывшею эскадрой начальствуетъ Алонсо де-Ойеда, — тотъ пылкій и неустрашимый рыцарь, который въ продолженіе предшествовавшихъ путешествій для открытій отличилъ себя разными подвигами, и въ особенности похищеніемъ кацика Каонабо. Зная предпріимчивость и отважность этого воина, Ко-

ломбъ чрезвычайно безпокоился, узнавъ объ его скрытномъ прибытіи къ острову, походившемъ болѣе на экспедицію контрабандиста, чѣмъ на свободное плаваніе мореходца. Для объясненія его намѣреній, и въ случаѣ, еслибъ открылось, что онъ замышлялъ какіе-нибудь насильственные поступки, для воспрепятствованія исполненію ихъ, нуженъ былъ человѣкъ ловкій и смѣтливый. Никто, по мнѣнію адмирала, не былъ способенъ выполнить этого порученія успѣшнѣй Рольдана. Не уступая въ отважности Ойедѣ, онъ былъ далеко хитрѣй его; сверхъ того, подобное порученіе необходимо должно было занять вниманіе преданной ему партіи и отвлечь ее отъ составленія новыхъ заговоровъ, — а за вѣрность Рольдана ручались огромныя уступки, только-что сдѣланныя въ его пользу; онѣ поставили его въ такое положеніе, что ему, по простому уже расчету, *выгоднѣе* было оставаться на сторонѣ законной власти, чѣмъ предпринимать какія-либо новыя покушенія противъ ней.

Рольданъ съ удовольствіемъ принялъ это порученіе: ему нечего уже было выиграть мятежемъ, а оставалось только удержать за собой уступленныя ему помѣстья и обезпечить обладаніе беззаконно пріобретеннымъ имуществомъ, отличными заслугами, которыя-бы загладили всѣ его проступки, — и достиженіе этой цѣли составляло его пламен-

ное желаніе. Ктому-жъ еще, онъ былъ столько-же самолюбивъ, какъ дѣятеленъ. Все это вмѣстѣ сильно побуждало его выполнить возложенное на него порученіе, требующее мужества и особеннаго благоразумія, наилучшимъ образомъ. Отплывъ отъ Санъ Доминго съ двумя карабеллами, онъ бросилъ якорь 29-го сентября въ двухъ миляхъ отъ той гавени, въ которой стояли корабли Ойеды. Въ этомъ мѣстѣ онъ сдѣлалъ высадку на берегъ съ двадцатью-пятью хорошо вооруженными, бойкими и привыкшими пробираться черезъ лѣса и пустыни, воинами, и отдѣливъ изъ нихъ пять человѣкъ, послалъ впередъ для развѣдыванія. Посланные вскорѣ явились къ нему съ донесеніемъ, что Ойеда находится на берегу, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ своихъ кораблей, и что при немъ не болѣе пятнадцати человѣкъ, и тѣ заняты въ одномъ туземномъ селеніи приготовленіемъ кассавнаго хлѣба. Рольданъ тотчасъ-же двинулся съ своимъ отрядомъ впередъ, въ намѣреніи отрѣзать Ойеду отъ моря, ставъ между нимъ и его кораблями, и захватить его врасплохъ. Но туземцы окрестныхъ селеній, которыхъ одно имя Рольдана приводило въ трепетъ съ того времени, какъ онъ поселился съ своею неистовой шайкой въ Ксарагвѣ, предупредили Ойеду о прибытіи къ берегу кораблей. Ойеда, предвидя угрожающую ему опасность, — потому-что онъ не могъ сомнѣваться, что Рольданъ выcланъ

для его преслѣдованія, — не потерялъ однакожъ присутствія духа. Возвратиться къ кораблямъ не было возможности; онъ былъ уже отрѣзанъ отъ нихъ; и потому, съ свойственною ему неустрашимостью, онъ пошелъ прямо на встрѣчу къ Рольдану, въ сопровожденіи шести человѣкъ изъ своей команды. Хитрый Рольданъ встрѣтился съ нимъ какъ съ старымъ знакомымъ, завелъ разговоръ совершенно о постороннихъ предметахъ, и какъ будто между дѣломъ спросилъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Новый-Свѣтъ, и что ему вздумалось сдѣлать высадку въ такой глуши, вдали отъ колоній, не извѣстивъ адмирала о своемъ прибытіи. Ойеда отвѣчалъ, что онъ путешествуетъ для открытій, и претерпѣвъ сильную бурю, зашелъ въ этотъ портъ починить свои корабли и запастись разными потребностями, въ которыхъ экипажи терпятъ недостатокъ. Тутъ Рольданъ перемѣнилъ тонъ и потребовалъ отъ него именемъ правительства выданный ему на это путешествіе видъ. Ойеда, зная рѣшительность человѣка, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло, принужденъ былъ воздержать свою обыкновенную пылкость и отвѣчалъ ему ласково, что всѣ бумаги его на кораблѣ; что если ему нужно видѣть ихъ, онъ готовъ прислать ихъ къ нему во всякое время; а что касается до адмирала, то ему необходимо видѣться съ нимъ, и онъ непремѣнно располагаетъ отправиться

въ Санъ-Домингъ, какъ скоро запасется всѣмъ нужнымъ, потому-что онъ имѣетъ сообщить ему много кое-чего такого, о чемъ можно говорить только съ нимъ однимъ. Здѣсь онъ намекнулъ Рольдану, что Коломбъ въ совершенной немилости при дворѣ, — что поговариваютъ о его смѣнѣ, и что королева, его покровительница, больна безъ надежды на выздоровленіе. Надобно думать, что Рольданъ повѣрилъ этимъ извѣстіямъ, потому-что въ донесеніи своемъ адмиралу, онъ увѣдомилъ его, что Ойеда сообщилъ ему такія извѣстія, которыя неблагоразумно было-бы ввѣрять бумагѣ.

Послѣ этого объясненія, Рольданъ увидѣлъ, что нечего опасаться непріязненности Ойеды и отправился вмѣстѣ съ нимъ на его корабль. Онъ нашелъ тамъ много своихъ знакомыхъ, которые были уже въ Испаніолѣ. Всѣ они подтвердили справедливость словъ Ойеды и показали ему видъ, подписанный Фонсекой, главноуправляющимъ дѣлами Индіи, которымъ дозволялось Ойедѣ предпринять путешествіе для открытій (1).

Судя по разсказамъ самого Ойеды и его спутниковъ, надобно думать, что пышное донесеніе Коломба двору объ открытомъ имъ берегѣ Паріи, его блистательныя предположенія на счетъ богатства этой новой стра-

(1) Herrera, dec. I, lib. IV, cap. 3.

ны и образцы жемчугу, представленные имъ королю и королевѣ, воспламенили сильнѣйшимъ образомъ корыстолюбіе многихъ авантюристовъ. Оиеда находился въ то время въ Испаніи; какъ любимецъ Фонсеки, онъ пользовался довѣренностью епископа, который показалъ ему письмо Коломба къ государямъ и карты, означающія путь, которымъ онъ слѣдовалъ къ Паріи. Оиедѣ было извѣстно, что Коломба задерживали въ Испаніолѣ возникшія тамъ безпокойства; а изъ разговоровъ съ Фонсекой и другими недоброжелателями адмирала, онъ зналъ, что король, отъ природы недовѣрчивый, съ нѣкотораго времени возымѣлъ сильныя подозрѣнія на счетъ поступковъ Коломба, и что при дворѣ носятся слухи о близкомъ его паденіи. Мысль — воспользоваться этими обстоятельствами, вдругъ овладѣла Оиедой. Возможность, посредствомъ частнаго предпріятія, коснуться прежде всѣхъ сокровищъ новооткрытаго материка, воспламенила его жадность. Онъ сообщилъ это намѣреніе своему покровителю, Фонсекѣ, который не упускалъ ниодного, зависѣвшаго отъ него обстоятельства, гдѣ можно было разстроить планы или помрачить славу Коломба; къ этому можно прибавить еще то, что епископъ вообще охотнѣе благопріятствовалъ корыстолюбивымъ авантуристамъ, чѣмъ людямъ знаменитымъ, отличавшимися истинными достоинствами.

Слѣдственно, нисколько не удивительно, что онъ изъявилъ Ойедѣ готовность содѣйствовать исполненію всѣхъ его желаній, позволилъ ему снять копіи съ картъ и бумагъ Коломба, для руководства въ неизвѣстныхъ ему моряхъ; и выдалъ пропускный видъ за своею подписью, однакожъ не скрѣпленный ни королемъ, ни королевой. Въ этомъ видѣ было между прочимъ сказано, что Ойедѣ воспрещается приставать къ владѣніямъ Португальскаго короля, также какъ и ко всѣмъ землямъ и островамъ, которые открыты Коломбомъ до 1495 года. Одно уже это число обнаруживаетъ всю лживость дѣйствій Фонсеки, потому-что эта оговорка давала Ойедѣ свободный доступъ къ берегамъ Паріи и къ Жемчужному-Острову, открытымъ Коломбомъ позже означеннаго года. Ойеда былъ обязанъ снарядить суда на свой счетъ и уплатить казнѣ тридцатую долю всего, что пріобрететъ отъ своего путешествія.

Огромныя выгоды, предоставленныя Ойедѣ «видомъ» своего покровителя, дали ему возможность въ короткое время снарядить въ Севильѣ, при помощи нѣсколькихъ богатыхъ и [illegible]хъ спекулантовъ, четыре корабля. Въ числѣ людей, принявшихъ участіе въ предпріятіи Ойеды, находился знаменитый Америкъ Веспуцій, славившійся тогда отличными теоритическими познаніями въ мореплаваніи и географіи. Мѣсто перваго лоцмана экспе-

диціи занялъ нѣкто Хуанъ де-ла-Коса, превосходный мореходецъ, образовавшійся подъ руководствомъ Коломба, котораго онъ сопровождалъ въ первомъ его путешествіи для открытій и во время плаванія вдоль южнаго берега Кубы и около острова Ямайки. Было еще нѣсколько извѣстныхъ мореплавателей, и въ томъ числѣ Варфоломей Рольданъ, знаменитый лоцманъ, участвовавшій въ путешествіи Коломба къ берегамъ Паріи (1). Такова была экспедиція, которая, по странному стеченію обстоятельствъ, дала Новому-Свѣту имя Флорентійскаго купца, Америка Веспуція.

Корабли отплыли изъ Севильскаго порта въ маѣ 1499 года. Приставъ къ южному материку Новаго Свѣта, въ двухъ-стахъ миляхъ разстоянія восточнѣй устья Оренока, авантуристы слѣдовали вдоль берега отъ означеннаго мѣста до залива Паріа. Руководствуясь картами Коломба, они переплыли этотъ заливъ, прошли черезъ Бока-дель-Драго, и продолжая плаваніе на западъ до мыса Бела, сдѣлали высадку на островъ Маргариту и прилежащій материкъ и открыли заливъ Венецуэлу. Потомъ вошли въ Караибскую группу, выдержали тамъ сраженіе съ воинственными обитателями этихъ острововъ и набрали много плѣнныхъ, въ намѣреніи распродать ихъ въ неволю на какомъ-нибудь Испанскомъ

(1) Las Casas.

рынкѣ. Оттуда недостатокъ въ припасахъ принудилъ ихъ взять направленіе къ Испаніолѣ, куда они и пристали благополучно, совершивъ такимъ-образомъ продолжительнѣйшее путешествіе изъ всѣхъ, сдѣланныхъ до того времени около береговъ Новаго-Свѣта (1).

Рольданъ, собравъ всѣ свѣденія, какія только могъ получить, о родѣ путешествія Ойеды и его спутниковъ, объ ихъ намѣреніяхъ и приключеніяхъ, и положившись на обѣщаніе Ойеды — явиться къ адмиралу, возвратился въ Санъ-Доминго для представленія отчета въ исполненія возложеннаго на него порученія.

(1) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. I, lib. IV, cap. 4. — Munnos, *Hist. del Nuevo Mundo*, MS.

ГЛАВА VII.

Рольданъ наблюдаетъ за Ойедой. — Ихъ взаимныя хитрости. — Рольданъ ниспровергаетъ всѣ замыслы Ойеды и принуждаетъ его отплыть отъ Испаніолы.

Узнавъ о родѣ экспедиціи Ойеды, и о томъ, что она предпринята съ разрѣшенія правительства, и даже по условію съ нимъ, Коломбъ былъ огорченъ. Онъ считалъ этотъ поступокъ прямою обидой и явнымъ нарушеніемъ важнѣйшихъ своихъ преимуществъ, дарованныхъ ему государями. Въ тоскѣ и нетерпѣніи онъ ожидалъ обѣщаннаго прибытія Алонсо де-Ойеды въ Санъ-Домингъ, желая получить отъ него болѣе подробныя объясненія по этому дѣлу. Но Ойеда и не думалъ объ исполненіи своего обѣщанія: онъ далъ его единственно для того, чтобъ обмануть бдительность Рольдана. Починивъ свои корабли и пополнивъ припасы, онъ тотчасъ-же поднялъ паруса и отплылъ вдоль берега къ Ксарагвѣ, куда и прибылъ въ февралѣ мѣся-

цѣ. Испанцы, поселенные въ этой области, приняли его дружелюбно и снабдили всѣмъ нужнымъ. Между ними находилось много прежнихъ сообщниковъ Рольдана, — людей подлыхъ и развратныхъ, которые находили удовольствіе собственно въ безпорядкѣ, ненавидѣли всякую власть и особенно адмирала, который подчинилъ ихъ спасительной строгости законовъ.

Зная отважность и дерзость Ойеды, и замѣтивъ, что между нимъ и адмираломъ существуетъ какая-то непріязненность, они приняли его съ радостью, какъ новаго предводителя, явившагося защитить ихъ отъ мнимыхъ притѣсненій и замѣнить Рольдана, котораго они уже не считали *своимъ*. Они приносили Ойедѣ шумныя жалобы на Коломба и обвиняли его въ удержаніи слѣдующаго имъ за прошедшее время жалованья. Ойеда былъ человѣкъ опрометчивый, съ пылкою головой, и къ этому еще немножко суетенъ: титулъ защитника, который давали ему бунтовщики, льстилъ его самолюбію, и онъ принялъ насебя роль ихъ покровителя. Говорили, что онъ хвалился передъ ними, будто уполномоченъ правительствомъ дѣйствовать совмѣстно съ Карвайялемъ при особѣ адмирала, въ качествѣ его совѣтника и наблюдателя за его поступками, и что первая мѣра, которую онъ и Карвайяль обязаны принять, состояла въ удовлетвореніи всѣхъ чиновъ, на-

ходящихся въ королевокой службѣ на островѣ, слѣдующимъ жалованьемъ (1). Однакожъ позволительно сомнѣваться въ этомъ хвастовствѣ Ойеды, которое такъ легко могло обнаружиться и подвергнуть его немилости двора. Что касается до роли посредника между правительствомъ острова и недовольными, или лучше - сказать до роли защитника послѣднихъ, къ этому, безъ сомнѣнія, поощряли его — съ одной стороны упадокъ Колумба при дворѣ, съ другой — увѣренность въ могущественномъ покровительствѣ Фонсеки. Можетъ-быть даже, онъ искренно раздѣлялъ предубѣжденіе противъ адмирала, тщательно распространяемое людьми, съ которыми Ойеда имѣлъ сношенія въ Испаніи передъ самымъ своимъ отъѣздомъ, и которые всюду разславляли, что несчастные колонисты доведены до отчаяннаго положенія угнетеніемъ Колумба и его братьевъ. Слѣдственно въ этомъ поступкѣ Ойеды и въ непріязненности его къ адмиралу можно предполагать даже нѣкоторое великодушное побужденіе, которое вмѣстѣ съ его естественною наклонностью къ приключеніямъ, заставило его сдѣлать мятежникамъ предложеніе — требовать правосудія вооруженною рукою, и вызваться вести ихъ подъ своимъ начальствомъ къ Санъ-Домингу, чтобъ принудить адмирала

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 84.

выдать имъ немедленно все, что имъ слѣдовало.

Предложеніе Ойеды было принято значительною частью возмутителей съ радостными восклицаніями; другіе начали возражать; отъ разномыслія произошли ссоры, образовались двѣ партіи, — и вскорѣ смятеніе возрасло до высочайшей степени. Отъ доказательствъ перешли къ оружію, и обѣ стороны потеряли много убитыми и ранеными; однакожъ побѣда осталась за тѣми, которые требовали похода къ Санъ-Домингу. Къ счастью для спокойствія и безопасности адмирала, въ эту самую критическую минуту въ окрестностяхъ Ксарагвы показался Рольданъ съ отрядомъ отборныхъ войскъ. Онъ былъ высланъ Коломбомъ для наблюденія за дѣйствіями Ойеды, по полученіи извѣстій о высадкѣ этого авантуриста на берегъ Ксарагвы. Рольданъ, узнавъ о происшедшихъ смятеніяхъ, тотчасъ-же послалъ сказать прежнему сообщнику своему, Діэго де Эскобару, чтобъ онъ собралъ сколько можно больше надежныхъ солдатъ и поспѣшилъ соединиться съ нимъ. Эскобаръ явился съ своимъ отрядомъ къ Ксарагвѣ спустя одинъ день послѣ прибытія туда Рольдана. Здѣсь представляется примѣръ, какъ непрочны узы, соединяющіе между собой измѣнниковъ и людей злонамѣренныхъ. Прежніе приверженцы Рольдана, видя что онъ искренно рѣшился служить правительству и что нѣтъ

никакой надежды завлечь его въ новые мятежные замыслы, рѣшились захватить его нечаянно, — и только проницательность и бдительность Рольдана могли разстроить ихъ козни и покушенія (1).

Ойеда, узнавъ о прибытіи Рольдана и Эскобара удалился на свои суда. При всей своей отважности, онъ не рѣшился вступить съ ними въ борьбу, не представлявшую ему ничего, кромѣ ожесточенной битвы, изъ которой онъ не могъ извлечь для себя никакой пользы; между-тѣмъ, какъ поднявъ оружіе противъ правительства, подвергалъ себя видимой опасности. Здѣсь Рольданъ обратился къ тѣмъ самымъ увѣщаніямъ, которыя самъ такъ часто и безполезно выслушивалъ отъ другихъ. Онъ написалъ къ Ойедѣ письмо, въ которомъ изображалъ ему пагубныя слѣдствія его поведенія, и безпорядки, распространяемые имъ на островѣ, и приглашалъ его къ себѣ, для дружелюбнаго окончанія этого несчастнаго дѣла. Ойеда, зная коварство и хитрость Рольдана, нетолько презрѣлъ его угрозы и отвергъ предложенное свиданіе, которое могло предать его во власть противника, но даже задержалъ одного изъ его посланныхъ, Діэго де-Трухиллу, потомъ сдѣлалъ нечаянную высадку на берегъ, захватилъ тамъ другаго плѣннаго, по имени Торибіо де Ленаресса, велѣлъ заковать

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 87.

ихъ обоихъ въ цѣпи и оставилъ на своемъ суднѣ заложниками за одного безрукаго матроса, по имени Хуана Пинтора, убѣжавшаго съ корабля, — угрожая повѣсить ихъ, если Рольданъ не выдастъ дезертира (1).

Тутъ начался родъ партизанской войны между этими двумя соперниками, равно достойными другъ-друга и по храбрости, и по ловкости и искуству въ военномъ дѣлѣ. Ойеда вдругъ снялся съ якоря и отплылъ на всѣхъ парусахъ къ сѣверу; прошедъ около двѣнадцати миль, онъ остановился противъ Кагая, прекраснѣйшей и плодоноснѣйшей провинціи на всемъ островѣ, заселенной племенемъ кроткимъ и миролюбивымъ. Тамъ онъ сдѣлалъ высадку съ сорока человѣками и захватилъ всѣ припасы, какіе могъ найти. Рольданъ и Эскобаръ послѣдовали за нимъ берегомъ, и вскорѣ настигли его. Рольданъ послалъ къ нему Эскобара въ легкомъ челнѣ съ туземными гребцами, которые такъ сильно и ловко дѣйствовали своими пагайями, что челнъ какъ будто летѣлъ надъ волнами. Эскобаръ, подплывъ къ кораблямъ на такое разстояніе, что его можно было слышать оттуда, объявилъ Ойедѣ, что если онъ опасается прибыть къ Рольдану для переговоровъ о прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій, то Рольданъ самъ готовъ прі-

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. 1, cap. 169, MS.

ѣхать къ нему на корабль, если онъ пришлетъ за нимъ шлюпъ.

Ойеда, восхищенный что врагъ самъ предается въ его руки, тотчасъ-же послалъ къ нему шлюпъ. Матросы остановились въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, опустили весла и закричали Рольдану, что они ждутъ его. Рольданъ спросилъ: «Сколько людей можно ему взять съ собой? — Пять или шесть, не больше! отвѣчали ему. Тогда Діэго де-Эскобаръ прибылъ къ шлюпу съ четырьмя человѣками; матросы приняли ихъ и объявили, что кромѣ Рольдана, никого больше не допустятъ.

Послѣ этого отправился и самъ Рольданъ слѣдующимъ порядкомъ: одному изъ своихъ людей велѣлъ нести себя черезъ воду, а другому поддерживать. Такимъ-образомъ онъ усилилъ свою команду до восьми человѣкъ. Сѣвъ въ шлюпъ, онъ вдругъ принялъ повелительный тонъ и велѣлъ тотчасъ-же везти себя къ берегу. Матросы не послушались; его люди и самъ онъ обнажили шпаги, бросились на нихъ, многихъ ранили и всѣхъ взяли въ плѣнъ, кромѣ одного туземнаго стрѣлка, который нырнулъ въ воду и спасся вплавь.

Эта побѣда была очень важна для Рольдана: Ойедѣ необходима была захваченная лодка и онъ не могъ возвратить ее иначе какъ согласившись на мирныя предложенія Рольдана.

Поэтому онъ вынужденъ былъ пріѣхать къ берегу въ небольшой лодкѣ, которая одна оставалась на его кораблѣ, взявъ съ собой главнаго лоцмана, одного стрѣлка и четырехъ гребцовъ. Рольданъ также сѣлъ въ завоеванный шлюпъ съ семью гребцами и пятнадцатью солдатами, — оставивъ сверхъ-того еще пятнадцать человѣкъ у берега въ большой туземной лодкѣ, съ приказаніемъ — по первому знаку присоединиться къ нему, — и такимъ-образомъ выѣхалъ на встрѣчу къ Ойедѣ. Здѣсь произошло характеристическое свиданіе между двумя хитрыми противниками, изъ которыхъ каждый держался на сторожѣ и находился въ почтительномъ отдаленіи отъ своего соперника. Ойеда, для оправданія своихъ непріязненныхъ дѣйствій, жаловался, что Рольданъ, безъ всякой причины, выступилъ противъ него съ большими силами, въ намѣреніи задержать его. Рольданъ рѣшительно отвергалъ это обвиненіе и обѣщалъ ему самый дружескій пріемъ отъ адмирала, если онъ заѣдетъ въ Санъ-Доминго. Наконецъ они заключили сдѣлку, по которой шлюпъ былъ возвращенъ и плѣнные размѣнены, за исключеніемъ безрукаго дезертира, Хуана Пинтора, который пропалъ безъ вѣсти. На другой день Ойеда, вслѣдствіе заключеннаго имъ условія, поднялъ паруса и отплылъ отъ острова, угрожая однакожъ возвратиться со-временемъ съ большимъ чи-

домъ людей и судовъ (1). Рольданъ, сомнѣваясь въ дѣйствительности его отъѣзда, остался на берегу. Онъ необманулся въ своихъ подозрѣніяхъ: спустя нѣсколько дней послѣ отплытія судовъ Ойеды, онъ узналъ, что рыцарь опять сдѣлалъ высадку въ одной отдаленной части острова. Получивъ это извѣстіе, онъ тотчасъ-же отправился преслѣдовать его съ восьмьюдесятью человѣками, на туземныхъ лодкахъ, пославъ въ тоже время наблюдательный отрядъ по берегу. Но Ойеда, не дождавшись его, отплылъ отъ острова, и съ той поры уже не показывался. Впрочемъ Ласъ-Касасъ утверждаетъ, что онъ приставалъ послѣ этого еще разъ къ какой-то отдаленной провинціи Испаніолы, или къ острову Порто-Рикко, гдѣ пополнилъ свою, такъ называемую имъ кавалькаду, то есть грузъ невольниковъ, набравъ тамъ великое множество этихъ несчастныхъ и распродавъ потомъ на Кадикскомъ рынкѣ (2).

(1) Письмо Коломба къ кормилицѣ принца Іоанна.

(2) Las Casas, lib. I., cap 169.

ГЛАВА VIII.

Заговоръ Гуэвара и Моксики (1500).

Люди, привыкшіе жить среди безпорядковъ и презирать законы, вмѣняютъ себѣ въ величайшую заслугу, если они однажды, хотя случайно, сдѣлаютъ что-нибудь такое, чего требуетъ отъ нихъ долгъ. Солдаты Рольдана громогласно выхваляли свою вѣрность и отличныя заслуги, оказанныя ими правительству изгнаніемъ Ойеды съ острова и, подобно всѣмъ негодяямъ, обращающимся къ своимъ обязанностямъ, надѣялись получить за свое необыкновенное, то-есть порядочное, поведеніе огромныя награды. Полагая, что ихъ начальникъ имѣетъ власть удовлетворять всѣ ихъ требованія, и очарованные прекрасною провинціей Кагаемъ, они обратились къ нему съ просьбой, чтобъ онъ раздѣлилъ имъ эту область для поселенія. Было время, когда Рольданъ и не задумался-бы исполнить ихъ

требованія; но теперь онъ добивался репутаціи человѣка уважающаго законы, и потому объявилъ имъ, что безъ разрѣшенія адмирала сдѣлать этого не можетъ. Между-тѣмъ, чувствуя что самъ-же онъ поселилъ нѣкогда въ своихъ сообщникахъ духъ неповиновенія, который слишкомъ опасно было-бы пробудить, и предвидя, что ихъ алчность, поощряемая столь продолжительнымъ снисхожденіемъ, не потерпитъ отсрочекъ, онъ раздѣлилъ имъ, покамѣстъ, свои собственныя земли, во владѣніяхъ стараго хозяина своего, Бегечіо, кацика Ксарагвы. Вслѣдъ за-тѣмъ онъ написалъ къ Коломбу письмо, въ которомъ испрашивалъ у него позволенія возвратиться въ Санъ-Доминго и получилъ самый лестный отвѣтъ: адмиралъ выхвалялъ дѣятельность и искуство, оказанныя имъ въ этомъ дѣлѣ; однакожъ просилъ его остаться еще на нѣсколько времени въ Ксарагвѣ, для предупрежденія дальнѣйшихъ покушеній Ойеды сдѣлать высадку на берегъ этой провинціи. Между-тѣмъ, смятенія на островѣ не прекращались, и одно приключеніе, довольно романическое само по-себѣ, едва не обратило, его въ позорище новыхъ неустройствъ. Около описанной нами эпохи, прибылъ въ Ксарагву одинъ молодой рыцарь благородной фамиліи, по имени донъ Фернандо де Гузвара. Этотъ человѣкъ отличался прекраснюю наружностью и особенною любезностью въ обращеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и

самыми пламенными страстями и безнравственностью. Онъ былъ двоюродный братъ Адріана де-Моксики, одного изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ возмущеніи Рольдана. Гуэвара предавался въ Санъ-Домингѣ такому распутству, что адмиралъ принужденъ былъ велѣть ему оставить островъ. Не предвидя во всемъ этомъ дѣлѣ никакой опасности, онъ послалъ его въ Ксарагву, съ тѣмъ, чтобъ тотъ отправился оттуда въ Испанію съ Ойедой. Въ то время, когда Гуэвара прибылъ въ Ксарагву, Ойеда уже отплылъ отъ береговъ Ксарагвы. Рольданъ, изъ уваженія къ прежнему сотоварищу своему, Адріану де-Моксикѣ, принялъ молодаго рыцаря весьма ласково и предоставилъ ему избрать для себя мѣстопребываніе по своему усмотрѣнію, до-тѣхъ-поръ пока онъ получитъ на его счетъ новыя приказанія отъ адмирала. Гуэвара избралъ то самое селеніе, гдѣ Рольданъ овладѣлъ шлюпомъ Ойеды, въ провинціи Кагаѣ. Этотъ прелестный уголокъ былъ лучшее мѣсто на прекрасномъ Кагайскомъ берегу; но причина предпочтенія его рыцаремъ заключалась не въ красотѣ края, а въ сосѣдствѣ его съ Ксарагвой. Въ продолженіе кратковременнаго путешествія своего по Ксарагвѣ, предпринятаго съ позволенія Рольдана, онъ былъ весьма ласково принятъ въ домѣ Анакоаны, вдовы Каонабо и сестры кацика Бегечіо. Эта замѣчательная женщина все еще сохраняла преж-

нее предубѣжденіе въ пользу Испанцевъ, несмотря на ихъ неистовства, которыхъ она была свидѣтельницей, и противъ которыхъ однакожъ всегда умѣла предохранять себя, внушая естественнымъ достоинствомъ своего характера, уваженіе къ себѣ даже въ подлой сволочи, разлившейся язвою въ ея владѣніяхъ. Отъ брака съ Каонабо она имѣла одну дочь, по имени Гигуамоту. Эта дѣвушка, едва достигшая весны жизни, отличалась удивительною красотой. Гуэвара не могъ, увидѣвъ ее, не влюбиться страстно; привлекательная наружность рыцаря плѣнила сердце неопытной дикарки, и между ними установилась сердечная связь. Отсюда — естественное желаніе любовниковъ какъ можно чаще видѣться между собой: и вотъ причина, которая заставила Гуэвара предпочесть всѣмъ другимъ означенное нами мѣсто, гдѣ его родственникъ, Адріанъ де-Моксика, дресировалъ для охоты множество собакъ и соколовъ. Гуэвара отсрочивалъ свой отъѣздъ со дня на день. Рольданъ, открывъ причину, удерживавшую его въ Кеарагвѣ, объявилъ ему, что онъ долженъ отказаться отъ своихъ видовъ и немедленно выѣхать изъ провинціи. Дасъ-Касасъ намекаетъ, что причина этой настоятельности со стороны Рольдана заключалась въ томъ, что онъ самъ былъ неравнодушенъ къ прелестямъ юной дикарки, и что предпочтеніе, оказанное ею сопернику, возбудило въ немъ ревность.

Анакоана, очарованная благородною наружностью и увлекательнымъ обхожденіемъ молодаго рыцаря, сама благопріятствовала любви его къ своей дочери, тѣмъ болѣе, что онъ искалъ руки ея. Несмотря на приказаніе Рольдана, Гуэвара остался въ Ксарагвѣ, въ домѣ Анакоаны, и уже послалъ за священникомъ, чтобъ онъ окрестилъ его невѣсту. Рольданъ, узнавъ объ ослушаніи Гуэвары, потребовалъ его къ себѣ и сдѣлалъ строгой выговоръ за то, что онъ, вопреки его приказанію, все еще не оставилъ Ксарагвы, и за намѣреніе его обмануть такую женщину какъ Анакоана, обольстивъ ея дочь. Гуэвара, не скрывая отъ него своей непреодолимой страсти, клялся, что намѣренія его чисты и просилъ у него позволенія остаться. Рольданъ былъ непреклоненъ: онъ опасался, какъ онъ говорилъ, чтобъ его снисхожденіе не было принято адмираломъ въ дурную сторону; но истинной причиной его отказа, вѣроятно, было желаніе удалить опаснаго соперника въ любви. Гуэвара повиновался; но онъ не въ силахъ былъ провесть болѣе трехъ дней въ разлукѣ съ своею милой; уѣхалъ опять въ Ксарагву, въ сопровожденіи четырехъ или пяти своихъ друзей и укрылся въ домѣ Анакоаны. Рольданъ, которому глазная боль не позволяла никуда выходить, получивъ извѣстіе о возвращеніи рыцаря въ Ксарагву, написалъ ему выговоръ за это новое ослушаніе и приказалъ немед-

ленно возвратиться въ Кагай. Тогда молодой человѣкъ принялъ тонъ явнаго сопротивленія. Онъ совѣтовалъ Рольдану не дѣлать себѣ враговъ въ такое время, когда онъ самъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, имѣетъ нужду въ приверженцахъ, потому что онъ знаетъ навѣрное, что адмиралъ рѣшился отрубить ему голову. Рольданъ, вынужденный употребить власть, отвѣчалъ ему повелѣніемъ, что если онъ тотчасъ-же не выѣдетъ изъ этой части острова, то онъ велитъ арестовать его; причемъ онъ приказывалъ ему отправиться въ Санъ-Доминго и явиться тамъ къ адмиралу. Мысль — быть изгнаннымъ далеко отъ своей возлюбленной, вдругъ укротила горячность Гуэвары: вмѣсто угрозъ, онъ прибѣгнулъ къ самымъ униженнымъ моленіямъ. Рольданъ, успокоенный его покорностью, позволилъ ему остаться до полученія отъ адмирала на его счетъ распоряженій. Рольдану суждено было пожать горькіе плоды зла, котораго первыя сѣмена были посѣяны имъ же самимъ. Онъ самъ внушилъ своимъ сообщникамъ любовь къ безпорядку и неповиновенію, и теперь пришло время, когда онъ долженъ былъ на себѣ испытать дѣйствіе чувствъ, порожденныхъ имъ въ сердцахъ своихъ приверженцевъ. Гуэвара, раздраженный препятствіями, которыя Рольданъ противупоставлялъ его благополучію, рѣшился отмстить ему за это кровавымъ образомъ. Онъ составилъ партію изъ прежнихъ сото-

варищей Рольдана, которые теперь ненавидѣли его какъ приверженца законной власти, обожая прежде какъ своего атамана. Злоумышленники условились напасть на него нечаянно и умертвить или выколоть ему глаза; но Рольданъ узналъ о заговорѣ во-время и тотчасъ-же принялъ мѣры съ свойственною ему быстротой и дѣятельностью. Гуэвара былъ арестованъ въ домѣ Анакоаны, на глазахъ своей невѣсты, вмѣстѣ съ семью сообщниками. Рольданъ немедленно отправилъ къ адмиралу подробное донесеніе обо всемъ случившемся, съ представленіемъ, что онъ не хотѣлъ ничего предпринять безъ его согласія и не можетъ постановить рѣшенія въ этомъ дѣлѣ, какъ лично до него касающемся. Коломбъ, получивъ его донесеніе въ фортѣ «Зачатія,» велѣлъ перевесть арестантовъ въ Санъ-Домингскую крѣпость. Сильныя мѣры, принятыя Рольданомъ противъ прежнихъ его сообщниковъ, какъ электрическая искра, мгновенно воспламенили весь островъ. Адріанъ де-Моксика, узнавъ о заключеніи своего двоюроднаго брата по приказанію стараго друга своего, пришелъ въ бѣшенство и поклялся отмстить за него. Онъ тотчасъ же отправился въ Бонао, — старинное гнѣздо мятежниковъ, и потребовалъ содѣйствія Педро Рикельма, алькада того округа, недавно возведеннаго въ это званіе Рольданомъ. Онъ легко склонилъ его на свою сторону, и оба они вмѣстѣ начали объѣзжать

разныя части Беги, заселенныя прежними ихъ сотоварищами по мятежу, получившими тамъ участки во владѣніе, и распалять ихъ на мщенье за обиду, нанесенную ихъ достойному собрату. Эти люди какъ-будто находились подъ вліяніемъ какого-то враждебнаго очарованія,— какъ-бы не имѣли силъ противиться неодолимому влеченію къ мятежамъ и безпорядкамъ. Гуэвара въ одно мгновеніе сдѣлался ихъ идоломъ. Надобно думать, что и прелести юной туземки сильно дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ на грубыхъ и чувственныхъ бунтовщиковъ. Какъ-бы ни было, впрочемъ, только они объявили поступокъ Рольдана съ Гуэварой тиранскимъ угнетеніемъ, умышленнымъ вмѣшательствомъ въ частное дѣло, въ намѣреніи воспрепятствовать совершенію брака, равно пріятнаго для обѣихъ сторонъ и выгоднаго для колоніи. Нѣтъ въ мірѣ существа болѣе ненавистнаго для негодяевъ, какъ прежній сотоварищъ ихъ, обратившійся къ обязанностямъ честнаго человѣка. Возмущеніе вспыхнуло съ необыкновенною силой. Оружіе, только-что покинутое по прекращеніи послѣдняго мятежа, опять явилось въ рукахъ бунтовщиковъ. Все кипѣло между ними дѣятельностью. Приготовленія къ походу были кончены въ самое короткое время, — и Моксика увидѣлъ подъ своимъ начальствомъ многочисленную шайку, готовую идти за нимъ съ оружіемъ въ рукахъ всюду, куда онъ по-

желаетъ вести ее. Ослѣпленый безнаказанностью первыхъ безпорядковъ, онъ замышлялъ дѣла, превосходящія своею жестокостью и насиліемъ все, что было сдѣлано до него, — намѣревался не только освободить своего брата, но предать смерти Рольдана и адмирала.

Въ то время, когда составлялся этотъ опасный заговоръ, Коломбъ находился въ фортѣ «Зачатія,» съ весьма ничтожными силами. Не подозрѣвая никакой непріязненности со стороны людей, которыхъ онъ осыпалъ благодѣяніями, онъ навѣрное попался-бы въ ихъ руки, еслибъ одинъ переметчикъ со стороны злоумышленниковъ не донесъ ему объ ихъ замыслахъ. Однимъ взглядомъ обнялъ Коломбъ угрожающую ему опасность и бурю, готовую разразиться надъ островомъ. Некогда было испытывать мѣры кротости и увѣщанія: онъ рѣшился нанесть бунтовщикамъ ударъ, который-бы уничтожилъ мятежъ въ самомъ его основаніи.

Взявъ съ собой шесть или семь вѣрныхъ солдатъ и трехъ оруженосцевъ, исправно вооруженныхъ, онъ отправился ночью скрытно въ то селеніе, гдѣ находились начальники заговора. Мятежники, кажется, были вполнѣ увѣрены, что ихъ замыселъ покрытъ непроницаемою тайной, и обманутые наружнымъ спокойствіемъ адмирала, не приняли никакихъ мѣръ предосторожности. Коломбъ напалъ на нихъ внезапно, захватилъ Мокси-

ку и главнѣйшихъ его сообщниковъ и отвелъ плѣнными въ фортъ «Зачатія». Минута была критическая; вся Бега ожидала только знака къ возмущенію; но адмиралъ имѣлъ уже въ своей власти зачинщика мятежа, и необходимость требовала показать надъ нимъ немедленно примѣръ строгости, который-бы поразилъ ужасомъ всѣхъ злоумышленниковъ: поэтому онъ велѣлъ тотчасъ-же повѣсить Моксику на крѣпостномъ валу. Моксика просилъ Коломба, чтобъ онъ покрайней-мѣрѣ позволилъ ему исповѣдаться до исполненія приговора. Къ нему прислали священника. Презрѣнный бунтовщикъ, столь кровожадный и дерзкій среди своихъ приверженцевъ, потерялъ все мужество при видѣ приближенія смерти. Онъ съ умысломъ замедлялъ свою исповѣдь, сколько возможно болѣе; безпрестанно останавливался, повторялъ сказанное, заикался, и вообще какъ будто старался выиграть время, въ надеждѣ, не представится-ли какого-нибудь средства къ спасенію. Вмѣсто покаянія въ грѣхахъ своихъ, онъ принялся обвинять разныхъ чиновниковъ, которыхъ невинность не подлежала сомнѣнію. Это продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока Коломбъ, выведенный изъ терпѣнія его умышленною медлительностью и лживостью, велѣлъ сбросить его съ валу. Между-тѣмъ и многіе изъ его соумышленниковъ были осуждены на смерть; но до исполненія надъ ними приговора, ад-

миралъ велѣлъ заключить ихъ въ тюрьму (1).

Коломбъ не ограничилъ этимъ строгимъ поступкомъ сильныхъ мѣръ, которыхъ настоятельно требовало его положеніе. Прежде чѣмъ заговорщики успѣли опомниться, былъ арестованъ Педро Рикельмъ съ многими сообщниками, въ самомъ вертепѣ ихъ — Бонао, и всѣ они отправлены въ Санъ-Домингскую крѣпость, гдѣ былъ заключенъ и главный виновникъ возмущенія, Фернандо де Гуэвара, любовникъ дочери Анакоаны. Эта неожиданная строгость со стороны человѣка, который до-тѣхъ-поръ показывалъ столько уступчивости и терпѣнія, произвела желаемое дѣйствіе. Мятежники, объятые ужасомъ, разсѣялись. Большая часть ихъ удалилась въ Ксарагву, свое любимое убѣжище; но ихъ не допустили собраться тамъ по прежнему, для составленія новыхъ злоумышленій аделантадо, при содѣйствіи Рольдана преслѣдовалъ ихъ со всею дѣятельностью, которая составляла отличительную черту его характера. Говорятъ, что онъ взялъ съ собой священника и какъ-только настигалъ какого-нибудь бунтовщика, тотчасъ приказывалъ исповѣдать его и повѣсить на томъ-же мѣстѣ; но вѣроятнѣе, что онъ отсылалъ ихъ подъ стражею въ Санъ-Доминго, потому-что

(1) Herrera, decad. II, lib. IV, cap. 5.

одинъ разъ онъ захватилъ семнадцать мятежниковъ вдругъ, которые, какъ извѣстно, были заключены въ одну башню и ожидали тамъ приговора, между-тѣмъ какъ аделантадо продолжалъ преслѣдованіе съ неумолимымъ рвеніемъ (1).

Жестокая необходимость оправдывала подобныя мѣры, и если взять во вниманіе, какъ долго Коломбъ сносилъ оскорбленія возмутителей, сколько сдѣлалъ для нихъ уступокъ и пожертвованій, до какой степени они ниспровергали всѣ его предпріятія и нарушали спокойствіе цѣлаго острова своими мятежными крамолами и распутствомъ, сколько разъ употребляли во зло его снисходительность, явно сопротивлялись его власти и наконецъ посягали на самую жизнь его, — то нельзя удивляться, что наконецъ онъ опустилъ на нихъ мечь строгой кары, который такъ долго держалъ безъ употребленія. Мятежъ былъ подавленъ совершенно, и благодѣтельныя послѣдствія разныхъ мѣръ, принятыхъ Коломбомъ, со времени его пріѣзда на островъ въ пользу колонистовъ, начинали уже проявляться. Туземцы, убѣдясь въ невозможности сопротивляться Испанцамъ, покорились смиренно своей долѣ. Многіе изъ нихъ обнаруживали

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib I, cap. 70, MS. — Herrera, decad. I, lib. X, cap. 7.

признаки рождающейся образованности, а нѣкоторые приняли обычай носить одежду. Христіанская вѣра также начинала распространяться между ними. Испанцы, при ихъ пособіи, тщательно воздѣлывали свои земли, и все подавало надежду на водвореніе прочнаго благосостоянія на островѣ, потому-что оно было установлено на твердыхъ основаніяхъ.

Коломбъ приписывалъ счастливую перемѣну въ дѣлахъ колоніи непосредственному вліянію Божественной благодати, и въ доказательство несомнѣнности прямаго участія Провидѣнія въ этомъ дѣлѣ, онъ приводитъ въ примѣръ одно изъ тѣхъ фантастическихъ видѣній, которыя рисовались иногда въ его воображеніи, когда онъ бывалъ одержимъ болѣзнію или сильнымъ безпокойствомъ, и которыя онъ относилъ къ явленіямъ сверхъестественнымъ. Мы разскажемъ этотъ случай. Въ послѣднюю зиму, передъ Рождествомъ Христовымъ, дѣла на островѣ находились въ весьма критическомъ положеніи. Съ одной стороны должно было опасаться возстанія туземцевъ, съ другой — Испанцы угрожали бунтомъ; онъ не видѣлъ вокругъ себя человѣка, которому-бы могъ совершенно ввѣриться, и кромѣ того, опасался еще неудовольствія государей. Все это повергло его въ глубокое уныніе. Одинъ разъ, когда онъ погрузился болѣе обыкновеннаго въ мрачныя

думы и предался отчаянію, ему вдругъ послышался голосъ: «Маловѣрный! ободрись духомъ и не страшися ничего! Моя десница надъ тобою! Еще не протекли семь лѣтъ златаго обѣта (1), и въ исполненіи его, какъ и во всѣхъ дѣлахъ твоихъ, я буду блюсти надъ тобой.» И въ тотъ-же самый день, продолжаетъ Коломбъ, я получилъ извѣстіе объ открытіи большаго пространства земли, весьма богатой золотыми рудниками (2). Исполненіе обѣта Божественной помощи, даннаго столь таинственно и чудесно, обнаружилось въ глазахъ Коломба еще очевиднѣйшимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ: послѣднее возмущеніе, грозившее ниспроверженіемъ всего порядка на островѣ и подвергавшее его самаго явной опасности, было утушено неожиданно, легко и совершенно. Повсюду воцарилось спокойствіе.

(1) Коломбъ намекаетъ здѣсь на обѣщаніе, данное имъ при открытіи Новаго-Свѣта, какъ видно изъ письма его къ королю и королевѣ — «что до истеченія семи лѣтъ, онъ сформируетъ и снабдитъ всѣмъ нужнымъ корпусъ войскъ въ пятдесятъ тысячь человѣкъ пѣхоты и пять тысячь конницы, употребивъ на вооруженіе всю прибыль, которую получитъ отъ открытій; а въ послѣдующія за тѣмъ пять лѣтъ наберетъ еще столько-же.»

(2) Письмо Коломба къ кормилицѣ принца Іоанна. — *Hist. del Almirante*, cap. 84.

Будущее уже представляло ему возможность выполнить свое любимое намѣреніе, такъ долго отсрочиваемое, — намѣреніе обозрѣть Парію и учредить заведеніе для ловли жемчужныхъ раковинъ въ « Заливѣ-Перловъ. » Но какъ обманчивы были его надежды! Въ то самое время, какъ онъ лелеялъ себя столь пріятными мечтами, въ Европѣ готовились событія, долженствовавшія поразить его горестью, лишить почестей, столь законно пріобретенныхъ, и на весь остатокъ жизни повергнуть въ состояніе далеко бѣдственнѣйшее чѣмъ всѣ, въ которыхъ онъ находился дотолѣ.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

Интриги при дворѣ противъ Колумба. — Бовадилла уполномоченъ изслѣдовать его поведеніе (1500).

Между-тѣмъ какъ Коломбъ боролся съ препятствіями, безпрестанно возраждавшимся на мятежномъ островѣ Испаніолѣ, враги его тайными кознями и внушеніями вполнѣ успѣли уронить его въ мнѣніи Испанскихъ государей. То, что сказалъ Ойеда объ угрожавшей ему немилости при дворѣ, было не безъ основанія. При отъѣздѣ Ойеды, дѣйствительно всѣ полагали паденіе Коломба весьма близкимъ, и для ускоренія этого событія враги его употребляли коварнѣйшія мѣры. Всѣ корабли, пріѣзжавшіе изъ Новаго-Свѣта, привозили съ собой новыя жалобы на адмирала и его братьевъ, которыхъ представляли королю и коро-

левѣ въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ — какъ ничтожныхъ выходцевъ, возгордившихся своимъ случайнымъ возвышеніемъ, неспособныхъ къ управленію, надменныхъ въ обращеніи съ дворянствомъ, тирановъ съ солдатами и рабочими и хладнокровно-жестокихъ съ туземцами. Въ особенности безпрестанно твердили государямъ, что они иностранцы и слѣдственно не могутъ принимать никакого участія въ славѣ и благоденствіи Испаніи. Какъ ни ничтожно было послѣднее обвиненіе, однакожъ оно произвело желаемое дѣйствіе. Наконецъ враги адмирала простерли свое безстыдство до-того, что начали открыто обвинять его въ намѣреніи — расторгнуть свое обязательство съ правительствомъ и объявить себя независимымъ владѣтелемъ открытыхъ имъ земель, или передать ихъ во власть какой-нибудь другой державы: и эта клевета, несмотря на свою явную нелѣпость, не могла не произвесть сильнаго впечатлѣнія въ умѣ подозрительнаго Фердинанда. Нѣсколько времени однакожъ дѣла тянулись, не принимая рѣшительнаго оборота, потому-что усилія враговъ Коломба ослаблялись до нѣкоторой степени его донесеніями, писанными со всѣмъ чистосердечіемъ, со всею энергіей истины, въ которыхъ онъ объяснялъ настоящія причины и родъ бѣдствій, тяготѣвшихъ надъ островомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ средства, которыя могли-бы произвесть благодѣтельнѣй-

шую перемѣну въ дѣлахъ колоніи, еслибъ были употреблены въ свое время и надлежащимъ образомъ. Но эти донесенія получались такъ рѣдко, что онѣ оставляли въ умѣ государей лишь слабыя впечатлѣнія, — и тѣ въ скоромъ времени изглаживались дѣятельными и постоянными усиліями враговъ адмирала. Имѣя свободный доступъ къ государямъ, имъ также легко было поддерживать свои обвиненія, и посредствомъ безпрерывныхъ внушеній убѣдить наконецъ ихъ величества въ справедливости своихъ навѣтовъ, какъ и уничтожать всякое вліяніе объясненій Коломба. Однимъ изъ сильнѣйшихъ доводовъ, который они безпрестанно приводили въ доказательство неспособности или неблагонамѣренности адмирала, служило имъ то, что государство было принуждено истощать свои сокровища для поддержанія колоніи, по безпрерывнымъ его требованіямъ. «Этого-ли должно было ожидать, говорили они, послѣ всѣхъ великолѣпныхъ описаній богатства острова, съ его золотыми горами, которыя онъ называлъ Офиромъ древнихъ, источникомъ сокровищъ Соломона?» Отсюда выводили они, что Коломбъ — или обманулъ государей умышленными преувеличеніями, или употребляетъ во зло ихъ довѣренность, утаивая большую часть доходовъ въ свою пользу, — или наконецъ, что онъ совершенно неспособенъ къ управленію.

Клеветники знали, какъ мучило Фердинан-

да, что пріобретенныя имъ владѣнія, вмѣсто увеличенія его доходовъ, сдѣлались новымъ источникомъ издержекъ. Войны, порожденныя честолюбіемъ этого государя, истощили его финансы, и онъ надѣялся получить изъ Новаго-Свѣта средства для продолженія своихъ подвиговъ на поприщѣ честолюбія. Можно себѣ представить, какъ непріятно было его разочарованіе, когда онъ увидѣлъ, что вмѣсто ожидаемой прибыли, онъ долженъ былъ жертвовать своими собственными доходами для наполненія этого подобія бездны. Чтобъ еще болѣе увеличить негодованіе короля, непріязненная Коломбу партія поощряла всѣхъ недовольныхъ, возвращавшихся изъ колоній, требовать невыданнаго имъ жалованья, или просить вознагражденій за убытки, понесенные ими на королевской службѣ. Буйныя и развратныя существа, высылаемыя изъ колоніи для того, чтобъ избавить ее отъ ихъ мятежнаго духа, охотно слѣдовали этимъ наущеніямъ. Они отправлялись въ Гренаду, гдѣ находился тогда дворъ, и король не могъ ступить тамъ шагу безъ того, чтобъ они не преслѣдовали его, наполняя воздухъ жалобами и требуя громкими воплями уплаты слѣдующаго имъ жалованья. Однажды пятдесятъ такихъ бродягъ нашли способъ прорваться на внутренній дворъ Алгамбры, подъ самыя окна королевскихъ покоевъ. Ставъ противъ нихъ, они подняли

вверхъ виноградныя кисти, которыми запаслись заранѣе, и махая ими кричали: » Вотъ до какого жалкаго существованія доведены мы службой ихъ величествамъ! » И въ то-же время осыпали ругательствами Коломба, обвиняя его, что онъ обманулъ правительство, а оно оставляетъ ихъ безъ заслуженнаго вознагражденія. Въ то время случилось проходить мимо этой сволочи обоимъ сыновьямъ Коломба, которые состояли пажами при королевѣ, — и вся толпа устремилась за ними, изрыгая проклятія. » Вотъ, вопили они, дѣти адмирала! вотъ дѣти этого предателя, который открылъ землю обмана и лжи для того, чтобъ она сдѣлалась гробомъ всего Кастильскаго дворянства! (1). »

Безпрерывно повторяемая клевета заражаетъ наконецъ своимъ ядомъ и благороднѣйшія души. Даже Изабелла начала сомнѣваться въ дѣйствіяхъ Коломба. Столь всеобщія и постоянныя жалобы на него, при вліяніи коварныхъ и безпрерывныхъ внушеній его враговъ, невольно заставили ее думать, что всѣ эти вопли должны имѣть какое нибудь основаніе. Весьма естественно, что не сомнѣваясь даже въ чистотѣ намѣреній Коломба и его братьевъ, она могла усомниться въ ихъ способности начальсвовать; а въ дѣлѣ управленія зло происходитъ

(1) *Hist. del Almirante,* cap. 54.

чаще отъ неблагоразумія, чѣмъ отъ самой неблагонамѣренности. Самъ Коломбъ изображалъ въ своихъ письмахъ плачевную картину смятеній, раздиравшихъ островъ: къ чему-же другому, какъ не къ слабости или неспособности, могла она отнести причину всѣхъ этихъ смятеній? Предполагая даже, что злоупотребленія въ колоніи большею частью происходили отъ ненависти колонистовъ къ адмиралу и его братьямъ и отъ предубѣжденія ихъ къ иностранному происхожденію этой фамиліи, — и въ такомъ случаѣ, благоразумно-ли было ввѣрять столь отдаленное и важное управленіе, людямъ, къ которымъ имѣли столь непріязненное расположеніе ихъ подчиненные? Эти причины имѣли большой вѣсъ въ благородной душѣ Изабеллы; что касается до ревниваго и подозрительнаго Фердинанда, то онѣ дѣйствовали на него съ неодолимою силой. Онъ никогда не чувствовалъ особеннаго расположенія къ Коломбу, а съ тѣхъ поръ, какъ постигъ всю важность его открытій, не преставалъ сожалѣть объ уступкѣ ему столь обширной власти. Сильные вопли, возставшіе противъ Коломбовъ въ продолженіе управленія аделантадо, и возмущеніе Рольдана, побудили наконецъ короля назначить кого-нибудь изъ государственныхъ сановниковъ для изслѣдованія дѣлъ въ колоніи и для смѣны адмирала, въ случаѣ еслибъ уполномоченный призналъ это

нужнымъ для спокойствія острова. Кажется, эта рѣшительная мѣра была принята еще весною 1499 года, и тогда-же были приготовлены всѣ нужныя къ тому бумаги и повелѣнія; однакожъ исполненіе ея послѣдовало не прежде 1500 года. Приводятъ разныя причины этой отсрочки. Возможное дѣло, что важныя заслуги, оказанныя Коломбомъ открытіемъ Паріи и Жемчужныхъ-Острововъ сдѣлали нѣкоторое благопріятное впечатлѣніе на короля. Къ этому еще прибавляютъ необходимость снаряженія въ то время эскадры, для совокупнаго дѣйствія съ Венеціянцами противъ Турокъ, — угрожающее положеніе новаго Французскаго короля, Людовика XII, и возмущеніе Альпухарскихъ Мавровъ въ новопокоренномъ королевствѣ Гренадѣ: причины, достаточныя для объясненія медленности въ исполненіи такой мѣры, которая требовала зрѣлаго обсужденія и могла имѣть важныя послѣдствія (1). Но всего вѣроятнѣй, что Изабелла чувствовала рѣшительное отвращеніе къ столь жестокому поступку съ человѣкомъ, къ которому она питала живѣйшую признательность и высокое уваженіе.

Наконецъ, прибытіе въ Испанію сообщниковъ Рольдана, отправленныхъ изъ колоніи вслѣдствіе заключеннаго съ ними договора,

(1.) Munnos, *Hist. del Nuevo Mundo*, MS.

ускорило кризисъ. Представленіе Баллестера и Барантеса, присланныхъ Коломбомъ для изъясненія королю и королевѣ настоящаго положенія дѣлъ на островѣ, не имѣли вѣсу: съ ними прибыла толпа свидѣтелей, изъявлявшихъ готовность утвердить клятвенно невинность Рольдана и справедливость жалобъ его приверженцевъ на тиранію Коломба и его братьевъ, которыхъ они обвиняли во всѣхъ безпорядкахъ и смятеніяхъ на островѣ. Нѣтъ надобности говорить, что обвиненія мятежниковъ имѣли величайшій вѣсъ въ мнѣніи Фердинанда. Къ несчастью адмирала, одно обстоятельство значительно охладило къ нему и расположеніе Изабеллы, его надежнѣйшей и почти единственной покровительницы. Королева, съ самаго открытія Новаго-Свѣта, приняла материнское участіе въ благосостояніе его дикихъ обитателей, и не могла не оскорбиться тѣмъ, что̀ ей казалось упорствомъ со стороны Коломба, который вопреки ея желаніямъ, слишкомъ ему извѣстнымъ, продолжалъ обращать въ рабство военно-плѣнныхъ туземцевъ. Корабли, привезшіе въ Испанію Рольдановыхъ сообщниковъ, были нагружены невольниками. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ были розданы бунтовщикамъ самимъ адмираломъ, вслѣдствіе договора его съ ними; прочіе увезены тайно. Въ числѣ невольниковъ находилось много дочерей кациковъ, похищенныхъ развратными мятежниками, и

иныя изъ нихъ были беременны, другія только что разрѣшились отъ бремени. Все это обратили въ вину Коломбу, ссылаясь на то, что онъ самъ далъ формальное разрѣшеніе на ихъ вывозъ, — и Изабелла пришла въ негодованіе. Этотъ поступокъ равно оскорблялъ въ ней — и чувствительность женщины и достоинство королевы. «Какое право, вскричала она, имѣетъ адмиралъ располагать моими подданными (1)?» И тутъ-же рѣшилась сильною мѣрой показать, до какой степени она гнушалась этимъ нарушеніемъ правъ человѣчества. Она дала повелѣніе, чтобъ всѣ туземцы Новаго-Свѣта были отвезены обратно въ ихъ отечество; причемъ распространила силу своего повелѣнія и на все прошедшее время, приказавъ отыскать и перевезть въ Испаніолу всѣхъ безъ изъятія невольниковъ, присланныхъ адмираломъ во все время его управленія островомъ. Къ большему несчастью Коломба, онъ въ то-же самое время, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ государямъ, совѣтовалъ имъ допустить еще на нѣкоторое время обращеніе дикихъ въ неволю, какъ мѣру необходимую для блага колоніи. Это письмо усилило негодованіе Изабеллы, и она дала свое согласіе на отправленіе коммисара для изслѣдованія поведенія адмирала и смѣны его, если будетъ нужно.

(1) Las Casas., lib. I.

Однакожъ исполненіе этой мѣры крайне затрудняло короля. Онъ не видѣлъ средства согласить своихъ обязанностей въ отношеніи къ Коломбу, оказавшему столь важныя заслуги государству, съ желаніемъ лишить его власти, которую самъ-же утвердилъ за нимъ. Необходимо было найти какой-нибудь предлогъ, — и этотъ предлогъ представили ему послѣднія письма адмирала. Король схватился за него съ жаромъ. Коломбъ нѣсколько разъ просилъ о высылкѣ къ нему честнаго и образованнаго чиновника для управленія судебною частью на островѣ, съ тѣмъ, чтобъ власть новаго судьи была ограничена и опредѣлена съ такою точностью, чтобъ она не могла вредить собственнымъ его правамъ, присвоеннымъ ему по званію вице-короля. Сверхъ-того, онъ изъявлялъ желаніе, чтобъ для разобранія несогласій его съ Рольданомъ былъ назначенъ безпристрастный посредникъ. Фердинандъ рѣшился удовлетворить обѣ эти просьбы — но посредствомъ одного и того-же лица: такимъ-образомъ посредникъ, который долженъ былъ произнесть рѣшеніе въ дѣлѣ, касающемся важнѣйшихъ преимуществъ адмирала и его братьевъ, былъ уполномоченъ и заступить мѣсто Коломба, въ случаѣ если признаетъ его виновнымъ. Странное средство для узнанія истины! Это важное и щекотливое порученіе было возложено на дона Франсиско де-Бобадиллу, придворнаго вель-

можу и командора религіозно-военнаго ордена «Калатравы.» Овидо называетъ Бобадиллу человѣкомъ исполненнымъ благородства и благочестія (1); другіе историки изображаютъ его (и поступки Бобадиллы оправдываютъ этотъ послѣдній портретъ)—своекорыстнымъ, опрометчивымъ и честолюбцемъ: три важныя препятствія къ безпристрастному выполненію дѣла, требующаго большаго терпѣнія, осмотрительности и строгой справедливости, — особенно если оно представляетъ судьѣ прямую и личную выгоду въ обвиненіи одной изъ спорящихъ сторонъ.

Власть, присвоенная Бобадиллѣ, опредѣляется повелѣніями католическихъ государей, сохранившимися донынѣ и заслуживающими обзора по порядку чиселъ, потому-что они показываютъ, какъ измѣнялись намѣренія ихъ величествъ въ отношеніи къ Коломбу въ разныя эпохи и при разныхъ обстоятельствахъ. Въ первомъ повелѣніи, отъ 21 марта 1499 года, послѣ изложенія жалобъ адмирала на алькада и нѣкоторыхъ другихъ Испанцевъ, возмутившихся противъ него, сказано: «повелѣваемъ вамъ изслѣдовать это дѣло, розыскать — кто именно возмутился противъ помянутаго адмирала, по какой причинѣ и какія учинены возмутителями хищничества или другія преступленія, — распространивъ

(1) Oviedo, *Cronica*, lib. III, cap. 6.

ваше изслѣдованіе на все, что только будетъ относиться къ означенному дѣлу; а по окончаніи розыска и обнаруженіи истины, арестовать виновныхъ, кто-бы они ни были, конфисковать ихъ имущество, и самихъ предать суду, гражданскому или уголовному, на лицо-ли они будутъ состоять или находиться въ отсутствіи, и приговорить ихъ къ наказанію или денежной пени, по мѣрѣ вины каждаго, по собственному вашему усмотрѣнію.» При исполненіи этого повелѣнія, Бобадиллѣ было разрѣшено, въ случаѣ надобности, требовать содѣйствія адмирала и другихъ мѣстныхъ властей. Изъ него ясно видно, что власть, предоставленная Бобадиллѣ, распространялась — собственно только на однихъ мятежниковъ, по жалобамъ на нихъ Коломба.

Но второе повелѣніе, данное ему отъ 21 мая, двумя мѣсяцами позже, уже совсѣмъ въ другомъ тонѣ. Въ немъ вовсе не упоминается о Коломбѣ: это родъ прокламаціи къ совѣтникамъ, судьямъ, коррехидорамъ, рыцарямъ, оруженосцамъ, и вообще ко всѣмъ чинамъ гражданскимъ и военнымъ и къ жителямъ колоній, въ которой возвѣщалось имъ о назначеніи Бобадиллы генералъ-губернаторомъ, съ полною властью какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ. Между многими важными статьями, въ этой прокламаціи помѣщена слѣдующая: «Повелѣваемъ всѣмъ рыцарямъ и другимъ лицамъ на озна-

ченныхъ островахъ нынѣ пребывающимъ, или которые впредь туда прибудутъ, удалиться съ тѣхъ острововъ, если помянутый Франсиско де-Бобадилла признаетъ это нужнымъ для пользы нашей службы, и невозвращаться туда, но немедленно явиться къ намъ. И на сей конецъ мы уполномочиваемъ его, Бобадиллу, настоящею грамотою, всею необходимою на такой случай властью, и повелѣваемъ каждому, кто получитъ отъ него приказаніе, повиноваться ему немедленно, не ожидая отъ насъ объясненій, повторительныхъ указовъ или инструкцій, и не требуя апелляцій: и все это подъ страхомъ наказанія, которому онъ, Бобадилла, уполномоченъ подвергнуть ослушника отъ нашего имени» и проч.

Третьимъ повелѣніемъ, отъ тогоже числа (21 мая), гдѣ Коломбъ титулуется просто — адмираломъ Моря-Океана, приказывается ему и братьямъ его: «всѣ состоящія въ ихъ вѣденіи крѣпости, суда, магазины, оружіе, припасы и все вообще казенное имущество, сдать Бобадиллѣ, какъ губернатору, — подъ страхомъ наказаній, опредѣленныхъ за сопротивленіе при передачѣ крѣпостей и другихъ постовъ, ввѣряемыхъ высочайшею властью, когда послѣдуетъ о томъ указъ.»

Четвертое повелѣніе, отъ 26 мая, данное на имя «адмирала Коломба», не что иное какъ извѣстительная грамота, обязывающая его

вѣрить и повиноваться всему, что сообщитъ ему Бобадилла. . . . .

Изъ этихъ повелѣній, второе и третье очевидно условныя, данныя Бобадиллѣ для предъявленія адмиралу и его братьямъ только въ такомъ случаѣ, когда онъ признаетъ ихъ виновными и заслуживающими лишенія власти.

Страшный ударъ, долженствовавшій разразиться надъ Коломбомъ, приготовлялся, какъ мы уже сказали, цѣлый годъ. Еще не было ничего рѣшено, но объ этомъ дѣлѣ уже поговаривали тихомолкомъ, и враги адмирала заранѣе поздравляли себя съ побѣдой, какъ видно изъ намековъ Ойеды, отплывшаго изъ Испаніи около того времени, когда были подписаны приведенныя нами королевскія повелѣнія, о чемъ онъ узналъ отъ Фонсеки, съ которымъ имѣлъ близкія сношенія и котораго вообще признаютъ главнымъ виновникомъ этой мѣры. Самое позволеніе Ойедѣ предпринять путешествіе для открытій, данное епископомъ во вредъ преимуществамъ адмирала, обнаруживаетъ уже нѣкоторымъ образомъ его увѣренность въ близкомъ паденіи Коломба, — и безъ сомнѣнія, одной этой увѣренности достаточно было для поощренія Ойеды къ тѣмъ страннымъ поступкамъ, которые онъ позволилъ себѣ, находясь у береговъ Ксарагвы.

Наконецъ мѣра, столь долго отсрочиваемая, была приведена въ исполненіе. Бобадилла от-

плымъ въ Санъ-Доминго около половины іюля 1500 года съ двумя карабеллами, на которыхъ находилось двадцать-пять солдатъ, вступившихъ въ службу на одинъ годъ, и шесть монаховъ, которыхъ назиданію было ввѣрено множество дикихъ, возвращаемыхъ на родину. Независимо отъ вышеприведенныхъ повелѣній, Бобадиллѣ поручено было особымъ королевскимъ указомъ изслѣдовать, сколько правительство задолжало разнымъ лицамъ, находящимся на службѣ въ Испаніолѣ, жалованья, уплатить его сполна и обязанъ адмирала сдѣлать тоже по его личнымъ долгамъ, «такъ, чтобъ каждый получилъ что ему слѣдуетъ, и не было-бы больше никакихъ жалобъ.» Кромѣ всего этого, Бобадилла получилъ нѣсколько бланковъ за королевскими подписями, съ властью употребить ихъ по его усмотрѣнію, если признаетъ нужнымъ, при исполненіи возложеннаго на него порученія.

(1) Herrera, decad. I, lib. IV, cap, 7.

ГЛАВА II.

Пріѣздъ Бовадиллы въ Санъ-Доминго. — Онъ объявляетъ себя преемникомъ Коломба. — Его безразсудное и странное поведеніе при исполненіи возложенныхъ на него порученій (1500).

Коломбъ еще находился въ фортѣ «Зачатія», занимаясь устройствомъ дѣлъ Беги послѣ кризиса, положившаго конецъ возмущенію Моксики. Братъ его, аделантадо, при содѣйствіи Рольдана, преслѣдовалъ и забиралъ подъ стражу бѣгущихъ мятежниковъ, въ Ксарагвѣ, а донъ Діэго оставался въ Санъ-Домингѣ временнымъ правителемъ. Возмущеніе истощилось отъ собственныхъ своихъ усилій. Мятежники сами вызвали бурю, которой наконецъ сдѣлались жертвами, и островъ, повидимому, навсегда освободился отъ насилія людей буйныхъ и развращенныхъ.

Таково было положеніе общественныхъ дѣлъ, когда утромъ, 23 августа, изъ Санъ-Домингскаго порта увидѣли на морѣ, въ милѣ

разстоянія отъ земли, двѣ карабеллы, лавирующія около берега въ ожиданіи попутнаго вѣтра съ моря, обыкновенно поднимающагося въ томъ мѣстѣ около десяти часовъ утра, который-бы внесъ ихъ въ гавань. Донъ Діэго Коломбъ, полагая, что суда присланы изъ Испаніи, съ припасами, и что на нихъ прибылъ и его племянникъ, Діэго, котораго адмиралъ просилъ выслать къ себѣ для помощи, тотчасъ-же послалъ къ нимъ лодку для полученія извѣстій. Лоцманъ, которому онъ поручилъ исполнить это, приблизившись къ карабелламъ, спросилъ: «что «они привезли новаго, и прибылъ-ли съ ними Діэго, сынъ адмирала?» Бобадилла отвѣчалъ ему самъ. Онъ объявилъ о своемъ назначеніи—коммисара, присланнаго для изслѣдованія безпорядковъ на островѣ, возникшихъ по поводу возмущенія Рольдана, потомъ спросилъ въ свою очередь, «что новаго на остро«вѣ?» Лоцманъ разсказалъ ему о послѣднихъ происшествіяхъ,—о возмущеніи Моксики, о прекращеніи мятежа, и о томъ, что уже семеро бунтовщиковъ повѣшены на прошедшей недѣлѣ, а еще пять, приговоренныхъ къ той-же казни, содержатся въ Санъ-Доминиской крѣпости до исполненія приговора,—что въ числѣ осужденныхъ находятся Педро Рикельмъ и Фернандо де-Гуэвара, молодой рыцарь, котораго страсть къ дочери Анакоаны была первою причиной мятежа,

и наконецъ, что адмиралъ и аделантадо находятся въ отсутствіи, а въ Санъ-Доминго, покуда, начальствуетъ донъ Діэго.

Когда лодка возвратилась въ гавань и жители узнали о прибытіи коммисара для изслѣдованія безпорядковъ на островѣ, во всемъ городѣ распространилось величайшее волненіе. Колонисты начали собираться толпами и разсуждать потихоньку о томъ, что будетъ. Люди, у которыхъ совѣсть была не совсѣмъ чиста, пріуныли; другіе, имѣвшіе какія нибудь претензіи, дѣйствительныя или мнимыя, и въ особенности тѣ, которымъ не было выдано жалованье, радовались (1). Первый предметъ, поразившій Бобадиллу, когда суда входили въ портъ, была висѣлица, и на ней трупъ Испанца, повидимому еще недавно повѣшеннаго. Этого было уже достаточно для утвержденія въ его мнѣніи всѣхъ слышанныхъ имъ нелѣпостей о жестокостяхъ Коломба. Каждый спѣшилъ засвидѣтельствовать свое почтеніе ревизору. Бобадилла весь этотъ день пробылъ на своемъ корабдѣ, выслушивая пустѣйшіе разсказы и самыя вздорныя донесенія колонистовъ, и такъ-какъ благосклонность его старались въ особенности пріобрѣсть тѣ Испанцы, которые болѣе другихъ имѣли причины опасаться его изслѣдо-

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. I, cap. 189. — Herrera, decad. I, lib. IV, cap. 8.

ванія, то, само собою разумѣется, сообщенныя ими свѣденія не могли быть благопріятны Коломбу. Слѣдствіемь этой мудрой мѣры со стороны Бобадиллы было то, что онъ еще не коснувшись ногой земли, уже рѣшилъ — что адмиралъ кругомъ виноватъ.

На другой день поутру ревизоръ сдѣлалъ высадку на берегъ со всѣмъ экипажемъ, и отправился въ церковь къ обѣдни. Тамъ онъ увидѣлъ донъ Діэго Коломба, Родрига Переса— лейтенанта адмирала, и многихъ важнѣйшихъ сановниковъ колоніи. По окончаніи литургіи, всѣ они собрались у дверей церкви, заставленныхъ многочисленною толпой народа, и Бобадилла велѣлъ прочесть громогласно свои довѣрительныя грамоты, которыми онъ уполномочивался произвесть подробнѣйшее изслѣдованіе о возмущеніи Рольдана, арестовать виновныхъ, конфисковать ихъ имущество и поступить съ ними по всей строгости законовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ право требовать отъ адмирала и всѣхъ вообще начальствующихъ лицъ на островѣ содѣйствія себѣ всѣми зависящими отъ нихъ средствами. По прочтеніи этой грамоты, Бобадилла потребовалъ отъ дона Діэго и алькадовъ передачи въ его вѣденіе Педро Рикельма, Фернандо де-Гуэвары и всѣхъ содержавшихся вмѣстѣ съ ними подъ стражею, также показаній, сдѣланныхъ противъ нихъ, а обвинителямъ и тѣмъ, которые предписали

взять их подъ стражу, велѣлъ явиться къ себѣ.

Донъ Діэго отвѣчалъ, что пресупники взяты по повелѣнію адмирала, котораго власть обширнѣе данной Бобадиллѣ, и что безъ его разрѣшенія онъ не можетъ ничего предпринять. Вмѣстѣ съ этимъ, онъ просилъ Бобадиллу сообщить ему копію съ довѣрительной грамоты, для отсылки ее къ адмиралу, потому-что онъ одинъ можетъ отвѣчать ему. Бобадилла отвѣчалъ съ презрѣніемъ, что если донъ Діэго не можетъ ничего сдѣлать, то безполезно давать ему и копіи съ его документовъ, прибавивъ, что такъ-какъ званіе ревизора, уполномоченнаго ихъ величествами, повидимому, не имѣетъ здѣсь никакого вѣса, то онъ намѣренъ испытать, не дѣйствительнѣй-ли будетъ въ глазахъ правителей колоніи званіе губернатора, и надѣется доказать имъ, что имѣетъ полное право повелѣвать всѣми ими и самимъ адмираломъ.

Санъ - Домингскіе колонисты ожидали съ живѣйшимъ любопытствомъ развязки этого неожиданнаго происшествія. На слѣдующее утро Бобадилла явился снова въ церковь съ твердою рѣшимостью — немедленно присвоить себѣ власть, которую онъ обязанъ былъ принять тогда только, еслибъ, послѣ безпристрастнаго и подробнѣйшаго изслѣдованія дѣлъ, открылось, что Коломбъ дѣйствительно виновенъ. По окончаніи обѣдни, когда народъ

въ нетерпѣніи столпился у церковныхъ дверей, Бобадилла въ присутствіи дона Діэго и Родриго Переса велѣлъ прочесть вторую свою грамоту, по которой онъ назначался губернаторомъ островов и твердой земли Новаго-Свѣта.

По обнародованіи этого новаго званія своего, Бобадилла, по обыкновенію, присягнулъ и предложилъ сдѣлать то-же дону Діэго, Родриго Пересу и всѣмъ присутствовавшимъ въ церкви; потомъ вторично потребовалъ выдачи содержащихся въ крѣпости подъ стражей. Донъ Діэго и Пересъ отвѣчали, что имѣютъ глубочайшее уваженіе къ грамотѣ ихъ величествъ, но снова объявляютъ ему, что они обязаны отвѣтствовать за арестантовъ передъ адмираломъ, которому король и королева даровали власть несравненно обширнѣй его власти.

Это сопротивленіе оскорбило какъ нельзя больше самолюбіе Бобадиллы, въ особенности когда онъ замѣтилъ, что твердость дона Діэго и Переса начинала дѣлать впечатлѣніе на колонистовъ, которые повидимому сомнѣвались въ дѣйствительности его власти, — и онъ велѣлъ прочесть третье повелѣніе короля и королевы, по которому Коломбъ и его братья были обязаны сдать ему крѣпости, корабли и вообще все казенное имущество. А чтобъ еще болѣе склонить народъ на свою сторону, онъ велѣлъ объявить также и до-

полнительный указъ, отъ 30 мая 1500 года, которымъ повелѣвалось ему удовлетворить сполна всѣхъ бывшихъ и находящихся въ королевской службѣ на островѣ, людей, заслуженнымъ ими жалованьемъ; и обязать адмирала уплатить собственные его долги.

Этотъ послѣдній указъ былъ принятъ толпой съ шумными восклицаніями, потому-что многіе колонисты давно уже не получали жалованья по недостатку денегъ въ казнѣ. Возгордясь важностью своего новаго званія, Бобадилла опять потребовалъ выдачи арестантовъ, угрожая, въ случаѣ отказа, взять ихъ силой. Получивъ прежній отвѣтъ, онъ дѣйствительно отправился къ крѣпости для исполненія своей угрозы. Укрѣпленіемъ командовалъ Мигуэль Діасъ, — тотъ самый Аррагонецъ, который, отыскивая убѣжища у жителей береговъ Оземы, плѣнилъ сердце женщины - кацика, Каталины, и узнавъ отъ ней о существованіи золотыхъ рудниковъ въ окрестностяхъ, склонилъ своихъ соотечественниковъ поселиться въ этой части острова.

Бобадилла явился къ форту; но крѣпостныя ворота были заперты, и алькадъ Мигуэль Діасъ стоялъ на стѣнѣ. Новый губернаторъ велѣлъ громко прочесть коменданту свои грамоты, потомъ обратить къ нему бумаги королевскими подписями и печатью, такъ чтобъ онъ могъ узнать ихъ. Мигуэль Діасъ потребовалъ копій съ грамотъ. Бобадилла от-

вѣчалъ, что ему некогда снимать для него копій, потому-что осужденные могутъ быть казнены ежеминутно, а въ заключеніе прибавилъ, что если онъ не выдастъ арестантовъ тотчасъ-же, добровольно, то онъ вынужденъ будетъ принять крайнія мѣры, за послѣдствія которыхъ вся отвѣтственность падетъ на него, Мигуэля. Осторожный алькадъ повторилъ свое требованіе, и кромѣ-того попросилъ нѣсколько времени на размышленіе, представляя новому губернатору, что онъ командуетъ фортомъ отъ имени короля, по назначенію адмирала, своего законнаго начальника, присоединившаго всѣ эти земли къ владѣніямъ короны цѣною трудовъ своихъ, и что онъ, Діасъ, не считаетъ себя въ правѣ предпринять что-либо безъ его разрѣшенія, а какъ скоро адмиралъ возвратится, немедленно исполнитъ все, что онъ прикажетъ ему (1).

Отказъ алькада возбудилъ гнѣвъ Бобадиллы до высочайшей степени. Собравъ вокругъ себя солдатъ и матросовъ, прибывшихъ съ нимъ изъ Европы, и увеличивъ эту команду Санъ-Домингскою чернью, онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой убѣждалъ помочь ему овладѣть арестантами, не дѣлая однакожъ вреда никому иначе, какъ только въ случаѣ сопротивленія. Толпа изъявила согласіе шумными восклицаніями, потому-что

(1) Las Casas, *Hist. Ind.* lib. I, cap. 179.

онъ уже сдѣлался ея идоломъ. Это было около вечерень. Бобадилла немедленно принялъ начальство надъ многочисленною сволочью всякаго рода людей, собравшихся вокругъ него, и началъ дѣлать распоряженія къ приступу, въ намѣреніи разгромить крѣпость, грозную по одному только имени, потому-что и первоначальное назначеніе этого форта состояло единственно въ удержаніи въ страхъ бѣдныхъ дикарей, — нагихъ и почти безоружныхъ; а съ того времени, онъ значительно обветшалъ и близокъ былъ къ разрушенію. Въ описаніи этой осады заключается столько шутовскаго и сумасброднаго, что она имѣетъ видъ одного изъ подвиговъ донъ-Кихота. Кончивъ всѣ приготовленія, Бобадилла повелъ стремительную атаку на крѣпостныя ворота, въ которыхъ петли и замки были до такой степени повреждены, что ворота рухнули при первомъ ударѣ въ нихъ, и такимъ-образомъ аттакующимъ открылся свободный входъ въ крѣпость. Между-тѣмъ, ревностные сподвижники этой побѣдоносной колонны приставили къ стѣнамъ множество лѣстницъ и устремились на штурмъ, съ твердою рѣшимостью — покорить гарнизонъ, котораго вовсе не было въ фортѣ. Ихъ встрѣтили на валу только два человѣка — алькадъ Мигуэль Діасъ и Діэго де-Альверадо: они стояли съ обнаженными шпагами, но не дѣлая никакого сопротивленія. Такимъ-образомъ Бобадилла вступилъ въ

крѣпость безъ всякаго отпору, безъ малѣйшаго сопротивленія, и тотчасъ-же велѣлъ представить къ себѣ арестантовъ, которыхъ нашли въ одномъ зданіи, въ оковахъ. Сдѣлавъ имъ для виду нѣсколько вопросовъ, онъ передалъ ихъ подъ присмотръ одному алгвазилу, по имени Хуану де-Эспинозѣ (1).

Вотъ какимъ сумасброднымъ и насильственнымъ образомъ Бобадилла началъ исполненіе возложенныхъ на него государями обязанностей. Онъ измѣнилъ порядокъ данныхъ ему наставленій, захвативъ въ свою руки власть прежде, нежели изслѣдовалъ поступки Коломба, — и продолжалъ также какъ началъ, распоряжаясь въ колоніи точно такъ, какъ будто-бы адмиралъ уже былъ осужденъ въ Испаніи самими монархами, а онъ присланъ только для того чтобъ лишить его власти, а не изслѣдовать, не употребилъ-ли онъ ее во зло. Онъ занялъ домъ Коломба, завладѣлъ его оружіемъ, золотомъ, серебромъ, драгоцѣнностями, лошадьми, даже не пощадилъ его книгъ, писемъ и бумагъ, не исключая и тѣхъ, которыя относились собственно къ его домашнимъ дѣламъ. Безъ сомнѣнія, онъ считалъ все это уже конфискованнымъ въ пользу казны, и потому не сдѣлалъ никакой описи захваченному имуществу. Изъ всѣхъ его поступковъ былъ одинъ только, который мож-

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. I, cap. 179.

но назвать справедливымъ: онъ уплатилъ изъ денегъ адмирала его долги (1). Чтобъ привязать къ себѣ еще болѣе колонистовъ, онъ на другой день по вступленіи въ должность губернатора, издалъ прокламацію, въ которой заключалось всеобщее разрѣшеніе пріобрѣтать золото, со взносомъ въ казну только одиннадцатой доли изъ добытаго, вмѣсто трети, какъ было постановлено прежде. Въ той же прокламаціи онъ относился о Коломбѣ въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ и объявлялъ, что онъ отправитъ его въ Испанію «на цѣпи,» и что ни самъ онъ, и никто изъ его фамиліи, никогда уже не ступитъ ногой на островъ (2).

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 85. — Las Casas, Herrera, *Hist. Ind.*, lib. I, cap. 179.

(2) Письмо Коломба къ кормилицѣ принца Іоанна.

ГЛАВА III.

Коломбъ получаетъ приказаніе явиться къ Бобадиллѣ (1500).

Коломбъ, узнавъ въ фортѣ «Зачатія» о насильственныхъ поступкахъ Бобадиллы, счелъ ихъ сначала своевольными дѣйствіями какого-нибудь авантуриста, подобнаго Ойедѣ. Съ тѣхъ-поръ какъ правительство открыло свободное поле для предпріятій въ Новомъ-Свѣтѣ частнымъ лицамъ, онъ долженъ былъ ежеминутно ожидать нарушенія своихъ преимуществъ и сопротивленія своей власти отъ перваго интриганта, которому вздумалось-бы счесть себя въ правѣ вмѣшаться въ дѣла колоніи. Послѣ отъѣзда Ойеды, къ острову приставала другая эскадра, подъ начальствомъ одного изъ Пинсоновъ, который также получилъ отъ правительства разрѣшеніе предпринять путешествіе для открытій, — и это опять встревожило Коломба. Потомъ

разнесся слухъ о новомъ появленіи кораблей въ виду острова, однакожъ это извѣстіе оказалось ложнымъ (1).

Поведеніе Бобадиллы имѣло всѣ признаки самовольнаго похищенія власти какимъ-нибудь авантуристомъ. Онъ овладѣлъ открытою силой укрѣпленіемъ, слѣдственно и самымъ городомъ; объявилъ колонистамъ льготы, совершенно противныя выгодамъ правительства, которыя повидимому не имѣли другой цѣли, кромѣ пріобретенія себѣ приверженцевъ; наконецъ — угрожалъ отослать адмирала въ Европу «на цѣпи». Невозможно было даже предположить, чтобъ столь сумасбродныя и вмѣстѣ неистовыя мѣры были утверждены королемъ и королевой. Увѣренность адмирала въ собственныхъ своихъ заслугахъ, неоднократныя изъявленія ихъ величествами благосклонности и уваженія къ нему; обширная власть, присвоенная его званію государями, особыми грамотами, скрѣпленными ихъ печатями и подписями и составленными съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, какія только могутъ усилить дѣйствительность акта: все это заставляло его думать, что случившееся въ Санъ-Доминго, не что иное — какъ удальство какого-нибудь дерзкаго интриганта. Желая получить болѣе точныя свѣденія о про-

(1) Письмо Колонба къ кормилицѣ принца Іоонна.

исшествіи, онъ переѣхалъ поближе къ Санъ-Домингу, въ городокъ Бонао, съ каждымъ днемъ распространяемый Испанцами, которые переселяясь въ него, строили дома и обработывали прилежащія къ нему земли.

Только-что онъ прибылъ въ Бонао, какъ изъ Санъ-Доминго явился туда алькадъ, облеченный отличительными знаками своей власти, для возвѣщенія жителямъ о назначеніи Бобадиллы генералъ-губернаторомъ острова и обнародованія данныхъ ему грамотъ, съ которыхъ копіи онъ привезъ съ собою. Къ адмиралу не было отъ новаго правителя ни форменнаго увѣдомленія, ни частнаго письма. Бобадилла не счелъ нужнымъ соблюсти съ нимъ даже той обыкновенной вѣжливости, которая наблюдается въ отношеніи къ смѣняемымъ чиновникамъ, и вообще все его поведеніе отличалось какою-то особенною грубостью и наглостью. Коломбъ не зналъ, на что рѣшиться; положеніе его было крайне затруднительно. Послѣднія происшествія показывали, что Бобадилла получилъ отъ короля и королевы весьма обширную власть; но онъ не могъ вѣрить, чтобъ ихъ величества употребили противъ него мѣру столько-же суровую, какъ неожиданную и вовсе незаслуженную, — чтобъ однимъ ударомъ лишили его званія, которое онъ пріобрелъ столькими трудами. Онъ старался убѣдить себя, что Бобадилла присланъ

для занятія должности главнаго алькада по его-же просьбѣ, и что ему ввѣрена временная власть для произведенія розыска о послѣднихъ смятеніяхъ на островѣ; что всѣ дѣйствія его превышаютъ данную ему власть, и суть не что иное какъ злоупотребленіе, подобное тому, какое позволилъ себя нѣкогда Агадо. Въ этомъ предположеніи онъ рѣшился и дѣйствовать. Важность состояла въ томъ, чтобъ выиграть время: если король и королева дѣйствительно приняли противъ него какія-либо суровыя мѣры, то это не могло произойти иначе, какъ вслѣдствіе самой безстыдной клеветы, — а въ такомъ случаѣ малѣйшая отсрочка въ приведеніи этой мѣры въ исполненіе могла вывести ихъ величества изъ заблужденія и поправить все дѣло.

Онъ рѣшился написать къ Бобадиллѣ. Въ вѣжливомъ письмѣ своемъ онъ привѣтствовалъ его какъ пріятнаго гостя на островѣ, но совѣтовалъ не принимать слишкомъ поспѣшныхъ мѣръ, особенно въ разсужденіи дарованія льготъ, наконецъ увѣдомлялъ, что располагая вскорѣ отправиться въ Испанію, онъ намѣренъ передать управленіе колоніями въ его руки, и обѣщалъ доставить ему всѣ свѣденія и объясненія, необходимыя для устраненія трудностей, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ. Въ томъ-же тонѣ онъ написалъ и къ монахамъ, прибывшимъ съ Бобадиллой.

Всѣ эти письма, какъ сознается самъ Коломбъ, имѣли единственною цѣлью — выигрышъ времени (1); но онъ не получилъ на нихъ никакого отвѣта. Между-тѣмъ Бобадилла, сохраняя въ отношеніи къ Коломбу оскорбительное молчаніе, дѣятельно занимался привлеченіемъ на свою сторону главныхъ начальниковъ на островѣ. Онъ употребилъ въ дѣло бланки, данныя ему королемъ и королевой на непредвидимые случаи, написавъ на нихъ рескрипты, исполненные похвалъ и обѣщаній, на имя Рольдана и главнѣйшихъ враговъ адмирала, надъ которыми ему велено было произвесть изслѣдованіе (2).

Чтобъ предупредить, по возможности, зло, которое могли произвесть льготы и разныя разрѣшенія, щедрою рукой расточаемыя Бобадиллой, Коломбъ велѣлъ объявить всюду, что власть, присвоенная этимъ чиновникомъ, также какъ всѣ его разрѣшенія, не дѣйствительны, потому-что онъ, Коломбъ, облеченъ правительствомъ властью высшею, дарованною ему навсегда и вѣчно, и которой лишить его Бобадилла имѣетъ не болѣе права, какъ и Агадо.

Въ этомъ состояніи неизвѣстности и мучительнаго ожиданія, — не зная что пред-

(1) Письмо Коломба къ кормилицѣ принца Іоанна.

(2) Письмо Коломба къ кормилицѣ принца Іоанна. — Herrera, decad. I, lib. IV, cap. 9.

принять въ столь странныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, — Коломбъ оставался недолго. Вскорѣ пріѣхали въ Бонао Франсиско Веласкесъ, королевскій казначей, и Хуанъ де-Трасіерра, францисканскій монахъ, и предъявили ему королевскую грамоту, адресованную на его имя и подписанную 26 мая 1499 года, которою повелѣвалось ему признавать истиннымъ все, что сообщитъ ему Бобадилла и повиноваться ему. Вмѣстѣ съ грамотой посланные вручили Коломбу предписаніе отъ Бобадиллы — немедленно явиться къ нему.

Это лаконическое повелѣніе ихъ величествъ однимъ ударомъ ниспровергло его могущество и власть. Онъ уже не колебался болѣе, и повинуясь безъ ропота приказанію Бобадиллы, отправился въ Санъ-Доминго, почти безъ всякой свиты (1).

(1) Herrera, decad. I, lib. IV, cap. 9. — Письмо Коломба къ кормилицѣ принца Іоанна.

ГЛАВА IV.

Колонъ и его братья арестованы и отправлены въ Испанію въ оковахъ (1500).

Вѣсть о прибытіи новаго губернатора, о паденіи Коломба и о намѣреніи Бобадиллы отправить его въ Испанію въ цѣпяхъ, быстро разнеслась въ Вегѣ и вызвала многихъ тамошнихъ колонистовъ въ Санъ-Доминго, съ привѣтствіями. Не трудно было замѣтить, что вѣрнѣйшимъ средствомъ понравиться новому губернатору была клевета на его предшественника. Бобадилла не могъ не чувствовать, что поступилъ слишкомъ дерзко, захвативъ въ свои руки, безъ всякаго изслѣдованія, управленіе островомъ; личная безопасность его требовала — обвинить адмирала кругомъ: и онъ съ жадностью выслушивалъ всѣ явные и тайные доносы на него, и принималъ съ распростертыми объятіями всякаго, кто являлся къ нему съ жалобами на адмирала или его

братьевъ — каковы нелѣпы и невѣроятны онѣ ни были.

Узнавъ, что адмиралъ на пути къ Санъ-Домингу, Бобадилла началъ дѣлать большія приготовленія къ оборонѣ. Онъ вооружилъ всѣ войска, разглашая всюду, что получилъ извѣстіе о мятежныхъ движеніяхъ, будто-бы произведенныхъ воззваніемъ Коломба къ касикамъ Беги и ко всѣмъ ихъ подданнымъ, въ которомъ онъ просилъ ихъ о помощи для сопротивленія повелѣніямъ правительства. Этотъ нелѣпый слухъ, ни на чемъ не основанный, по всѣмъ вѣроятностямъ, былъ распущенъ самимъ Бобадиллою для того, чтобъ имѣть хотя какой-нибудь предлогъ къ насильственнымъ и несправедливымъ мѣрамъ, которыя онъ тогда замышлялъ противъ адмирала. Что касается до брата Коломба, дона Діэго, то онъ велѣлъ его арестовать, обременить оковами и посадить на одну изъ каравеллъ, не позаботясь даже и о предлогѣ, которымъ бы можно было объяснить причину его заточенія.

Между тѣмъ Коломбъ продолжалъ свое одинокое путешествіе къ Санъ-Домингу, не имѣя при себѣ ни стражи, ни свиты. Часть его прислуги находилась при аделантадо; остальной онъ не позволилъ слѣдовать за собою. Онъ уже слышалъ о неприязненныхъ приготовленіяхъ Бобадиллы; его предупредили также, что губернаторъ замышляетъ поступить съ

нимъ самымъ насильственнымъ образомъ: и, быть-можетъ, эти-то самыя обстоятельства заставили его съ намѣреніемъ явиться туда въ самомъ скромномъ видѣ, чтобъ показать всѣмъ и каждому свою покорность волѣ монарховъ и всю нелѣпость слуховъ, распущенныхъ объ его мнимой непріязненности, или по-крайней-мѣрѣ отдалить отъ себя подозрѣніе (1).

Только-что Бобадилла узналъ о прибытіи Коломба, какъ тотчасъ-же далъ приказаніе — заковать его въ желѣза и посадить въ крѣпость.

Это жестокое оскорбленіе, нанесенное человѣку столь почтенному, облеченному достоинствами столь высокими, поразило самыхъ враговъ его, до-того, что когда принесли оковы, всѣ присутствовавшіе отступили назадъ, и никто не хотѣлъ наложить ихъ на него. Они не могли защититься отъ состраданія къ человѣку, подвергшемуся столь поразительному перевороту счастья, и отъ уваженія къ его особѣ. Но ему суждено было испить всю чашу неблагодарности, до дна: «его собственный поваръ,» — говоритъ Ласъ-Касасъ, — «безстыдный и подлый негодяй, замѣтивъ, что никто не рѣшается принять на себя исполненіе этой отвратительной обязанности, взялъ желѣза и набилъ ихъ своему господину такъ проворно и съ

(1) Las Casas, *Hist. Ind*, lib. 1, cap. 180.

такимъ довольнымъ видомъ, какъ будто-бы стряпалъ для него какое-нибудь любимое блюдо. Я зналъ этого мерзавца, прибавляетъ почтенный историкъ, и если не ошибаюсь, его звали, — Эспиноза (1).»

Коломбъ переносилъ всѣ оскорбленія, которыми обременяли его голову, съ свойственнымъ ему великодушіемъ. Есть благородная гордость, которая побуждаетъ человѣка истинно великаго пренебрегать въ молчаніи обидами, которыя наноситъ ему злой. Адмиралъ былъ неспособенъ унизиться передъ высокомѣріемъ заносчиваго и надменнаго Бобадиллы. Онъ не обращалъ вниманія на этого недостойнаго агента, ни на его низкое тиранство, а сосредоточивалъ всѣ думы свои на тѣхъ, кто прислалъ его. Несправедливость и неблагодарность короля и королевы пронзали ему сердце; но совѣсть говорила ему, что когда откроется истина, они узнаютъ, какъ худо судили объ немъ: и эта утѣшительная увѣренность поддерживала его мужество и заставляла переносить въ молчаніи и съ спокойствіемъ всѣ оскорбленія, которымъ его подвергали.

Хотя Бобадилла имѣлъ уже въ своей власти адмирала и дона Діэго и успѣлъ привязать къ себѣ чернь, однакожъ все еще тревожился и не могъ быть спокоенъ. Аделантадо пред-

(1) Las Casas, *Hist Ind.*, lib. I, cap. 108.

водительствовалъ довольно сильнымъ отрядомъ, продолжая преслѣдованіе мятежниковъ въ отдаленной провинціи Ксарагвѣ. Зная воинственный духъ и рѣшительность дона Варфоломея, новый губернаторъ страшился, чтобъ онъ не возсталъ противъ него открытою силой, узнавъ о заключеніи своихъ братьевъ и о безчестныхъ поступкахъ съ ними. Онъ боялся самъ написать къ нему, предвидя все негодованіе грознаго аделантадо, и обратился съ просьбой къ самому-же Коломбу, чтобъ онъ написалъ отъ себя къ своему брату и склонилъ его мирно возвратиться въ Санъ-Доминго, запретивъ казнить плѣнныхъ. Коломбъ безпрекословно исполнилъ его желаніе. Онъ написалъ письмо къ брату, въ которомъ убѣждалъ его спокойно покориться волѣ короля и королевы и сносить терпѣливо ожидающія его оскорбленія, въ твердомъ уповаліи, что какъ скоро они прибудутъ въ Кастилію, все объяснится и дѣла примутъ прежній видъ (1).

(1) Пьеръ-Мартиръ разсказываетъ слухъ, носившійся въ то время, будто-бы адмиралъ написалъ къ аделантадо письмо условными знаками, убѣждая его прибыть къ Санъ-Доминго съ своимъ отрядомъ для сопротивленія насильственнымъ мѣрамъ Бобадиллы, — что аделантадо дѣйствительно явился къ городу съ своими солдатами, но отдѣлясь отъ нихъ по неосторожности, былъ захваченъ губернаторомъ прежде, чѣмъ его отрядъ подоспѣлъ къ нему

По полученіи этого письма, аделантадо немедленно прекратилъ дѣйствія, сдалъ начальство надъ своимъ отрядомъ и прибылъ въ Санъ-Доминго, гдѣ тотчасъ-же по пріѣздѣ былъ подвергнутъ одинакой участи съ братьями. Подобно имъ, и его обременили оковами и посадили подъ стражу на карабеллу. Братья были разлучены; ихъ притѣснитель простеръ свое тиранство до того, что запретилъ имъ имѣть малѣйшія сношенія между собой, не хотѣлъ ихъ видѣть самъ и не позволялъ никому другому посѣщать ихъ; не извѣстилъ ихъ даже о причинѣ ихъ арестованія, о преступленіяхъ, въ которыхъ они обвинены, ни о производимомъ надъ ними слѣдствіи (1).

на помощь, и что письмо, писанное условными знаками, было отослано въ Испанію. Этотъ вздорный слухъ, вѣроятно, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые были умышленно распущены Бобадиллой для очерненія Коломба въ общемъ мнѣніи. Онъ опровергается положительнымъ образомъ уже тѣмъ, что ничего подобнаго не упомянуто въ слѣдствіи объ адмиралѣ, представленномъ самимъ Бобадиллой, которое Ласъ-Касасъ читалъ и сдѣлалъ изъ него выписки для своей «Исторіи.» Кромѣ-того, это обвиненіе явно противорѣчитъ фактамъ, приведеннымъ Ласъ-Касасомъ, Геррерою и Фернандо Коломбомъ.

(1) Шарльвуа, въ своей *Исторіи Санъ-Доминго* (кн. III, стр. 199.), говоритъ, что слѣдствіе надъ Коломбомъ производилось посредствомъ переводчика, что къ нему при-

Впослѣдствіи возникъ вопросъ: дѣйствительно-ли Бобадиллѣ было дано право арестовать и отдать подъ стражу Коломба и его братьевъ, и входило-ли даже въ намѣреніе короля и королевы, въ какомъ-бы то ни было случаѣ, употребить противъ нихъ столь крайнія мѣры? Въ поддержаніе сомнѣнія на этотъ счетъ приводили: что Бобадилла, желая присвоить себѣ власть правителя, могъ умышленно перетолковать одну статью грамоты отъ 21 марта 1499, которою онъ уполномочивался «забрать виновныхъ подъ стражу, конфисковать ихъ имущество и приговорить къ строжайшимъ, гражданскимъ или уголовнымъ, наказаніямъ, по мѣрѣ виновности каждаго, несмотря нато, на лицо-ли будутъ со-

сылали обвинительныя статьи на бумагѣ и онъ отвѣчалъ на нихъ тѣмъ-же порядкомъ. Это совершенно противорѣчитъ тому, что повѣствуютъ Ласъ Касасъ, Геррера и Фернандо Коломбъ. Самъ адмиралъ, въ письмѣ своемъ къ кормилицѣ принца Іоанна, пересказавъ, какъ его и братьевъ его заковали въ цѣпи и посадили подъ стражу, всѣхъ порознь, прибавляетъ именно эти слова: «Клянусь Богомъ, не знаю, за что меня взяли подъ стражу,» и говоритъ, что «во все это время онъ не видѣлъ ни Бобадиллы и никого другаго.» Потомъ, спустя нѣсколько времени, онъ писалъ изъ Ямайки: «Меня арестовали съ обоими братьями, заковали въ цѣпи, заточили на корабль, гдѣ я былъ дурно одѣтъ, получалъ еще худшее содержаніе, — и все это безъ допроса, безъ суда.»

стоять подсудимые или находиться въ отсутствіи. Эта статья, — говорятъ обвинители Бобадиллы, — видимо и исключительно относилась къ Рольдану и его сообщникамъ, которые тогда открыто возставали противъ законной власти и на которыхъ Коломбъ посылалъ жалобы ихъ величествамъ; Бобадилла могъ измѣнить ея смыслъ, чтобъ имѣть предлогъ арестовать адмирала, — какъ онъ и вообще, во все время исправленія возложенныхъ на него обязанностей, безпрестанно измѣнялъ и перепутывалъ порядокъ данныхъ ему инструкцій. Такъ на-примѣръ: онъ долженъ былъ начать свои дѣйствія слѣдствіемъ надъ мятежниками — онъ этимъ кончилъ; послѣдняя его мѣра (и то въ такомъ только предположеніи, еслибъ онъ получилъ несомнѣнныя доказательства виновности адмирала) должна была состоять въ отрѣшеніи Коломба отъ должности и въ занятіи его мѣста самому, — онъ этимъ началъ, вовсе не заботясь объ изслѣдованіи. Рѣшившись заранѣе признать адмирала виновнымъ, онъ, сообразно съ этимъ, рѣшилъ, — что всѣ враги его правы. Наконецъ, послѣ жестокихъ и насильственныхъ мѣръ противъ адмирала и его братьевъ, онъ уже для собственнаго своего оправданія, по необходимости, долженъ былъ стараться доказать ихъ виновность: и черезъ это странное ниспроверженіе предписаннаго ему порядка, тѣ самые мятежники, которыхъ онъ

былъ присланъ судить, сдѣлались необходимыми и важными для него свидѣтелями въ обвиненіи того лица, противъ котораго они бунтовали, какъ противъ своего начальника и представителя своихъ государей (1).

Но при всѣхъ усиліяхъ — сложить всю вину на недостойнаго исполнителя намѣреній короля и королевы, невозможно оправдать Испанскаго правительства. Еслибъ права и великія заслуги Коломба были уважаемы дворомъ какъ слѣдовало, оно не вѣрило-бы Бобадиллѣ неограниченной власти, и самъ Бобадилла никогда не осмѣлился-бы позволить себѣ подобныхъ крайностей.

Наконецъ началось изслѣдованіе. Здѣсь возобновились съ удесятеренною силой всѣ клеветы, которыми былъ осыпанъ Коломбъ во время ревизованія Агадо. Всѣ прежнія жалобы и доносы, вмѣстѣ съ множествомъ новыхъ, еще нелѣпѣйшихъ, были представлены губернатору. Не было ниодного несчастнаго случая, ниодного злоупотребленія или мятежа на островѣ, — начиная отъ старинной обиды, нанесенной Кастильской гордости принужденіемъ, въ минуты кризиса, хидальговъ къ участію въ общественныхъ работахъ, до послѣдняго обвиненія въ намѣреніи поднять знамя войны для сопротивленія правитель-

(1) Herrera, decad. I, lib. IV, cap. 10. — Oviedo, Cronica, lib. III, cap. 6.

етую, — которагобы не приписали дурному управленію адмирала и его братьевъ. Кромѣ обыкновенныхъ обвиненій — въ изнуреніи колонистовъ тягостными и безполезными работами, въ осужденіи ихъ на множество лишеній и жестокія наказанія, и въ несправедливыхъ войнахъ противъ туземцевъ, — ихъ обвиняли еще въ препятствованіи обращенію дикихъ въ христіанство, съ тою цѣлью, чтобъ имѣть предлогъ отсылать ихъ въ Испанію и продавать тамъ въ неволю, въ свою пользу. Это послѣднее обвиненіе, столь сильно опровергаемое извѣстнымъ благочестіемъ адмирала, было основано на одномъ случаѣ, когда онъ велѣлъ отложить крещеніе нѣсколькихъ дикихъ, находившихся въ зрѣломъ возрастѣ, до того времени, когда они будутъ наставлены въ истинахъ христіанской религіи, — весьма справедливо замѣтивъ, что столь неосмотрительное допущеніе къ этому таинству было-бы злоупотребленіемъ (1).

Еще обвиняли Коломба въ утаеніи перловъ и другихъ драгоцѣнныхъ предметовъ, собранныхъ имъ во время путешествія около береговъ Паріи, и въ томъ, что онъ умышленно оставлялъ своихъ государей въ невѣдѣніи о существѣ сдѣланныхъ имъ открытій, съ тою цѣлью, чтобъ самому воспользоваться ихъ выгодами, — несмотря на то, что всѣ

(1) Muños, *Hist. del Nuovo Mundo*, MS.

знали о высылкѣ имъ къ королю и королевѣ образцовъ жемчугу, также какъ журнала и карты этого путешествія, которыми впослѣдствіи и воспользовались другіе мореплаватели, дѣлавшіе открытія по его слѣдамъ.

Мятежники въ своихъ показаніяхъ обращали на него все до послѣдняго возмущенія на островѣ, представляя свои бунты въ видѣ похвальнаго и благороднаго сопротивленія его тираніи надъ колонистами и туземцами; а слишкомъ заслуженныя наказанія, которымъ онъ вынужденъ былъ подвергнуть нѣкоторыхъ зачинщиковъ возмущеній — примѣромъ и доказателвствомъ его жестокости, мстительности и тайной ненависти къ Испанцамъ. Бобадилла вѣрилъ, или показывалъ видъ что вѣритъ, всему. Онъ вступилъ, нѣкоторымъ образомъ, въ союзъ съ мятежниками, чтобъ вѣрнѣе погубить адмирала, потому-что въ обвиненіи его заключалась ихъ общая выгода.

Послѣ этого, безъ сомнѣнія, онъ уже не могъ дѣйствовать въ отношеніи къ нимъ, какъ судья. Гуэвара, Рикельмъ и ихъ сообщники не только были оправданы почти безъ всякой формы суда, но даже пріобрели его особенную благосклонность и покровительство. Рольдану, при самомъ прибытіи своемъ на островъ, онъ оказалъ большую довѣренность и почтилъ его своею перепиской. Однимъ словомъ, всѣ тѣ, которыхъ прежнее поведеніе подвер-

гало дѣйствію правосудія, были — или оправданы или включены во всеобщую амнистію. Достаточно было находиться когда-нибудь въ открытой враждѣ съ Коломбомъ, по какой-бы то ни было причинѣ, чтобъ быть правымъ въ глазахъ Бобадиллы.

Такимъ-образомъ онъ собралъ столько показаній, засвидѣтельствованныхъ множествомъ обвинителей, что ихъ было болѣе, нежели достаточно для неизбѣжнаго осужденія его арестантовъ и утвержденія за нимъ губернаторскаго званія. Послѣ этого онъ рѣшился, не теряя больше времени, отправить адмирала и его братьевъ въ Испанію, въ оковахъ, вмѣстѣ съ произведеннымъ надъ ними слѣдственнымъ дѣломъ. Сверхъ-того онъ приготовилъ нѣсколько частныхъ писемъ, въ которыхъ очернялъ, сколько было возможно, ихъ поведеніе, говоря, что Коломбу никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не должно возвращать власти, которую онъ употребилъ во зло столь постыднымъ образомъ. Въ это время Санъ-Доминго былъ скопищемъ разбойниковъ, избавившихся отъ висѣлицы или цѣпей. Это было эпохой торжества и ликованья для преступленія и низости. Негодяи, принужденные подъ управленіемъ Коломба и его братьевъ носить личину порядочныхъ людей и удерживать себя въ границахъ, теперь, видя ихъ въ оковахъ, вымещали имъ это продолжительное принужденіе самыми безчест-

ными средствами. Жесточайшія клеветы на несчастныхъ братьевъ были громко провозглашаемы по улицамъ; ругательныя пасквили и безстыдныя объявленія прибивались къ стѣнамъ на всѣхъ перекресткахъ. Но этимъ еще не ограничивались подвиги презрѣнныхъ и малодушныхъ негодяевъ; они желали, чтобъ заключенные знали объ ихъ безчестныхъ торжествахъ, и приходили трубить въ рога къ кораблямъ и даже къ самой стѣнѣ башни, въ которую былъ переведенъ адмиралъ. Колумбъ, слыша звуки и неистовые вопли этихъ ликованій, доходившіе въ глубину его темницы, и размышляя о насильственныхъ поступкахъ Бобадиллы, которымъ онъ представилъ уже столько примѣровъ, не зналъ, до чего наконецъ можетъ простереться его наглость и дерзость, и началъ опасаться за свою жизнь.

Между-тѣмъ корабли, назначенные для отвоза арестантовъ въ Испанію, приготовились къ отплытію. Для препровожденія несчастныхъ братьевъ и надзора за ними въ пути былъ избранъ нѣкто Алонсо де-Виллейо, офицеръ, прибывшій съ Бобадиллой, воспитанный дядей Фонсеки и обязанный своимъ званіемъ епископу: и эти-то обстоятельства заставили губернатора ввѣрить ихъ его надзору. Онъ получилъ повелѣніе — тотчасъ по прибытіи въ Кадиксъ, передать ихъ въ руки Фонсеки, или его дяди. Бобадилла желалъ этимъ поступкомъ вполнѣ оправдать довѣренность

коварнаго прелата, — и это распоряженіе его даетъ сильный вѣсъ мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, что онъ былъ втайнѣ поощренъ и возбужденъ къ насильственнымъ мѣрамъ противъ адмирала Фонсекой, который, по ихъ словамъ, увѣрилъ его въ покровительствѣ и обѣщалъ употребить въ его пользу свое вліяніе при дворѣ, въ случаѣ еслибы его поступки подверглись порицанію.

Виллейо принялъ предложенное ему порученіе, — но выполнилъ его совершенно противъ ожиданій Бобадиллы. «Алонсо де-Виллейо, говоритъ почтенный Лась-Касасъ, былъ хидальгъ, исполненный благородныхъ чувствъ, и мой искренній пріятель.» И этотъ отзывъ достойнаго епископа, Виллейо оправдалъ на дѣлѣ, показавъ, какъ мало былъ способенъ къ низкой злонамѣренности людей, возложившихъ на него эту коммисію. Пришедъ съ конвоемъ въ темницу адмирала, чтобъ вести его на корабль, онъ засталъ его погруженнымъ въ мрачное уныніе. Съ Коломбомъ поступили такъ жестоко; страсти, устремленныя на него, были столь дики и необузданы, что онъ имѣлъ всѣ причины опасаться, чтобъ не посягнули на его жизнь, прежде чѣмъ онъ будетъ имѣть возможность оправдать себя, и чтобъ имя его не перешло къ потомство запятнаннымъ безславіемъ. Увидѣвъ офицера, вошедшаго къ нему со стражею, онъ подумалъ, что пришли вести его на эшафотъ.

«Виллейо, спросилъ онъ уныло, куда вы хотите вести меня?» — На корабль, Ваша Свѣтлость; мы ѣдемъ въ Испанію, отвѣчалъ Виллейо. — «Ѣдемъ въ Испанію? повторилъ адмиралъ съ живостію. Виллейо, правду ли вы мнѣ говорите?» — Клянусь вамъ, Ваша Свѣтлость, что это совершенная правда! — отвѣчалъ благородный офицеръ. Эти слова возвратили адмиралу все его мужество; онъ почувствовалъ себя какъ-бы возродившимся. Ничто не можетъ быть трогательнѣй этого краткаго разговора, переданнаго намъ достопочтеннымъ Ласъ-Касасомъ, который, безъ сомнѣнія, слышалъ его изъ устъ самаго друга своего, Виллейо. Коломбъ былъ отведенъ на карабеллу — закованный какъ послѣдній преступникъ, сспровождаемый насмѣшками и ругательствами презрѣнной черни, которая находила звѣрское удовольствіе обременять оскорбленіями его почтенную главу, и оглашала своими проклятіями берега острова, такъ недавно имъ присоединеннаго къ образованному міру! Суда подняли паруса. Къ счастью, погода благопріятствовала ихъ плаванію; оно было непродолжительно, а поведеніе стражи въ отношеніи къ несчастному адмиралу облегчало его положеніе. Благородный Виллейо, хотя обязанный Фонсекѣ, былъ однакожъ внутренно возмущенъ недостойными поступками съ Коломбомъ. Капитанъ карабеллы, Андрей Мартинъ, раздѣлялъ его бла-

городныя чувства, и оба они обходились съ адмираломъ съ глубочайшимъ уваженіемъ и самою предупредительною внимательностью. Они хотѣли-было снять съ него оковы; но Коломбъ воспротивился этому. «Нѣтъ! сказалъ онъ съ благородною гордостью; ихъ величества писали ко мнѣ, чтобъ я повиновался всему, что Бобадилла велитъ мнѣ ихъ именемъ: ихъ именемъ онъ наложилъ на меня оковы — и я буду носить ихъ до-тѣхъ-поръ, пока они-же не дадутъ повелѣнія снять ихъ съ меня; но и тогда я сохраню эти цѣпи, какъ памятникъ возмездія, полученнаго мною за мои заслуги (1).»

«И онъ, дѣйствительно, сохранилъ ихъ, — говоритъ сынъ его Фернандо; онѣ всегда висѣли на стѣнѣ въ его кабинетѣ, гдѣ я ихъ часто видѣлъ; а по смерти, онъ велѣлъ положить ихъ съ собою въ гробъ (1).»

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. I, cap. 80, MS.
(2) *Hist. del Almirante*, cap. 86.

КОНЕЦЪ ТРИНАДЦАТОЙ КНИГИ.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

Впечатлѣніе, произведенное въ Испаніи прибытіемъ Коломба въ оковахъ. — Пріемъ, сдѣланный ему при дворѣ (1500).

Прибытіе Коломба въ Кадиксъ, подъ стражей и въ оковахъ, произвело почти столь-же сильное впечатлѣніе на умы въ Испаніи, какъ и торжественное его возвращеніе изъ перваго путешествія. Это происшествіе принадлежало къ числу тѣхъ поразительныхъ случаевъ, которые непосредственно дѣйствуютъ на чувства и дѣлаютъ всякое размышленіе безполезнымъ. Никто и не думалъ справляться, въ чемъ обвиненъ адмиралъ? за что поступили съ нимъ такъ жестоко? Довольно было одного извѣстія — что Коломбъ привезенъ въ цѣпяхъ изъ Новаго-Свѣта, который онъ открылъ, чтобъ всеобщее негодованіе

мгновенно разлилось во всемъ Кадиксѣ, перешло въ богатый и могущественный городъ Севиллу, и вскорѣ распространилось по всей Испаніи.

Такимъ-образомъ замыслы враговъ Коломба погубить его, были неожиданно ниспровергнуты самымъ излишествомъ ихъ успѣха: насильственныя мѣры, употребленныя ими для достиженія этой цѣли, мгновенно произвели въ мысляхъ и чувствахъ публики одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые столь обыкновенны, когда гоненіе доводится до крайности. Та-же толпа, которая недавно еще вопила съ такимъ изступленіемъ противъ своей жертвы, теперь возстала съ неменьшимъ ожесточеніемъ противъ варварства ея притѣснителей, — и въ цѣлой Испаніи вдругъ воспламенилось столь сильное участіе къ адмиралу, что ему невозможно было сопротивляться.

Дворъ получилъ извѣстіе о прибытіи Коломба и объ унизительномъ состояніи, въ которомъ онъ присланъ въ Испанію, въ Гренадѣ, — и при этой вѣсти ропотъ негодованія и изумленья потрясъ своды Алгамбры. Съ сердцемъ, растерзаннымъ множествомъ оскорбленій и не зная еще — до какой степени они были допущены католическими величествами, Коломбъ не рѣшился писать къ нимъ лично, но изъявилъ желаніе отправить длинное письмо, сочиненное имъ во

время переѣзда, къ одной придворной дамѣ, доннѣ Хуанѣ де-ла-Торре, кормилицѣ принца Іоанна, пользовавшейся особеннымъ расположеніемъ королевы. Андрей Мартинъ, капитанъ карабеллы, согласился исполнить его просьбу и тайно отправилъ его письмо изъ Кадикса съ нарочнымъ.

Такимъ-образомъ вѣсть о положеніи адмирала была получена при дворѣ прежде доставленія слѣдственнаго дѣла, присланнаго Бобадиллой. Король и королева узнали изъ письма къ доннѣ де-ла-Торре всѣ подробности насильственныхъ мѣръ, употребленныхъ противъ него ихъ довѣреннымъ (1). Письмо Коломба заключало въ себѣ пространное изложеніе всего случившагося на островѣ и было написано свойственнымъ ему простымъ и сильнымъ слогомъ. Приводить его вполнѣ — значило-бы повторять уже описанныя событія; но въ немъ есть нѣкоторыя выраженія, излившіяся такъ-сказать прямо изъ глубины сердца, которыя заслуживаютъ вниманія. «Клевета людей презрѣнныхъ, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, сдѣлала мнѣ больше вреда, нежели сколько доставили пользы всѣ мои заслуги.» Говоря о ложныхъ доносахъ, которые безпрестанно дѣлали на него, онъ замѣчаетъ: «Они до того очернили мое доброе имя, что — начни я строить госпи-

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. I, cap. 182.

тали и церкви ихъ назвали-бы разбойничьими вертепами!» Пересказавъ съ справедливымъ негодованіемъ поступки Бобадиллы, — какъ онъ призывалъ въ свидѣтели для обвиненія его тѣхъ самыхъ людей, которые возмущались противъ его власти, и основавшись на ихъ показаніяхъ, велѣлъ заточить его съ братьями подъ стражу, не объявивъ даже имъ, въ чемъ они обвинены, — онъ прибавляетъ: «Причина зла заключается въ томъ, что лице, присланное для изслѣдованія моего поведенія, имѣло въ виду занять мое мѣсто, если ему удается обвинить меня.» Далѣе онъ жалуется, что объ его управленіи судятъ не принимая въ уваженіе тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился, ни дикаго состоянія края, который онъ долженъ былъ пересоздавать. «Меня судятъ, говоритъ онъ, какъ губернатора, посланнаго управлять образованнымъ городомъ, гдѣ все дѣлается сообразно съ законами и не выходитъ изъ утвержденнаго ими порядка, — гдѣ ничто не предано произволу и какъ-бы хищничеству каждаго частнаго лица. Но не съ той точки зрѣнія должно смотрѣть на меня: мое положеніе — положеніе военачальника, посланнаго для покоренія враждебнаго народа, различествующаго съ нами и обычаями и религіей, не живущаго, подобно намъ, въ правильныхъ городахъ, но разсѣяннаго по лѣсамъ и горамъ. Къ тому-жъ

слѣдовало-бы обратить вниманіе и на то, что я подчинилъ всѣ эти народы владычеству ихъ величествъ и доставилъ въ ихъ обладаніе новый свѣтъ, чрезъ что Испанія, досел̂ѣ бѣдная, вдругъ сдѣлалась богатою. Если я и сдѣлалъ какія-нибудь ошибки, то онѣ проистекли не изъ преступныхъ намѣреній, и, надѣюсь, что ихъ величества повѣрятъ мнѣ въ этомъ. Они всегда являли милосердіе и къ тѣмъ лицамъ, которыя оказывались умышленно виновными передъ нами: это убѣждаетъ меня, что они будутъ не менѣе снисходительны и ко мнѣ, погрѣшившему отъ невѣденія, или состраданія, — какъ они убѣдятся въ томъ впослѣдствіи, — и, надѣюсь, что они примутъ въ уваженіе мои великія заслуги, которыхъ польза становится съ каждымъ днемъ очевиднѣе.»

Когда это письмо было прочитано великодушной Изабеллѣ, сердце ея исполнилось въ одно время и живѣйшаго негодованія противъ людей, до такой степени употребившихъ во зло ея имя, и самого нѣжнаго сострадані къ адмиралу, претерпѣвшему столько оскорбленій и страданій. Жалобы Коломба подтверждались письмомъ Кадикскаго алькада, или коррехидора, которому онъ и его братья были сданы, въ ожиданіи дальнѣйшихъ повелѣній ихъ величествъ (1); и письмомъ Алонсо де-Вил-

(1) Oviedo, *Cronica*, lib. IV, cap. 6.

лейо, который и на глазахъ Фонсеки не измѣнилъ своего благороднаго поведенія въ отношеніи къ своему знаменитому плѣннику.

Неизвѣстно, какого рода были тайныя чувствованія Фердинанда въ этомъ обстоятельствѣ. Общественное мнѣніе въ пользу адмирала было изъявлено столь сильно и единодушно, что онъ не могъ иначе дѣйствовать, какъ согласно съ нимъ. Поэтому онъ, вмѣстѣ съ королевой, открыто порицалъ насильственныя мѣры, употребленныя противъ Коломбовъ, — и чтобъ показать блистательнѣйшимъ образомъ, что онѣ были приняты противъ намѣреній и воли правительства, подписалъ вмѣстѣ съ Изабеллой, не ожидая бумагъ Бобадиллы, повелѣніе — немедленно освободить арестантовъ и оказывать имъ величайшее уваженіе. При этомъ повелѣніи король и королева отправили къ Коломбу письмо, написанное въ ласковыхъ и лестныхъ выраженіяхъ, въ которомъ они изъявляли ему сожалѣніе, что онъ противъ ихъ воли подвергся такимъ оскорбленіямъ и претерпѣлъ столько страданій, приглашали его ко двору, давъ въ то-же время предписаніе отпустить ему изъ королевской кассы двѣ тысячи червонцевъ (1), чтобъ онъ могъ явиться прилично своему званію.

(1) Las Casas, lib. I, cap. 182. — 2000 червонцевъ, или 2846 тогдашнихъ доллеровъ, соотвѣтствуютъ 8538 нынѣшнихъ доллеровъ (около 45000 рублей).

Это королевское письмо пролило неизъяснимое утѣшеніе въ вѣрное сердце Колумба. Убѣжденный въ своей невинности, онъ не сомнѣвался болѣе въ возстановленіи всѣхъ своихъ правъ и достоинствъ. Онъ представился ко двору 17 декабря, не такъ какъ человѣкъ, подвергшійся немилости, но въ богатой одеждѣ, съ многочисленною свитой. Ихъ величества приняли его съ безпримѣрною благосклонностью и отличіемъ. При видѣ этого почтеннаго человѣка, — при воспоминаніи о его заслугахъ и претерпѣнныхъ имъ страданіяхъ, королева Изабелла растрогалась до слезъ. И Колумбъ, столь мужественно боровшійся съ жестокостями судьбы, — переносившій съ благороднымъ самоотверженіемъ всѣ обиды и оскорбленія отъ презрѣннѣйшихъ существъ, не могъ устоять противъ изъявленій столь трогательнаго участія монархини, столь лестной благосклонности обоихъ государей. Его сердце, твердое среди бѣдствій и превратностей счастья, было въ то-же время одарено глубокою чувствительностью. Увидѣвъ слезы на глазахъ Изабеллы, чувства его, такъ долго скованныя страданіемъ, излились во всей ихъ полнотѣ: онъ упалъ на колѣна, и жестокія рыданія не позволили ему въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ выговорить ни слова (1).

(1) Herrera, decad. I, lib. IV, cap. 10.

Фердинандъ и Изабелла лично подняли его и осыпали трогательнѣйшими увѣреніями въ своей признательности, во всегдашнемъ расположеніи своемъ къ нему. Когда волненіе Колумба утихло, онъ началъ оправдываться передъ государями съ мужественнымъ краснорѣчіемъ: говорилъ объ усердіи своемъ къ славѣ и благоденствію Испанскаго престола, постоянно одушевлявшимъ его, о томъ, что если онъ и впалъ въ какія-нибудь ошибки, то причина ихъ заключается въ неопытности его въ дѣлѣ, совершенно новомъ для него, и въ необыкновенныхъ затрудненіяхъ, съ которыми онъ долженъ былъ бороться, и проч.

Но въ этомъ случаѣ оправданія съ его стороны были совершенно безполезны. Насильственныя мѣры, которымъ онъ подвергся, доведенныя его врагами до крайности, говорили въ его пользу убѣдительнѣе всякаго краснорѣчія. Государи видѣли въ немъ человѣка, оскорбленнаго самымъ жестокимъ образомъ, и чувствовали всю необходимость оправдаться передъ цѣлымъ свѣтомъ отъ упрековъ въ неблагодарности, которые готовы были разразиться надъ ними со всѣхъ сторонъ. Они изъявили открытое негодованіе свое на счетъ дѣйствій Бобадильи, объявили себя непричастными къ нимъ и опредѣлили немедленно отрѣшить его отъ должности.

И съ той поры никогда уже не упоминали они — ни о слѣдственномъ дѣлѣ, присланномъ Бобадилой, ни о письмахъ его, которыми онъ старался поддержать необходимость и законность своихъ мѣръ: напротивъ того, они не упускали ни одного случая, гдѣ могли изъявить Коломбу свое уваженіе и особенную внимательность, обѣщали ему вознагражденіе за всѣ понесенныя имъ потери, возвращеніе имущества и возстановленіе самого его во всѣхъ правахъ, достоинствахъ и привиллегіяхъ.

Послѣднее обѣщаніе въ особенности сильно занимало Коломба. Корыстные расчеты были чужды его благородной душѣ. Слава — была великою цѣлью его честолюбія, и онъ чувствовалъ, что до-тѣхъ-поръ, пока онъ не будетъ возстановленъ въ своей власти, безмолвное порицаніе будетъ тяготѣть надъ его именемъ. Послѣ увѣреній монарховъ, онъ успокоился совершенно. Онъ не сомнѣвался болѣе, что какъ скоро ихъ величества вполнѣ убѣдятся въ его невинности, тотчасъ-же вознаградятъ его за всѣ претерпѣнныя имъ несправедливости, — что званіе вице-короля возвратится ему безпрекословно, и онъ торжественно вступитъ въ Санъ-Доминго. Но ему суждено было испытать въ этой надеждѣ горькое разочарованіе, которое бросило мрачную тѣнь на весь остатокъ его поприща. Для объясненія этой вопіющей несправедли-

вости, здѣсь необходимо указать читателю на стеченіе событій, имѣвшихъ столь пагубное для Коломба вліяніе на расчетливый умъ короля-политика.

ГЛАВА II.

Современныя путешествія для открытій.

Всеобщее разрѣшеніе, данное католическими величествами въ 1495 году, предпринимать частныя путешествія для открытій, было началомъ множества различныхъ экспедицій къ берегамъ Новаго-Свѣта, предпринятыхъ сперва, — большею частью моряками, сопровождавшими Коломба въ его первыхъ путешествіяхъ, а за ними — толпой разныхъ владѣльцевъ судовъ, которыхъ корыстолюбіе было возбуждено сильнымъ образомъ пышными описаніями береговъ Паріи. Испанскій дворъ, не имѣя способовъ снаряжать многочисленныхъ эскадръ для открытій, смотрѣлъ съ удовольствіемъ на расширеніе своихъ владѣній этимъ средствомъ, которое не только ничего ему не стоило, но даже доставляло важный доходъ, отъ взносовъ авантуристами въ казну части сокровищъ, вывозимыхъ ими

изъ вновооткрываемыхъ земель. Множество подобныхъ экспедицій было предпринято и совершено, въ особенности въ то время, когда Коломбъ находился нѣкоторымъ образомъ въ немилости у двора. Его карты и дневники служили мореходцамъ указателями пути къ берегамъ Паріи.

Независимо отъ экспедиціи Ойеды, о которой мы говорили выше, описывая его дѣйствія у береговъ Кеарагвы, въ то же время была предпринята другая экспедиція Педромъ Алонсо Нинно, жителемъ Могера, искуснымъ лоцманомъ, служившимъ въ эскадрѣ адмирала во время путешествій его вдоль береговъ Кубы и Паріи. Получивъ разрѣшеніе правительства, онъ склонилъ къ участію въ своемъ предпріятіи одного богатаго Севильскаго купца, который снарядилъ на свой счетъ карабеллу въ пятдесятъ тоннъ и поручилъ ее начальству своего брата, Христофора Гуэрры. Карабелла отплыла отъ Сальтеской косы спустя нѣсколько дней послѣ отъѣзда Ойеды изъ Кадикскаго порта, весной въ 1499 году, взявъ направленіе къ Твердой-Землѣ. Прибывъ къ южной части Паріи, авантуристы держались нѣсколько времени ея берега, переплыли заливъ и отъ него прошли еще сто-тридцать миль впередъ, миновавъ берегъ нынѣшней республики Коломбіи, обошедъ вдоль того мѣста, которое въ наше время называется Жемчужнымъ-Берегомъ. Они дѣлали высадки

въ трехъ разныхъ пунктахъ, сбыли свои Европейскія бездѣлки необыкновенно выгодно и возвратились въ Испанію съ огромнымъ количествомъ золота и перловъ, совершивъ на маломъ своемъ суднѣ продолжительнѣйшее и самое выгодное путешествіе изъ всѣхъ, дотолѣ сдѣланныхъ.

Около того-же времени Пинсоны, — эта фамилія богатыхъ и отважныхъ мореплавателей, — снарядили въ Палосѣ четыре каравеллы, которыхъ экипажи состояли большею частью изъ ихъ родственниковъ и друзей, и въ числѣ которыхъ находились опытнѣйшіе лоцманы, ѣздившіе съ Коломбомъ въ Парію. Начальство надъ эскадрой принялъ Винцентъ Яннесъ Пинсонъ, одинъ изъ спутниковъ Коломба въ его первой экспедиціи.

Пинсонъ, какъ искусный мореплаватель, не пошелъ, подобно другимъ, по слѣдамъ Коломба. Отплывъ изъ Палоса въ декабрѣ 1499 года и миновавъ острова Канарійскіе и Зеленаго-Мыса, онъ повернулъ на юго-востокъ и плылъ въ этомъ направленіи до тѣхъ поръ, пока не потерялъ изъ вида полярной звѣзды. Здѣсь онъ претерпѣлъ жестокую бурю, и новый видъ неба привелъ его въ величайшее затрудненіе. Въ то время южное полушаріе было совершенно неизвѣстно; мореплаватели еще не знали его прекраснаго созвѣздія «Креста», замѣнившаго впослѣдствіи полярную звѣзду. Они полагали, что надъ южнымъ по-

люсомъ есть другая неподвижная звѣзда, соотвѣтствующая сѣверной полярной, но пришли въ большое замѣшательство не нашедъ тамъ никакого путеводителя въ этомъ родѣ, и заключили, что земная возвышенность скрываетъ отъ нихъ южный полюсъ (1).

Неомотря на то, Пинсонъ продолжалъ плыть впередъ съ рѣдкою неустрашимостью. 26 января 1500 года передъ нимъ открылся вдали большой мысъ, который онъ назвалъ мысомъ Святой-Утѣшительницы-Дѣвы, и который впослѣдствіи получилъ названіе мыса Св. Августина. Онъ сдѣлалъ на него высадку и взялъ открытую страну во владѣніе на имя католическихъ величествъ: это былъ берегъ Бразиліи. Оттуда онъ взялъ направленіе на западъ и открылъ Мараньйонъ, извѣстный въ наше время подъ именемъ Амазонской-Рѣки; потомъ переплылъ Заливъ-Паріи, Караибское-Море и Мексиканскій-Заливъ и вступилъ въ середину острововъ Багамскихъ, гдѣ потерялъ два судна, разбившіяся о подводные камни у острова Юмето. Онъ возвратился въ Палосъ въ сентябрѣ, увеличивъ свою прежнюю славу — отважнаго мореплавателя, тѣмъ, что первый изъ Европейцевъ перешелъ экваторъ на Западномъ-Океанѣ, открылъ и обозрѣлъ знаменитую Бразильскую имперію, начиная отъ ея предѣловъ, при устьѣ Мараньйона, до вос-

(1) Pierre Martyr, decad. I, lib. IX.

точной ея оконечности. Въ награду за свои подвиги онъ получилъ позволеніе колонизировать открытыя имъ земли, простирающіяся къ югу отъ Мараньйона до мыса Св. Августина, и управлять ими (1).

Небольшой городокъ Палосъ, такъ медленно снаряжавшій первую эскадру для Колюмба, въ это время кипѣлъ страстью къ открытіямъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда Пинсона, въ его портѣ Діэго Лепъ (Lepe), Палосскій гражданинъ, началъ снаряжать корабли для новой экспедиціи и набирать для нихъ экипажи изъ своихъ неустрашимыхъ соотечественниковъ. Онъ отплылъ въ томъ-же направленіи какъ и Пинсонъ, но открылъ несравненно обширнѣйшее пространство южнаго материка, такъ, что въ продолженіе двѣнадцати послѣдующихъ за тѣмъ лѣтъ, никто изъ современныхъ ему мореплавателей не открывалъ большаго протяженія земли въ Новомъ Свѣтѣ. Онъ обогнулъ мысъ Св. Августина и открылъ, что за нимъ берегъ склоняется на юго-востокъ; сдѣлалъ въ этомъ мѣстѣ высадку для совершенія обычнаго обряда — взятія новаго края во владѣніе на имя Испанскихъ монарховъ, и вырѣзалъ ихъ имена на одномъ великолѣпномъ деревѣ такой толщины, что семнадцать человѣкъ, держась между собой за руки, не мог-

(1) Herrera, decad. I, lib. IV, cap. 12. — Muñnos, *Hist. del Nuevo Mundo*, (неизд. часть).

ли обхватить его ствола. Достоинство открытій Діэго Лепа имѣетъ ту особенную цѣну, что онъ ни разу не путешествовалъ съ Колумбомъ. Однакожъ съ нимъ находилось нѣсколько лоцмановъ, сопровождавшихъ адмирала въ это экспедиціяхъ (1).

Еще маленькая эскадра изъ двухъ судовъ, отплыла изъ Кадикса въ октябрѣ 1500 года, подъ начальствомъ Родриго Бастида Севильскаго. Она обошла мысъ Бело, западный предѣлъ предшествовавшихъ открытій на твердой землѣ, — и достигла одной гавани, извѣстной подъ именемъ Эль-Ретрето, гдѣ въ послѣдствіи былъ основанъ портъ Номбре-де-Діосъ. Оба корабля были почти совершенно изъѣдены особой породы морскими червями, въ родѣ полиповъ (taret), которые наполняютъ воды той части океана, такъ-что съ большимъ трудомъ достигли Ксарагвы, гдѣ Бастида принужденъ былъ ихъ бросить и отправиться со всѣмъ экипажемъ сухимъ путемъ въ Санъ-Доминго. Бобадилла велѣлъ посадить его въ тюрьму, подъ тѣмъ предлогомъ, будтобы онъ производилъ торговлю съ туземцами Ксарагвы и вымѣнивалъ у нихъ золото. Если успѣхи Колумба возбудили Испанцевъ къ стольнимъ экспедиціямъ, то и другіе народы не менѣе подверглись

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 12. — Munnos, *Hist. del Nuevo Mundo* (неизданная часть.)

этому роду электрическаго потрясенія. Въ 1497 году Себастьянъ Кабо, сынъ одного Венеціянскаго купца, поселившагося въ Бристолѣ, отплылъ въ путешествіе для открытій подъ флагомъ Генриха VII, короля Англійскаго, взявъ направленіе къ сѣвернымъ морямъ, омывающимъ берега Новаго-Свѣта. Держась идеи Колумба, онъ старался отыскать берегъ Кафая и надѣялся найти на сѣверо-западѣ проходъ въ Индію. Въ продолженіе этого путешествія онъ открылъ Новую-Землю (Терра-Нову), прошелъ вдоль берега Лабрадора до пятдесятъ-шестаго градуса сѣверной широты, потомъ, повернувъ назадъ, взялъ направленіе на юго-западъ, къ Флоридѣ, а оттуда, по недостатку съѣстныхъ припасовъ, принужденъ былъ возвратиться въ Англію (1). До насъ дошли весьма неопредѣленныя и невѣрныя свѣденія объ этомъ путешествіи, — важномъ потому, что въ продолженіе его сдѣлано первое открытіе сѣвернаго материка Новаго-Свѣта.

Но предпріятія, возбудившія въ высшей степени вниманіе и зависть Испанскаго двора, были совершены Португальцами. Васко де-Гама, мореходецъ, извѣстный своимъ происхожденіемъ, дарованіями и неустрашимостью, исполнилъ наконецъ, въ 1497 году, великій планъ принца Генриха Португальскаго:

(1) Lafiteau, *Conquêtes de Portugais*, liv. II.

обогнулъ Мысъ-Доброй-Надежды, и открылъ путь въ Индію, столь долго и безполезно отыскиваемый.

По возвращеніи его изъ этой счастливой экспедиціи, Португальское правительство немедленно снарядило эскадру изъ тринадцати судовъ для обозрѣнія великолѣпныхъ странъ, которыхъ существованіе было открыто ею. Флотъ отплылъ подъ начальствомъ Педро Альвареса де-Кабраля, 9 марта 1500 года, къ Калькутѣ. Миновавъ Острова-Зеленаго-Мыса, онъ старался избѣжать штилей, часто застигающихъ корабли у Гвинейскихъ береговъ, и потому держался далѣе отъ земли въ западномъ направленіи. Вдругъ 25 апрѣля передъ нимъ открылась земля, о которой ни одинъ человѣкъ изъ его экипажей не зналъ ничего, потому-что никто изъ нихъ не слыхалъ еще объ открытіяхъ Пинсона и Лепа. Сначала приняли эту землю за большой островъ; но проплывъ значительное разстояніе около ея берега, убѣдились, что она составляетъ часть какого-нибудь огромнаго материка. Продолжая плаваніе вдоль берега до пятнадцатаго градуса южной широты, корабль вошелъ въ одну гавань, которую назвалъ Пуэрто-Секуро, и взявъ открытую страну во владѣніе Португаліи, отправилъ одинъ корабль въ Лиссабонъ съ извѣстіемъ о своемъ важномъ открытіи.

Такимъ-образомъ Бразилія досталась во вла-

дѣнія Португаліи, находясь восточнѣй черты, проведенной ею, по взаимному согласію съ Испаніей, при означеніи этими государствами границъ для своихъ открытій въ Новомъ-Свѣтѣ. Докторъ Робертсонъ, описавъ путешествіе Кабраля, заключаетъ свое повѣствованіе однимъ изъ тѣхъ вѣрныхъ и блестящихъ замѣчаній, которыми онъ въ особенности отличался.

«Открытіе Новаго-Свѣта Коломбомъ, говоритъ онъ, было послѣдствіемъ усилій генія дѣятельнаго, руководимаго опытностью и слѣдовавшаго предначертанному плану съ такимъ-же постоянствомъ какъ и мужествомъ. Въ открытіи Португальцевъ — мы видимъ только игру слѣпаго случая, виновника исполненія этого великаго предпріятія, которымъ нынѣ гордится умъ человѣческій. Еслибъ проницательность Коломба не открыла намъ Америки, счастливый случай навелъ-бы на нее Кабраля, и Старый-Свѣтъ, хотя нѣсколько позже, но также узналъ-бы о существованіи этого обширнаго материка (1).»

(1) Robertson, *Исторія Америки*, кн. II.

ГЛАВА III.

Николай Овандо назначенъ на мѣсто Бовадиллы (1500).

Многочисленныя открытія, которымъ мы сдѣлали легкій очеркъ въ предшествовавшей главѣ, имѣли могущественное вліяніе на Фердинанда. Его честолюбіе, жадность и зависть были возбуждены въ равной степени. Передъ экспедиціями его подданныхъ открывались съ каждымъ днемъ безпредѣльныя страны, заключавшія въ своихъ нѣдрахъ несмѣтныя сокровища, которыми онъ желалъ-бы воспользоватся одинъ, — между-тѣмъ какъ другіе народы устремлялись на тоже поприще и оспоривали у него обладаніе ими, упорно усиливаясь раздѣлить съ нимъ его добычу, Новый-Свѣтъ. Экспедиціи Англичанъ и случайное открытіе Португальцами Бразиліи жестоко безпокоили его. Желая утвердить за собой обладаніе новооткрытымъ материкомъ,

онъ вознамѣрился учредить на важнѣйшихъ его пунктахъ мѣстныя управленія, подчиненныя главному правленію въ Санъ-Домингѣ, обративъ такимъ-образомъ эту послѣднюю колонію въ «метрополію.» При такихъ предположеніяхъ, власть Коломба, какъ губернатора Новаго-Свѣта, пріобретала еще большую важность; и если эта причина усиливала желаніе адмирала вступить въ свои права, то въ той-же степени она увеличивала и отвращеніе себялюбиваго и подозрительнаго Фердинанда возстановить его въ нихъ. Онъ давно уже раскаявался, что далъ столь обширную власть и столь блистательныя преимущества простому подданному, и притомъ еще иностранцу. Утверждая ихъ за Коломбомъ, онъ не предвидѣлъ всей важности его открытій, не подозрѣвалъ обширности странъ, которыя поручалъ его управленію. Онъ считалъ себя какъ-бы обманутымъ имъ при заключеніи условій, — и каждое новое открытіе, вмѣсто-того чтобъ увеличивать его признательность къ адмиралу, усиливало его раскаяніе, что онъ предоставилъ частному лицу столь обширныя преимущества, которыхъ важность возрастала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Наконецъ дерзость Бобадиллы, лишивъ Коломба временно его высокой власти, представила ревнивому монарху благопріятный случай ограничить ее навсегда.

Послѣ всѣхъ обвиненій, взведенныхъ на Ко-

ломба, можетъ-быть Фердинандъ и дѣйствительно сомнѣвался въ его невинности; быть-можетъ и то, что Коломбъ, какъ иностранецъ, возбуждалъ въ немъ опасенія на счетъ вѣрности: онъ могъ страшиться, чтобъ адмиралъ, утвердивъ свою власть въ Новомъ-Свѣтѣ, и находясь въ такомъ далекомъ разстояніи отъ Испаніи, не объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ открытыхъ имъ богатыхъ и обширныхъ странъ. Самъ Коломбъ намекаетъ въ своихъ письмахъ о слухѣ, распущенномъ его врагами, будто-бы онъ имѣлъ намѣреніе — или сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ, или передать свои блистательныя открытія какой-нибудь другой державѣ; и кажется, онъ опасался, чтобъ эти клеветы не произвели непріятнаго впечатлѣнія на Фердинанда.

Всѣ эти причины весьма естественны, весьма возможны; но причина болѣе очевидная, и не менѣе сильная въ глазахъ Фердинанда, побуждала расчетливаго монарха уклониться отъ исполненія великаго подвига справедливости въ отношеніи къ адмиралу. Коломбъ не былъ уже для него необходимъ: онъ совершилъ свое великое открытіе — проложилъ путь къ Новому Свѣту, и послѣ него всякой уже могъ слѣдовать по этому пути. Толпа искусныхъ мореходцевъ, образовавшихся подъ его руководствомъ и пріобретшихъ опытность въ путешествіяхъ съ нимъ, каждый день

тѣснилась у трона съ предложеніями о снаряженіи новыхъ экспедицій на свой счетъ и съ уступкой правительству части прибыли, которая будетъ плодомъ ихъ поисковъ. Къчему-же было предоставлять почести и преимущества истинно царскія, за такія услуги, которыя другіе предлагали ему нетолько безвозмездно, но даже еще платили за нихъ? Вотъ, безъ сомнѣнія, истинныя и тайныя причины, побуждавшія Фердинанда не возстановлять Коломба въ достоинствахъ и привилегіяхъ, столь торжественно имъ-же самимъ ему дарованныхъ договоромъ, и столь несправедливо отнятыхъ у него, безъ всякой вины: и эти причины оправдываются послѣдующими дѣйствіями Фердинанда.

Между-тѣмъ король не переставалъ ласкать Коломба обманчивыми надеждами, откладывая подъ разными благовидными предлогами возстановленіе его правъ. Ему представляли, что сѣмена недавнихъ и жестокихъ возмущеній противъ его власти еще не истреблены на островѣ и что, слѣдственно, скорое появленіе его тамъ можетъ снова пробудить враждебныя чувства къ нему, еще не совсѣмъ угасшія, и въ такомъ случаѣ личная его безопасность не будетъ обезпечена и островъ снова можетъ сдѣлаться позорищемъ безначалія. Но такъ-какъ въ то-же время необходимо было лишить Бобадиллу власти, которую онъ до такой степени употребилъ во зло,

то дворъ рѣшилъ — послать, покуда, на его мѣсто избраннаго чиновника, отличнаго по своимъ способностямъ и благоразумію, который-бы могъ спокойно и безпристрастно изслѣдовать причину послѣднихъ безпорядковъ и уничтожить вкравшіяся злоупотребленія, поручивъ ему выслать изъ колоніи всѣхъ негодяевъ и возмутителей. Онъ долженъ былъ управлять островомъ *временно*, именно въ продолженіе двухъ лѣтъ, которыхъ, по расчетамъ правительства, было достаточно для укрощенія вражды и предубѣжденій противъ адмирала и для очищенія острова отъ всѣхъ безпокойныхъ; а по прошествіи этого срока, по предположеніямъ правительства, адмиралъ могъ уже вступить въ управленіе, съ безопасностью для самого себя и съ пользой для престола. Коломбъ принужденъ былъ по необходимости удовольствоваться представленіями двора и сопряженнымъ съ ними обѣщаніемъ. Нельзя сомнѣваться въ искренности этихъ представленій со стороны Изабеллы и въ томъ, что она дѣйствительно имѣла намѣреніе возстановить адмирала во всѣхъ его правахъ и преимуществахъ, послѣ временнаго устраненія его отъ должности, по наружности необходимаго. Но нельзя сказать того-же о Фердинандѣ, котораго послѣдующіе поступки слишкомъ явно показали, что онъ и недумалъ объ исполненіи даннаго обѣщанія, твердо рѣшившись устранить адмира-

ла навсегда отъ управленія новооткрытыми землями.

Избранный сановникъ, назначенный для смѣны Бобадиллы, былъ — Николай Овандо, командоръ Лареса, ордена Алькантары. Его изображаютъ человѣкомъ средняго росту, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, рыжею бородой, съ скромнымъ видомъ, но повелительнымъ тономъ. Онъ изъяснялся свободно; въ обращеніи былъ кротокъ и ласковъ. «Овандо былъ очень умный и способный человѣкъ, говоритъ Ласъ-Касасъ, и могъ-бы управлять не однимъ народомъ, — но только не Индѣйцами, которымъ онъ сдѣлалъ множество зла (1).» Онъ весьма уважалъ справедливость; корыстолюбіе считалъ однимъ изъ ненавистнѣйшихъ пороковъ; въ образѣ жизни наблюдалъ умѣренность, а скромность его простиралась до того, что получивъ достоинство великаго-командора Алькантары, онъ никогда не позволялъ, чтобъ въ разговорѣ съ нимъ величали его этимъ почетнымъ титуломъ. Такимъ изображаютъ Овандо всѣ историки; но поступки его во многихъ важныхъ случаяхъ сильно противорѣчатъ этимъ лестнымъ похваламъ. Если онъ былъ кротокъ, любезенъ и ласковъ въ обращеніи, это нисколько не мѣшало ему быть въ то-же время самымъ тонкимъ и скрытнымъ царедворцемъ; а его

(1) Las Casas, *Hist. Ind*, lib. II, cap. 3.

наружное смиренiе могло скрывать сильнѣйшее властолюбiе: и его дѣйствiя въ отношенiи къ Коломбу нисколько не доказываютъ противнаго; ихъ вовсе нельзя назвать великодушными.

Разныя распоряженiя правительства относительно къ преобразованiю управленiя колонiями по новой системѣ, задержали отъѣздъ Овандо довольно на-долго. Между-тѣмъ суда, приходившiя изъ Новаго-Свѣта, привозили, одно за другимъ, извѣстiя и подтвержденiя о бѣдственномъ состоянiи дѣлъ на островѣ. Бобадилла, съ самаго вступленiя своего въ должность губернатора, принялъ въ администрацiи политику совершенно противную Коломбовой. Вообразивъ, что причина всѣхъ неудачь его предшественника заключалась въ строгости управленiя, онъ рѣшился снискать общую приверженность безпредѣльною снисходительностью. Ослабивъ вдругъ всѣ узы нравственности и законовъ, онъ совершенно потерялъ власть надъ колонiей, — и слѣдствiемъ этой мѣры было такое множество безпорядковъ и своевольствъ, что самые враги Коломба жалѣли о спасительной строгости правленiя аделантадо и адмирала.

Бобадилла былъ человѣкъ болѣе слабый и неспособный, нежели злой. Онъ не предвидѣлъ опасной крайности, къ которой неминуемо должна была привесть его политика. Захвативъ въ свои руки власть опрометчи-

вымъ и насильственнымъ образомъ, онъ дѣйствовалъ въ управленіи слабо, медлительно и безъ всякой дальновидности. Каждое послабленіе его колонистамъ влекло за собой другія, новыя, еще болѣе опасныя; онъ принужденъ былъ уступать имъ свою власть шагъ за шагомъ и позволять своимъ подчиненнымъ брать надъ собой верхъ, переходя безпрерывно отъ одной ошибки къ другой, и представляя собой, такимъ образомъ, новое доказательство, что въ дѣлѣ управленія слабый человѣкъ часто дѣлаетъ еще болѣе вреда, нежели злой, но способный.

Онъ распродалъ колонистамъ по низкой цѣнѣ казенныя фермы и другія удѣльныя имѣнія, проповѣдуя, что цѣль короля и королевы состоитъ собственно не въ личномъ обогащеніи, а въ споспѣшествованіи общему благосостоянію ихъ подданныхъ; разрѣшилъ разработку минъ — со взносомъ въ пользу правительства только одиннадцатой части добытаго металла, а чтобъ казенные доходы при этой мѣрѣ не потерпѣли значительнаго ущерба, онъ старался увеличить количество пріобретаемаго золота въ соразмѣрности съ сдѣланными на счетъ казны уступками: для этого онъ принуждалъ касиковъ давать колонистамъ въ помощь при полевыхъ и рудокопныхъ работахъ туземцевъ. Чтобъ дать этой послѣдней мѣрѣ сколько возможно обширнѣйшее дѣйствіе, онъ сдѣлалъ общую

ревизію народонаселенію острова, раздѣлилъ жителей на классы и распредѣлилъ ихъ, совершенно по своему произволу, между Испанцами. По его внушенію колонисты вступили между собой въ товарищества, по-два, для обоюднаго попеченія за своими выгодами: одинъ долженъ былъ наблюдать за полевыми работами, другой за добываніемъ золота. Единственное наставленіе Бобадиллы состояло въ томъ, чтобъ всякой собиралъ сколько возможно больше золота. Онъ безпрестанно повторялъ колонистамъ одну и ту-же рѣчь, — которая обнаруживаетъ, между-прочимъ, какому вредному правилу онъ слѣдовалъ въ своемъ управленіи: «Пользуйтесь настоящимъ!» твердилъ онъ имъ на каждомъ шагу: «кто знаетъ, долго-ли это продолжится? Онъ давалъ этимъ разумѣть, что, можетъ-быть, дворъ скоро отзоветъ его. Испанцы слишкомъ хорошо слѣдовали его совѣту, и дотого обременяли бѣдныхъ туземцевъ работами, что одиннадцатая часть пріобретеннаго ими золота составила доходъ болѣе значительный чѣмъ третья часть въ управленіе Коломба.

Въ это бѣдственное для туземцевъ время, они претерпѣвали всѣ возможныя жестокости отъ своихъ безчеловѣчныхъ господъ. Непривычные къ работѣ, слабосильные отъ природы, привыкшіе съ дѣтства къ жизни свободной и спокойной среди своего роскош-

наго острова, — они изнемогали подъ бременемъ тяжкаго труда и варварскихъ истязаній, которымъ подвергали ихъ за ничтожнѣйшія мелочи. Читая описанія Ласъ-Касаса о подломъ тиранствѣ презрѣнныхъ Испанцовъ, большею частью освобожденныхъ изъ Кастильскихъ тюрьмъ, надъ несчастными туземцами, нѣтъ возможности удержаться отъ сильнѣйшаго негодованія.

Эти негодяи, считавшіеся на своей родинѣ подлѣйшими преступниками, въ колоніи важничали и прихотничали какъ знатные хидальги; не выходили изъ дому иначе какъ въ сопровожденіи многочисленной толпы слугъ; похищали дочерей и родственницъ касиковъ, обращали ихъ въ своихъ служанокъ или наложницъ, — и при всемъ томъ всегда жаловались еще, что у нихъ мало женщинъ. Отправляясь въ дорогу, вмѣсто-того чтобъ ѣздить на лошадяхъ или мулахъ, въ которыхъ не было недостатка въ колоніяхъ, они приказывали туземцамъ нести себя на плечахъ, въ нѣкотораго рода носилкахъ или койкахъ; кромѣ-того, толпа невольниковъ должна была слѣдовать за ними съ зонтиками изъ пальмовыхъ листьевъ и прикрывать ихъ голову отъ солнечнаго зною, другія — съ опахалами изъ перьевъ, которыми бѣдные страдальцы обязаны были прохлаждать ихъ. Ласъ-Касасъ говоритъ, что ему не одинъ разъ случалось видѣть этихъ несчастныхъ носиль-

щиковъ послѣ продолжительнаго пути: спины и плеча ихъ были растерзаны и окровавлены. По прибытіи въ какое-нибудь туземное селеніе, эти новые дворяне захватывали всѣ съѣстные припасы жителей и забирали все, что привлекало ихъ прихотливую жадность; остальное, что не находили для нужнымъ, раздавали кому ни попало, — а касиковъ и ихъ подданныхъ заставляли плясать передъ собой, для потѣхи; но и самыя забавы ихъ всегда сопровождались жестокостями. Съ туземцами они не употребляли другаго языка, кромѣ ругательнаго, и если который-нибудь изъ нихъ обнаруживалъ малѣйшій признакъ неудовольствія или ропота, тотчасъ-же приговаривали его къ плетямъ, палкамъ и даже къ смерти (1).

Вотъ слабое изображеніе бѣдствій, порожденныхъ преступною снисходительностью Бобадиллы, и Ласъ Касасъ описываетъ ихъ тѣмъ съ большею горестью, что самъ былъ ихъ очевидцемъ. Онъ пріѣхалъ на островъ въ то время, когда Бобадилла былъ отрѣшенъ отъ должности. Этотъ недостойный губернаторъ льстилъ себя надеждой, что огромное количество золота, извлеченнаго въ его управленіе изъ нѣдръ земли цѣною пота и крови туземцевъ, искупитъ въ глазахъ правительства всѣ его жестокости и утвердитъ за

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 1, MS.

нимъ благосклонность его государей. Но онъ и здѣсь ошибся въ расчетѣ. Злоупотребленія его администраціи достигли престола, и бѣдствія туземцевъ растерзали сердца великодушной и доброй Изабеллы. Ничто не могло возбудить въ ней сильнѣйшаго негодованія, какъ угнетеніе ея новыхъ несчастныхъ подданныхъ, — и она поспѣшила отправить Овандо для прекращенія этихъ вопіющихъ жестокостей.

По плану, о которомъ мы говорили выше, губернаторства Овандо должно было распространяться на острова и твердую землю, и средоточіемъ правленія была назначена Испаніола. Вслѣдствіе данныхъ ему инструкцій, онъ обязанъ былъ вступить въ исправленіе своихъ должностей тотчасъ по прибытіи на островъ, отправивъ Бобадиллу въ Испанію съ обратными кораблями; открыть и изслѣдовать въ непродолжительномъ времени всѣ существующія въ колоніяхъ злоупотребленія, подвергнуть наказанію виновныхъ безъ пристрастія и предубѣжденія, не смотря на лица, и выслать съ острова всѣхъ, кто будетъ того заслуживать; немедленно уничтожить разрѣшеніе, данное Бобадиллой, безъ королевскаго утвержденія, на свободную разработку минъ, и со всего золота, которое было пріобретено со времени этого разрѣшенія до прибытія Овандо на островъ, взыскать въ казну третью долю, а на будущее

время взыскивать половину. Ему была предоставлена власть строить города, давать имъ тѣ же льготы и преимущества, какими пользовались городскія сословія въ Испаніи, и заставлять Испанцевъ, въ особенности военныхъ, селиться въ нихъ, а не отдѣльно по всему острову. Въ числѣ множества благоразумныхъ мѣръ, предписанныхъ Овандо данными ему инструкціями, находились и вовсе несправедливыя и не сообразныя съ здравою политикой, носящія на себѣ отпечатокъ вѣка, въ которомъ система торговли основывалась на тѣсныхъ правилахъ, господствовавшихъ въ Испаніи еще долго послѣ того времени, какъ они были уже отвергнуты цѣлымъ свѣтомъ, какъ заблужденія вѣковъ прошедшихъ, варварскихъ. Вотъ распоряженія правительства по этому предмету. Оно удерживало за собой исключительное право производить торговлю съ собственными своими колоніями. — Никто не могъ привозить туда товаровъ и торговать ими отъ себя. — Для наблюденія за исполненіемъ этой мѣры во всей строгости, былъ назначенъ особой «королевскій факторъ,» черезъ единственное посредство котораго можно было получать Европейскіе товары въ колоніяхъ. — Правительство утвердило за собой исключительное обладаніе нетолько минами и драгоцѣнными камнями, но всѣмъ, что только имѣло довольно значительную

цѣнность, не исключая красильнаго дерева.— Ни одному иностранцу, — тѣмъ менѣе Мавру или Жиду, — не позволялось ни селиться на островѣ, ни предпринимать путешествій для открытій.

Таковы были отчасти коммерческія ограниченія, которыми Испанскій дворъ стѣснилъ свои колоніи. За ними скоро послѣдовали другія, не менѣе странныя. Политическая система Испаніи въ этомъ отношеніи подвергалась всеобщему посмѣянію: что-жъ скажутъ наши потомки о стѣсненіяхъ, которыми ограничиваютъ торговлю въ наше время образованнѣйшія націи? . . Не будутъ-ли и они предметомъ удивленія будущихъ столѣтій? . . . Но Изабелла въ особенности заботилась о положеніи бѣдныхъ туземцевъ. Овандо получилъ повелѣніе — тотчасъ по пріѣздѣ на островъ собрать всѣхъ кациковъ и объявить имъ, что король и королева Испаніи берутъ ихъ, вмѣстѣ съ ихъ подданными, подъ свое особенное покровительство, и что всѣ ихъ обязанности въ отношеніи къ правительству будутъ состоять только во взносѣ податей въ казну, наравнѣ съ Испанцами. Причемъ губернатору было запрещено положительнымъ образомъ употреблять противъ нихъ, при взиманіи податей, насильственныя мѣры, а стараться всѣми силами побуждать ихъ къ выполненію

своихъ обязанностей мѣрами кротости. Онъ долженъ былъ прилагать величайшую заботливость объ ихъ религіозномъ просвѣщеніи, — и собственно для этой цѣли съ нимъ назначили двѣнадцать францисканскихъ монаховъ и одного епископа, по имени Антонія де-Эспиналя, человѣка благочестиваго и почтеннаго. Это было началомъ водворенія францисканскаго ордена въ Новомъ - Свѣтѣ (1).

Но всѣ исчисленныя нами мѣры, принятыя правительствомъ для благосостоянія туземцевъ, не принесли никакой пользы по одному изъятію, вслѣдствіе котораго губернатору было предоставлено право — употреблять ихъ при разработкѣ минъ и во всѣхъ общественныхъ работахъ, предпринимаемыхъ правительствомъ, нанимая ихъ для этого какъ поденьщиковъ, за условную плату, съ тѣмъ, чтобъ заработанныя ими деньги были въ точности имъ выдаваемы.

Между-тѣмъ, въ то самое время, какъ католическія величества заботились объ облегченіи участи своихъ новыхъ подданныхъ, они-же, по свойственному человѣческому разуму противорѣчію, поощряли варварское нарушеніе естественныхъ правъ другаго племени людей. Въ ихъ указахъ, изданныхъ въ разное время по этому предмету, мы находимъ

(1) Las Casas, *Hist Ind.*, lib. II, cap. 3. MS

первые следы рабства Негровъ въ Новомъ-Свѣтѣ. Они разрѣшили ввозъ въ колоніи черныхъ невольниковъ, рожденныхъ между христіанами (1), то-есть въ Севиллѣ или другихъ городахъ Испаніи, отъ черныхъ туземцевъ, привезенныхъ съ Африканскихъ береговъ, гдѣ ими торговали нѣкоторое время Испанцы и Португальцы. Въ Исторіи встрѣчаются иногда событія, какъ-будто видимо носящія на себѣ печать суда Божія: одинъ изъ подобныхъ фактовъ представляется намъ въ открытіи Испаніолы. Этотъ островъ былъ первымъ позорищемъ преступленій, оскорбляющихъ въ одно время и природу и человѣчество, — и на немъ-же первомъ совершилось ужаснѣйшее, кровавое мщеніе. Фердинандъ и Изабелла, среди заботъ о собственныхъ своихъ выгодахъ, не забыли и о дѣлахъ Коломба. Овандо получилъ повелѣніе разсмотрѣть его счеты, привесть въ ясность убытки, понесенные имъ черезъ арестованіе, лишеніе слѣдующихъ ему окладовъ и конфискованіе имущества; возвратить все отнятое Бобадиллой, и составить вѣрную опись всѣмъ проданнымъ или утраченнымъ его вещамъ: и за тѣ изъ нихъ, которыя употреблены въ пользу правительства, выдать изъ казны деньги, а за присвоенныя Бобадиллой для личнаго его употребленія, заставить его уплатить адмиралу изъ собствен-

(1) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. I, lib. IV, cap. 12.

ныхъ доходовъ. Тѣ-же самыя мѣры Овандо долженъ былъ принять, для удовлетворенія братьевъ адмирала за потери, понесенныя ими черезъ ихъ арестованіе. Сверхъ-того, король и королева дали повелѣніе возвратить Коломбу всѣ удержанные доходы съ принадлежащихъ ему помѣстьевъ; и на будущее время высылать ихъ ему сполна; причемъ позволили ему отправить на островъ фактора, который бы присутствовалъ при клейменіи и плавкѣ золота, взималъ слѣдующіе ему оброки и вообще имѣлъ-бы надзоръ за всѣми его дѣлами. Коломбъ избралъ для этой должности Алонсо Санчеса де-Карвайяля; государи утвердили его агента и дали повелѣніе — признавать его въ этомъ званіи и наблюдать въ сношеніяхъ съ нимъ должное уваженіе.

Флотъ, снаряженный для отъѣзда Овандо, былъ многочисленнѣй всѣхъ, отправленныхъ до того времени въ Новый-Свѣтъ. Онъ состоялъ изъ тридцати судовъ, въ числѣ которыхъ было пять кораблей отъ девяноста до ста-пятидесяти тоннъ, двадцать-четыре карабеллы — отъ тридцати до девяноста, и одно только судно въ двадцать пять тоннъ (1). На этомъ

(1) Munnos, MS. Ласъ-Касасъ говоритъ, что флотъ состоялъ изъ тридцати-двухъ судовъ, но онъ приводитъ это число съ памяти, между-тѣмъ какъ Мюнносъ имѣлъ въ своихъ рукахъ письменные документы.

флотѣ отправлялось двѣ-тысячи-пятьсотъ человѣкъ, и въ числѣ ихъ находилось много знатныхъ фамилій съ семействами.

Чтобъ Овандо могъ явиться приличнымъ образомъ на новый свой постъ, дворъ разрѣшилъ ему употребленіе въ одеждѣ шолковыхъ тканей, шитья, драгоцѣнныхъ камней и другихъ предметовъ роскоши, которые были тогда запрещены въ Испаніи, для удержанія дворянства отъ разорительной пышности, которою оно щеголяло. Ему позволено было также имѣть при себѣ особыхъ тѣлохранителей, въ числѣ двадцати-двухъ человѣкъ, долженствовавшихъ состоять при немъ въ качествѣ оруженосцевъ, изъ которыхъ десять могли быть рыцари. Съ флотомъ отправлялся донъ Алонсо Мальдонадо, назначенный главнымъ-алгвазиломъ или великимъ-судьей, вмѣсто Рольдана, который отзывался въ Испанію. Кромѣ мастеровыхъ разныхъ ремеселъ, съ Овандо посылали доктора, хирурга, аптекаря и двадцать-три человѣка женатыхъ (1) съ ихъ семействами, избранныхъ изъ почтеннѣйшихъ по своей жизни гражданъ, которые, по прибытіи на островъ, обязались поселиться въ четырехъ разныхъ городахъ, по особому условію съ правительствомъ, которое предоставляло имъ разныя преимущества и льготы. Цѣль водворенія этихъ людей на островѣ со-

(1) Munnos, *Hist. del Nuevo Mundo*, неизданная часть.

стояла въ томъ, что они должны были положить собою основаніе дѣльнаго и промышленнаго населенія въ колоніяхъ, замѣнивъ равное число негодяевъ и лѣнивцевъ, которыхъ губернаторъ обязанъ былъ изгнать изъ Новаго-Свѣта. Эта превосходная мѣра была предложена правительству Коломбомъ. Съ флотомъ посылали также разнаго рода скотину, артиллерію, оружіе всѣхъ родовъ, припасы, — однимъ словомъ все, въ чемъ имѣли надобность колоніи.

Такимъ-то образомъ Овандо, — вельможа и любимецъ Фердинанда, — былъ снаряженъ въ путь и отправленъ для занятія мѣста, столь законно принадлежавшаго Коломбу. Флотъ отплылъ въ море 13 февраля 1500 года. Въ самомъ началѣ его плаванія онъ былъ застигнутъ ужаснѣйшею бурей. Одинъ корабль, со ста-двадцатью пасажирами, пошелъ ко дну; прочіе, принужденные бросить въ море весь свой грузъ, были раздѣлены и разсѣяны ураганомъ. Берега Испаніи покрылись обломками. Разнесся слухъ, что весь флотъ погибъ въ волнахъ. Король и королева были такъ огорчены этимъ извѣстіемъ, что цѣлую недѣлю никого не принимали и никуда не выходили. Вскорѣ, однакожъ, этотъ слухъ оказался ложнымъ. Одинъ только корабль погибъ; остальные соединились у острова Гомеры, принадлежащаго къ Канарійской груп-

нѣ, и отплывъ оттуда въ дальнѣйшій путь, прибыли 15 апрѣля въ Санъ-Доминго (1).

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 3, MS.

ГЛАВА IV.

Предложение Коломба объ освобождении Гроба-Господня (1500 — 1501).

Коломбъ провелъ более девяти мѣсяцевъ въ Гренадѣ, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ, послѣ разстройства ихъ Бобадиллой, и ходатайствуя о возвращеніи своихъ званій и достоинствъ. Все это время государи обращались съ нимъ съ величайшимъ уваженіемъ и повторяли обѣщаніе — возстановить его во всѣхъ правахъ, какъ скоро дѣла на островѣ будутъ приведены въ устройство. Но онъ испыталъ уже на себѣ — какой огромной промежутокъ времени отдѣляетъ *обѣщаніе* отъ *исполненія*. Его положеніе было такого рода, что человѣкъ съ характеромъ меланхолическимъ и мрачнымъ, легко пришелъ-бы, на его мѣстѣ, въ совершенное уныніе: благородное поприще, открытое его геніемъ, его мужествомъ и постоянствомъ, несмотря на препятствія почти

непреодолимыя, было предано толпѣ авантуристовъ, покровительствуемыхъ дворомъ, во вредъ его выгодамъ и власти, — и на его же глазахъ были сдѣланы великолѣпнѣйшія приготовленія для отъѣзда другаго на его мѣсто, похищенное у него столь несправедливымъ образомъ!... Всѣ его планы были ниспровергнуты, и бездѣйствіе, въ которомъ онъ томился въ это время, обнаруживало слишкомъ ясно нерасположеніе къ нему двора.

Но пламенный характеръ Коломба не могъ долго переносить этой стѣсненности. Задержанный въ одномъ направленіи, онъ искалъ другаго, нашелъ — и устремился по немъ. Его воображеніе, подобно внутреннему свѣту, разсѣявало въ самыя бурныя времена его жизни внѣшнюю мглу и наполняло его душу блистательнѣйшими образами и видѣніями. Въ эту-то годину испытанія память оживила передъ нимъ съ новою силой его религіозное обѣщаніе — набрать въ теченіе семи лѣтъ со времени открытія Новаго Свѣта корпусъ войскъ въ пятьдесятъ тысячь человѣкъ пѣхоты и пять тысячь конницы, для освобожденія Гроба-Господня. Годы проходили, а обѣтъ оставался невыполненнымъ. Новый Свѣтъ, не смотря на всѣ свои сокровища, не обогатилъ его. Коломбъ не только не имѣлъ никакой возможности сформировать на свой счетъ армію, даже оставался безъ вли-

[illegible]

[illegible], безъ должности, безъ всякого содержанія.

Лишенный средствъ самъ выполнить свое благочестивое намѣреніе, онъ счелъ обязанностью преклонить на это предпріятіе своихъ монарховъ, и надѣялся успѣть въ своихъ усиліяхъ тѣмъ съ большею вѣроятностью, что онъ уже предупредилъ ихъ съ самого начала, что освобожденіе Гроба-Господня составляло его великую цѣль, для достиженія которой онъ предпринялъ открытіе Новаго-Свѣта, съ тѣмъ, чтобы употребить на этотъ подвигъ плоды своихъ открытій.» Поэтому онъ занялся, съ свойственнымъ ему жаромъ, собраніемъ всѣхъ аргументовъ, которые, по его мнѣнію, могли служить подкрѣпленіемъ его предложенію. Въ свободные часы отъ занятій онъ отыскивалъ въ Пророчествахъ Священнаго-Писанія, въ твореніяхъ святыхъ отцовъ, — однимъ словомъ во всѣхъ священныхъ источникахъ, какіе только были ему доступны, — таинственныхъ предсказаній и откровеній, и старался примѣнить ихъ къ открытію Новаго-Свѣта, къ обращенію язычниковъ и къ освобожденію Гроба-Господня: тремъ великимъ событіямъ, которымъ, по его мнѣнію, предназначено было Небомъ совершиться одному за другимъ. При помощи одного монаха картезіанскаго ордена, онъ привелъ въ порядокъ всѣ эти выписки, приложилъ къ нимъ истолкованія въ стихахъ и со-

ставилъ изъ всего этого рукописную книгу, въ намѣреніи поднесть ее королю и королевѣ. Вмѣстѣ съ ней онъ приготовилъ из Государямъ длинное письмо, обнаруживающее вполнѣ всю пылкость и восторженность его ума и сердечную его простоту. Это одно изъ тѣхъ странныхъ его сочиненій, которыя открываютъ намъ его расположеніе къ мистицизму и указываютъ источники, откуда онъ почерпалъ пищу для своего дѣятельнаго воображенія.

Онъ убѣждаетъ въ немъ короля и королеву предпринять крестовый походъ для освобожденія Іерусалима отъ власти невѣрныхъ; умоляетъ ихъ не отвергать его совѣта, какъ сумасбродной и неудобоисполнимой мечты, и не обращать вниманія на сарказмы, которые могутъ позволить себѣ нѣкоторые люди на этотъ счетъ; напоминаетъ, что и великой планъ открытія Новаго-Свѣта подвергался въ свою очередь такому-же посмѣянію, и наконецъ изъявляетъ имъ свое искреннее убѣжденіе въ предъизбраніи его Небомъ, съ самого нѣжнаго младенчества, для исполненія двухъ великихъ Его преднамѣреній: открытія Новаго-Свѣта и освобожденія Гроба-Господня. « И для этой-то двойственной цѣли, « говоритъ онъ, я, слѣдуя Божественному « внушенію, еще въ отроческомъ возрастѣ « избралъ для себя поприще моряка, которое « по роду своему вселяетъ въ человѣка на-

«можность проникать въ таинства природы;
«и получилъ отъ Бога умъ любознательный,
«который увлекалъ меня къ чтенію всякаго
«рода бытописаній и философическихъ книгъ:
«И среди размышленій о чтенномъ мною,
«Богъ развернулъ мой разумъ, *какъ будто
«рукою*: и я прозрѣлъ новый путь въ Ин-
«дію, черезъ моря, и воспламенился духомъ
«на предназначенный мнѣ подвигъ. Я при-
«былъ къ вашимъ величествамъ, — и всякой,
«услышавъ о моемъ предпріятіи, на-
«посмѣхался надъ нимъ; всѣ мои познанія не
«опслужили ни къ чему; я провелъ десять лѣтъ
«при вашемъ августѣйшемъ дворѣ, въ пре-
«ніяхъ съ людьми весьма достойными и глу-
«боко-учеными: и они объявили мои планы
«нелѣпою мечтой. Одни только ваши вели-
«чества сохранили вѣру въ мой подвигъ и
«постоянство при исполненіи его. И кто мо-
«жетъ усомниться, что это не было дѣй-
«ствіемъ свѣта Священнаго-Писанія, озарив-
«шаго васъ тѣми-же лучами, какъ и меня?»

Одни уже эти мысли, столько разъ, съ та-
кою торжественностью и вмѣстѣ простоду-
шіемъ, выраженныя, человѣкомъ столь пла-
меннаго благочестія какъ Коломбъ, ясно до-
казываютъ, что его планъ открытія былъ ре-
зультатомъ глубокихъ размышленій, образо-
вавшихся въ собственномъ его умѣ, а не
слѣдствіемъ свѣденій, собранныхъ имъ отъ
другихъ. Онъ смотрѣлъ на великое дѣло от-

крытія, какъ на внушеніе свыше, какъ на Божественное откровеніе, котораго исполненіе было предречено Спасителемъ и Пророками; но почиталъ его предметомъ второстепеннымъ, чудомъ, являннымъ для побужденія его къ подвигу, несравненно важнѣйшему: къ освобожденію Святыхъ Мѣстъ отъ владычества невѣрныхъ. И увѣрялъ короля и королеву, что если они почтятъ его тою-же довѣренностью, какою удостоили при открытіи Новаго-Свѣта, то предлагаемая имъ экспедиція будетъ не менѣе іценѣшна, какъ и первая. Онъ заклиналъ ихъ не поддаваться вліянію насмѣшекъ со стороны людей, которые, можетъ-быть, почитаютъ его невѣждой и человѣкомъ ограниченнаго ума...

Предпріятіе Коломба было совершенно въ духѣ того вѣка, въ которомъ онъ жилъ, и двора, къ которому относился съ своимъ предложеніемъ. Духовная эрудиція, которою онъ старался подкрѣпить свой планъ, какъ нельзя болѣе гармонировала съ той эпохой, когда религіозныя понятія были главнѣйшимъ двигателемъ и на войнахъ и въ кабинетахъ. Духъ крестовыхъ походовъ не угасъ еще. Не было рыцаря, который-бы, по первому призыву, не обнажилъ меча за дѣло Церкви. Священный энтузіазмъ возвышалъ въ ихъ глазахъ прелесть битвъ за вѣру. Набожность Фердинанда простиралась до мелочностей, неизлдыхъ и благочестію Изабеллы, — по-

крайней мѣрѣ въ такой степени, сколько ихъ могли допускать возвышенность и благородство ея души. И тотъ и другая находились подъ вліяніемъ духовныхъ совѣтниковъ, которыхъ всѣ усилія стремились къ тому, чтобъ направлять ихъ дѣйствія къ цѣлямъ, способнымъ увеличить мірскую власть и вліяніе духовенства. Недавнее покореніе Гренады считалось Европейскимъ крестовымъ походомъ и доставило Испанскимъ монархамъ титулъ *Весьма-Католическихъ - Величествъ.* Послѣ всего этого, весьма естественно было полагать, что Фердинандъ и Изабелла съ удовольствіемъ примутъ предложеніе о дальнѣйшемъ распространеніи своихъ побѣдъ надъ невѣрными и объ отмщеніи за ихъ продолжительное владычество въ Испаніи, тѣмъ болѣе, что герцогъ Медина Сидонія не задолго еще до того времени сдѣлалъ вторженіе въ Варварскія владѣнія, взялъ городъ Мелиллу, и его экспедиція была названа возобновленіемъ священныхъ войнъ противъ невѣрныхъ Африки (1).

(1) Garibay, *Hist. Hispana*, lib. XIX, cap. 6. Въ библіотекѣ покойнаго принца Себастіана есть одинъ in-folio, въ которомъ, между многими любопытными документами, находится письмо съ примѣрнымъ расчетомъ издержекъ на сформированіе двадцати-тысячной арміи, для завоеванія Святой-Земли. Оно отмѣчено подъ 1509 или 1510 годомъ, и судя по слогу, кажется, дѣйствительно относится къ той эпохѣ.

Слѣдственно, въ предложеніи Коломба не заключается ничего такого, что могло-бы показаться неумѣстнымъ въ ту эпоху и при тѣхъ обстоятельствахъ, когда оно было сдѣлано, хотя оно и замечательно рѣзкою печатью его восторженнаго характера. Если мы обратимъ еще вниманіе на то, что планъ объ освобожденіи Гроба-Господня созрѣлъ въ умѣ Коломба въ стѣнахъ Алгамбры, среди великолѣпныхъ остатковъ Мавританскаго владычества, — въ томъ самомъ дворцѣ, гдѣ такъ не за-долго еще до того времени, и на его глазахъ, было водружено знамя креста на символахъ чуждаго богослуженія, — то дѣло приметъ еще болѣе естественный видъ. Безъ сомнѣнія, первая мысль объ этомъ планѣ родилась въ его умѣ въ одну изъ тѣхъ минутъ восторженности, когда душа его принимала почти сверхъестественный полетъ, созерцая свое великое и славное назначеніе, — когда онъ считалъ себя подъ вліяніемъ Божественнаго внушенія, провозвѣстникомъ воли Неба и свершителемъ его высокихъ и величественныхъ преднамѣреній (1).

(1) И не одинъ Коломбъ былъ такого мнѣнія о себѣ. Его убѣжденіе раздѣляли многіе ученые, ревностные его почитатели. Ученый ювелиръ, Яковъ Ферреръ, въ письмѣ своемъ къ нему, написанномъ по приглашенію Испанскихъ государей въ 1495 году, говоритъ: «Я вижу въ вашемъ «подвигѣ великое таинство: Божественное и непреложное

«ное Провидѣніе посылало нѣкогда великаго Фому для «проповѣданія въ Индіи святой вѣры, отъ запада на во- «стокъ, а васъ, синьоръ, Оно послало въ противномъ на- «правленіи — отъ востока на западъ, къ предѣламъ Верх- «ней-Индіи, съ тою цѣлью, чтобъ открыть ея обитате- «лямъ истины, пренебреженныя ихъ предками во время «проповѣданія святаго Фомы. И такъ исполнится сказан- ное: *In omnem terram exibit sonus eorum*....» Далѣе онъ го- воритъ еще: «По совершаемому вами дѣлу, синьоръ, вы уподобляетесь апостолу и избраннику Божію, посланному въ міръ для возвѣщенія Его имени чуждымъ языкамъ.» (Letra de Mossen Iayme Ferrer. Navarrete, *Collect.* tom. II, decad. LXVIII.

ГЛАВА V.

Приготовленія Коломба къ четвертому путешествію для (открытій 1501—1502).

Мысли объ освобожденіи Гроба-Господня занимали Коломба недолго. Скоро онѣ устремились съ новымъ жаромъ по обыкновенному ихъ направленію. Бездѣйствіе сдѣлалось для него нестерпимо, и онъ составилъ новый, обширный планъ открытій. Экспедиція Васко де-Гамы, открывшаго, такъ давно уже отыскиваемый путь въ Индію, обогнувъ Мысъ-Доброй-Надежды, была одною изъ знаменитѣйшихъ новостей той эпохи. По слѣдамъ Гамы, Педро Альваресъ Кабралъ совершилъ счастливѣйшее путешествіе: корабли его возвратились съ богатымъ грузомъ драгоцѣнныхъ товаровъ Востока. Въ цѣлой Испаніи не было другихъ разговоровъ, кромѣ какъ — о сокровищахъ Калькуты, о торговлѣ алмазами и драгоцѣнными камнями Индостанскихъ минъ, о жемчугѣ, золотѣ, серебрѣ, амврѣ, слоновой

кости, фарфорѣ, шелковыхъ тканяхъ, драгоцѣнномъ деревѣ, гуммѣ и всякаго рода пряностяхъ. Открытіе дикихъ странъ Новаго Свѣта еще не принесло Испаніи большихъ выгодъ, между тѣмъ какъ новый путь, такъ нежданно проложенный къ роскошнѣйшимъ странамъ Востока, доставилъ Португаліи непосредственное обладаніе несмѣтными богатствами.

Коломбъ, слушая разсказы объ этихъ предпріятіяхъ, воспламенился благороднымъ соревнованіемъ. Въ умѣ его тотчасъ образовался планъ путешествія, которое должно было затмить не только открытіе Васко де-Гамы, но и его собственныя, сдѣланныя до того времени. По личнымъ его наблюденіямъ въ продолженіе путешествія къ Паріи, и по извѣстіямъ, сообщеннымъ другими мореплавателями, — именно Родригомъ Бастидомъ, который прошелъ по тому-же пути, но гораздо далѣе, — казалось, что берегъ Твердой-Земли простирается далеко на западъ. Южный берегъ Кубы, составляющій, по мнѣнію Коломба, оконечность Азіятскаго материка, тянулся къ той-же точкѣ склоненія. Теченія Караибскаго-Моря должны были, по его догадкамъ, находить себѣ выходъ между двумя означенными материками. Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, онъ утвердился на мысли, что въ той сторонѣ непремѣнно долженъ существовать, гдѣ-нибудь, проливъ,

сообщающійся съ Индѣйскимъ - Моремъ : и этотъ проливъ онъ предполагалъ въ томъ мѣстѣ, которое въ наше время называется Даріенскимъ перешейкомъ (1). Еслибъ ему удалось найти его и соединить такимъ-образомъ открытый имъ Новый - Свѣтъ съ великолѣпными странами древняго Востока, — то этимъ подвигомъ онъ увѣнчалъ - бы свои труды самымъ блистательнѣйшимъ образомъ и выполнилъ-бы великій планъ, который такъ постоянно и усердно желалъ осуществить.

Коломбъ сообщилъ свой планъ королю и королевѣ. Они выслушали его съ глубочайшимъ вниманіемъ. Говорятъ, что нѣкоторые члены Совѣта старались отклонить ихъ величества отъ этого предпріятія, представляя имъ, что настоятельныя нужды по разнымъ частямъ управленія и скудость финансовъ требуютъ избѣжанія всякой новой издержки, и что сверхъ-того, Коломбъ не можетъ быть, по ихъ мнѣнію, употребленъ въ этомъ дѣлѣ, пока донесенія Овандо не докажутъ удовлетворительнымъ образомъ, что поведеніе его въ Испаніолѣ не заслуживаетъ упрековъ. Однакожъ на этотъ разъ коварныя внушенія царедворцевъ остались безъ дѣйствія: Иза-

(1) Las Casas., lib. II, cap. 4. — Ласъ-Касасъ означаетъ это мѣсто — по близости Номбре-де-Діосъ. Бастидъ доходилъ до него, и Коломбъ, вѣроятно, полагалъ, что проливъ лежитъ нѣсколько далѣе.

беллы вполнѣ полагаясь на честь Колумба; что-жъ касалось до издержекъ — она чувствовала, что послѣ огромныхъ расходовъ, сдѣланныхъ для Овандо, на снаряженіе для него столь многочисленнаго флота и на сформированіе такой пышной свиты, единственно съ тою цѣлью, чтобъ онъ могъ прилично показаться въ Новомъ-Свѣтѣ и занять тамъ свое губернаторское мѣсто, было-бы неблагородно и жестоко отказать въ нѣсколькихъ судахъ тому, кто открылъ этотъ Новый-Свѣтъ, и самыхъ судовъ просилъ для продолженія своихъ славныхъ открытій. Благородныя побужденія Изабеллы были сильно поддержаны расчетливымъ Фердинандомъ, хотя совсѣмъ по другимъ причинамъ. Экспедиція Коломба обѣщала Испаніи открытіе болѣе прямаго и надежнаго пути къ тѣмъ странамъ, съ которыми Португальцы вступили въ столь выгодную торговлю, и сверхъ-того она отвлекала его на-долго отъ его притязаній, столь тягостныхъ для правительства, представляя его дѣятельности занятіе болѣе полезное для государства. Фердинандъ считалъ Коломба плохимъ правителемъ, но какъ мореходца онъ цѣнилъ его высоко. Онъ не сомнѣвался, что если только существуетъ проливъ, о которомъ онъ говорилъ ему, то никто другой не былъ способнѣй его открыть это блестящее сообщеніе, обѣщавшее такъ много выгодъ для Испаніи. Предложеніе Коломба было при-

нято безъ возраженій. Дворъ уполномочилъ его немедленно снарядить приличную эскадру, и адмиралъ, осенью 1501 года, отправился въ Севилью заняться нужными приготовленіями.

Это предпріятіе действительно заняло все вниманіе Коломба. Оно отвлекло его даже отъ похода для освобожденія Святыхъ Мѣстъ. Однакожъ онъ не отказался отъ него. Онъ передалъ свою рукописную коллекцію «Извлеченій изъ Пророчествъ» одному почтенному монаху, по имени Гаспару Горраціо, съ тѣмъ, чтобъ онъ дополнилъ этотъ сборникъ, и въ началѣ слѣдующаго года представилъ его государямъ при восторженномъ письмѣ, о которомъ мы упоминали. Въ февралѣ онъ написалъ другое письмо, къ папѣ Александру VII, въ которомъ, послѣ извиненій, что за множествомъ занятій не могъ, согласно своему намѣренію, явиться въ Римъ и представить его святѣйшеству лично отчетъ въ своихъ великихъ открытіяхъ, — и пересказавъ объ нихъ святому-отцу вкратцѣ, — онъ объявляетъ ему, что предпринялъ этотъ подвигъ съ единственною цѣлью, посвятить плоды своихъ открытій на освобожденіе Гроба-Господня; говоритъ о своемъ обѣтѣ — выставить для этой цѣли въ продолженіе семи лѣтъ послѣ открытія Новаго-Свѣта, корпусъ войскъ въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и пять тысячъ конницы, и такое-же число войскъ въ тече-

ніе пяти послѣдующихъ за тѣмъ лѣтъ, прибавляя, что онъ сообщилъ уже объ этомъ намѣреніи королю и королевѣ особымъ письмомъ; изъявляетъ горесть, что козни враговъ замедлили исполненіе даннаго имъ благочестиваго обѣта и что можетъ-быть даже онъ никогда не будетъ въ состояніи выполнить его, если Провидѣніе не удостоитъ ниспослать ему своей помощи, потому-что онъ лишенъ мѣста, которое ему было дано навсегда и вѣчно; увѣдомляетъ его святѣйшество, что онъ отправляется въ новое путешествіе и торжественно обѣщаетъ ему — немедленно, по возвращеніи изъ экспедиціи, пріѣхать въ Римъ, все разсказать ему изустно и представить «Описаніе» своихъ путешествій, которое онъ велъ «отъ начала и по сей день, по примѣру Цесаревыхъ Комментарій (1).»

Около того-же времени онъ отправилъ приведенное нами выше письмо о Гробѣ Господнемъ, вмѣстѣ съ собраніемъ выписокъ изъ Пророчествъ, къ королю и королевѣ. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе оно произвело на монарховъ. Фердинандъ, при всей своей набожности, былъ тонкій политикъ, сильно прилѣпленный къ житейскимъ выгодамъ. Вмѣсто крестоваго похода въ Іерусалимъ, онъ предпочелъ вступить съ Египетскимъ великимъ султаномъ, который угрожалъ разру-

(1) Navarrete, *Collect. Viages*, t. II, p. 145.

шить храмъ, въ мирные переговоры; для этого онъ отправилъ къ нему посланникомъ ученаго Пьера Мартира, столь извѣстнаго своими историческими сочиненіями, которому и удалось кончить дѣло полюбовно. Договоромъ съ великимъ-султаномъ были устранены всѣ поводы къ несогласіямъ между двумя державами удовлетворительнымъ образомъ для обѣихъ сторонъ, и постановлены мѣры на счетъ безопасности Святаго-Гроба и всѣхъ христіанъ, стекавшихся къ нему на поклоненіе.

Между-тѣмъ приготовленія Коломба къ путешествію шли весьма медленно, по причинѣ козней и задержекъ со стороны Фонсеки и его агентовъ. Адмиралъ просилъ позволенія зайти къ Испаніолѣ, чтобъ запастись тамъ всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшаго и, по всѣмъ вѣроятностямъ, весьма продолжительнаго плаванія. Дворъ отказалъ ему въ этомъ, опасаясь, чтобъ его появленіе на островѣ среди всеобщаго волненія, которое неминуемо должны были произвести пріѣздъ Овандо и отзывъ Бобадиллы, не усилило безпорядковъ,—тѣмъ болѣе, что адмиралъ имѣлъ тамъ много враговъ. Но на обратномъ пути король и королева дали ему разрѣшеніе освѣжить тамъ свои запасы, надѣясь, что къ тому времени въ колоніяхъ уже будетъ возстановлено спокойствіе. Они позволили ему взять съ собой брата его, аделантадо, и сына,

пятнадцатилѣтнаго Фернандо, также двухъ или трехъ человѣкъ, знающихъ Арабскій языкъ, которые должны были служить ему переводчиками въ то время, когда онъ прибудетъ вовладѣнія великагохана или другаго Восточнаго государя, гдѣ говорятъ этимъ языкомъ, или покрайней-мѣрѣ понимаютъ его.

На письмо Коломба, относительно возвращенія ему правъ и сохраненія ихъ въ его фамиліи, монархи отвѣчали изъ Валенціи де-Торресъ, 14 марта 1502, торжественнымъ повтореніемъ даннаго ему обѣщанія — что всѣ статьи условія ихъ съ нимъ будутъ выполнены буквально; что онъ самъ, а послѣ него дѣти его, будутъ пользоваться всѣми достоинствами и преимуществами, утвержденными за нимъ договоромъ, который, если нужно, они готовы утвердить особо за его сыномъ; изъявляли ему, сверхъ-того, намѣреніе свое даровать ему, братьямъ и дѣтямъ его новыя почести и вознагражденія, и въ заключеніе совѣтовали быть совершенно спокойнымъ на этотъ счетъ и отправляться въ путь, положась во всемъ на нихъ и предоставивъ всѣ дѣла свои въ Испаніи на попеченіе старшаго сына своего, дона Діэго (1).

Это—послѣднее письмо Испанскихъ государей къ Коломбу. Оно заключало въ себѣ самыя положительныя увѣренія. Совсѣмъ-

(1) Las Casas, *Hist, Ind.*, lib. II, cap. 4.

тѣмъ прошедшее сдѣлало адмирала недовѣрчивымъ къ будущему. Онъ рѣшился обезпечить свою славу и права своей фамиліи, вѣривъ ихъ попеченію и защитѣ своей отечественной страны. Для приведенія этой мѣры въ исполненіе, онъ передъ отъѣздомъ изъ Севиллы въ четвертое свое путешествіе для открытій, велѣлъ снять двойныя копіи со всѣхъ писемъ, патентовъ, грамотъ и другихъ документовъ, полученныхъ имъ въ разное время отъ католическихъ величествъ. Въ этихъ актахъ были изложены всѣ данныя ему права и преимущества, между прочимъ и пожалованіе его адмираломъ, вице-королемъ и губернаторомъ Индіи. Какъ ихъ, такъ и письмо свое къ кормилицѣ принца Іоанна, въ которомъ онъ такъ краснорѣчиво оправдываетъ свое поведеніе и защищаетъ права свои, и еще другое письмо на имя Генуэзскаго банка Св. Георгія, гдѣ онъ назначаетъ этому банку десятую часть своихъ доходовъ на уменьшеніе пошлинъ съ хлѣба и другихъ припасовъ,— подвигъ истинно патріотическій, внушенный просвѣщеннѣйшею благотворительностью, потому-что онъ касался облегченія участи бѣдныхъ его отечественнаго города, — онъ велѣлъ засвидѣтельствовать законнымъ порядкомъ Севильскимъ алькадамъ, и отослалъ все это, съ двумя разными нарочными, къ другу своему, доктору Николаю Одериго, бывшему Генуэзскому посланнику при Испанскомъ дво-

рѣ, съ просьбой — помѣстить присланные документы для храненія въ надежное мѣсто, и о томъ, куда они будутъ помѣщены, увѣдомить сына его, дона Діэго. Эта мѣра предосторожности, безъ сомнѣнія, была внушена ему неудовольствіемъ на дѣйствія Испанскаго двора и имѣла цѣлью доставить его наслѣдникамъ, въ случаѣ если онъ погибнетъ въ путешествіи, возможность требовать правосудія отъ свѣта или потомства (1).

(1) Эти документы оставались въ неизвѣстности, сохраняясь въ фамиліи Одериговъ до 1670 года. Въ это время Лоренсо Одериго представилъ ихъ Генуэзскому правительству, которое велѣло помѣстить ихъ въ государственный архивъ. Среди послѣдовавшихъ за тѣмъ смятеній и переворотовъ одна изъ двухъ копій была перевезена въ Парижъ; другая пропала. Наконецъ, въ 1816 году, нашлась и послѣдняя копія, въ библіотекѣ графа Мишеля Анжело Комбіазо, Генуэзскаго сенатора. Ее купилъ у него Сардинскій король, тогдашній владѣтель Генуи, и въ 1821 году подарилъ ее городу Генуѣ, который для храненія этого дара соорудилъ памятникъ — колонну изъ бѣлаго мрамору, съ урной на верху, а надъ урной возвышается бюстъ Коломба. И въ эту-то урну положены документы адмирала. Они изданы въ свѣтъ при исторической запискѣ Д. Жіо-Баттиста Споторно, профессора краснорѣчія и проч. Генуэзскаго университета.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

Отъѣздъ Коломба въ четвертое путешествіе. — Ему запрещаютъ входъ въ Санъ-Домингскій портъ. — Онъ застигнутъ жестокою бурей (1502).

9-го мая 1502 года, Коломбъ отплылъ изъ Кадикса въ четвертое и послѣднее путешествіе для открытій. Эскадра его состояла изъ четырехъ карабеллъ, отъ семидесяти до пятидесяти тоннъ грузомъ, со ста-пятью десятью человѣками экипажа на всѣхъ судахъ. Съ такимъ-то малолюднымъ экипажемъ и на столь непрочныхъ судахъ онъ отправился для отысканія пролива, котораго открытіе провело-бы его въ отдаленнѣйшія моря и представило-бы возможность объѣхать кругомъ весь шаръ земной.

Годы начинали тяготѣть надъ Коломбомъ. Когда онъ отправился въ эту продолжитель-

ную и гибельную экспедицію, ему было уже около шестидесяти шести лѣтъ. Его, отъ природы крѣпкое сложеніе, ослабѣло отъ трудовъ, отъ перемѣнъ климатовъ, а болѣе отъ нравственныхъ страданій, которыя истощили его силы прежде времени. Его, нѣкогда стройный и величавый станъ, теперь согнулся, сгорбился подъ бременемъ тѣлесныхъ немощей; но совсѣмъ тѣмъ, даже при этой дряхлости, онъ сохранилъ еще наружность благородную и важную. Однѣ только умственныя способности его сохранили всю прежнюю силу: онѣ-то побудили его въ тотъ періодъ жизни, когда люди обыкновенно ищутъ успокоенія, устремиться съ юношескою пылкостью, — въ одну изъ труднѣйшихъ и отчаяннѣйшихъ экспедицій.

Въ это опасное путешествіе онъ взялъ съ собой своего вѣрнаго совѣтника, своего добраго и мужественнаго сотрудника — дона Варѳоломея, и младшаго сына своего, Фернандо, котораго дѣтская нѣжность и непритворная заботливость о немъ должны были услаждать скуку его продолжительнаго переѣзда: Колумбъ узналъ всю цѣну сладостныхъ семейныхъ утѣшеній, находясь столь долгое время чуждымъ пришельцемъ среди ложныхъ друзей и коварныхъ враговъ.

Онъ получилъ повелѣніе отъ католическихъ величествъ, отплывъ отъ Кадикса, взять направленіе къ крѣпости Эрчилдѣ, на

Марокском берегу, для подания помощи Португальскому гарнизону, сильно блокированному Мавританами. Эскадра бросила якорь против крепости, 13-го числа; но осада была уже снята. Узнав, что губернатор болен от раны, полученной им во время одного приступа, Коломб послал к нему с почетным визитом брата своего, аделантадо, сына — Фернандо, и капитанов карабелл, поручив им засвидетельствовать его превосходительству почтение и предложить ему все услуги, какія только эскадра адмирала в состояніи оказать ему. Это предложеніе и самое посольство были весьма пріятны губернатору. Он тотчас отправил благодарить адмирала нескольких рыцарей, в числе которых находились родственники покойной жены Коломба, донны Филиппы Мюннос. Разменявшись таким образом вежливостями, эскадра в тот-же день подняла паруса и отплыла в дальнейшій путь (1).

20-го мая Коломб прибыл к Большой-Канаріи, и простояв там несколько дней, для пополненія на судах запаса дров и воды, вечером 25-го отправился в Новый-Свет. Пассатные ветры так благопріятствовали его плаванію, что его маленькая эскадра неслась совершенно спокойно по

(1) *Hist. del Almirante, cap.* 88.

принятому ею направленію, не перемѣнивъ во весь путь ниодного паруса, и 15-го іюня прибыла къ одному изъ Караибскихъ Островъ, который называли туземцы *Мантинино* (1). Простоявъ у этого острова три дня, для пополненія запаса дровъ и воды, и чтобъ дать матросамъ время для отдыха и исправленія ихъ надобностей, эскадра перешла къ западному его берегу и взяла направленіе къ Доминику, отстоящему отъ Мантинино на десять миль. Оттуда она слѣдовала вдоль Антильской группы до Санта-Круза, а отъ этого острова, прошедъ вдоль южнаго берега Порто-Рикко, отплыла на всѣхъ парусахъ къ Санъ-Домингу. Этотъ путь противенъ плану адмирала, который располагалъ пристать къ Ямайкѣ (2), а оттуда устремиться прямо къ Твердой-Землѣ и обозрѣть ея берегъ во всѣхъ направленіяхъ, для открытія желаннаго пролива. Онъ не согласенъ также и съ повелѣніемъ короля и королевы, которые запретили ему приставать къ Испаніолѣ. Но Коломбъ принужденъ былъ избрать его по причинѣ дурнаго состоянія

(1) Наваретъ полагаетъ, что это тотъ самый островъ, который въ наше время называется островомъ Св. Люціи; но, судя по разстоянію, отдѣляющему его отъ Доминика, означенному Фернандо Коломбомъ, кажется вѣроятнѣй, что это — Мартиника.

(2) *Hist. del Almirante*, cap. 88.

большой своей карабеллы, которая не могла нести ни одного паруса и постоянно затрудняла и замедляла ходъ всей эскадры (1), въ намѣреніи перемѣнить ее на одинъ изъ кораблей, прибывшихъ въ Санъ-Доминго съ Овандо, или купить тамъ судно у кого-нибудь изъ частныхъ владѣльцевъ, — въ полной увѣренности, что этимъ невольнымъ отступленіемъ отъ данныхъ ему инструкцій, въ обстоятельствѣ, столь важномъ для безопасности и успѣха его экспедиціи, онъ не навлечетъ на себя порицанія со стороны правительства.

Теперь мы оставимъ на время Коломба и бросимъ взглядъ на тогдашнее положеніе острова. Овандо прибылъ въ Санъ-Доминго 15-го апрѣля и былъ встрѣченъ на берегу съ обыкновеннымъ церемоніаломъ, Бобадиллой и знатнѣйшими жителями города, которые сопровождали его до крѣпости. Тамъ были прочитаны установленнымъ порядкомъ, въ присутствіи гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, данныя ему грамоты, жители приведены къ присягѣ и исполнены всѣ обряды, употребительные въ подобныхъ случаяхъ. Новый губернаторъ былъ принятъ съ изъявленіями радости и покорности. Вступленіе его въ исправленіе своей должно-

(1) Письмо Коломба изъ Ямайки. — Дневникъ Порраса, Наваретъ, т. 1

сти отличается благоразуміемъ и хладнокровіемъ, и поведеніе его въ отношеніи къ Бобадиллѣ совершенно не похоже на поступки этого послѣдняго съ Коломбомъ. Онъ былъ съ нимъ столько-же вѣжливъ и предупредителенъ, сколько тотъ нaглъ и грубъ съ своимъ предмѣстникомъ. Здѣсь представился для Бобадиллы случай — оцѣнить всю ничтожность власти, достающейся безъ заслугъ, одною своенравною игрой судьбы, и неподдерживаемой личными достоинствами. Вмѣстѣ съ ней онъ утратилъ и всю свою значительность: его оставили, имъ пренебрегли даже тѣ люди, которымъ онъ наиболѣе благодѣтельствовалъ. Опытъ показалъ ему — какъ непрочна привязанность толпы, если она пріобретается однимъ потворствомъ ея низкимъ страстямъ. Совсѣмъ тѣмъ, на него не было подано ниодной жалобы, и Ласъ-Касасъ увѣряетъ, что ему не случалось ни разу слышать, чтобъ кто нибудь изъ колонистовъ относился объ немъ дурно (1).

Несмотря на то, поведеніе Бобадиллы, Рольдана и его сообщниковъ было подвергнуто строгому изслѣдованію. Весьма многіе изъ зачинщиковъ были арестованы и приговорены къ сужденію въ Испаніи. Но они мало заботились объ этомъ — иные полагаясь на вліяніе своихъ друзей при дво-

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 3.

ръ, другіе основывая свои надежды на извѣстномъ расположеніи епископа Фонсеки — покровительствовать всѣмъ, возстающимъ противъ Коломба.

Флотъ, прибывшій съ Овандо, находился въ готовности поднять паруса. Онъ долженъ былъ отвезть въ Испанію главнѣйшихъ преступниковъ, лѣнивцевъ и людей предосудительнаго поведенія, производившихъ безпорядки на островѣ. Бобадилла избралъ для своего переѣзда самый большой корабль. Онъ велѣлъ погрузить на него все золото, пріобретенное подъ его управленіемъ въ пользу казны, и былъ совершенно увѣренъ, что съ этимъ грузомъ онъ получитъ нетолько прощеніе во всѣхъ своихъ винахъ, но даже благосклонный пріемъ при дворѣ.

Въ числѣ сокровищъ, назначенныхъ для внесенія въ королевскую казну, находился огромный слитокъ самороднаго золота, весьма знаменитый въ старинныхъ Испанскихъ лѣтописяхъ. Онъ былъ найденъ одною туземкой въ ручьѣ, около помѣстьевъ Франсиска Гарайя и Мигуэля Діаса. Бобадилла взялъ его для короля и королевы, выдавъ владѣльцамъ значительное вознагражденіе. Увѣряють, что этотъ слитокъ вѣсилъ три - тысячи - шестьсотъ кастиллановъ (1).

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib II, cap. 5.

Рольданъ, его приверженцы и авантуристы, возвращавшіеся въ Испанію, также нагрузили корабли большимъ количествомъ золота, пріобрѣтеннаго цѣною пота и страданій бѣдныхъ туземцевъ. Въ числѣ пасажировъ большаго корабля находился несчастный Гуаріонексъ, нѣкогда столь могущественный кацикъ Веги. Онъ содержался, съ самого того времени, какъ былъ захваченъ измѣной, послѣ похода аделантадо въ горную провинцію Гигей, въ фортѣ Эчачіа, и теперь отсылался въ Испанію, въ оковахъ. Алонсо Санчесъ де-Карвайяль, агентъ Коломба, также посылалъ къ нему на одномъ изъ кораблей четыре-тысячи марокъ золота, частью пріобретеннаго съ его помѣстьевъ, со времени пріѣзда Карвайяля на островъ, отчасти взысканнаго съ Бобадиллы въ замѣнъ захваченнаго имъ имущества адмирала (1).

Всѣ приготовленія были кончены и флотъ готовился отплыть въ море, какъ вдругъ 29 іюня показалась у входа въ гавань небольшая эскадра Коломба. Приблизившись къ порту, адмиралъ тотчасъ-же отправилъ на берегъ Педро де-Террероса, капитана одной карабеллы, съ порученіемъ—увѣдомить Овандо о своемъ прибытіи, сообщить ему, что онъ вынужденъ былъ измѣнить предписанный ему путь и пристать къ Санъ-Доминго по необходи-

(1) Las Casas, cap. 5.

мости, для перемѣны сильно поврежденнаго корабля, наконецъ — просить у губернатора позволенія войти въ гавань, чтобъ перемѣнить означенный корабль и вмѣстѣ укрыться отъ жестокаго урагана, котораго приближеніе возвѣщалось разными признаками. Губернаторъ отказалъ ему въ этой просьбѣ. Ласъ-Касасъ думаетъ, что Овандо имѣлъ отъ короля и королевы положительное повелѣніе — не впускать Коломба въ портъ, и что эта суровая мѣра была слѣдствіемъ благоразумной осторожности со стороны ихъ величествъ, потому-что островъ былъ тогда наполненъ множествомъ злѣйшихъ враговъ адмирала, доведенныхъ до высшей степени раздраженія мѣрами, только-что принятыми противъ нихъ (1).

Выслушавъ суровый отказъ Овандо въ пристанищѣ для своихъ кораблей, Коломбъ желалъ покрайней-мѣрѣ спасти отъ видимой опасности флотъ, готовый отплыть отъ острова: поэтому отправилъ въ ту-же минуту опять своего капитана къ губернатору съ убѣдительною просьбой — удержать суда на нѣсколько дней въ гавани, потому-что несомнѣнные признаки предвѣщаютъ жестокую бурю. Но и въ этомъ случаѣ его просьба осталась безъ исполненія. Для неопытныхъ глазъ, погода казалась тихою и

(1) Las Casas, cap. 5.

ясною. Лоцманы и матросы, желая нетерпѣливо отправиться скорѣй на родину, насмѣхались надъ предсказаніемъ адмирала, называли его лжепророкомъ, и упросили Овандо — не задерживать флота изъ такихъ пустяковъ.

Горько было для Коломба получить отказъ въ помощи, которой необходимо требовало состояніе его кораблей и быть отвергнутымъ въ минуту опасности отъ порта, который самъ же онъ открылъ. Казалось на немъ судьба хотѣла показать примѣръ — до какой степени можетъ простираться человѣческая неблагодарность. Онъ отплылъ отъ гавани, исполненный горести и негодованія. Его люди громко роптали на запрещеніе губернатора войти ихъ судамъ въ гавань, принадлежащую ихъ-же отечеству, въ чемъ не отказываютъ и чужестранцамъ въ подобныхъ обстоятельствахъ; раскаявались, что отправились въ экспедицію съ такимъ начальникомъ, котораго власть и требованія до такой степени не уважаются, — и въ дальнѣйшемъ путешествіи не предвидѣли для себя ничего добраго.

Убѣжденный разными естественными явленіями, — которыя долговременная опытность научила его истолковывать безошибочно, — что буря близка и должна разразиться со стороны земли, Коломбъ держался съ своею маленькой эскадрой у самыхъ береговъ, стараясь отыскать какой-нибудь

заливъ или уединенную рѣку, гдѣ-бы его корабли могли укрываться.

Между-тѣмъ флотъ Бобадиллы, съ полною довѣренностью, отплылъ отъ Санъ-Доминго въ открытое море. Но черезъ два дня онъ испыталъ на себѣ самымъ жестокимъ образомъ справедливость предсказанія Коломба. Одинъ изъ ужаснѣйшихъ ураганов, которые свирѣпствуютъ иногда въ тѣхъ широтахъ, образовался постепенно. Зловѣщій видъ неба, сжатый воздухъ надъ океаномъ, возрастающій гулъ вѣтра: все возвѣщало его приближеніе, и едва флотъ достигъ восточной оконечности Испаніолы, какъ онъ разразился съ неописанною яростью, кробя и поглощая все, что ни встрѣчалъ на своемъ пути. Корабль, на которомъ находился Бобадилла, Рольданъ и злѣйшіе враги адмирала, пошелъ ко дну со всѣми пассажирами и со всѣмъ экипажемъ. Знаменитый самородокъ золота и всѣ сокровища, пріобретенныя столькими жестокостями и несправедливостями, были поглощены волнами вмѣстѣ съ людьми. Большая половина кораблей, составлявшихъ флотъ, погибла; остальные возвратились къ Санъ-Домингу въ самомъ жалкомъ положеніи. Изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ судовъ, одно только было въ состояніи продолжать путь,—и это судно было самое меньшое изъ всего флота, именно то самое, на которомъ Карвайялъ

послалъ къ адмиралу его четыре - тысячи марокъ.

Съ наступленіемъ бури эскадра Коломба оставалась въ затишьѣ, подъ защитой земли. Но на другой день ураганъ усилился и къ вечеру наступила такая темнота, что корабли потеряли другъ-друга изъ виду и разрознились. Адмиралъ упорно продолжалъ держаться сколько можно ближе къ берегу, — и его судно не потерпѣло ни малѣйшаго поврежденія. Прочіе капитаны, опасаясь близости земли въ такую мрачную и бурную ночь, отплыли въ открытое море; и вскорѣ положеніе ихъ не представляло уже никакого средства противиться ярости стихій. Они носились нѣсколько дней сряду во всѣхъ направленіяхъ, по произволу вѣтровъ и волнъ, ожидая съ каждой минутой, что море поглотитъ ихъ и считая одни другихъ погибшими. Адлантадо, командовавшій карабеллой, которую Коломбъ имѣлъ намѣреніе перемѣнить въ Санъ-Доминго, и которая и въ тихую погоду едва могла держаться въ открытомъ морѣ, подвергался почти неминуемой гибели, — и одна только его глубокая опытность въ состояніи была спасти ее. Наконецъ, бывъ долгое время игралищемъ разъяренной стихіи, карабеллы избѣжали крушенія и соединились всѣ въ Формозскомъ портѣ, лежащемъ къ западу отъ Санъ-Доминга. Адлантадо потерялъ свой большой

шлюпъ, и всѣ корабли, кромѣ адмиральскаго, потерпѣли болѣе или менѣе поврежденій. Коломбъ, узнавъ о бѣдственной участи своихъ враговъ, погибшихъ почти на его глазахъ, пришелъ въ ужасъ, и собственное свое спасеніе считалъ почти чудомъ. Сынъ его, Фернандо, и почтенный Лась-Касасъ видятъ въ этомъ событіи одно изъ тѣхъ грозныхъ дѣйствій Божественнаго правосудія, которыми оно и въ здѣшнемъ мірѣ поражаетъ преступныхъ,—и приводятъ, какъ разительное доказательство участія Провидѣнія въ этомъ дѣлѣ, то обстоятельство, что изъ всѣхъ кораблей составлявшихъ флотъ, уцѣлѣло безъ всякаго поврежденія одно только слабое судно, на которомъ было помѣщено золото Коломба, между-тѣмъ какъ враги его и большая часть флота были поглощены волнами раздраженнаго моря; и всѣ остальные корабли претерпѣли сильнѣйшія поврежденія. Но въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, вмѣстѣ съ преступными былъ увлеченъ въ погибель и невинный: на кораблѣ, потонувшемъ съ Бобадиллой и Рольданомъ, находился Гуаріонексъ, несчастный касикъ Веги (1).

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 5. — *Hist. del Almirante*, cap. 88.

ГЛАВА II.

Путешествіе вдоль береговъ Гондуры (1502).

Коломбъ простоялъ нѣсколько дней въ портѣ Формозѣ, занимаясь исправленіемъ своихъ судовъ. По окончаніи починокъ и давъ экипажамъ время, необходимое для отдохновенія послѣ претерпѣнной ими бури, онъ поднялъ паруса, въ намѣреніи продолжать путешествіе; но едва эскадра вышла изъ гавани, какъ новая буря принудила ее укрыться въ Жакмельскомъ, — или, какъ называли его Испанцы, въ Бразильскомъ, — портѣ, гдѣ она и оставалась до 14 іюля; наконецъ, вышедъ оттуда, она взяла направленіе къ Твердой-Землѣ. При совершенно тихой погодѣ, теченія отнесли суда Коломба къ небольшимъ островкамъ, лежащимъ около Ямайки (1). На этихъ островкахъ не было ни одной рѣки; однакожъ

(1) Безъ сомнѣнія — на Морантскихъ Кайяхъ.

матросы достали воды изъ колодцевъ, которые они вырыли въ пескѣ на берегу.

Штиль продолжался, и теченія увлекли эскадру въ середину той группы кайевъ, которую Коломбъ назвалъ въ 1494 году «Садами». Но только-что корабли достигли этихъ островковъ, какъ подулъ благопріятный вѣтеръ и эскадра пошла наконецъ въ предположенномъ направленіи. Она плыла тогда на юго-западъ, и черезъ нѣсколько дней, именно 30 іюля, открыла небольшой, возвышенный и лѣсистый островъ, покрытый большею частью соснами, которыхъ разнообразіе пріятно развлекало зрѣніе экипажей. Коломбъ назвалъ этотъ островъ *Сосновымъ* (Isla-de-Pinos); однакожъ онъ удержалъ свое туземное наименованіе — *Гуанага* (1), которое распространялось и на множество другихъ окружающихъ его островковъ. Эта группа лежитъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Гондурскаго берега, къ востоку отъ большой бухты, или залива, того же имени.

Аделантадо сдѣлалъ высадку на самый большой изъ этихъ островковъ, чрезвычайно плодоносный и покрытый яркою зеленью. Наружность его обитателей имѣла всѣ общія черты сходства съ прочими племенами туземцевъ, которыхъ видѣли Испанцы на другихъ островахъ, съ тою только разницею,

(1) На нѣкоторыхъ Англійскихъ картахъ — *Bonacca*.

что лобкму этихъ дакарей былъ уже. Въ то время какъ Аделантадо находился на берегу, вдали показалась большая лодка. Она плыла къ острову, и повидимому возвращалась изъ продолжительнаго и отдаленнаго путешествія. Когда она подъѣхала ближе, донъ Варфоломей былъ пораженъ величиной этого судна и всѣмъ, что увидѣлъ на немъ. Она имѣла восемь футовъ ширины, а длиной равнялась съ галерой, хотя была выдолблена изъ однаго древеснаго кряжа. По серединѣ этой ладьи находилась нѣкотораго рода палатка, или кают, покрытая пальмовыми листьями, довольно похожая на тѣ, которые устроиваются на Венеціянскихъ гондолахъ, и достаточно защищенная отъ солнца и дождя. Подъ этимъ наметомъ сидѣлъ кацикъ съ своими женами и дѣтьми. Двадцать пять туземцевъ гребли и управляли лодкой, нагруженной множествомъ мѣстныхъ издѣлій и естественныхъ произведеній прилежащихъ къ острову земель. Полагаютъ, что это судно шло изъ провинціи Юкатана, отстоящей на сорокъ миль отъ острова.

Дикіе мореплаватели, замѣтивъ Испанцевъ, не обнаружили нималѣйшей боязни, и нимало не колеблясь подплыли къ адмиральской карабеллѣ. Коломбъ пришелъ въ восхищеніе, увидѣвъ столь драгоцѣнное собраніе образцовъ всего, что только производитъ лучшаго эта часть Новаго-Свѣта, — безъ всякихъ хло-

потъ и затрудненій для отысканія ихъ. Онъ осмотрѣлъ внутренность лодки съ такимъ-же участіемъ, какъ и любопытствомъ. Въ числѣ разнаго рода оружія, ремесленныхъ орудій и утварей, уже видѣнныхъ имъ на другихъ островахъ, онъ нашелъ въ ней много другихъ предметовъ того-же рода, но несравненно тщательнѣй выработанныхъ, и между прочимъ, небольшіе топоры для срубки деревъ, — не каменные, какіе онъ встрѣчалъ до-того времени, но мѣдные; деревянныя шпаги съ выемками по обѣимъ сторонамъ клинка, въ которыя были вставлены и крѣпко утверждены струнами изъ рыбьихъ кишокъ острые камни. Точно такія шпаги найдены впослѣдствіи у Мексиканцевъ. Еще были въ лодкѣ — мѣдные колокольчики и другіе предметы изъ того-же металла, родъ тигля, или плавильнаго котла, грубой работы; разныхъ видовъ сосуды и домашняя утварь, искусно выдѣланныя изъ земли, мрамору и твердаго дерева; ткани и издѣлія изъ хлопчатой бумаги, окрашенныя разноцвѣтными красками; множество какао, тогда еще неизвѣстнаго Испанцамъ, которые однакожъ скоро замѣтили, что туземцы цѣнили этотъ плодъ весьма высоко и что онъ служилъ имъ въ одно время — и пищей и монетой. Коломбъ нашелъ также у нихъ напитокъ изъ маису, похожій на пиво. Съѣстные припасы этихъ дикарей состояли изъ маис-

дато хлѣба и разныхъ кореньевъ того же роду какъ и на Испаніолѣ.

Изъ всего этого Коломбъ выбралъ для отвоза въ Испанію нѣсколько предметовъ, которые казались ему особенно любопытными, предложивъ за нихъ хозяевамъ нѣсколько Европейскихъ бездѣлокъ. Дикіе согласились на эту мѣну съ большимъ удовольствіемъ. Взошедъ на корабли, и увидѣвъ себя окруженными людьми, которые должны были казаться имъ весьма чудными и странными, они не обнаружили ни изумленія, ни боязни. Женщины ихъ носили мантіи, закутываясь въ нихъ какъ Гренадскія Мавританки, а мужчины — широкіе пояса, въ родѣ короткихъ передниковъ, изъ хлопчатой бумаги. Вообще между этими дикарями замѣтно было уже болѣе вниманія къ одеждѣ и чувство стыдливости въ этомъ отношеніи между обоими полами, незамѣченное между прежде открытыми племенами.

Это обстоятельство, вмѣстѣ съ превосходствомъ ихъ оружія и тканей надъ издѣліями того же рода другихъ дикихъ, Коломбъ принялъ за вѣрный признакъ близости болѣе образованныхъ странъ. Онъ подробно распрашивалъ своихъ гостей о сосѣдственныхъ съ ними земляхъ; но какъ языкъ ихъ значительно разнился съ нарѣчіемъ его переводчиковъ, то онъ понялъ ихъ объясненія только вполовину. Они разказали ему, что пріѣхали изъ

богатой, воздѣланной и промышленной страны, лежащей къ западу отъ ихъ острова; старались дать ему высокое понятіе о богатствѣ и красотѣ этой страны и ея обитателей и убѣждали адмирала съѣздить туда. Какая перемѣна произошла-бы въ результатахъ предпріятія Коломба, еслибъ онъ послушался совѣта этихъ дикарей! черезъ день, много два, онъ присталъ-бы къ Юкатану; за тѣмъ необходимо послѣдовало-бы открытіе Мексики и другихъ богатыхъ областей Новой-Испаніи; потомъ открылось-бы передъ нимъ большое Южное-Море; рядъ блистательныхъ открытій озарилъ-бы новою славой его послѣдніе годы, и онъ не провелъ-бы остатокъ своей жизни въ горести, въ забвеніи, въ несчастьи и убожествѣ.

Но тогда всѣ мысли его были устремлены на открытіе пролива. Такъ-какъ земли, о которыхъ ему говорили дикіе, лежали въ западной сторонѣ, то онъ полагалъ, что всегда успѣетъ заѣхать къ нимъ и позже, держась на обратномъ пути, при пособіи пасатныхъ вѣтровъ, Кубы, которая, по его мнѣнію, соприкасалась съ этими землями. Поэтому онъ рѣшился — прежде всего взять направленіе къ материку, которато горы виднѣлись на югѣ, повидимому на недальнемъ разстояніи отъ эскадры (1), и достигнувъ его береговъ,

(1) *Дневникъ Порраса*, Navarrete, *Collect.*, tom. I.

идти около нихъ въ восточномъ направленіи до самаго того мѣста, гдѣ, по его мнѣнію, Твердая Земля отдѣлялась отъ Паріи проливомъ: прошедъ этотъ проливъ, онъ надѣялся въ скоромъ времени пристать къ Островамъ Пряностей и къ роскошнѣйшимъ странамъ Индіи (1).

Въ этомъ намѣреніи онъ утвердился еще болѣе, услышавъ отъ дикихъ, что въ той странѣ, куда онъ располагалъ отплыть, есть много провинцій, изобилующихъ золотомъ. Большую часть свѣденій сообщилъ ему одинъ старикъ, отличавшійся особенною смышленостью и повидимому коротко знакомый съ окрестными морями. Коломбъ удержалъ его при себѣ, какъ переводчика, для объясненій съ разными племенами дикарей въ продолженіе своего прибрежнаго плаванія, и одаривъ его спутниковъ разными вещицами, распростился съ ними.

Отъ острова Гуанаги эскадра взяла направленіе на югъ, къ Твердой Землѣ, и прошедъ нѣсколько миль, открыла мысъ, который Коломбъ назвалъ *Кахинасомъ*, потому что онъ былъ покрытъ плодовыми деревами, извѣстными у дикихъ подъ этимъ именемъ: нынче этотъ мысъ называется—Гондурскимъ. Здѣсь, въ воскресенье, 14 августа, аделантадо, съ ка-

(1) Las Casas, lib. II, cap. 20. — *Письмо Коломба съ Ямайки.*

питанами и большею частью матросовъ, сдѣлалъ высадку на берегъ, гдѣ была совершена съ большою торжественностью обѣдня, — по всегдашнему обыкновенію адмирала, которое онъ наблюдалъ во всѣхъ случаяхъ, когда только позволяли обстоятельства. 17-го аделантадо опять сдѣлалъ высадку около устья одной рѣки, въ пятнадцати миляхъ отъ мыса, водрузилъ на берегу Кастильское знамя и взялъ страну во владѣніе на имя католическихъ величествъ: поэтому случаю рѣка была названа *Рѣкой Обладанія* (1).

Въ этомъ мѣстѣ Испанцевъ встрѣтили на берегу болѣе ста туземцевъ, съ маисовымъ хлѣбомъ, рыбой, дичиной, овощами и разнаго роду плодами. Все это они положили у ногъ аделантадо и отошли въ сторону, не оказавъ ни слова. Донъ Варфоломей роздалъ имъ нѣсколько Европейскихъ вещицъ, которыя они приняли, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ. На другой день они явились снова и принесли съ собой еще больше припасовъ. Жители этого берега, почти на всемъ пространствѣ, которое прошли Испанскія суда въ восточномъ направленіи, имѣли лбы болѣе возвышенные чѣмъ у островитянъ. Они говорили разными нарѣчіями, и то же различіе замѣтно было и въ ихъ одеждѣ. Нѣкоторые изъ нихъ вовсе ее не употребляли, хо-

(1) *Дневникъ Поррaса*, Navarrete, tom. I.

дали нагіе и испещряли тѣло изображеніями разныхъ животныхъ, выжигая эти фигуры огнемъ; другіе носили одни только пояса или небольшіе передники; иные — короткіе полукафтанья безъ рукавовъ, изъ бумажной ткани; многіе заплетали волосы въ косы спереди. Старшины покрывали головы бѣлыми или цвѣтными кусками изъ бумажной матеріи. Въ праздничные дни они разрисовывали себѣ лица черною краской или проводили по всему тѣлу широкія, разноцвѣтныя полосы, и круги около глазъ. Старый проводникъ сказалъ адмиралу, что многіе изъ этихъ племенъ употребляютъ въ пищу людей. Въ одномъ мѣстѣ Испанцы встрѣтили племя дикихъ съ проколотыми ушами, такими огромными и отвислыми, что они не могли смотрѣть на нихъ безъ отвращенія: обстоятельство, которое заставило матросовъ назвать эту часть берега — *La Costa de la Oreja*, или *Берегомъ-Ушей* (1).

«Отъ рѣки «Обладанія» Коломбъ взялъ направленіе вдоль Гондурскаго берега. Плаваніе его въ этомъ мѣстѣ было весьма медленно, потому-что суда принуждены были бороться съ противными вѣтрами и теченіями, стремившимися съ востока. Часто они теряли въ одинъ переѣздъ разстояніе съ трудомъ прой-

(1) Las Casas, lib. II., cap. 24. — *Hist. del Almirante*, cap. 90.

деннóе въ два, — подаваясь впередъ иногда мили по двѣ въ день, и никогда болѣе пяти. На ночь они бросали якорь у земли, не смѣя продолжать плаванія въ темнотѣ около неизвѣстныхъ береговъ; но стремительность теченій часто относила ихъ въ открытое море (1).

Во все это путешествіе, болѣе двухъ мѣсяцевъ, эскадру преслѣдовала та же бурная погода, какой она подвергалась у Испаніольскаго берега. » Воздухъ, говоритъ Коломбъ, почти безпрерывно былъ возмущенъ бурями; дождь лился ручьями; молніи и удары грома были такъ жестоки, какъ будто наступалъ конецъ свѣту. « Кто имѣетъ понятіе о тропическихъ дождяхъ и грозахъ, тотъ не найдетъ этого описанія преувеличеннымъ. Корабельныя связи ослабѣли; всюду показались разщелины; паруса и снасти были изорваны; припасы повреждены; матросы изнемогали отъ непомѣрныхъ трудовъ и находились въ безпрерывномъ ужасѣ. Нѣсколько разъ они исповѣдывались другъ-другу, готовясь каждый день къ смерти. Говоря объ этомъ почти непрерывномъ слѣдствіи ураргановъ, съ того времени какъ эскадрѣ былъ отказанъ входъ въ Санъ-Домингскую гавань, Коломбъ прибавляетъ: « Много выдержалъ я бурь; но никогда не испыталъ столь продолжительныхъ и

(1) *Hist. del Almirante*, cap 91.

жестокихъ.» Большую часть этого времени онъ сильно страдалъ припадками подагры, которыхъ жестокость увеличивалась еще внутреннимъ волненіемъ и безпокойствомъ. Но болѣзнь не могла отвлечь его отъ исполненія долга; его маленькая каюта была устроена на кормѣ такъ, что онъ могъ наблюдать изъ ней за ходомъ кораблей и управлять ихъ движеніями, даже въ то время, когда тѣлесныя страданія не позволяли ему вставать съ постели. Часто эти припадки усиливались до того, что онъ не сомнѣвался въ приближеніи своего послѣдняго часа. Въ то время онъ вспоминалъ съ живѣйшею горестью о своемъ братѣ, аделантадо, котораго онъ увлекъ почти насильно въ эту экспедицію и который находился на самомъ плохомъ суднѣ изъ всей эскадры; раскаявался, что взялъ съ собой малолѣтнаго сына и подвергнулъ его въ столь нѣжномъ возрастѣ, столькимъ опасностямъ и лишеніямъ, хотя этотъ ребенокъ переносилъ ихъ съ мужествомъ и хладнокровіемъ стараго моряка; думалъ и о другомъ своемъ сынѣ, Діэго, — о заботахъ и затруднительномъ положеніи, въ которыя повергнетъ его смерть отца (1).

Наконецъ, послѣ слишкомъ сороkадневной борьбы съ стихіями, прошедъ въ это время не болѣе семидесяти миль разстоянія отъ Гон-

(1) *Письмо съ Ямайки*, Navarrete, *Collect.*, tom. I.

дурскаго мыса, корабли 14 сентября достигли другаго мыса, отъ котораго берегъ вдругъ загибался угломъ на югъ: это доставило имъ благопріятный вѣтеръ и безпрепятственное плаваніе. Обогнувъ мысъ, экипажи весело подняли паруса и отплыли въ дальнѣйшій путь. Адмиралъ, въ ознаменованіе своего освобожденія отъ препятствій, опасностей и трудовъ, назвалъ этотъ мысъ — *Gracias-a-Dios*, или *Благодареніе-Богу* (1).

(1) Las Casas, lib. II, cap. 21. — *Hist. del Almirante*, cap. 91.

ГЛАВА III.

Путешествіе вдоль Москитскаго берега. — Странные поступки дикихъ селенія Каріари.

Обогнувъ мысъ Gracias-a-Dios, Колумбъ шелъ прямо на югъ вдоль берега, извѣстнаго въ наше время подъ названіемъ Москитскаго. Берега представляли разнообразные виды: въ иныхъ мѣстахъ взоръ встрѣчалъ однѣ безплодныя скалы, — высокіе, утесистые мысы и косы, выбѣгающія далеко въ море; въ другихъ — они были покрыты роскошною зеленью, плодоносны и орошены множествомъ ручьевъ. Рѣки сильно изобиловали рыбой и черепахами; въ нихъ росъ тростникъ, до того огромный, что нѣкоторыя трости были толщиной въ лядвею человѣческой ноги; на берегахъ, экипажи видѣли аллигаторовъ, грѣвшихся на солнцѣ. Эскадра миновала группу изъ двѣнадцати небольшихъ островковъ, на которыхъ росли плоды, похожіе на лимоны; об-

стоятельство, заставившее назвать ихъ — *Лимонными-Островами* (1).

Между-тѣмъ, на корабляхъ оказался сильный недостатокъ въ дровахъ, водѣ и провизіи: поэтому эскадра, прошедъ около шестидесяти-двухъ миль вдоль берега, бросила, 16 сентября, якорь противъ одной большой рѣки, и Коломбъ отправитъ въ нее нѣсколько шлюповъ за нужными припасами. Когда посланные экипажи возвращались къ кораблямъ, море вдругъ пришло къ берегу и хлынуло въ рѣку, которой теченіе въ этомъ мѣстѣ было весьма быстро; волненіе, послѣдовавшее отъ этого столкновенія массы морской воды съ рѣчною, было такъ жестоко, что одинъ изъ шлюповъ пошелъ ко дну, со всѣми людьми, которые на немъ были. Это печальное происшествіе сдѣлало самое непріятное впечатлѣніе на экипажи, и безъ того уже утомленные и унылые. Коломбъ, раздѣляя ихъ горесть, назвалъ эту рѣку — *El rio del Desastro*, *Рѣкою-Бѣдствія* (2).

Отплывъ отъ этого несчастнаго мѣста, эскадра продолжала плыть нѣсколько дней вдоль того-же берега. Но суда пришли поч-

(1) Pierre Martyr, decad. III, lib. IV. — Вѣроятно, это были — *лимы*, родъ весьма мелкихъ и очень кислыхъ лимоновъ.

(2) Las Casas, lib. II, cap. 21. — *Hist. del Almirante*, cap. 91. — *Дневникъ Порраса*.

ти совсѣмъ въ негодность и утомленные матросы не въ силахъ были выполнить ни одного маневра: это заставило Коломба бросить, 25 числа, якорь между однимъ островкомъ и Твердою-Землею, чтобъ привести въ исправность суда и дать людямъ отдыхъ послѣ претерпѣнныхъ ими трудовъ во время продолжительныхъ бурь. Мѣстоположеніе окрестностей было восхитительно. Пальмовыя и банановыя рощи, какао и разныхъ другихъ породъ дерева, покрывали островъ, — и всѣ они были обременены прекрасными плодами, которые, вмѣстѣ съ цвѣтами и душистыми растеніями, разливали въ воздухѣ сладостное благоуханіе. Туземное названіе этого островка — *Квирибири*; Коломбъ назвалъ его — Huerta или Садъ. Прямо противъ него, въ разстояніи небольшой мили, на берегу прекрасной рѣки, лежало туземное селеніе — *Каріари*. Вся окрестность была покрыта смѣющеюся зеленью и представляла разнообразное смѣшеніе холмовъ и рощей, въ которыхъ дерева были такой вышины, что, по словамъ Ласъ-Касаса, какъ-будто подпирали вершинами небо.

Туземцы, увидѣвъ корабли, собрались на берегу, вооруженные копьями, дубинами, луками и стрѣлами, повидимому въ намѣреніи противиться высадкѣ. Но Испанцы два дня стояли спокойно на якорѣ, занимаясь починкою своихъ судовъ и просушкой поврежден-

ныхъ припасовъ, и отдыхая отъ продолжительнаго и тягостнаго путешествія. Обманутые въ своемъ ожиданіи дикари, видя что необыкновенныя существа, явившіяся у ихъ береговъ такимъ непостижимымъ образомъ, столь миролюбивы и не думаютъ безпокоить ихъ, перешли изъ опасенія къ сильнѣйшему любопытству. Они начали подавать разныя миролюбивые знаки, махая своими пальцами и всячески стараясь склонить Испанцевъ выйти на землю. Ободрившись еще болѣе, и видя безуспѣшность своихъ усилій, нѣкоторые изъ нихъ бросились въ море, и подплывъ къ кораблямъ, предложили Испанцамъ въ даръ множество бумажныхъ тканей, полукафтаньевъ и ожерельевъ изъ *гуанина*, или низшей доброты золота. Но адмиралъ, желая внушить имъ самое выгодное понятіе о безкорыстіи и щедрости бѣлыхъ людей, одарилъ ихъ разными бездѣлками и не взялъ въ замѣнъ ничего. Этотъ отказъ произвелъ совсѣмъ противное дѣйствіе, нежели какого онъ ожидалъ. Онъ оскорбилъ гордость дикарей, которые подумали, что чужеземцы пренебрегли ихъ дарами, и желая заплатить имъ тою-же монетой, приставши къ землѣ, по возвращеніи съ кораблей, сложили всѣ полученныя ими вещи въ кучу и оставили ихъ на берегу, гдѣ Испанцы на другой день нашли ихъ въ цѣлости.

Между-тѣмъ дикіе, видя что чужестранцы продолжаютъ упорствовать въ своемъ намѣ-

ріи и не вступаютъ съ ними въ сношенія, употребляли всѣ средства, чтобъ пріобресть ихъ доверенность и разсѣять подозрѣнія, которыя, по ихъ мнѣнію, они возбудили своими непріязненными приготовленіями. Адмиралъ отправилъ однажды шлюпъ, съ приказаніемъ высмотрѣть на берегу безопасное мѣсто, и сдѣлавъ на немъ высадку, набрать воды. Только-что посланные матросы пристали къ землѣ, какъ изъ за ближнихъ деревъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу старикъ почтенной наружности, неся передъ собой древко съ навязанною на концѣ бѣлою тканью — въ знакъ мира. За нимъ шли двѣ молодыя дѣвушки, одна лѣтъ четырнадцати, другая не болѣе восьми, нагія и съ ожерельями изъ гуанина на шеѣ. Старикъ подвелъ ихъ къ шлюпу и отдалъ Испанцамъ, объясняя знаками, что онѣ могутъ остаться ихъ заложницами на все время, которое матросы пробудутъ на берегу. Послѣ этого Испанцы смѣло вышли на берегъ и наполнили свои бочки водой. Дикіе во все это время стояли въ отдаленіи и тщательно старались избѣгать всякаго движенія, котороебы могло возбудить недовѣрчивость ихъ гостей. Когда матросы приготовились къ обратному отплытію, старикъ сдѣлалъ имъ знакъ, чтобъ они взяли съ собой обѣихъ дѣвушекъ, и ушелъ, не желая слышать никакихъ возраженій. Взошедъ на корабли, молодыя туземки не обнаружили ни горести, ни

боязни несмотря на то, что находились среди существъ, которыя должны были казаться имъ столь необыкновенными и странными. Коломбъ, желая показать туземцамъ, какъ онъ цѣнитъ ихъ довѣрчивость, велѣлъ отлично угостить молодыхъ дикарокъ, одѣть ихъ въ Европейское платье, убрать разными украшеніями и отвезть на берегъ. Но въ то время уже стемнѣло; на берегу не было ни одного дикаго: поэтому шлюпъ привезъ дѣвушекъ обратно на корабль, гдѣ онѣ провели ночь подъ непосредственнымъ покровительствомъ адмирала, а на другой день были отправлены къ своимъ одноземцамъ. Старикъ встрѣтилъ дѣтей съ радостью и изъявилъ живѣйшую благодарность за оказанное имъ гостепріимство. Но къ большому изумленію Испанцевъ, вечеромъ, когда шлюпы опять пристали къ землѣ, дѣвушки явились къ нимъ въ сопровожденіи своихъ друзей и отдали назадъ всѣ полученные ими подарки, какъ ни упрашивали ихъ бѣлые оставить у себя эти бездѣлки, и несмотря на то, что онѣ самимъ имъ очень нравились: до-того была оскорблена гордость этихъ дикарей пренебреженіемъ ихъ даровъ.

На другой день аделантадо отправился на берегъ — обозрѣть окрестность и собрать отъ туземцевъ нужныя свѣденія. Когда шлюпъ, на которомъ онъ ѣхалъ, приближался къ землѣ, двое изъ начальствующихъ дикарей вошли въ воду, взяли своего гостя бережно на

руки, вынесли его на берегъ и посадили съ большою церемоніей на дерновую скамью. Донъ-Варфоломей, желая вполнѣ сохранить всѣ свѣденія, какія онъ соберетъ отъ туземцевъ, велѣлъ прибывшему съ нимъ нотаріусу эскадры записывать ихъ отвѣты. Нотаріусъ вынулъ перо, чернильницу и бумагу и сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія. Но дикіе, увидѣвъ это странное и таинственное для нихъ дѣйствіе, вообразили, что ихъ хотятъ подвергнуть вліянію какого-нибудь волшебства, и въ ужасѣ обратились въ бѣгство. Спустя нѣсколько времени они появились снова съ той стороны, откуда дулъ вѣтеръ. Они подступали къ Испанцамъ боязливо, бросая въ воздухъ и сжигая какой-то душистый порошокъ, и стараясь, чтобъ весь дымъ отъ него ложился на чужеземцевъ. Надобно думать, что они приписывали этому порошку силу уничтожать дѣйствія пагубныхъ чаръ враждебной силы, потому-что считали своихъ гостей существами весьма подозрительными, какой-то особой, таинственной и сверхъестественной природы.

Матросы, съ своей стороны, смотрѣли на эту предохранительную мѣру дикарей съ большою недовѣрчивостью, подозрѣвая въ свою очередь, что они хотятъ околдовать ихъ. Самъ Фернандо Коломбъ, находившійся лично при этой сценѣ, находилъ весьма возможнымъ, что дикари занимались чародѣйствомъ,

и по этой причинѣ подозрѣвали въ подобномъ-же упражненіи и другихъ (1).

Скажемъ болѣе, — и кчему скрывать слабость, характеризующую болѣе суевѣрный духъ вѣка, чѣмъ какое-бы то ни было частное лице, — самъ адмиралъ раздѣлялъ мнѣніе своихъ спутниковъ, и въ письмѣ своемъ къ королю и королевѣ, писанномъ съ острова Ямайки, говоритъ, что жители селенія Каріари и окрестностей «великіе чародѣи.» Онъ намекаетъ притомъ, что молодыя дѣвушки, пріѣзжавшія на его корабль, имѣли подъ плащами тотъ-же волшебный порошокъ, и прибавляетъ, что матросы приписывали всѣ препятствія и труды, претерпѣнные ими у этого берега, злокачественному вліянію какой-нибудь чары, наведенной на нихъ колдовствомъ дикарей, — «въ чемъ экипажи совершенно убѣждены и понынѣ (2).»

Эскадра простояла на якорѣ еще нѣсколько дней. Въ продолженіе этого времени корабли были осмотрѣны и починены. Экипажи отдыхали послѣ трудовъ и пользовались удобствами и развлеченіями, какія представляла имъ близость земли. Аделантадо нѣсколько разъ отправлялся съ вооруженнымъ отрядомъ во внутренность страны, для обозрѣній и развѣдываній. Онъ нигдѣ не нашелъ чиста-

(1) *Письмо съ Ямайки.*

(2) *Hist. del Almirante, cap.* 48.

го золота; всѣ украшенія туземцевъ были одѣланы изъ гуанина, или золота низшей доброты; однакожъ дикіе увѣряли его, что далѣе, продолжая плыть въ томъ-же направленіи, Испанцы скоро пристанутъ къ одной области, гдѣ этого метала очень много.

Однажды, осматривая туземное селеніе, лежащее невдалекѣ отъ берега, донъ Варѳоломей увидѣлъ въ одномъ домѣ нѣсколько гробницъ. Въ одной изъ нихъ было набальзамированное тѣло; въ другомъ—еще два, завернутыя въ хлопчатую бумагу. Всѣ они были такъ хорошо сохранены, что не издавали ни малѣйшаго запаху. Тѣла были изукрашены разными вещицами, которыя покойники въ особенности любили въ жизни; а самыя гробницы ихъ испещрены живописью и грубыми изваяніями разныхъ животныхъ и безобразныхъ человѣческихъ фигуръ, — кажется, изображеніями самыхъ покойниковъ (1).

У большей части дикихъ племенъ замѣчено глубокое уваженіе къ усопшимъ, которыхъ останки они хранятъ съ величайшею заботливостью.

Передъ отплытіемъ отъ этого берега, Коломбъ велѣлъ привезть къ себѣ нѣсколько туземцевъ, выбралъ изъ нихъ въ проводники самыхъ смышленыхъ, а остальныхъ отпустилъ

(1) Las Casas, lib. II, cap. 21.—*Hist. del Almirante*, cap. 91.—*Письмо Коломба съ Ямайки.*

домой. Послѣдняго своего проводника онъ отпустилъ у мыса Gracias a Dios. Дикіе, узнавъ, что бѣлые увозятъ съ собой ихъ одноземцевъ, изъявили сильнѣйшую горесть. Они сбѣжались на берегъ толпой и отправили на корабли посольство изъ четырехъ своихъ старшинъ съ подарками и порученіемъ — умолять чужеземцевъ возвратить свободу плѣнникамъ.

Адмиралъ увѣрялъ посланныхъ, что беретъ съ собой ихъ соотечественниковъ единственно съ тою цѣлью, чтобъ они указали ему путь, и отпуститъ въ скоромъ времени; велѣлъ одѣлить ихъ разными подарками и отвезть на берегъ. Однакожъ ни обѣщанія, ни подарки, не могли успокоить опасеній дикихъ на счетъ участи ихъ одноземцевъ, попавшихся во власть существъ столь подозрительныхъ и столь таинственныхъ (1).

(1) Las Casas, lib. II, cap. 21. — *Hist. del Almirante*, cap. 91.

ГЛАВА IV.

Путешествіе вдоль берега «Богатаго.» — Заключенія на счетъ Верагскаго перешейка (1502).

5-го октября эскадра отплыла отъ Каріари вдоль берега, извѣстнаго въ наше время подъ именемъ — Costa Ricca, или *Богатаго* : названіе, которымъ онъ обязанъ золотымъ и серебрянымъ минамъ, открытымъ впослѣдствіи въ его горахъ. Прошедъ около двадцати-двухъ миль, корабли бросили якорь въ большой бухтѣ, около шести миль длиною и четырехъ шириной, усѣянной островами, которые раздѣляются между собой каналами, образуя такимъ-образомъ три или четыре входа. Туземное названіе этой бухты — *Карибаро* (1).

(1) На нѣкоторыхъ Англійскихъ картахъ эта бухта названа *Адмиральскою* или *Заливомъ-Карнабако*. Каналъ, которымъ Коломбъ вошелъ въ нее, сохранилъ названіе *Boca del Almirante*, или *Адмиральскаго-Устья*.

Объ этомъ-то мѣстѣ жители Каріари говорили Испанцамъ, что они найдутъ тамъ много золота.

Островки бухты Карибаро прелестны; они были покрыты яркою зеленью и рощами, которыхъ плоды и цвѣты издавали сладостное благоуханіе. Каналы между ними такъ глубоки, что корабли Коломба плыли въ нихъ какъ-будто по каналу, нарочно вырытому среди города; мачты и снасти во время пути карабеллъ зацѣплялись слегка за вѣтви деревъ, которыми были обставлены берега. Эскадра, бросивъ якорь, отправила къ одному изъ этихъ островковъ шлюпы. Около его береговъ стояло двадцать лодокъ, и изъ за деревъ виднѣлись жители. Ободренные Каріарскими проводниками, они довѣрчиво и безъ боязни подошли къ бѣлымъ людямъ. Здѣсь Испанцы въ первый разъ увидѣли чистое золото (1). Туземцы носили на шеѣ большія плитки, или дощечки, изъ этого металла, нанизанныя на снуркахъ изъ хлопчатой бумаги; также украшенія, выдѣланныя изъ гуанина, на подобіе орловъ. Одинъ туземецъ промѣнялъ на три гремушки плитку золота, цѣной по крайней-мѣрѣ въ десять червонцевъ. На другой день шлюпы отправились къ Твердой-Землѣ, въ углубленіе залива. Мѣстоположеніе, сколько могъ обнять

(1) *Дневникъ Порреса*, Navarrete, t. I.

взоръ, было неровно и гористо, и селенія, большею частью построены на высотахъ. Испанцы встрѣтили на пути десять туземныхъ лодокъ, наполненныхъ дикими, которыхъ головы были украшены цвѣточными гирляндами и коронами, сдѣланными изъ когтей животныхъ и птичьихъ перьевъ (1), а шеи у многихъ — ожерельями изъ золотыхъ плитокъ, которыхъ они не захотѣли однакожъ мѣнять по предложенію Испанцевъ. Экипажи шлюповъ привезли къ адміралу двухъ туземцевъ, въ проводники. У одного изъ нихъ висѣла на шеѣ золотая плитка, по меньшей оцѣнкѣ, въ четырнадцать червонцевъ, а у другаго — орелъ въ двадцать-два червонца. Замѣтивъ, что Испанцы высоко цѣнятъ этотъ металлъ, проводники сказали имъ, что далѣе, дня на два пути отъ бухты, они найдутъ его великое множество, и назвали разныя мѣста, лежащія по берегу, откуда они достаютъ его, — особенно упоминали о Верагуѣ, или Верагѣ, провинціи, отстоящей миль на двадцать-пять отъ бухты (2).

Признаки такого множества золота въ этомъ мѣстѣ возбудили въ сильнѣйшей степени жадность Испанцевъ. Они очень желали остаться здѣсь подолѣе для мѣны, но адміралъ рѣшился только собрать образцы туземныхъ бо-

(1) *Pierre Martyr*, decad. III, lib. IV.

(2) *Письмо Колумба съ Ямайки.*

гатствъ этой части берега и свѣденія о мѣстахъ, которыя изобилуютъ ими, и потомъ, не теряя времени, отправиться въ дальнѣйшій путь, для достиженія великой цѣли своего предпріятія — открытія мнимаго пролива.

Вышедъ 17 октября изъ бухты или, точнѣе, залива, эскадра взяла направленіе вдоль берега провинціи, которая, по описанію туземцевъ, столь сильно изобиловала золотомъ, и которая впослѣдствіи получила названіе *Верагскаго-Берега*. Прошедъ около двѣнадцати миль, она достигла одной большой рѣки, которую сынъ Коломба, Фернандо, называетъ — *Гуайгъ*. Бросивъ противъ ея устья якорь, адмиралъ отправилъ къ берегу шлюпъ; но только-что Испанцы приблизились къ землѣ, какъ на берегъ выбѣжало около двухъ-сотъ дикихъ, вооруженныхъ дубинами, копьями и шпагами изъ пальмоваго дерева, и въ тоже время окрестный лѣсъ огласился звуками деревянныхъ барабановъ и трубъ, — обыкновенными сигналами войны. Дикари вошли по поясъ въ море, потрясая своими шпагами и брызгая въ Испанцевъ водой, въ знакъ вызова ихъ къ бою. Но непріязненныя чувства этой воинственной орды скоро были укрощены дружелюбными знаками матросовъ и посредничествомъ проводниковъ. Увѣрившись въ миролюбивомъ расположеніи чужеземцевъ, дикіе охотно вступили съ ними въ сношенія и промѣняли имъ, за нѣсколько Европейскихъ

бездѣлокъ, семнадцать золотыхъ плитокъ, цѣной въ полтораста червонцевъ.

На другой день Испанцы снова отправились къ берегу для мѣны; но, къ большому изумленію, увидѣли, что дикари опять встрѣтили ихъ непріязненнымъ образомъ; нѣкоторые изъ нихъ уже бросились въ воду и устремились на шлюпъ, съ барабаннымъ боемъ и трубнымъ звукомъ; но пущенная однимъ матросомъ стрѣла, ранившая одного изъ нихъ въ руку, поколебала рѣшимость всей толпы. Вслѣдъ за тѣмъ раздался пушечный выстрѣлъ, — и дикари въ ужасѣ обратились въ бѣгство, думая, что ихъ поразилъ громъ небесный. Четверо Испанцевъ вышли на берегъ и погнались за бѣгущими, крича имъ, чтобъ они остановились. Дикіе тотчасъ-же бросили оружіе и подошли къ Испанцамъ въ страхѣ и съ покорностью, предлагая имъ три золотые плитки, за которыя съ благодарностью приняли бездѣлки, которыя тѣ предложили имъ взамѣнъ.

Продолжая плаваніе вдоль того-же берега, адмиралъ бросилъ якорь противъ устья другой рѣки, называемой туземцами — *Катиба*. Звукъ гонговъ и барабановъ, раздавшійся въ окрестныхъ лѣсахъ при самомъ появленіи эскадры, обнаруживалъ сборъ дикихъ воиновъ и заставлялъ Испанцевъ опасаться непріязненнаго пріема. Спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ суда бросили якорь, къ нимъ

подплыла лодка съ двумя туземцами, присланными для освѣдомленія: кто таковы необыкновенныя существа, прибывшія къ ихъ берегу, и что имъ надобно? Размѣнявшись нѣсколькими словами съ проводниками, дикіе парламантеры довѣрчиво взошли на адмиральскій корабель, и удостовѣрившись въ дружелюбныхъ намѣреніяхъ чужеземцевъ, отправились назадъ съ донесеніемъ своему кацику обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Вслѣдъ за ними отправился одинъ шлюпъ. Приставъ къ землѣ, Испанцы были ласково приняты кацикомъ, который былъ также голъ какъ и всѣ его подданные, и вообще ничѣмъ не отличался отъ нихъ, — такъ, что безъ глубокаго уваженія и внимательности къ нему дикихъ, и безъ особенной предупредительности, съ какою они прикрыли его огромнымъ листомъ отъ шедшаго тогда проливнаго дождя, — его нельзя-бы было и узнать. На шеѣ у царька висѣла большая золотая плитка, которую онъ тотчасъ-же промѣнялъ Испанцамъ, позволивъ и своимъ подданнымъ дѣлать, если хотять, то-же. Такимъ образомъ адмиралъ пріобрелъ у нихъ девятнадцать золотыхъ плитокъ. Въ томъ-же мѣстѣ Испанцы увидѣли въ первый разъ, со времени открытія Новаго-Свѣта, слѣды прочнаго зодчества: они нашли огромную плиту, составленную изъ камня и извести, отъ которой Коломбъ взялъ съ со-

бой отломокъ для образца (1), считая ее несомнѣннымъ признакомъ близости странъ болѣе образованныхъ.

Онъ имѣлъ намѣреніе заходить въ устья всѣхъ рѣкъ, которыя эскадра встрѣтитъ на пути; но какъ въ это время поднялся самый благопріятный вѣтеръ, то онъ поспѣшилъ воспользоваться имъ, и корабли понеслись на всѣхъ парусахъ вдоль берега, миновавъ на пути пять туземныхъ селеній, гдѣ, по словамъ проводниковъ, онъ могъ-бы собрать огромное количество золота, и въ особенности они твердили ему объ одномъ изъ этихъ пяти селеній, Верагуѣ, — сообщившемъ впослѣдствіи свое названіе всей провинціи. Около него, говорили они, находятся богатѣйшіе рудники, и жители селенія приготовляютъ большую часть золотыхъ плитокъ. На другой день эскадра поровнялась съ одною деревней, по названію *Кубига*, которою, по словамъ проводниковъ, оканчивался «золотой край» (2). Адмиралъ прошелъ ее мимо, не желая терять времени на пріобретеніе золота, потому-что считалъ весь этотъ край, со всѣми его сокровищами, собственностью Испанской короны. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ — скорѣй достигнуть цѣли своего предпріятія, предполагаемаго пролива, который надѣялся открыть невдалекѣ.

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 92.
(2) *Hist. del Almirante*, cap. 92.

Во все продолженіе этого прибрежнаго плаванія, онъ находился подъ вліяніемъ одной изъ тѣхъ иллюзій, которыя были такъ свойственны его уму. Онъ слышалъ отъ дикихъ, возвращавшихся изъ Юкатана и встрѣченныхъ эскадрой у островка Гуанайи, что во внутренности той страны, отъ береговъ которой они плыли, обитаетъ многочисленный и, сколько онъ могъ понять, образованный народъ. Это извѣстіе не выходило у него изъ головы, — и онъ перетолковывалъ въ его пользу всѣ свѣденія, какія ему удавалось собирать отъ различныхъ прибрежныхъ племенъ, съ которыми Испанцы входили въ сношенія. Оно такъ глубоко врѣзалось въ его умъ, что самое время не могло изгладить изъ него этой идеи. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ королю и королевѣ, писанномъ впослѣдствіи, онъ говоритъ: «Всѣ прибрежные «Индѣйцы единогласно выхваляли мнѣ вели«колѣпіе Сигуарской страны, лежащей отъ «нихъ къ западу, дней на десять пути. Они «говорили, продолжаетъ онъ, что жители той «страны носятъ золотыя короны и браслеты, «вышиваютъ золотомъ свои одежды, дѣлаютъ «изъ него рельефныя украшенія къ стульямъ «и столамъ и вообще употребляютъ этотъ «металлъ на самыя обыкновенныя домашнія «подѣлки. Увидѣвъ кораллы, они сказали, что «Сигуарскія женщины носятъ изъ нихъ оже«релья, вокругъ головы и на шеѣ; а когда

«показали имъ перецъ и другія пряности, то «объявили, что и этого всего довольно въ «томъ краю. Они описывали Сигуару стра«ной весьма торговою, съ большими ярмар«ками и приморскими портами, въ которые «приходятъ корабли, вооруженные пушками. «О жителяхъ говорили, что они воинствен«ны, имѣютъ, подобно Испанцамъ, щиты, «шпаги, латы и арбалеты, и также ѣздятъ «на лошадяхъ верхомъ.» Но изъ всѣхъ мнимыхъ разсказовъ дикарей, Коломба въ особенности поразило одно обстоятельство — именно: ему показалось, будто они говорили, что море, огибая большую выдавшуюся въ него часть земли, простирается до самой Сигуары, отъ которой, дней на десять пути, протекаетъ Гангъ.

Быть-можетъ и дѣйствительно между прибрежными обитателями Твердой-Земли носились кой-какіе слухи объ отдаленныхъ имперіяхъ Мексикѣ и Перу, и въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, живое и блестящее воображеніе Коломба дополнило ихъ несвязные разсказы большею частью описанныхъ имъ подробностей. Какъ-бы ни было, впрочемъ, только разсказы туземцевъ сдѣлали на него сильное впечатлѣніе и заставили вообразить, что Сигуара должна быть одна изъ провинцій, принадлежащихъ великому-хану, или какому-нибудь другому Восточному владѣтелю;

а такъ-какъ она, по словамъ дикихъ, прилегала къ морю, то онъ и помѣстилъ ее по ту сторону полуострова, въ такомъ положеніи относительно къ Верагуѣ, въ какомъ находится Фонтарабія къ Тортозѣ, въ Испаніи, или Пиза къ Венеціи, въ Италіи. Изъ этого онъ вывелъ, что, продолжая плыть въ восточномъ направленіи, неминуемо должно въ непродолжительномъ времени достигнуть пролива подобнаго Гибралтарскому, который выводитъ въ другое море, и что отъ Сигуары можно пройти къ самымъ берегамъ Ганга. Возможность столь близкаго разстоянія этой рѣки онъ объяснялъ старинною своей идеей — что географы ошибаются на счетъ величины земной поверхности, которая несравненно менѣе, чѣмъ они предполагаютъ, и что градусъ широты заключаетъ въ себѣ только $56\frac{2}{3}$ мили (1).

Убѣжденный въ справедливости своихъ соображеній, Коломбъ рѣшился пройти мимо богатой Верагуи, не приставая къ ней. Ничто не доказываетъ столько благороднаго честолюбія, одушевлявшаго адмирала, какъ это равнодушіе, съ какимъ онъ прошелъ мимо берега, гдѣ каждый шагъ представлялъ ему возможность обогатиться сокровищами, и это стремленіе достигнуть скорѣй пролива,

(1) *Письмо Коломба съ острова Ямайки*, Navarrete, *Collect.*, tom. I.

котораго отысканіе, представляя столько выгодъ для человѣческаго рода, лично ему не обѣщало ничего — кромѣ славы перваго открытія.

ГЛАВА V.

Открытіе Порто-Белло и Эль-Ретрете. — Коломбъ отказывается отъ поиска пролива (1502).

Втораго ноября эскадра бросила якорь въ обширной и спокойной гавани, гдѣ суда могли безопасно расположиться у самого берега. Окрестность представляла прелестную страну, не закрытую густыми лѣсами, но разстилавшуюся прекрасною, открытою равниной, на которой кой-гдѣ виднѣлись слѣды богатаго воздѣланія и туземныя хижины, разбросанныя на разстояніе выстрѣла изъ лука однѣ отъ другихъ, и окруженныя плодовыми деревьями, пальмовыми рощами, маисомъ, овощами и превосходными ананасами. Вся окрестность представляла видъ прелестнаго сада. Коломбъ до-того былъ очарованъ удобствомъ гавани и красотой окружающаго ее вида, что назвалъ это мѣсто — Porto-Bello,

Прекраснымъ-Портомъ (1): и оно принадлежитъ къ небольшому числу пунктовъ этого прибрежья, удержавшихъ до нашего времени имена, данныя имъ знаменитымъ мореходцемъ, который открылъ ихъ. Достойно сожалѣнія, что не всѣ они сохранили свои первоначальныя названія, которыя часто напоминаютъ намъ ощущенія Колумба при первомъ взглядѣ на нихъ и обстоятельства, сопровождавшія ихъ открытіе.

Въ Порто-Белло эскадру удерживали цѣлую недѣлю проливные дожди и бурная погода. Въ это время къ кораблямъ съѣзжались со всѣхъ сторонъ туземцы на своихъ челнахъ и привозили Испанцамъ плоды, овощи и тюки хлопчатной бумаги, — но золота у нихъ не было: только у кацика и семерыхъ его совѣтниковъ, или старшинъ, были привѣшены къ ноздрямъ маленькія золотыя плитки; на прочихъ туземцахъ не было никакихъ украшеній въ этомъ родѣ. Вообще всѣ они были наги и испещрены красною краской; одинъ кацикъ былъ расписанъ чернымъ цвѣтомъ (2).

Отплывъ, 9 ноября, изъ Порто-Белло, эскадра прошла семь миль въ восточномъ направленіи, до одной оконечности, подъ названіемъ — *Nombre de Dios*; но встрѣтивъ противный вѣтеръ, который отогналъ ее на нѣкоторое разстояніе назадъ, она вошла въ

(1) Las Casas, lib. II, cap. 23. — *Hist. del Almirante.*

(2) Pierre Martyr, decad. III, lib. IV.

одинъ портъ. Противъ этого порта лежали три небольшіе островка, на которыхъ, какъ и на берегу сосѣдственнаго съ ними материка, видны были слѣды воздѣланія, маисныя и овощныя поля и плодовые сады, гдѣ были собраны фруктовыя дерева разныхъ породъ. Эти обстоятельства заставили Коломба назвать гавань, — *Puerto de Bastimentos*, или Портомъ-Съѣстныхъ-Припасовъ. Здѣсь Испанцы пробыли до 23 ноября, занимаясь починкой своихъ кораблей, въ которые со всѣхъ сторонъ входила вода сквозь проточины, сдѣланныя морскими червями, наполняющими во множествѣ тропическія моря. Эти истребительные черви величиной въ палецъ; они протачиваютъ самыя толстыя доски и самое твердое дерево, истребляя въ короткое время суда, не обитые листовой мѣдью. Оставивъ эту гавань, эскадра достигла другаго порта, называемаго туземцами — *Гуига*. Она была встрѣчена многочисленною толпой дикихъ, которые выбѣжали на берегъ съ припасами и золотыми украшеніями, предлагая все это Испанцамъ взамѣнъ Европейскихъ бездѣлокъ. Но адмиралъ, поспѣшая къ цѣли своего путешествія, прошелъ мимо этой гавани. Однакожъ противные вѣтры скоро принудили его искать убѣжища въ одной очень маленькой бухтѣ, въ которую велъ входъ не ширѣ двадцати шаговъ, по обѣимъ сторонамъ обставленный острыми утесами, выдающимися

вершинами изъ воды; самая бухта была такъ тѣсна, что въ ней едва могли помѣститься пять или шесть кораблей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и до такой степени глубока, что суда, отыскивая для себя удобнаго якорнаго мѣста, проходили у самого берега такъ близко, что человѣкъ легко могъ спрыгнуть съ корабля на землю.

Коломбъ назвалъ эту тѣсную, опасную и неудобную гавань *El Retrete*, или Убѣжищемъ. Онъ былъ завлеченъ въ нее ложными донесеніями посланныхъ для осмотра прибрежья, потому-что экипажи весьма желали какъ можно чаще приставать къ землѣ, находя въ томъ свои выгоды (1).

Берегъ, окружающій портъ Эль-Ретрете, низменнъ и покрытъ густою и зеленою травой, но безлѣсенъ; нѣсколько деревъ было разбросано на всей окрестности. Самая бухта была наполнена алигаторами, которые распространяли въ воздухѣ сильный мускусный запахъ. Они были робки и обращались въ бѣгство при первомъ нападеніи на нихъ; однакожъ туземцы увѣряли, что если имъ попадался спящій человѣкъ на берегу, то они схватывали его и уносили въ воду. Коломбъ причисляетъ этихъ животныхъ къ породѣ Нильскихъ крокодиловъ. Противная погода задержала эскадру въ Эль-Ретрете цѣлыхъ девять дней. Туземцы этого берега отличались

(1) Las Casas, lib. II, cap. 22. — *Hist. del Almirante*, cap. 92.

высокимъ ростомъ, стройностью и особенною граціозностью въ пріемахъ и тѣлодвиженіяхъ: они были кротки и дружелюбны, и приносили Испанцамъ все, что имѣли, для промѣна на Европейскія вещицы. Пока адмиралъ имѣлъ возможность наблюдать за поведеніемъ своихъ людей, они обходились съ дикими кротко, не обижали ихъ, и все шло какъ нельзя лучше. Но близость берега представляла матросамъ большое удобство уходить на берегъ ночью, безъ позволенія. Сначала туземцы принимали ихъ съ обыкновеннымъ своимъ гостепріимствомъ; но скоро грубые Испанцы, движимые корыстолюбіемъ и распутствомъ, начали предаваться въ ихъ жилищахъ такимъ неистовствамъ, что возбудили въ мирныхъ дикаряхъ ненависть и жажду мщенія. Не проходило ночи безъ ссоръ и дракъ, такъ, что наконецъ дошло до кровопролитія. Дикіе съ каждымъ днемъ усиливались своими одноземцами, которые сходились на берегъ изъ внутреннихъ селеній. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ силъ возростала ихъ дерзость и воспламенялось всеобщее негодованіе.

Наконецъ дошло дотого, что они рѣшились сдѣлать на корабли открытое нападеніе. Суда стояли у самого берега. Въ одинъ день многочисленная толпа дикарей вдругъ устремилась къ бухтѣ, произнося ужасные вопли. Адмиралъ, желая избѣжать кровопролитія,

велѣлъ выстрѣлить въ нее изъ пушки холостымъ зарядомъ, — въ полной увѣренности, что этого будетъ слишкомъ достаточно для обращенія дикарей въ бѣгство. Но къ большому изумленію Испанцевъ, они нисколько не испугались этого безвреднаго звука, который приняли за простое подобіе грома, и отвѣчали на выстрѣлъ новыми воплями и завываньемъ, потрясая своими копьями и ударяя дубинами въ деревья и кусты, въ знакъ угрозы непріятелю. Положеніе кораблей на якоряхъ въ такой близости отъ берега, подвергало ихъ нападенію туземцевъ и требовало сильныхъ и скорыхъ мѣръ. Поэтому Коломбъ, обманувшись въ результатѣ принятой имъ мѣры, вынужденъ былъ велѣть сдѣлать въ толпу нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ съ зарядомъ. Увидѣвъ истребительное дѣйствіе перваго выстрѣла, дикари въ ужасѣ обратились въ бѣгство,—и съ той поры не обнаруживали уже ни малѣйшаго непріязненнаго расположенія (1).

Между-тѣмъ, жестокіе восточные и сѣверо-восточные вѣтры и противныя теченія, съ которыми эскадра безпрестанно принуждена была бороться, привели спутниковъ Коломба въ уныніе; они начали роптать и требовать прекращенія дальнѣйшаго плаванія. Матросы считали себя подъ вліяніемъ какого-то

(1) Las Casas, lib. II, cap. 23.—*Hist. del Almirante,* cap. 92.

пагубнаго очарованія, и офицеры представляли адмиралу невозможность бороться долѣе съ бурными стихіями, на судахъ полуразрушенныхъ и проточенныхъ червями, которыя требовали почти безпрерывныхъ починокъ. Изъ людей, сопровождавшихъ Коломба въ эту экспедицію, очень немногіе были способны оцѣнить его стремленіе къ открытіямъ, не обѣщающимъ непосредственнаго обогащенія. Почти всѣ они побуждались видами исключительно корыстными, и горько сожалѣли о пройденныхъ мѣстахъ, столь изобильныхъ золотомъ, для отысканія какого-то мнимаго пролива. Надобно думать, что наконецъ и самъ Коломбъ началъ сомнѣваться въ успѣхѣ своего предпріятія. Если допустить, что ему были извѣстны подробности путешествія, недавно совершеннаго Бастидомъ, то онъ долженъ былъ видѣть, что его корабли достигли съ противной стороны почти того-же мѣста, гдѣ кончилось плаваніе этого мореходца, слѣдовавшаго въ противоположномъ направленіи: въ такомъ случаѣ, конечно, онъ долженъ былъ усомниться въ существованіи отыскиваемаго пролива (1).

(1) Намъ кажется сомнительнымъ, чтобъ Коломбъ имѣлъ точныя свѣденія о подробностяхъ путешествія Бастида. Трудно, чтобъ онѣ дошли въ Испанію до отъѣзда адмирала въ послѣднюю экспедицію: Бастидъ сначала былъ задержанъ Бобадиллой въ Испаніолѣ, потомъ, по

Какъ-бы то ни было, только онъ рѣшился кончить свой поискъ и возвратиться къ Верагскому берегу, для отысканія тамъ золотыхъ рудниковъ, которые превозносили ему въ такихъ пышныхъ описаніяхъ, и которыхъ онъ видѣлъ такъ много признаковъ. Положеніе Коломба, послѣ этой неудачной экспедиціи, было весьма неблестящее. Ему оставалось одно средство поправить дѣло—открыть какіе-нибудь богатые рудники. Тогда только онъ могъ возвратиться въ Испанію въ торжествѣ и удержать своихъ враговъ отъ порицаній и насмѣшекъ, не смотря на то, что цѣль его предпріятія была недостигнута.

прибытіи Овандо, отправился изъ Новаго-Свѣта на томъ флотѣ, который претерпѣлъ крушеніе въ то время, когда Коломбъ находился въ виду Санъ-Доминго. Избѣжавъ участи большей части своихъ спутниковъ, онъ возвратился въ Испанію, гдѣ получилъ достойное вознагражденіе отъ католическихъ величествъ за свои труды, — но онъ уже не засталъ Коломба въ Европѣ. Правда, многіе изъ его матросовъ прибыли въ Испанію прежде отъѣзда адмирала и могли дать ему общее понятіе о путешествіи; но невѣроятно, чтобъ Бастидъ довѣрилъ имъ свои карты и бумаги, и хотя Поррасъ, въ своемъ *Дневникѣ путешествій Коломба*, положительно говоритъ, что его экспедиція достигла того мѣста, которымъ ограничились открытія Бастида, однакожъ это еще ничего не доказываетъ, потому-что Поррасъ могъ узнать о подробностяхъ путешествія Бастида позже, въ Санъ-Доминго.

Такъ кончились блестящія мечты Коломба, которыя, возвысивъ его надъ всѣми корыстными расчетами и мелочными выгодами, увлекли на поприще, исполненное такого множества опасностей, и запечатлѣли столь героическимъ характеромъ первую половину его путешествія. Онъ преслѣдовалъ мечту,— но мечту воображенія блестящаго, ума проницательнаго, и если обманулся въ своемъ предположеніи —найти проливъ на мѣстѣ Даріенскаго перешейка, такъ это потому, что здѣсь сама природа, кажется, обманулась въ своихъ усиліяхъ — прорвать въ этомъ мѣстѣ землю и образовать проливъ.

ГЛАВА VI.

Возвращение къ Верагуѣ. — Экспедиція аделантадо для обозрѣнія Верагской провинціи (1502 — 1503).

Рѣшась прекратить дальнѣйшіе поиски для открытія пролива, Коломбъ, 5-го декабря, отплылъ изъ Эль-Ретрете въ противоположномъ, западномъ направленіи, для отысканія Верагскихъ золотыхъ минъ, и въ тотъ-же вечеръ бросилъ якорь въ Порто-Белло, миляхъ въ десяти отъ Ретрете. На другой день эскадра отплыла въ дальнѣйшій путь; но вѣтеръ вдругъ перемѣнился на прямо западный, то-есть, на совершенно противный тому направленію, по которому шли суда. Коломбъ цѣлыхъ три мѣсяца напрасно ждалъ этого вѣтра, — а теперь, когда онъ ему былъ вовсе ненуженъ, онъ вдругъ поднялся! Это заставило-было его поколебаться въ принятомъ имъ намѣреніи — идти къ Верагуѣ, и обра-

титься на прежній путь, къ востоку. Но западный вѣтеръ такая рѣдкость въ тѣхъ широтахъ, что адмиралъ не отважился положиться на его продолжительность, и не сомнѣваясь, что онъ скоро снова повернетъ съ востока, рѣшился слѣдовать прежнимъ путемъ. Но вѣтеръ, усиливаясь часъ-отъ-часу болѣе и болѣе, перемѣнялъ безпрестанно направленія, такъ-что наконецъ все искуству лоцмановъ не могло удерживать кораблей въ предположенномъ направленіи. Истощивъ всѣ усилія, эскадра принуждена была возвратиться въ Порто-Белло; но у самого входа въ эту гавань внезапный шквалъ отбросилъ ее далеко въ море. Цѣлую недѣлю корабли носились по волнамъ, совершенно по произволу бури, среди неизвѣстной части океана, подвергаясь ежеминутно опасности претерпѣть крушеніе у прибрежныхъ скалъ. Почти невѣроятно, чтобъ открытыя суда, столь непрочныя и до такой степени поврежденныя, могли устоять противъ подобной ярости стихій. Нигдѣ такъ не ужасна буря какъ между тропиками. По словамъ Коломба, море — то кипѣло, какъ въ котлѣ, то вдругъ поднималось горами, покрытыми пѣной. Ночью, яростныя волны какъ-будто изрыгали пламя, — феноменъ, производимый свѣтистыми частицами, покрывающими поверхность воды въ тѣхъ моряхъ. Цѣлыя сутки небо, разсѣкаемое страшною молніей, представляло видъ раскаленной печи, и

ея ослѣпительное блистаніе сопровождалось столь ужасными ударами грома, что оглушенные, оцѣпенѣлые матросы, часто принимали ихъ за сигналы бѣдствія, подаваемые ихъ спутниками въ послѣднюю минуту гибели. «Все это время, продолжаетъ Коломбъ, съ «неба лился — не дождь, а второй потопъ.» Матросы почти тонули въ открытыхъ судахъ. Пораженные ужасомъ и отчаяніемъ, потерявъ память и всякую надежду на спасеніе, они громкими воплями призывали къ себѣ смерть, чтобъ она скорѣй положила конецъ столь бѣдственному существованію.

Среди этой страшной борьбы стихій экипажи увидѣли новое явленіе, которое довершило ихъ ужасъ. Въ одномъ мѣстѣ море вдругъ начало страннымъ образомъ колыхаться; потомъ вода быстрымъ вихремъ устремилась въ воздухъ и образовала родъ влажной пирамиды; на встрѣчу этой пирамидѣ спускалась черная туча, оканчивающаяся острымъ угломъ. Соединившись вмѣстѣ, они образовали огромный столбъ, который быстро понесся на корабли, какъ-бы скользя по поверхности моря, и подымая вокругъ себя волны съ какимъ-то ужаснымъ свистомъ. При этомъ зрѣлищѣ мореходцы пришли въ совершенное отчаянье, и видя, что никакія человѣческія усилія не въ состояніи отвратить отъ нихъ грозной опасности, начали читать разныя мѣста изъ святаго Іоанна-Евангелиста.

Но водяной столбъ прошелъ между кораблями, не сдѣлавъ имъ никакого вреда, и трепещущіе отъ ужаса матросы приписали свое опасеніе чудесной силѣ словъ Священнаго-Писанія (1).

Въ ту-же ночь эскадра потеряла изъ виду одну свою карабеллу, и не видя ее въ продолженіи трехъ бурныхъ дней, считала погибшею. Однакожъ, къ большой радости экипажей, въ четвертыя сутки карабелла присоединилась къ эскадрѣ, потерявъ свой шлюпъ и якорь при спускѣ его у одного опаснаго берега. Послѣ этого буря утихла; но и самое спокойствіе стихій казалось унылымъ и устрашеннымъ экипажамъ — подозрительнымъ, предвѣщающимъ новыя опасности и гибель. Причина этой робости и опасеній заключалась отчасти въ истощеніи физическихъ силъ и упадкѣ духа мореплавателей, а съ другой стороны въ суевѣріи матросовъ: въ это время вокругъ кораблей показалось множество акуллъ, которыхъ появленіе вообще почитается между моряками пагубнымъ предзнаменованіемъ. Они полагаютъ, что прожорливыя животныя слышатъ издали запахъ мертвечины и одарены способностью предчувствовать близость добычи: почему всегда собираются около кораблей, на которыхъ есть опасно

(1) Las Casas, lib. II, cap. 24. — *Hist. del Almirante*, cap. 94.

больные, или которые должны въ скоромъ времени подвергнуться крушенію. Мнимая близость смерти не помѣшала однакожъ матросамъ Коломба поймать нѣсколько этихъ зловѣщихъ животныхъ, на большіе, прикованные къ цѣпямъ желѣзные крючья, на которые, за недостаткомъ другой приманки, они насаживали иногда кусокъ цвѣтнаго сукна. Въ желудкѣ одной изъ пойманныхъ акуллъ нашли живую черепаху; въ другой — голову акуллы, недавно выброшенную съ корабля: дотого неразборчива прожорливость этихъ бичей океана, которые поглощаютъ все, что имъ ни попадается. Матросы, несмотря на свое суевѣріе, были очень рады этой добычѣ, доставившей имъ на нѣкоторое время запасъ свѣжей пищи, потому-что эскадра терпѣла сильный недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ, большею частью израсходованныхъ во время продолжительнаго путешествія, а отчасти дотого поврежденныхъ зноемъ и влажностью климата, также водой, проникшею во всѣ суда, что въ сухаряхъ завелось множество червей: матросы, несмотря на помирающій голодъ, не могли иначе ѣсть ихъ, какъ уходя въ темные углы кораблей, опасаясь, чтобъ не стошнило ихъ (1).

Наконецъ, 17 декабря, эскадра вошла въ одну гавань, въ родѣ большаго канала, гдѣ

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 94.

экипажи отдыхали три дня. Здѣсь они были свидѣтелями странной постройки хижинъ прибрежными туземцами, которые строили ихъ не на землѣ, а на деревьяхъ, соединяя между собой вѣтви перекладинами и жердями. Испанцы не могли добиться причины этого чуднаго способа строиться и отнесли ее къ множеству дикихъ звѣрей, наполнявшихъ окрестность, противъ которыхъ жители были вынуждены принимать подобныя мѣры, чтобъ защитить себя отъ ихъ кровожадной свирѣпости, — или къ набѣгамъ сосѣдственныхъ племенъ, населявшихъ берега и постоянно враждовавшихъ между собой. Быть-можетъ также, дикіе принимали эту мѣру противъ наводненій, производимыхъ горными потоками.

По отплытіи кораблей изъ этого порта, снова поднялся жестокій, безпрестанно перемѣняющійся вѣтеръ, который носилъ ихъ по всѣмъ направленіямъ до 26 декабря. На второй день Рождества эскадра вошла въ другую гавань и простояла въ ней до 3-го января 1503 года, занимаясь починкой карабеллъ и заготовленіемъ дровъ, воды и маису. Кончивъ все это, она опять вышла въ море, и въ Крещенье, къ большой радости экипажей, бросила якорь противъ устья рѣки, которую туземцы называли *Йебра*, въ одной или двухъ миляхъ отъ впаденія рѣки Верагуи, — достигнувъ наконецъ желаннаго бере-

га, столь богатаго, по разсказамъ, золотомъ. Коломбъ назвалъ эту рѣку — *Беленъ*, или *Виѳлеемъ*, въ память того, что онъ присталъ къ ней въ день Крещенья.

Такимъ-образомъ, на переѣздѣ отъ Порто-Белло къ Верагуѣ, — разстояніе около тридцати миль, — эскадра употребила цѣлый мѣсяцъ времени, въ продолженіе котораго она была принуждена безпрестанно бороться съ препятствіями, быстрыми противными теченіями, непостоянными вѣтрами и ужасными бурями. Въ память этого труднаго и сопряженнаго съ столькими опаеностями переѣзда, Коломбъ назвалъ всю эту часть материка — *Costa de los Contrastes*, или «Берегомъ-Препятствій (1).»

Бросивъ якорь, Коломбъ велѣлъ тотчасъ-же измѣрить глубину устьевъ Белена и Верагуи. Послѣдняя оказалась мелководна, но Беленъ довольно глубокъ, такъ-что корабли могли войти въ нее безопасно. Замѣтивъ на берегу селеніе, Коломбъ послалъ туда шлюпъ для развѣдываній. Туземцы встрѣтили посланныхъ съ оружіемъ въ рукахъ и съ видимымъ намѣреніемъ противиться ихъ высадкѣ на берегъ; однакожъ ихъ легко успокоили. Дикіе, повидимому, очень неохотно сообщали Испанцамъ свѣденія о мѣстахъ, изобиловавшихъ золотомъ; однакожъ по убѣдительнымъ прось-

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 94.

бамъ бѣлыхъ объявили имъ наконецъ, что рудники находятся въ окрестностяхъ рѣки Верагуи, куда на другой-же день и были отправлены шлюпы. И здѣсь Испанцы встрѣтили тотъ-же пріемъ, какъ почти во всѣхъ прочихъ мѣстахъ этого враждебнаго берега; населеннаго большею частью племенами свирѣпыми и воинственными, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Караибскаго происхожденія. Только-что шлюпы вошли въ рѣку, какъ толпа дикихъ бросилась въ чёлны, — другіе собрались на берегу, и принявъ грозно положеніе, ожидали приближенія Испанцевъ съ видимымъ намѣреніемъ не допускать ихъ на берегъ. Однакожъ посредничество одного изъ ихъже одноземцевъ, котораго Испанцы привезли съ собой, укротило ихъ непріязненное расположеніе. Онъ расказалъ своимъ соплеменникамъ, что чужестранцы прибыли единственно для мѣны съ ними товаровъ.

Описанія богатства этого края, повидимому, оправдывались всѣмъ, что увидѣли и услышали Испанцы, сдѣлавъ высадку на берегъ. Они вымѣняли у туземцевъ, за самыя вздорныя бездѣлки, двадцать золотыхъ плитокъ, множество вещицъ того-же металла и нѣсколько самородныхъ слитковъ золота. И при всемъ томъ — это мѣсто еще не было источникамъ сокровищъ: дикіе сказали имъ, что самые рудники находятся далѣе, въ горахъ, и что если они хотятъ идти туда, то должны

во время пребыванія своего въ тѣхъ мѣстахъ соблюдать строгій постъ и воздержаніе (1).

Благопріятныя извѣстія, привезенныя шлюпами, утвердили адмирала въ намѣреніи остаться на нѣсколько времени у Верагскаго берега; а такъ-какъ рѣка Беленъ оказалась глубже Верагуи, то онъ рѣшился ввести эскадру въ нее.

Вслѣдствіе этого плана, двѣ меньшія каравеллы вошли въ рѣку 9-го января, а двѣ остальныя на другой день, съ приливомъ, поднимающимся у тѣхъ береговъ не выше полусажени (2). Туземцы встрѣтили эскадру весьма дружелюбно; привезли Испанцамъ множество рыбы, которою была наполнена эта рѣка, и золотыхъ украшеній, для мѣны

(1) Кажется, дикіе Американцы имѣли какія-то общія суевѣрныя понятія относительно золота. Испаніольскіе жители, при отысканіи этого металла, осуждали себя на подобныя-же лишенія, воздерживались отъ пищи и всякаго чувственнаго удовольствія. Коломбъ, повидимому, также почиталъ золото однимъ изъ священныхъ и таинственныхъ сокровищъ земли, потому-что старался ввесть этотъ обрядъ и между Испанцами, увѣщевая ихъ, отправляясь на поискъ золотыхъ минъ, очищаться воздержаніемъ, постомъ и молитвою. Едва-ли нужно прибавлять, что алчные и чувственные спутники его мало обращали вниманія на его наставленія.

(2) *Hist. del Almirante*, cap. 95.

на Европейскія игрушки, — утверждая по прежнему, что достають золото въ Верагуѣ.

На третій день аделантадо, съ обыкновенною своей дѣятельностью и рѣшимостью, отправился на хорошо вооруженномъ шлюпѣ къ устью Верагуи, въ намѣреніи пройти вверхъ по рѣкѣ покрайней-мѣрѣ мили на полторы, до резиденціи главнаго кацика, по имени Квибіана. Царекъ, узнавъ о намѣреніи дона Варфоломея, отправился на нѣсколькихъ лодкахъ внизъ по рѣкѣ, къ нему на встрѣчу, въ сопровожденіи многочисленной свиты своихъ подданныхъ, и встрѣтилъ шлюпъ у самого устья Верагуи. Кацикъ былъ высокъ, дюжъ и имѣлъ воинственную осанку. Свиданіе было самое дружелюбное. Онъ предложилъ аделантадо свои золотыя украшенія, и чрезвычайно былъ доволенъ полученными отъ него взамѣнъ подарками, которые онъ находилъ необыкновенно великолѣпными. Они разстались совершенно довольные другъ другомъ. На другой день Квибіанъ посѣтилъ корабли и былъ принятъ адмираломъ съ уваженіемъ. Такъ-какъ объясненія между Испанцами и ихъ гостями ограничивались одними знаками, и притомъ кацикъ былъ характера недовѣрчиваго и молчаливъ, то посѣщеніе его не могло быть продолжительно. Получивъ отъ Коломба нѣсколько подарковъ, онъ отправился безъ особенныхъ церемоній обратно въ свое селеніе; между-тѣмъ находившіеся въ

его свиты дикари успѣли промѣнять Испанцамъ нѣсколько золотыхъ плитокъ на обыкновенныя бездѣлки.

Матросы поздравляли другъ друга, что наконецъ достигли безопаснаго убѣжища противъ бури и непогоды; но и въ самомъ портѣ они едва не претерпѣли кораблекрушенія. 24-го января рѣка вдругъ поднялась, и хлынувъ бурнымъ потокомъ къ морю, сорвала суда съ якорей и бросила ихъ одно на другія. Одно изъ этихъ жестокихъ столкновеній переломило большую мачту на адмиральскомъ кораблѣ, и вся эскадра находилась на шагъ отъ гибели. Несмотря на видимую опасность оставиться въ рѣкѣ, корабли не могли выдти въ море, потому-что въ это время свирѣпствовала буря, и прибои съ жестокостью били въ отмель, лежащую въ устьѣ рѣки. Это внезапное возвышеніе воды въ рѣкѣ Коломбъ приписываетъ сильному дождю, пролившемуся гдѣ-нибудь посреди цѣпи горъ, виднѣвшихся вдали. Самую высокую изъ этихъ горъ, которой вершина скрывалась въ облакахъ, онъ назвалъ горой *Св. Христофора* (1).

Нѣсколько дней сряду море было весьма бурно; наконецъ 6-го февраля погода успокоилась, и аделантадо отправился на нѣсколь-

(1) Las Casas, lib. II., cap. 25. — *Hist. del Almirante*, cap. 95.

кихъ шлюпкахъ, взявъ съ собой шестьдесятъ восемь исправно вооруженныхъ Испанцевъ для обозрѣнія Верагуи и отысканія знаменитыхъ рудниковъ. Когда шлюпки вошли въ рѣку, приблизились къ резиденціи Квибіана, лежавшей на скатѣ холма, кацикъ въ сопровожденіи своихъ подданныхъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Онъ и его свита были безъ оружія и привѣтствовали Испанцевъ дружелюбными знаками, изъявляя имъ свое миролюбивое расположеніе. Квибіанъ былъ нагъ и испещренъ красками по туземному обычаю. Одинъ изъ сопровождавшихъ его дикарей вытащилъ изъ рѣки большой камень, тщательно обмылъ его и обтеръ, и на этомъ камнѣ усѣлся кацикъ, какъ на тронѣ (1).

Атлетическія формы, важная осанка и рѣшительный видъ этого царька были болѣе чѣмъ достаточны для внушенія любому дикарю невольнаго почтенія къ нему; но вмѣстѣ съ физическими преимуществами, онъ еще былъ такъ уменъ и остороженъ, что видѣлъ всю безполезность открытаго сопротивленія своимъ незванымъ гостямъ. Поэтому, несмотря на все отвращеніе допустить чужеземцевъ въ свои владѣнія, онъ скрылъ это чувство и не обнаруживая ни малѣйшаго опасенія, принялъ аделантадо со всѣми знаками дружескаго расположенія и почтитель-

(1) Pierre Martyr, decad. III, lib. IV.

ности; нетолько согласился исполнить его желаніе — позволить Испанцамъ обозрѣть внутреннія провинціи его владѣній, но даже далъ имъ трехъ проводниковъ, для указанія пути къ рудникамъ.

Оставивъ часть отряда для охраненія шлюповъ, аделантадо съ остальными людьми отправился пѣшкомъ за проводниками. Первую ночь онъ провелъ въ четырехъ съ половиной миляхъ отъ резиденціи Квибіана, на берегу одной рѣки, которая повидимому орошала всю страну, и въ теченіи своемъ образовала столько извилинъ, что Испанцы переправились черезъ нее болѣе сорока разъ. На другой день, прошедъ полторы мили, онъ достигъ дремучаго лѣсу; и здѣсь то, по словамъ проводниковъ, начинались золотые рудники. И въ самомъ дѣлѣ, вся окрестная почва была какъ - бы насыщена золотомъ. Испанцы подбирали его частицы между корнями огромнѣйшихъ деревъ, покрытыхъ великолѣпными листьями; въ продолженіе двухъ-часовъ пути черезъ лѣсъ, каждый изъ нихъ набралъ себѣ небольшой запасъ золота, на поверхности земли. Прошедъ лѣсъ, проводники взвели аделантадо на вершину одной высокой горы, съ которой открывалось необозримое пространство земли, и сказали ему, что вся эта окрестность, на двадцать дней пути къ западу, наполнена золотомъ.

Они назвали при этомъ по именамъ нѣкоторые изъ главнѣйшихъ ея округовъ (1).

Испанцы возвратились къ кораблямъ, восхищенные успѣхомъ своей экспедиціи. Ихъ разсказы доставили большое удовольствіе адмиралу. Но скоро открылось, что хитрый Квибіанъ обманулъ ихъ. Проводники, по его приказанію, привели Испанцевъ къ рудникамъ сосѣдняго кацика, съ которымъ онъ велъ тогда войну. Этой уловкой царекъ надѣялся отдалить опасныхъ пришельцевъ отъ своихъ владѣній и направить ихъ поиски на землю своего врага. Коломбъ узналъ, что Верагскіе рудники и ближе и гораздо богаче указанныхъ дикарями.

Неутомимый адлантадо снова снарядился въ путь. 16-го февраля онъ отправлялся съ пятьюдесятью-девятью Испанцами вдоль берега въ западномъ направленіи, велѣвъ четыремъ матросамъ слѣдовать за отрядомъ въ шлюпѣ, моремъ. Онъ прошелъ большое пространство земли, заходилъ во владѣнія многихъ кациковъ, и вездѣ получалъ благосклонный пріемъ и радушное гостепріимство. Въ продолженіе этой экспедиціи Испанцы встрѣчали на каждомъ шагу новыя доказательства изобилія золота въ этой части прибрежья. Почти всѣ туземцы носили на шеѣ большія золотыя плитки, нанизанныя на

(1) *Письмо адмирала съ Ямайки.*

снуркахъ изъ хлопчатой бумаги. Сверхъ-того, хорошо воздѣланныя поля подъ маисъ, — изъ которыхъ одно простиралось на шесть миль пространства, — и множество разныхъ породъ превосходныхъ плодовъ, свидѣтельствовали о плодоносности почвы. Здѣсь Испанцы опять услышали о великомъ народѣ, обитающемъ во внутренности материка — народѣ весьма образованномъ, который, подобно имъ, носилъ одежду и оружіе. Надобно думать, что эти неясные и преувеличенные разсказы относились къ большой имперіи Перу, или что аделантадо невѣрно перетолковалъ объясненія туземцевъ, которыхъ онъ расправшивалъ. Отрядъ возвратился къ кораблямъ съ большимъ запасомъ золота и съ самыми пышными разсказами о богатствѣ осмотрѣннаго имъ края, послѣ нѣсколькихъ дней отсутствія, — единогласно утверждая, что нигдѣ нѣтъ столько золота, какъ въ Верагуѣ. Онъ однакожъ не открылъ якорнаго мѣста, болѣе безопаснаго чѣмъ рѣка Беленъ (1).

(1) **Las Casas**, lib. II, cap. 25. — *Hist. del Almirante*, cap. 95.

ГЛАВА VII.

Основаніе поселенія на берегу рѣки Беленъ. — Заговоръ туземцевъ. — Экспедиція аделантадо для овладѣнія Квибіаномъ (1503.)

Извѣстія, получаемыя со всѣхъ сторонъ о богатствѣ прибрежья, у котораго стояла эскадра; эта золотая страна, простирающаяся на двадцать дней пути, указанная дону Варфоломею съ вершины горы; слухи о богатой и образованной имперіи, лежащей, какъ говорили, не очень далеко: все убѣждало Коломба, что онъ достигъ благословеннѣйшихъ царствъ Азіятскаго материка: и его пламенное воображеніе снова увлеклось блистательнѣйшими надеждами. Онъ вообразилъ, что открылъ одинъ изъ тѣхъ источниковъ богатства, откуда царь Соломонъ извлекалъ свои несмѣтныя сокровища. Іосифъ, въ «Исторіи объ Іудейскихъ Древностяхъ,» изъявляетъ мнѣніе, что золото, употребленное при построе-

нія Іерусалимскаго храма, было добыто изъ минъ Золотаго-Херсонеса. Этого обстоятельства было уже слишкомъ достаточно для Коломба, чтобъ принять мины Верагуи за знаменитые рудники царя Соломона, «которые, пишетъ онъ, находились на серединѣ разстоянія между полюсомъ и экваторомъ»: положеніе, совершенно соотвѣтствующее, по его выводамъ, рудникамъ Верагуи. Сверхъ-того, онъ полагалъ, основываясь на показаніяхъ туземцевъ, которыя онъ истолковывалъ сообразно съ своими догадками, что эти рудники лежали въ такомъ-же разстояніи и отъ Ганга (1).

Всѣ эти обстоятельства заставили его рѣшиться — основать въ этомъ мѣстѣ колонію и учредить рынокъ, который-бы служилъ складочнымъ мѣстомъ для сокровищъ, которыя будутъ добываться изъ окрестныхъ рудниковъ. Въ письмѣ своемъ къ королю и королевѣ, онъ говоритъ, что «на Верагскомъ берегу онъ въ первые два дня по своемъ прибытіи туда, увидѣлъ болѣе золота, нежели сколько его найдено въ Испаніолѣ въ продолженіе четырехъ-лѣтняго пребыванія его тамъ.» Этотъ островъ, который такъ долго былъ предметомъ его гордости и надеждъ, и съ котораго удалили его столь несправедливымъ образомъ, представлялъ тогда картину

(1) *Письмо Коломба съ Ямайки.*

однихъ безпорядковъ. Мелочные торгаши, ничтожные авантуристы грабили и опустошали Жемчужный-Берегъ, въ Паріи. Всѣ его планы объ извлеченіи богатства изъ этихъ источниковъ сокровищъ были ниспровергнуты. Но теперь онъ нашелъ другіе источники, несравненно обильнѣйшіе, которые обѣщали вполнѣ вознаградить его за всѣ труды, обиды и огорченія.

Послѣ совѣщанія съ дономъ Варфоломеемъ, адмиралъ рѣшился немедленно приступить къ основанію на Верагскомъ берегу колоніи и къ разработкѣ минъ, чтобъ доставить правительству непосредственную и богатую прибыль. Вслѣдствіе этого плана, положено было, чтобъ адлантадо съ большою частью экипажа, именно съ восмьюдесятью человѣками, остался въ новомъ поселеніи, а адмиралъ возвратился въ Испанію и испросилъ бы тамъ нужное число людей и припасовъ для колоніи. Назначенныхъ для первоначальнаго поселенія людей, которымъ положено было остаться съ адлантадо, раздѣлили на небольшія отдѣленія, около десяти человѣкъ въ каждомъ, и они тутъ-же приступили къ устройству для себя домовъ на одной возвышенности, лежащей на берегу небольшой бухты, на выстрѣлъ изъ лука отъ устья рѣки Беленъ. Постройки шли весьма скоро, потому-что всѣ главные матеріалы для нихъ находились подъ рукой; домы строили изъ деревъ, срублен-

ныхъ въ ближнемъ лѣсу, и покрывали пальмовыми листьями. Для помѣщенія артиллеріи, складки амуниціи, съѣстныхъ и разныхъ другихъ припасовъ, заложили особый, просторный домъ; а главное дело, для большей безопасности, предполагалось учредить на одной изъ карабеллъ, которую адмиралъ назначилъ для надобностей колоніи. Съѣстныхъ припасовъ, вывезенныхъ изъ Европы и состоявшихъ большею частью изъ сухарей, сыру, сухой огородной зелени, вина, масла и уксусу, онъ оставилъ имъ немного; но въ нихъ и не предвидѣлось большаго расхода, потому-что окрестности сильно изобиловали превосходными плодами, — между прочимъ бананами, плантанами и ананасами, — также маисомъ и разными кореньями, однихъ породъ съ Испаніольскими. Въ рѣкахъ и около береговъ въ морѣ водилось множество всякой рыбы, для ловли которой новые колонисты были снабжены всѣми потребными орудіями. Туземцы составляли также разные напитки. Одинъ изъ этихъ напитковъ, приготовляемый изъ ананаснаго соку, весьма близко подходилъ къ вину; другой, добываемый изъ маису, приведеннаго въ броженіе, имѣлъ сходство съ пивомъ; наконецъ они приготовляли еще особое питье изъ одного плода, ростущаго на деревахъ въ родѣ пальмы. Однимъ словомъ, голоду невозможно было опасаться. Коломбъ до отъѣзда употребилъ всѣ усилія—

снискать расположеніе туземцевъ, чтобъ они во время его отсутствія снабжали добровольно раждающуюся колонію всѣмъ необходимымъ, и осыпалъ подарками Квибіана, желая заставить его забыть непріятное сосѣдство чужеземцевъ, расположившихся въ его владѣніяхъ.

Когда всѣ нужныя распоряженія были кончены, нѣсколько домовъ выстроено и покрыто, а остальные доведены и обдѣланы до того, что уже можно было въ нихъ жить, адмиралъ приготовился къ отъѣзду; но вдругъ одно непредвидѣнное препятствіе задержало его. Проливные дожди, такъ долго затруднявшіе ходъ эскадры въ продолженіе экспедиціи, совершенно прекратились; горные потоки высохли, и рѣка, еще недавно подвергшая суда величайшей опасности внезапнымъ возвышеніемъ своихъ водъ, дотого упала, что надъ отмелью, противъ ея устья, глубина воды не превышала полусажени. Хотя суда Коломба были малыхъ размѣровъ, со всѣмъ тѣмъ не было возможности вывесть ихъ изъ рѣки черезъ песчаный рифъ, заслоняющій ея входъ, тѣмъ болѣе, что волны били въ это мѣсто съ такою яростью, что раздробили-бы въ щепы и безъ того уже поврежденныя и проточенныя червями карабеллы. Оставалось одно средство — ждать съ терпѣніемъ тѣхъ самыхъ дождей, которые недавно были предметомъ столькихъ сѣтованій и опасеній, и которые одни теперь могли, наводнивъ снова

рѣку, поднять ее до такой высоты, чтобъ корабли получили возможность выдти въ море.

Между-тѣмъ, Квибіанъ, касикъ Верагуи, смотрѣлъ съ тайнымъ негодованіемъ на распоряженія пришельцевъ въ его владѣніяхъ, гдѣ они устроивали себѣ жилища, разрывали нѣдра земли и, повидимому, располагали поселиться въ его провинціи навсегда. Онъ былъ храбръ, имѣлъ сильное войско, и не зная еще превосходства Европейцевъ въ военномъ дѣлѣ, полагалъ, что посредствомъ хорошо придуманной хитрости, онъ легко управится съ ними и истребитъ ихъ всѣхъ. Въ этомъ намѣреніи онъ разослалъ во всѣ окрестности гонцевъ, съ повелѣніемъ, чтобъ всѣ воины собрались къ его резиденціи, на рѣкѣ Верагуѣ, подъ предлогомъ похода противъ сосѣдняго племени туземцевъ.

Адмиралъ и его офицеры, видя множество дикихъ, которые проходили съ оружіемъ въ резиденцію касика мимо того мѣста, гдѣ карабеллы стояли на якорѣ, нисколько не подозрѣвали настоящей причины этого сбора, и неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ одинъ Испанецъ, по-имени Діэго Мендесъ, — человѣкъ, исполненный усердія и дѣятельности и совершенно преданный адмиралу, не замѣтилъ въ движеніяхъ и ухваткахъ дикарей чего-то подозрительнаго. Діэго Мендесъ отправился съ адмира-

домъ въ экспедицію въ качествѣ главнаго нотаріуса эскадры и назначенъ былъ остаться въ новой колоніи въ званіи «королевскаго фактора.» Онъ былъ одаренъ весьма тонкимъ и проницательнымъ умомъ. Двусмысленныя ужимки и робкая осторожность дикарей не могли укрыться отъ него. Онъ сообщилъ свои подозрѣнія адмиралу и вызвался сдѣлать рекогносцировку окрестностей резиденціи Квибіана и лагеря дикихъ воиновъ, предложивъ отплыть для этого въ шлюпѣ съ достаточнымъ числомъ вооруженныхъ матросовъ, моремъ, вдоль берега, до самой рѣки Верагуи. Его мужественное предложеніе было принято, и онъ отправился. Едва успѣлъ шлюпъ пройти съ милю вдоль берега, какъ передъ Испанцами открылось туземное войско, расположенное невдалекѣ бивуакомъ. Мендесъ, не колеблясь ни минуты, вышелъ на берегъ одинъ, и велѣвъ шлюпу оставаться на водѣ, смѣло вмѣшался въ толпы туземцевъ. Ихъ было болѣе тысячи. Всѣ они были вооружены и имѣли при себѣ значительный запасъ съѣстныхъ потребностей, какъ-бы для отдаленнаго похода. Мендесъ предложилъ имъ свою помощь, вызвавшись сопутствовать войску въ своемъ шлюпѣ съ вооруженными людьми, для содѣйствія въ войнѣ противъ враждебнаго имъ племени. Дикіе отвергли это предложеніе и изъявили видимую досаду на его прибытіе. Утвердившись въ своихъ

подозрѣніяхъ, Мендесъ возвратился къ шлюпу и всю ночь наблюдалъ за движеніями дикарей, которые съ своей стороны замѣтивъ, съ какою неусыпностью онъ сторожитъ за ними, отошли къ резиденціи кацика.

Шлюпъ поспѣшно отплылъ къ эскадрѣ. Сообщивъ адмиралу все происходившее, Діэго заключилъ, что не сомнѣвается въ непріязненныхъ замыслахъ туземцевъ и что ихъ войско собрано для нечаяннаго нападенія на Испанцевъ. Но адмиралъ не могъ вѣрить подобной измѣнѣ и изъявилъ желаніе удостовѣриться въ злоумышленныхъ намѣреніяхъ дикарей болѣе положительнымъ образомъ, прежде чѣмъ рѣшится на какую-нибудь мѣру противъ нихъ, которая-бы могла оправдать нарушеніе добраго согласія, по видимому утвердившагося между ними и Испанцами. Усердный и неутомимый Мендесъ вызвался, для совершеннаго объясненія дѣла, отправиться съ однимъ товарищемъ въ резиденцію Квибіана сухимъ путемъ, пробраться въ нее скрытно и высмотрѣть своими глазами, что̀ тамъ дѣлается. Это опасное предпріятіе могло стоить ему жизни; но самая опасность подвига, можетъ-быть, и была одною изъ главнѣйшихъ причинъ, которыя побуждали его отважиться на него, —потому-что для людей, одаренныхъ необходимою силой и способностью приводить въ исполненіе

дѣла трудныя и важныя, всѣ подобные случаи — находка. Получивъ согласіе адмирала, Мендесъ отправился въ путь съ избраннымъ товарищемъ, Родриго де-Эскобаромъ, пѣшкомъ, держась морскаго берега, чтобъ миновать дремучій лѣсъ, занимавшій все пространство между якорнымъ мѣстомъ и резиденціей кацика, и почти непроходимый для Европейцевъ. Такимъ-образомъ они достигли устья Верагуи и увидѣли возлѣ берега двѣ лодки съ туземцами. Мендесъ подошелъ къ дикимъ и вступилъ съ ними въ объясненія посредствомъ знаковъ. Отвѣты ихъ были слишкомъ ясны и утверждали положительнымъ образомъ основательность его подозрѣній. Открытое имъ въ предшествовавшую рекогносцировку войско, которое онъ принудилъ своею бдительностью отступить къ резиденціи Квибіана, дѣйствительно шло къ гавани, съ тѣмъ, чтобъ напасть врасплохъ на бѣлыхъ, сжечь ихъ корабли и домы и самихъ всѣхъ истребить. Прибытіе Мендеса разстроило ихъ планъ и принудило отложить походъ на два дня, чтобъ отклонить подозрѣнія Испанцевъ. Мендесъ просилъ дикихъ перевезть его на своихъ лодкахъ въ резиденцію Квибіана. Они представляли ему, что онъ подвергаетъ себя этимъ поступкомъ вѣрной смерти; однакожъ онъ побѣдилъ ихъ упорство подарками, и они высадили его въ резиденціи кацика.

Домы въ этомъ селеніи были расположены по берегу рѣки, не въ рядъ, но каждый отдѣльно, между деревами. Жилище Квибіана отличалось обширностью и стояло выше другихъ, на холмѣ, надъ самою рѣкой. Мендесъ засталъ въ деревнѣ большую суматоху и суету, — обыкновенныхъ спутницъ приготовленій къ войнѣ. Прибытіе двухъ Испанцевъ произвело всеобщее изумленіе и безпокойство между дикими, которые, замѣтивъ, что чужеземцы намѣрены идти на высоту, ведущую къ жилищу кацика, воспротивились этому. Мендесъ, узнавъ отъ нихъ, что Квибіанъ раненъ въ лядвею стрѣлой, объявилъ, что онъ лекарь и пришелъ лечить его. Это объявленіе и нѣсколько небольшихъ подарковъ, розданныхъ дикарямъ, склонили ихъ пропустить Испанцевъ. Домъ кацика стоялъ на вершинѣ холма; къ нему вела обширная, хорошо уравненная терраса, а передъ входомъ были поставлены, вокругъ, триста головъ непріятелей, убитыхъ въ сраженіяхъ. Не устрашась этого грознаго зрѣлища, Мендесъ и его спутникъ прошли мимо кровавыхъ трофеевъ, окружавшихъ жилище свирѣпаго воина; но у дверей были встрѣчены пронзительными воплями множества женщинъ и дѣтей, которые находились тамъ, и увидѣвъ чужеземцевъ, съ ужасомъ бросились въ домъ.

Въ ту-же минуту выбѣжалъ къ Испанцамъ, въ бѣшенствѣ, молодой и сильный дикарь,

сынъ кацика, и не сказавъ ни слова, нанесъ Мендесу столь сильный ударъ, что неустрашимый Испанецъ отшатнулся на нѣсколько шаговъ. Однакожъ, не смутившись отъ этой встрѣчи, онъ отвѣчалъ на привѣтствіе разъяреннаго дикаря дружелюбными знаками, и показавъ ему ящичекъ съ мазью, объяснилъ, что пришелъ лечить рану его отца. Большаго труда стоило разсѣять подозрѣнія и укротить ярость молодаго воина. Наконецъ онъ успокоился. Тогда Мендесъ подарилъ ему гребенку, ножницы и зеркало и научилъ его и находившихся съ нимъ дикарей, какъ употреблять эти вещи для прически и стрижки волосъ. Это привело ихъ въ восхищеніе. Странно, что человѣкъ въ дикомъ состояніи легче поддается вліянію другихъ посредствомъ удовлетворенія его суетности, чѣмъ всякой другой слабости. Не видя возможности пробраться къ самому кацику, и убѣдясь тысячью несомнѣнныхъ доказательствъ въ опасномъ замыслѣ его противъ Испанцевъ и въ скоромъ исполненіи этого намѣренія, Мендесъ поспѣшно возвратился къ эскадрѣ (1).

Его донесенія были подтверждены однимъ туземнымъ переводчикомъ, тамошнимъ уроженцемъ, который весьма полюбилъ бѣлыхъ людей, и узнавъ о намѣреніи своихъ одно-

(1) Повѣствованіе Діэго Мендеса, въ его завѣщаніи, Navarrete, t. I.

земцевъ, сообщилъ обо всемъ адмиралу (1). Изъ его разсказа открылось уже достовѣрно, что Квибіанъ готовился съ сильнымъ войскомъ напасть въ ночное время на Испанцевъ, нечаянно, зажечь ихъ корабли и дома и самихъ умертвить, всѣхъ безъ изъятія. Коломбъ тотчасъ-же поставилъ сильный караулъ, для охраненія эскадры и колоніи; но воинственный духъ адлантадо внушилъ ему средство болѣе отважное, для отвращенія опасности: онъ вызвался, не теряя времени, отправиться, съ сильнымъ и хорошо вооруженнымъ отрядомъ войскъ, прямо въ резиденцію Квибіана, напасть на него нечаянно, захватить со всѣмъ семействомъ и старшинами въ плѣнъ и отослать всѣхъ ихъ въ Испанію, а самое селеніе касика занять для учрежденія въ немъ главнаго поселенія.

Для человѣка съ характеромъ столь сильнымъ и рѣшительнымъ какъ адлантадо, составить планъ и выполнить его — почти одно и то-же дѣйствіе. Кромѣ-того, близость и важность опасности не терпѣли ни малѣйшаго отлагательства. Поэтому, получивъ согласіе адмирала, онъ выбралъ изъ экипажей семдесятъ-четыре человѣка, хорошо вооруженныхъ, въ числѣ которыхъ находился и Діэго Мендесъ, и 30 марта отплылъ съ ними, въ сопровожденіи переводчика, открывшаго

(1) *Письмо съ Ямайки.* — *Hist. del Almirante*, cap. 97.

заговоръ, вдоль морскаго берега, къ рѣкѣ Верагуѣ. Достигнувъ устья этой рѣки, онъ вошелъ въ нее и такъ быстро устремился вверхъ, противъ теченія, что достигъ резиденціи и сдѣлалъ высадку у холма, на которомъ стоялъ домъ кацика, прежде чѣмъ жители успѣли замѣтить его появленіе.

Квибіанъ, узнавъ о прибытіи адлантадо съ сильнымъ отрядомъ, послалъ просить его, чтобъ онъ не входилъ въ его домъ, — не потому, какъ полагаютъ, что царекъ подозрѣвалъ бѣлыхъ въ непріязненныхъ намѣреніяхъ, или думалъ, что собственные его замыслы открыты ими, но изъ опасенія, чтобъ Испанцы не увидѣли его женъ, » потому-что жители этой страны, — говоритъ Фернандо Коломбъ, — чрезвычайно ревнивы; » и надобно думать, что поведеніе Испанцевъ въ отношеніи къ туземнымъ женщинамъ вполнѣ оправдывало ревность мужчинъ.

Адлантадо не обратилъ никакого вниманія на эту просьбу; но чтобъ кацикъ не испугался и не убѣжалъ при видѣ многочисленнаго отряда бѣлыхъ, онъ пошелъ на холмъ только съ пятью человѣками, въ числѣ которыхъ находился и Діэго Мендесъ, велѣвъ остальнымъ слѣдовать за собой въ молчаніи, съ величайшею осторожностью, и не болѣе какъ по два вдругъ, и то въ нѣкоторомъ разстояніи одни отъ другихъ, — а когда онъ

подасть сигналъ ружейнымъ выстрѣломъ, тотчасъ-же броситься всѣмъ вмѣстѣ къ дому кацика, окружить его и не выпускать оттуда никого.

Когда аделантадо подошелъ уже довольно близко къ жилищу кацика, къ нему вышелъ на встрѣчу другой посланный съ вторичною просьбою, чтобъ онъ остановился, и съ извѣстіемъ, что кацикъ, не смотря на свою рану, нанесенную ему стрѣлой, самъ выйдетъ къ нему. Вслѣдъ за тѣмъ показался и Квибіанъ. Вышедъ изъ дома, онъ сѣлъ у дверей и сдѣлалъ знакъ, чтобъ аделантадо приблизился къ нему одинъ. Донъ Варфоломей, тотчасъ-же велѣлъ Діэго Мендесу и остальнымъ четыремъ Испанцамъ, которые сопровождали его, остановиться, давъ имъ наставленіе, чтобъ они наблюдали за всѣми его движеніями, и какъ только онъ возьметъ кацика за руку, въ то же мгновеніе устремились-бы къ нему на помощь. Послѣ этого онъ подошелъ къ царьку съ туземнымъ переводчикомъ, который дрожалъ всѣмъ тѣломъ въ присутствіи своего грознаго властителя, — съ одной стороны по привычкѣ къ всегдашней, безпрекословной покорности ему, а съ другой, опасаясь послѣдствій своей измѣны, потому-что онъ сильно сомнѣвался, чтобъ Испанцы въ состояніи были спорить съ могуществомъ дикаго царька. Черезъ

этого самого переводчика кацикъ и адлантадо вступили между собой въ разговоръ. Донъ Варфоломей завелъ рѣчь о его ранѣ, и какъ-будто желая посмотрѣть ее, взялъ Квибіана за руку. По этому знаку четверо Испанцевъ бросились къ нему, а пятый выстрѣлилъ изъ ружья, для подачія сигнала отряду. Квибіанъ, замѣтивъ опасность своего положенія, сдѣлалъ усиліе, чтобъ освободиться отъ дона Варфоломея и спастись бѣгствомъ; но не такъ-то легко было вырваться изъ желѣзной руки адлантадо. Они вступили въ жестокую борьбу, въ продолженіе которой, не смотря на необыкновенную силу кацика, донъ Варфоломей постоянно одерживалъ верхъ, и наконецъ, вмѣстѣ съ подоспѣвшими къ нему на помощь Діэго Мендесомъ и его товарищами, связалъ ему руки и ноги. По условленному знаку, отрядъ окружилъ домъ и захватилъ большую часть находившихся въ немъ людей, именно пятдесятъ человѣкъ, молодыхъ и старыхъ, въ томъ числѣ женъ и дѣтей Квибіана и нѣсколько знатнѣйшихъ его подданныхъ. Никто не былъ раненъ, потому-что никто и не думалъ о сопротивленіи; а адлантадо никогда не позволялъ, безъ настоятельной нужды, проливать ни одной капли крови. Бѣдные дикари, увидѣвъ своего кацика въ плѣну, наполнили воздухъ жалобными воплями и умоляли Испанцевъ освободить его, предлагая за него какое-то огромное сокро-

вище, скрытое, по ихъ словамъ, въ ближнемъ лѣсу (1).

Адлантадо не обращалъ вниманія ни на просьбы, ни на предложенія дикихъ. Квибіанъ былъ слишкомъ опасный врагъ; спокойствіе колоніи требовало, чтобъ онъ остался ея заложникомъ. Между-тѣмъ, опасаясь, чтобъ вооруженные туземцы, находившіеся по близости, не покусились освободить своего предводителя, онъ рѣшился, не теряя времени, отослать кацика и другихъ плѣнныхъ на корабли, а самому съ частью отряда остаться на берегу, для преслѣдованія убѣжавшихъ изъ дома. Для отвоза плѣнныхъ вызвался главный лоцманъ эскадры, Хуанъ Санчесъ, сильный и отважный морякъ, ручаясь, что доставитъ всѣхъ ихъ на суда въ цѣлости и исправности. Несмотря на то, адлантадо, передавая дикаго царька въ его непосредственный надзоръ, совѣтовалъ ему быть съ нимъ безпрестанно на сторожѣ. Могучій лоцманъ отвѣчалъ, что «позволитъ себѣ выщипать бороду по одному волосу, если кацикъ ускользнетъ изъ его рукъ,» и съ этою хвастливою выходкой, взвалилъ Квибіана, у котораго руки и ноги были связаны, къ себѣ на плеча, перенесъ его въ шлюпъ и привязалъ тамъ къ скамьѣ крѣп-

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 97. — Las Casas, lib. II, cap. 27.

кою веревкой. Ночь была необыкновенно темна. Шлюпъ быстро несся внизъ по рѣкѣ. Прошло нѣсколько минутъ, и касикъ началъ жаловаться на жестокую боль отъ узловъ веревки, которою онъ былъ прикрученъ къ скамьѣ, испуская столь раздирающіе вопли, что серце лоцмана, какъ ни жестко было оно, проникнулось состраданіемъ. Когда шлюпъ достигъ устья рѣки, онъ отвязалъ своего плѣнника отъ скамьи, и взявъ конецъ веревки въ руки, крѣпко держалъ его. Хитрый дикарь, выждавъ удобную минуту, когда Санчесъ засмотрѣлся въ сторону, вдругъ ринулся въ рѣку, подобно скалѣ, обрушившейся въ воду, и въ то-же мгновеніе исчезъ подъ волнами. Стремительность его низверженія была такъ сильна, что лоцманъ принужденъ былъ выпустить изъ рукъ веревку, чтобъ не быть самому увлечену паденіемъ. Темнота ночи и необходимость удвоить бдительность надъ остальными плѣнными лишили Санчеса всякой возможности преслѣдовать касика и даже узнать, что съ нимъ сдѣлалось, и онъ поспѣшилъ къ кораблямъ, чрезвычайно огорченный и раздосадованный, что дался въ обманъ дикарю.

Аделантадо провелъ всю ночь на берегу. Поутру, увидѣвъ дикую мѣстность страны, усѣянной горами, и расположеніе домовъ въ резиденціи, разбросанныхъ по высотамъ, онъ отказался отъ всякаго преслѣдованія убѣжав-

шихъ дикарей, которые укрылись между неприступныхъ скалъ и въ убѣжищахъ, однимъ только имъ извѣстныхъ, и возвратился къ кораблямъ съ огромною добычей, захваченною въ жилищѣ кацика. Она состояла изъ плитокъ и кружковъ массивнаго золота, — обыкновеннаго убранства дикарей, которое они носили вокругъ шеи, на рукахъ и около лодыжекъ, — и изъ двухъ коронъ того-же металла: всего покрайней-мѣрѣ на триста червонцевъ (1). Пятую часть изъ этой добычи отложили для внесенія въ королевскую казну, остальное раздѣлили между участвовавшими въ экспедиціи, а одну корону, съ общаго согласія, вручили дону Варфоломею, какъ трофей одержанной имъ побѣды (2).

(1) Сумма, соотвѣтствующая 1281 нынѣшнихъ долларовъ (около 6750 рублей).

(2) *Hist. del Almirante*, cap. 98 Las Casas, lib. II, cap. 27. — Многія подробности, заключающіяся въ этой главѣ, извлечены изъ завѣщанія Діэго Мендеса, гдѣ онъ описываетъ всѣ достопримѣчательныя событія своей жизни. Во всемъ этомъ описаніи онъ говоритъ исключительно только о самомъ себѣ, какъ о главномъ и почти единственномъ дѣйствующемъ лицѣ во всѣхъ повѣствуемыхъ имъ событіяхъ. Это носитъ на себѣ нѣкоторый отпечатокъ эгоизма. Совсѣмъ тѣмъ, приведенные имъ факты имѣютъ столь вѣрный характеръ истины, и самое обстоятельство, въ которомъ онъ описывалъ ихъ, такъ важно,

что его документъ заслуживаетъ большаго довѣрія. Тотъ-же самый Діэго Мендесъ является далѣе, на страницахъ нашей исторіи, въ другомъ важномъ случаѣ, гдѣ онъ отличается чертами дерзкой отважности, преданности и самоотверженія, исполненныхъ героизма (см. *Коллекцію* Наварета, томъ I).

ГЛАВА VIII.

Бѣдствіе колоніи (1503).

Послѣ экспедиціи дона Варѳоломея, Коломбъ надѣялся, что сильныя мѣры, употребленныя имъ противъ кацика, поразятъ ужасомъ окрестныхъ туземцевъ и отвратятъ на будущее время всякое покушеніе съ ихъ стороны на колонію. Въ погибели Квибіана нельзя было сомнѣваться; но еслибъ онъ и уцѣлѣлъ какимъ-нибудь образомъ, то, видя во власти бѣлыхъ все свое семейство и главнѣйшихъ сановниковъ своихъ, онъ, безъ сомнѣнія, не осмѣлился-бы возобновить непріязненныхъ замысловъ, чтобъ не подвергнуть своихъ кровныхъ и ближнихъ личной опасности. Поэтому, дождавшись сильныхъ дождей, столь обильныхъ въ горахъ этого перешейка, которые снова подняли воду въ рѣкѣ, Коломбъ далъ благоразумныя наставленія остающимся Испанцамъ, нѣжно прости-

ся съ братомъ и отплылъ въ путь съ тремя карабеллами, оставивъ четвертую для надобностей колоніи. Такъ-какъ вода была все еще низка надъ отмелью, то онъ принужденъ былъ снять съ судовъ часть груза и перевесть ихъ черезъ нее буксиромъ, посредствомъ шлюповъ; однакожъ, за всѣми этими предосторожностями, карабеллы нѣсколько разъ врѣзывались въ песокъ, и еслибъ грунтъ не былъ такъ жидокъ и мягокъ, то неминуемо потерпѣли-бы значительныя поврежденія. Вышедъ изъ рѣки, онѣ снова приняли свой грузъ и бросили якорь въ милѣ разстоянія отъ берега, въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Коломбъ располагалъ взять направленіе къ Испаніолѣ, чтобъ достигнувъ этого острова, выслать оттуда новой колоніи припасовъ и прочихъ потребностей, въ которыхъ она имѣла нужду и которыя тамошнее правительство могло удѣлить для ней. Нѣсколько дней сряду дулъ противный ветеръ. Шестаго апрѣля Коломбъ послалъ къ берегу шлюпъ, подъ начальствомъ Діэго Тристана, капитана одной карабеллы, поручивъ ему сдѣлать запасъ дровъ и воды и передать дону Варфоломею нѣкоторыя дополнительныя наставленія. Это экспедиція была гибельна для тѣхъ, кто участвовалъ въ ней, но она спасла колонію.

Кацикъ Квибіанъ не утонулъ, какъ полагали. Вода была его вторая стихія: онъ

уцѣлѣлъ въ ней съ связанными руками и ногами. Нырнувъ съ шлюпа на дно рѣки, онъ долго плылъ подъ водой; наконецъ, разсчитавъ, что отдалился уже на большое разстояніе отъ своихъ враговъ и что они въ темнотѣ не могутъ его замѣтить, онъ поднялся на поверхность воды и благополучно достигъ берега. Зрѣлище опустошеннаго дома и мысль о похищеніи женъ и дѣтей, сначала повергли его въ глубокую горесть; но когда онъ узналъ, что корабли, на которыхъ находились плѣнные, выходятъ изъ рѣки и увозятъ ихъ въ неизвѣстный свѣтъ, населенный ненавистными чужеземцами, то пришелъ въ такую ярость и отчаяніе, что рѣшился отмстить бѣлымъ, оставшимся въ его владѣніяхъ, кровавымъ образомъ. Собравъ множество воиновъ, онъ прокрался въ глубокой тишинѣ къ колоніи, и пользуясь окружавшими ее лѣсами, приблизился не далѣе какъ шаговъ на десять къ небольшой возвышенности, на которой были расположены домы поселенцевъ. Испанцы, вовсе не подозрѣвая объ его замыслахъ, — въ полной увѣренности, что враждебные дикари совершенно разсѣяны и поражены страхомъ экспедиціи аделантадо, — не принимали никакихъ предосторожностей. Одни изъ нихъ стояли на берегу и смотрѣли на удаляющіеся корабли; другіе находились на оставленной Коломбомъ карабеллѣ, стоявшей въ

рѣкѣ, на канатѣ; нѣкоторые — оставались въ домахъ. Вдругъ изъ лѣсу хлынули съ страшными воплями толпы дикарей, окружили домы и начали пускать въ нихъ черезъ окна, крыши, сдѣланныя изъ пальмовыхъ листьевъ, и сквозь щели между стѣнными досками, стрѣлы и дротики. Такъ-какъ домы колоніи были довольно тѣсны, то многіе, находившіеся въ нихъ Испанцы, были ранены. Адлантадо, при первой тревогѣ, выбѣжалъ съ копьемъ въ рукѣ, собралъ семь или восемь Испанцевъ, одушевилъ ихъ словами и примѣромъ къ мужественному сопротивленію, и соединясь съ Діэго Мендесомъ, который также рѣшился съ нѣсколькими товарищами защищаться до крайности, — ударилъ на дикарей и опрокинулъ ихъ въ лѣсъ съ большою потерей. Несмотря на то, дикіе продолжали еще пускать въ нихъ изъ за деревъ дротики и стрѣлы, и отъ времени до времени дѣлать изъ лѣсу стремительныя вылазки съ своими боевыми дубинами. Но они не могли держаться противъ острія Испанскаго оружія; сильный напоръ адлантадо и Мендеса привелъ ихъ въ разстройство, а спущенная въ толпу злобная собака довершила пораженіе. Они обратились въ бѣгство черезъ лѣсъ, испуская громкіе вопли и оставивъ на мѣстѣ сраженія множество убитыхъ; со стороны Испанцевъ былъ одинъ убитъ и семеро ранены; въ числѣ послѣднихъ нахо-

дился и самъ аделантадо, получившій легкій ударъ дротикомъ въ грудь.

Но обратимся къ посланному адмираломъ шлюпу. Онъ присталъ къ берегу противъ колоніи въ то самое время, когда происходило описанное нами сраженіе. Совсѣмъ тѣмъ, начальникъ его, Діэго Тристанъ, остался простымъ зрителемъ боя, опасаясь, чтобъ колонисты, замѣтивъ его прибытіе, не бросились толпой въ его шлюпъ и не затопили его. Простоявъ, такимъ образомъ, до самого конца сраженія, когда туземцы были обращены въ бѣгство, онъ поплылъ далѣе, вверхъ по рѣкѣ, для наполненія своихъ бочекъ водой, не слушая предостереженій Испанцевъ, стоявшихъ на берегу, которые кричали ему, что дикіе могутъ въ своихъ челнахъ настигнуть шлюпъ и истребить.

Едва онъ поднялся около мили выше селенія, гдѣ вода становилась уже прѣсна, и гдѣ рѣка была стѣснена съ обѣихъ сторонъ лѣсомъ, плотно прилегавшимъ къ ея берегамъ, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ раздались страшные воинскіе клики дикарей и зловѣщіе звуки ихъ боевыхъ трубъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ береговъ отдѣлилось въ разныхъ мѣстахъ множество легкихъ челновъ, укрывавшихся до-того времени въ извилинахъ и заводьяхъ рѣки, между деревами. Каждый челнъ управлялся, повидимому, однимъ человѣкомъ; прочіе потрясали сво-

ими дротиками и бросали ихъ въ Испанцевъ, между-тѣмъ, какъ толпы ихъ одноземцевъ въ то-же время пускали въ нихъ стрѣлы и копья съ берегу и съ деревъ. Весь экипажъ шлюпа состоялъ изъ восьми матросовъ и трехъ солдатъ. Оглушенные ужасными воплями, раздававшимися со всѣхъ сторонъ, осыпанные градомъ убійственныхъ дротиковъ, окруженные множествомъ лодокъ, которыхъ число увеличивалось съ каждой минутой, Испанцы потеряли присутствіе духа,— опустили весла, забыли дѣйствовать своимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое одно могло спасти ихъ, и только старались укрываться щитами. Одинъ Тристанъ не измѣнилъ обыкновенной своей неустрашимости: несмотря на раны, онъ старался ободрить своихъ людей и заставить ихъ защищаться; но дротикъ вонзился ему въ правый глазъ, и онъ упалъ мертвый. Съ нимъ исчезла послѣдняя надежда на спасеніе. Чёлны дикихъ окружили шлюпъ, — и, началось истребленіе. Одинъ только Испанецъ, по имени Хуанъ де-Нейа, Севильскій бочаръ, спасся отъ этого поголовнаго убійства. Во время суматохи, произведенной нападеніемъ дикихъ на шлюпъ, онъ упалъ въ рѣку, погрузился на дно, и пробравшись подъ водой до берега, вышелъ на землю, не бывъ никѣмъ замѣченъ. Избавившись, такимъ-образомъ, отъ неизбѣжной почти гибели, онъ

пришелъ въ колонію, и разсказалъ о бѣдственной участи своего капитана и товарищей.

Это извѣстіе поразило Испанцевъ ужасомъ. Опасность ихъ положенія, среди враждебнаго племени ожесточенныхъ дикарей, — самыхъ свирѣпыхъ изъ всѣхъ, съ которыми они имѣли до-тѣхъ-поръ сношенія, — увеличивалась еще чрезвычайною ихъ малочисленностью; и изъ этого-то небольшаго числа еще нѣкоторые страдали отъ ранъ. Коломбъ ничего не зналъ объ ихъ бѣдственномъ положеніи. Они обвиняли его, что онъ оставилъ ихъ безъ помощи; что будущее для нихъ представляетъ одну изъ двухъ ужасныхъ неизбѣжностей — или быть умерщвленными варварами, или погибнуть отъ голоду на враждебномъ берегу, на которомъ онъ ихъ бросилъ. Пораженные паническимъ страхомъ, они вдругъ рѣшились удалиться отъ этихъ бѣдственныхъ мѣстъ на оставленной карабеллѣ. Напрасно аделантадо старался удержать ихъ: его увѣщанія были безполезны; ихъ никто не слушалъ; мрачное отчаяніе его людей не внимало никакимъ убѣжденіямъ, и онъ вынужденъ былъ дать имъ обѣщаніе — отплыть немедленно въ море.

Но вдругъ одно непредвидѣнное происшествіе разстроило ихъ планъ и увеличило безпокойство. Потоки вошли опять въ

свои русла, и вода въ рѣкѣ до-того упала, что не было возможности провести карабеллу черезъ отмель. Убѣдясь въ непреодолимости препятствія, нѣсколько Испанцевъ вызвались пуститься въ море на шлюпѣ, отыскать адмирала, сообщить ему о бѣдственномъ положеніи колоніи и умолять его —взять съ собой оставленныхъ имъ людей. Но жестокій вѣтеръ, сильно волновавшій море, и яростный прибой волнъ къ отмели, не позволяли и шлюпу выдти изъ рѣки. Въ довершеніе ихъ ужаса и унынія, — какъ-будто бы еще не довольно было для совершеннаго ихъ отчаянія лишенія всѣхъ средствъ къ побѣгу и всей надежды на помощь, — теченіемъ рѣки принесло къ нимъ трупы Діэго Тристана и его спутниковъ, которыхъ многіе члены были уже пожраны стаями вороновъ и другихъ хищныхъ птицъ, слетѣвшихся съ страшнымъ крикомъ оспоривать другъ у друга эти кровавыя останки. Испанцы въ оцѣпенѣніи смотрѣли на это зрѣлище, которое казалось имъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ ихъ собственной участи.

Между-тѣмъ дикіе, ободренные побѣдой надъ экипажемъ Тристана, возобновили нападенія. Ихъ воинскіе клики и звуки барабановъ и трубъ раздавались въ глубинѣ лѣсовъ, со всѣхъ сторонъ, и доказывали, что число ихъ безпрестанно возрастаетъ. Казалось, всѣ окрестные лѣса наполнились ими. Они нападали на всѣхъ

Испанцевъ, которыхъ только могли подстеречь врасплохъ, и даже дѣлали открытыя нападенія на самые домы ихъ. Донъ Варфоломей, видя что нѣтъ возможности долѣе оставаться въ безопасности въ прежней резиденціи Квибіана, — потому-что дикари, укрываясь въ прилегающихъ къ ней лѣсахъ, могли во всякое время весьма удобно подходить къ самымъ домамъ, не бывъ замѣченными, и нападать на нихъ внезапно, — рѣшился избрать для пристанища открытое мѣсто на берегу моря, въ значительномъ разстояніи отъ лѣсу. Вслѣдствіе этого намѣренія, Испанцы перетащили на избранное мѣсто шлюпъ карабеллы, ящики и другія подобныя вещи и устроили изъ нихъ родъ редута, въ которомъ оставили только два выхода, замѣстивъ каждый изъ нихъ фальконетомъ, или небольшимъ артиллерійскимъ орудіемъ, такимъ-образомъ, чтобъ орудія могли обстрѣливать какъ можно болѣе пространства. Кончивши все это, Испанцы заперлись въ своей маленькой крѣпостцѣ, слишкомъ достаточной для защиты ихъ отъ дѣйствія стрѣлъ и дротиковъ дикихъ воиновъ. Но главное ихъ оборонительное средство состояло въ огнестрѣльномъ оружіи, котораго звукъ приводилъ дикарей въ ужасъ, — особенно когда они видѣли разрушительное дѣйствіе ядеръ, дробившихъ деревья, за которыми они укрывались, и истреблявшихъ

на далекое разстояніе все, что ни встрѣчали на пути: и этимъ-то въ особенности средствомъ осажденные удерживали своихъ свирѣпыхъ враговъ довольно долго въ страхѣ, такъ что они не смѣли показываться изъ лѣсу. Совсѣмъ тѣмъ, безпрерывная бдительность и постоянный страхъ довели Испанцевъ до крайняго изнеможенія и унынія. Они съ ужасомъ думали о томъ времени, когда у нихъ выдутъ всѣ съѣстные и огнестрѣльные припасы, и они, наконецъ, должны будутъ оставить свое убѣжище, для отысканія себѣ пищи. Однимъ словомъ, будущее представляло имъ одни ужаснѣйшія бѣдствія (1).

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 98. — Las Casas, lib. II. — *Письмо Коломба изъ Ямайки.* — *Завѣщаніе Діэго Мендеса*, Navarrete, tom. I. — *Дневникъ Порраса*, Navarrete, tom. I.

ГЛАВА IX.

Безпокойство на судахъ адмирала. — Освобожденіе колоніи (1503).

Между-тѣмъ какъ аделантадо и его товарищи подвергались на берегу столь очевидной опасности, величайшее безпокойство царствовало на корабляхъ Колумба. Дни проходили за днями, а Діэго Тристанъ съ своими людьми не возвращался. Экипажи начали опасаться, не случилось-ли съ ними какого-нибудь несчастья. Колумбъ, при всемъ своемъ желаніи послать на берегъ для освѣдомленія отъ ихъ участи, не могъ рѣшиться подвергнуть опасности послѣдній шлюпъ, который оставался при всѣхъ трехъ его судахъ, потому-что жестокій прибой продолжалъ еще бить съ яростью въ берегъ. Одно ужасное происшествіе удвоило опасенія и уныніе Испанцевъ. На одной изъ карабеллъ эскадры содержалось семейство и приближенные кацика

Квибіана, которыхъ Коломбъ имѣлъ намѣреніе отвезть въ Испанію, въ томъ предположеніи, что пока они будутъ находиться въ рукахъ Испанцевъ, одноземцы ихъ не осмѣлятся возобновить непріязненныхъ дѣйствій противъ колонистовъ, страшась подвергнуть ихъ мщенію бѣлыхъ. Этихъ плѣнныхъ запирали на ночь въ переднюю каюту каравеллы, замыкая люкъ, или отверстіе, ведущее въ нее, крѣпкою цѣпью съ висячимъ замкомъ, и нѣсколько матросовъ располагались спать на верху, надъ люкомъ, который притомъ находился на такой высотѣ, что не было возможности достать до него снизу каюты. Надѣясь на эти предосторожности, въ одинъ вечеръ не позаботились наложить цѣпь на свое мѣсто. Оплошность караульныхъ была замѣчена дикими, — и они тотчасъ основали на ней планъ къ побѣгу. Собравъ нѣсколько балластовыхъ камней, они сложили ихъ прямо противъ люка въ большую груду, потомъ нѣсколько сильныхъ дикарей взобрались по этой кучѣ до верху, и упершись спинами въ рѣшетку, дружнымъ и быстрымъ напоромъ мгновенно сорвали ее съ петель, съ такою стремительностью, что спавшіе на ней матросы были отброшены къ противоположному борту корабля. Вслѣдъ за тѣмъ большая часть плѣнныхъ вырвались на палубу, бросились въ море и достигли берега вплавь. Между-тѣмъ на суднѣ поднялась тревога; не-

успѣвшихъ выбраться изъ люка, втолкнули обратно; иныхъ схватили на палубѣ; входъ въ каюту заперли большою цѣпью и приставили къ нему часовыхъ. Поутру Испанцы нашли всѣхъ остальныхъ плѣнныхъ мертвыми: нѣкоторые изъ нихъ висѣли на обрывкахъ веревокъ, касаясь колѣнами полу; другіе лежали на землѣ, съ петлей на шеѣ, затянутою ногами. Столь ужасное самоубійство обнаруживало самымъ поразительнымъ образомъ непреклоннѣйшую рѣшимость, любовь къ независимости и неукротимый духъ этихъ дикарей, и въ то-же время омерзѣніе ихъ къ бѣлымъ (1).

Это происшествіе повергло адмирала въ сильнѣйшее безпокойство. Онъ опасался, чтобъ убѣжавшіе плѣнные не возбудили своихъ одноземцевъ къ ужасному мщенію и трепеталъ за жизнь брата, о которомъ онъ не имѣлъ никакого извѣстія. Шлюпъ Діэго Тристана также не возвращался, и яростные буруны прерывали всякое сообщеніе съ берегомъ. При такомъ состояніи дѣлъ не удивительно, что пагубныя предчувствія и опасенія объ участи товарищей овладѣли всѣми экипажами. Среди этого всеобщаго унынія, одинъ Севильскій лоцманъ, по имени Педро Ледема, человѣкъ около сорока-пяти лѣтъ отроду, одаренный необыкновенною физическою и душевною силой, явился къ адмиралу и вызвал-

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 99.

ся доставить ему вѣсть объ Испанцахъ, оставленныхъ на берегу, если только онъ прикажетъ довезть его въ шлюпѣ до того мѣста, гдѣ начинался бурунъ, откуда онъ ужё располагалъ достигнуть берега вплавь. На этотъ подвигъ подстрекалъ Ледему примѣръ убѣжавшихъ плѣнныхъ, которые переплыли черезъ свирѣпый прибой и благополучно достигли берега, отстоявшаго на цѣлую милю отъ судовъ. «Если, говорилъ онъ, эти дикари осмѣлились подвергнуться такой опасности для освобожденія себя изъ неволи, то, надѣюсь, что и у меня достанетъ столько силы и мужества, чтобъ пренебречь его и преодолѣть препятствія для спасенія жизни моихъ одноземцевъ.» Его предложеніе было принято адмираломъ съ большою радостью, и Ледема выполнилъ его совершенно успѣшно. Подплывъ на шлюпѣ къ буруну такъ близко, какъ только позволяла безопасность этого легкаго судна, онъ раздѣлся, бросился въ воду, и послѣ кратковременной борьбы съ яростными волнами, — которыя, клубя и пѣнясь, то взбрасывали его на своихъ хребтахъ, то погружали до песчанаго дна, — успѣлъ наконецъ добраться до берега.

Онъ отыскалъ небольшое укрѣпленіе, въ которомъ его соотечественники находились какъ-бы въ заточеніи, осажденные со всѣхъ сторонъ дикими. Трагическая участь Діэго Тристана и его спутниковъ дотого поразила

ихъ, что многіе, предавшись совершенно слѣпому отчаянію, вышли изъ повиновенія и отказались содѣйствовать исполненію всякой мѣры, которая клонилась къ продолженію ихъ пребыванія на островѣ, — питая исключительно одно только желаніе, одну мысль, — удалиться, во что бы то ни стало, изъ этой несчастной страны. При такомъ расположеніи умовъ, они едва увидѣли Дедему, какъ тотчасъ же окружили его съ какою-то дикою, изступленною радостью, осыпали его убѣдительнѣйшими мольбами, чтобъ онъ упросилъ Коломба взять ихъ съ собой и не покидать на этомъ берегу, гдѣ погибель всѣхъ ихъ была неизбѣжна, — и тутъ же принялись строить лодки для переѣзда къ кораблямъ, какъ только позволитъ погода, потому что одинъ шлюпъ не могъ поднять такъ много людей. Среди этихъ приготовленій они клялись, что если адмиралъ не согласится взять ихъ съ собою, то они уѣдутъ одни на оставленномъ имъ суднѣ, и скорѣе отдадутъ себя на произволъ Океана, чѣмъ останутся на этомъ бѣдственномъ берегу.

Отважный Дедема, выслушавъ жалобы и просьбы своихъ покинутыхъ соотечественниковъ, и получивъ свѣденія отъ аделантадо и его офицеровъ, отправился въ обратный путь, опасный не менѣе перваго. Онъ снова вступилъ въ борьбу съ прибоемъ, перерѣзалъ его, достигъ шлюпа, который стоялъ на томъ-

же мѣстѣ и благополучно прибылъ къ кораблямъ. Печальныя извѣстія, которыя онъ привезъ, повергли адмирала въ горесть и безпокойство. Оставить брата своего на берегу — значило принесть его въ жертву мятежей его подчиненныхъ и свирѣпости дикарей; послать къ нему подкрѣпленіе — не было никакой возможности, потому-что потеря Тристана и его спутниковъ и безъ того уже слишкомъ ослабила экипажи. Съ другой стороны: еслибъ онъ, для сохраненія колоніи, рѣшился присоединиться къ аделантадо самъ, со всѣми своими людьми, въ такомъ случаѣ — какъ извѣстить ихъ величества о его важномъ открытіи и испросить у нихъ пособій и припасовъ, необходимыхъ для колоніи? Оставалось одно: забрать всѣхъ людей на суда и отказаться на время отъ основанія колоніи, съ тѣмъ, чтобъ впослѣдствіи возвратиться съ достаточными силами, для совершеннаго покоренія всего края (1). Но исполненіе этого плана было сопряжено съ величайшими затрудненіями: вѣтеръ не стихалъ; море волновалось попрежнему; не было возможности отправить шлюпа къ берегу. Кромѣ того, и самые корабли эскадры находились въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи — безъ достаточнаго числа людей, расшатанные въ связяхъ безпрерывными бу-

(1) *Письмо Коломба изъ Ямайки.*

рями, которыя они выдержали, — источенные разрушительными червями, готовые развалиться на части, и при всемъ томъ принужденные еще держаться на якоряхъ посреди бурнаго моря, находясь въ безпрерывной борьбѣ съ яростными волнами и свирѣпыми ураганами, и ежеминутно подвергаясь возможности быть увлеченными въ буруны. Опасность положенія эскадры увеличивалась съ каждымъ часомъ, и вмѣстѣ съ ней возрастало безпокойство Коломба о братѣ, о его людяхъ и наконецъ о собственныхъ своихъ корабляхъ. Сильное и безпрерывное волненіе духа,—ночи, проведенныя безъ сна и въ тревожныхъ думахъ, потрясли въ самомъ основаніи его сложеніе, и безъ того уже ослабленное лѣтами и тяжкими трудами: и этимъто состояніемъ его души и тѣла объясняются тѣ чудныя грезы, въ которыя, по видимому, онъ впадалъ иногда среди жгучихъ, мучительныхъ страданій, терзавшихъ его тѣло, и пожирающаго волненія духа. Больное воображеніе представляло ему таинственнымъ и сверхъестественнымъ, то, что само-же созидало. Въ одномъ письмѣ къ ихъ величествамъ онъ разсказываетъ съ торжественностью о видѣніи, явившемся утѣшить его въ то время, когда, погруженный въ глубокое уныніе, онъ томился на одрѣ скорби.

«Однажды, говоритъ онъ, изнуренный мученіями, я заснулъ, — и вдругъ слышу, что

кто-то говоритъ мнѣ, голосомъ, исполненнымъ скорби и состраданія: «Безразсудный! Слаба твоя вѣра, слаба воля на служеніе твоему Богу, Господу вселенной! Меньше-ли Онъ сдѣлалъ для тебя, чѣмъ для Моисея или Давида, служителя своего? Съ самого твоего рожденія, Онъ постоянно блюдетъ надъ тобой, съ величайшею заботливостью, и когда ты достигъ зрѣлаго возраста, чудесно провозгласилъ имя твое по всему лицу земли. Богатѣйшую изъ странъ міра, Индію, онъ предалъ тебѣ въ обладаніе и предоставилъ дѣлиться ею, съ кѣмъ захочешь. Онъ далъ тебѣ ключи отъ вратъ Океана, замкнутыхъ дотолѣ крѣпкими цѣпями — и онѣ отверзлись передъ тобою. Онъ покорилъ твоей власти безчисленныя племена земныя и прославилъ имя твое между христіанами. Больше-ли Онъ сдѣлалъ для великаго народа Израильскаго, когда извелъ его изъ Египта, или для Давида, когда изъ пастуха содѣлалъ его царемъ? Обратись-же къ Нему и познай свое заблужденіе: Его милосердіе безконечно. Предстоитъ-ли тебѣ какое-либо великое дѣло — преклонныя лѣта не воспрепятствуютъ тебѣ совершить его. Вспомни, что Авраамъ прожилъ болѣе столѣтія, когда родилъ Исаака, и Сара была-ли тогда молода? . . . . Ты въ уныніи и громкими воплями требуешь помощи. Отвѣтствуй: кто виною твоихъ горестей, твоихъ тяжкихъ и продолжительныхъ скор-

бей? Богъ или люди? Обѣты, данные тебѣ Богомъ, никогда не были нарушены; никогда, пріявъ мзду заслугъ твоихъ, Онъ не сказалъ, что намѣренія Его были иныя, что слово Его сказано не въ томъ смыслѣ, какъ ты его понялъ. Онъ выполняетъ все, что обѣщаетъ, отъ слова до слова, и еще болѣе: таковъ Его обычай. Я показалъ тебѣ, что сдѣлалъ Создатель твой для тебя и что Онъ творитъ для всѣхъ. А что терпишь ты нынѣ — это награда за труды и службу, понесенныя тобою для иныхъ владыкъ.» — Я слушалъ, какъ полумертвый, прибавляетъ Коломбъ, и не имѣлъ силы отвѣчать на рѣчь, столь праведную. Я могъ только плакать о своихъ заблужденіяхъ. Тотъ, кто говорилъ мнѣ, — кто-бы онъ ни былъ, — заключилъ слѣдующими словами: «Небойся ничего, ободрись! Всѣ твои земныя бѣдствія записаны на мраморной скрижали, и не вотще.»

Таково удивительное повѣствованіе, сообщенное Коломбомъ ихъ величествамъ, о представившемся ему видѣніи. Нѣкоторые полагали, что вся эта исторія — не что иное, какъ тонкій вымыселъ съ его стороны, искусно придуманный съ тою цѣлью, чтобъ дать косвенный урокъ своему государю: но подобное мнѣніе опровергается характеромъ Коломба, его глубокимъ благочестіемъ и уваженіемъ къ своимъ государямъ, съ которыми онъ никогда не могъ позволить себѣ подоб-

ной уловки. Слова, которыя, казалось ему, произносилъ чей-то голосъ, обращаясь къ нему, заключаютъ въ себѣ истины, глубоко запечатлѣнныя и неотступно присутствовавшія въ его умѣ, въ бодрственномъ его состояніи. Весьма естественно, что тѣ-же слова, повторяясь съ новою силой въ его пламенныхъ сновидѣніяхъ, и потомъ являясь опять въ памяти, по пробужденіи, могли пріобресть нѣкоторую неразрывность, безъ участія его воли. Кромѣ того, почитая себя орудіемъ Провидѣнія, и отчасти напитанный суевѣрными понятіями своего вѣка, онъ, по невольному заблужденію, могъ принимать всякой сонъ, который отличался какою-нибудь особенностью или поражалъ его болѣе обыкновеннаго, за откровеніе свыше. О Коломбѣ не должно судить, какъ о людяхъ, находящихся въ обстоятельствахъ жизни обыкновенныхъ или неважныхъ. Чтобъ понять то восторженное состояніе его души, въ которое онъ приходилъ по временамъ, надобно представить себѣ его положеніе и, такъ-сказать, стать на его мѣсто: что весьма не легко. Дѣтское простодушіе, съ какимъ онъ перемѣшиваетъ въ письмѣ своемъ къ католическимъ величествамъ, разсказы о своихъ видѣніяхъ и грезахъ, съ описаніями самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ событій, и съ практическими замѣчаніями, отличающимися удивительною вѣрностью, — и все это язы-

комъ въ одно время важнымъ и торжественнымъ, какъ Св. Писаніе, и цвѣтистымъ, какъ поэзія, — обнаруживаетъ одну изъ самыхъ поразительныхъ особенностей его характера, составленнаго изъ элементовъ столь необыкновенныхъ и противоположныхъ.

Тотчасъ послѣ видѣнія, о которомъ мы говорили, буря, продолжавшаяся девять дней, утихла, море успокоилось и сообщеніе съ берегомъ возстановилось. Коломбъ велѣлъ немедленно приступить къ перевозкѣ колонистовъ и всего, оставленнаго съ ними на берегу. Карабеллу колоніи вывесть изъ рѣки не могли, и послѣ безполезныхъ попытокъ, принуждены были отказаться отъ этой работы, обративъ всѣ усилія на то, чтобъ покрайней мѣрѣ успѣть перевезти на эскадру всѣхъ людей и имущество поселенія, до наступленія бурной погоды. Здѣсь опять болѣе всѣхъ отличается ревностный Діэго Мендесъ. Предусмотрѣвъ затрудненіе вывесть карабеллу изъ рѣки, онъ за нѣсколько дней до начатія переборки, занялся разными приготовленіями, которыя были способны облегчить ее. Изъ парусовъ этой самой карабеллы онъ велѣлъ сшить большіе мѣшки, для погрузки въ нихъ сухарей; связалъ между собой, посредствомъ жердей, два челна, такъ, чтобъ они не могли опрокинуться на водѣ при волненіи, и велѣлъ настлать и укрѣпить на нихъ доски, плотно сколоченныя между собою: это обра-

зовало родъ плота, или парома, очень удобнаго для поднятія большихъ тяжестей. На него погрузили оружіе, военные и съѣстные припасы и все, что только можно было взять съ разснащенной и почти совершенно разобранной карабеллы, и перевезли все это, одно за другимъ, на корабли, посредствомъ буксира, привязавъ плотъ къ шлюпу. Такимъ образомъ, при постоянныхъ и упорныхъ усиліяхъ, въ два дня было перевезено съ берега на эскадру все, что только имѣло какую-нибудь цѣнность или могло къ чему либо пригодиться впослѣдствіи. Работы производились подъ надзоромъ неутомимаго и дѣятельнаго Мендеса, который не прежде оставилъ берегъ, какъ съ послѣдней нагрузкой, проведя ночь съ пятью только товарищами на своемъ опасномъ посту.

Ничто не можетъ сравниться съ восторгомъ Испанцевъ, когда они прибыли на суда. Море отдѣляло уже отъ нихъ этотъ мрачный, угрюмый лѣсъ, покрывавшій берегъ и окрестности, на который они такъ недавно еще смотрѣли какъ на будущую свою могилу. Радость экипажей эскадры при свиданіи съ товарищами, которыхъ они считали погибшими, была не менѣе искренна и жива. Въ жару взаимныхъ поздравленій, они забыли обо всѣхъ опасностяхъ, которыя окружали еще ихъ. Адмиралъ, желая наградить Діэго Мендеса за услуги, оказанныя имъ эскадрѣ

въ столь критическихъ обстоятельствахъ, назначилъ его командиромъ карабеллы, оставшейся безъ начальника со времени смерти несчастнаго Діэго Тристана (1).

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 99, 100. — Las Casas, lib. II, cap. 29. — *Засвидѣтельствованіе Діэго Мендеса.* — *Письмо Коломба съ Ямайки.* — *Дневникъ Порраса*, Navarrete, *Collect.*, t. I.

ГЛАВА X.

Коломбъ оставляетъ берегъ Верагуи. Его прибытіе въ Ямайку. — Онъ принужденъ потопить свои корабли (1503).

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, наконецъ поднялся благопріятный вѣтеръ, и Коломбъ немедленно отплылъ отъ несчастнаго берега Верагуи. Жалкое состояніе его кораблей, изнуреніе экипажей и значительное уменьшеніе съѣстныхъ припасовъ, требовали необходимо употребить всѣ усилія, чтобъ, до отъѣзда въ Европу, достигнуть Испаніолы, гдѣбы эскадра могла исправить свои суда и снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ. Но къ большему изумленію лоцмановъ и матросовъ, вмѣсто того, чтобъ идти прямо на сѣверъ, онъ отплылъ вдоль берега, въ восточномъ направленіи. Вообразивъ, что онъ рѣшился возвратиться въ Испанію, никуда не заходя, экипажи подняли сильный ропотъ, называя чистымъ сумасбродствомъ намѣреніе пускаться

въ столь отдаленный путь безъ припасовъ и на корабляхъ, источенныхъ червями. Не обращая вниманія на ихъ толки, Коломбъ и братъ его, изучивъ тѣ моря опытнымъ и внимательнымъ наблюденіемъ, признали необходимымъ отплыть прежде на значительное разстояніе къ востоку, а потомъ уже повернуть къ Испаніолѣ, чтобъ избѣжать быстрыхъ теченій, которыя сильно стремятся тамъ на западъ (1), и легко могли-бы отнести суда далеко въ сторону отъ взятаго ими направленія. Но они не открывали этихъ причинъ лоцманамъ, желая сохранить знаніе пройденныхъ эскадрой путей втайнѣ, собственно лишь для себя, — особенно въ то время, когда толпы авантуристовъ устремились на то-же поприще и готовы были тотчасъ пуститься по ихъ слѣдамъ. Коломбъ отобралъ даже карты у лоцмановъ (2), и въ одномъ изъ писемъ своихъ къ католическимъ величествамъ открыто хвалится, что «ни одинъ изъ его лоцмановъ не въ состояніи ни отыскать пути къ Верагуѣ, ни описать, гдѣ лежитъ эта земля.»

И такъ, не обращая вниманія на ропотъ своихъ спутниковъ, Коломбъ продолжалъ плыть вдоль берега, въ восточномъ направленіи, до Порто-Белло. Въ этой гавани онъ

(1) *Hist. del Almirante.* — *Письмо Коломба съ Ямайки.*
(2) *Дневникъ Порраса,* Navarrete, t. I.

принужденъ былъ бросить одну изъ своихъ карабеллъ, до того поврежденную червями, что она не могла болѣе держаться на водѣ. Всѣ экипажи стѣснились на двухъ оставшихся кораблахъ, — если только можно назвать этимъ именемъ полуразвалившіяся подобія судовъ, поддерживаемыя на поверхности воды однимъ только безпрерывнымъ дѣйствіемъ насосовъ. Изнурительныя работы истощили послѣднія силы матросовъ, и безъ того уже ослабленныхъ скудными раціонами, которыми принуждены были ограничивать ихъ дневное продовольствіе, лишенныхъ бодрости духа рядомъ бѣдствій, претерпѣнныхъ ими, и не имѣвшихъ той нравственной силы, которая замѣняетъ до нѣкоторой степени силу физическую.

Отплывъ изъ Порто-Белло въ дальнѣйшій путь, эскадра прошла мимо порта Эль-Ретрете, и невдалекѣ за мысомъ Бласъ открыла группу островов, которую Коломбъ назвалъ *Лас-Барбасъ*, и которая извѣстна въ наше время подъ именемъ *Мулатскихъ-Островов*. Здѣсь онъ опять вообразилъ, что достигъ провинціи Манжи, которая, по словамъ Марка-Поло, находится во владѣніяхъ великаго-хана и граничитъ съ Каѳаемъ (1). Прошедъ отъ этого мѣста еще десять миль въ томъ же направленіи, до входа въ заливъ, из-

(1) *Письмо съ Ямайки.*

вѣстный въ наше время подъ названіемъ *Дарьенскаго*, онъ имѣлъ съ капитанами и лоцманами своей эскадры совѣщаніе. Они дѣлали ему весьма жаркія представленія о необходимости прекратить дальнѣйшую борьбу съ противными вѣтрами и теченіями, на судахъ, почти разрушившихся, и съ совершенно изнуренными экипажами (1). Коломбъ уступилъ ихъ убѣжденіямъ, и отказавшись отъ дальнѣйшаго обхода берега Твердой-Земли, взялъ, 1-го мая, направленіе на сѣверъ, къ Испаніолѣ. Такъ-какъ вѣтеръ дулъ съ востока, и теченіе сильно стремилось въ томъ-же направленіи, то онъ старался всѣми силами держаться сколько возможно ближе къ вѣтру. Лоцманы его имѣли столь невѣрное понятіе о своемъ положеніи, что полагали себя восточнѣй Караибскихъ-Островов (2).

Опасеніе адмирала было слишкомъ основательно. Мая 10-го передъ нимъ открылись, къ сѣверо-западу отъ Испаніолы, два низменные острова, которые онъ назвалъ *Черепашьими* (Кайманы). Не перемѣняя направленія, онъ продолжалъ плыть прямо на сѣверъ, и 30 мая вошелъ въ группу островов, названныхъ имъ *Королевины Сады*: слѣдственно, суда были отнесены на восемь или на де-

(1) Показаніе свидѣтеля Педро Ледежмы, *Pleito de los Colones*.

(2) *Письмо Коломба съ Ямайки.*

пять градусовъ западнѣй Санъ-Домингскаго порта. Въ этой группѣ онъ бросилъ якорь у одного изъ кайевъ, почти въ десяти миляхъ разстоянія отъ главнаго острова. Экипажи были изнурены работами и голодомъ; все продовольствіе ихъ ограничивалось небольшимъ количествомъ сухарей, масла и уксусу, и при этой скудной пищѣ, они должны были безпрерывно дѣйствовать насосами, для удержанія карабеллъ на поверхности воды.

Только-что эскадра бросила якорь, какъ вдругъ, около полуночи, разразилась надъ ней такая страшная буря, что, слѣдуя энергическому выраженію Коломба, «какъ будто-бы наступилъ конецъ свѣта (1).» Всѣ три корабля почти въ одно время сорвало съ якорей, и карабеллу *Бермуду* ударило съ такою жестокостью объ адмиральскій корабль, что носъ одного судна и корма другаго почти совершенно разрушились. Волны ходили такъ высоко и порывы вѣтра были столь сильны и стремительны, что суда безпрестанно подвергались опасности удариться другъ о друга, и только съ неимовѣрными усиліями экипажи могли удерживать ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи одно отъ другаго. На адмиральскомъ кораблѣ оставался еще одинъ якорь, — и это спасло его отъ крушенія о близлежащія скалы, къ которымъ онъ неминуемо былъ

(1) *Письмо съ Ямайки.*

бы увлечены; но съ разсвѣтомъ увидѣли, что якорный канатъ почти совсѣмъ перетерся и едва держался. Еслибъ темпеста продолжалась еще одинъ только часъ; погибель Колумба была-бы неизбѣжна (1).

Въ шестой день буря утихла и адмиралъ поднялъ паруса, взявъ направленіе на востокъ, къ Испаніолѣ. «Мои люди, говоритъ онъ, уны-«лы, обезнадежены; ихъ суда безъ якорей и «усѣяны такимъ множествомъ проточинъ и «дыръ, какъ-будто медовые соты.» Послѣ упорной борьбы съ противными вѣтрами и восточными теченіями, эскадра достигла наконецъ мыса Круза, и бросила якорь противъ одного селенія въ провинціи *Макака*, въ томъ мѣстѣ, къ которому приставалъ Колумбъ въ 1494 году во время путешествія своего вдоль южнаго берега Кубы. Сдѣлавъ запасъ кассавнаго хлѣба, корабли простояли здѣсь на якоряхъ нѣсколько дней, будучи удерживаемы противнымъ вѣтромъ. Наконецъ вѣтеръ перемѣнился и они снова вышли въ море, стараясь подняться на высоту Испаніолы. Однакожъ всѣ ихъ усилія остались безуспѣшны, потому-что вѣтеръ и теченія постоянно стремились къ нимъ на встрѣчу; между-тѣмъ течь въ судахъ увеличивалась все болѣе и болѣе, несмотря на безпрерывное дѣйствіе насосовъ, ведеръ и бадей, которыми матросы

(1) *Письмо съ Ямайки.* — *Hist. del Almirante*, cap. 100.

отливали воду. Двадцать третьяго іюня, на канунѣ Иванова дня, эскадра бросила якорь въ *Нуэрто-Буэно* (нынѣшній Гавръ-Секъ, или Сухая-Гавань); но не нашедъ тамъ ни одного туземца, никакихъ съѣстныхъ припасовъ, ни даже прѣсной воды, для утоленія нестерпимой жажды и голоду экипажей, подняла паруса на другой день, и продолжая идти въ томъ-же направленіи, вскорѣ вошла въ другой портъ, названный Коломбомъ *Санъ-Глорія*, а въ наше время извѣстный подъ именемъ бухты Дона-Христофора.

Здѣсь адмиралъ принужденъ былъ прекратить свою продолжительную и тягостную борьбу съ упорными стихіями. Его суда, отъ которыхъ остались почти одни только кузовы, не могли болѣе держаться въ открытомъ море, и даже въ самой гавани готовы были съ каждою минутой пойти ко дну. Онъ отдалъ приказаніе посадить всѣ три карабеллы на мель, на разстояніи выстрѣла изъ лука отъ берега, связавъ ихъ крѣпко между собою, и когда онѣ наполнились водой до самой палубы, велѣлъ устроить на кормахъ и носахъ небольшія каюты съ соломенными кровлями, для помѣщенія экипажей, и привесть эти печальныя развалины эскадры въ возможно лучшее оборонительное состояніе. Цѣль устройства этого укрѣпленія посреди моря, состояла въ томъ, что эта мѣра обезпечивала Испанцевъ отъ нечаянныхъ нападеній со

стороны туземцевъ и въ то-же время отнимала у матросовъ возможность бродить по окрестностямъ и предаваться разврату и безчинствамъ, по всегдашнему ихъ обыкновенію. Имъ было строго запрещено отлучаться на берегъ, безъ особеннаго на то позволенія, и вообще были приняты величайшія предосторожности, чтобъ отнять у нихъ всякую возможность оскорбить или раздражить чѣмъ-либо туземцевъ. Коломбъ постигалъ всю важность сохраненія съ жителями дружелюбныхъ отношеній, и что въ его положеніи малѣйшая непріязненность съ ихъ стороны могла сдѣлаться гибельною для Испанцевъ. Стоило только бросить искру въ ихъ деревянное укрѣпленіе, — и экипажи погибли-бы въ пламени, лишенные всякой возможности къ спасенію среди множества враговъ.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

Сдѣлка Дїэго Мендеса съ кацикками о доставкѣ Испанцамъ съѣстныхъ припасовъ. — Колумбъ посылаетъ его въ Санъ-Доминго, просить помощи (1503).

Въ Коломбово время, плодоносный островъ Ямайка былъ весьма сильно населенъ. Узнавъ о прибытіи кораблей въ портъ, прибрежные жители начали съѣзжаться къ нимъ со всѣхъ сторонъ, съ съѣстными припасами, для промѣна ихъ Испанцамъ на произведенія Европейскихъ фабрикъ. Чтобъ предупредить всякіе споры при покупкахъ и раздѣлѣ припасовъ, адмиралъ избралъ двухъ чиновниковъ, которые обязаны были наблюдать за всѣми сдѣлками между дикарями и бѣлыми, и всѣ припасы, пріобретенные посредствомъ этой

пищи въ продолженіе дня, дѣлать каждый вечеръ между экипажами. Столь благоразумное распоряженіе немедленно установило совершенно дружескія сношенія между Испанцами и туземцами. Но эти источники продовольствія были весьма скудны. По свойственной дикарямъ недальновидности и беспечности, они, какъ мы замѣтили прежде, не дѣлали на будущее время никакихъ запасовъ; что было у нихъ — истощилось, и скоро Испанцы принуждены были терпѣть крайнюю нужду въ жизненныхъ потребностяхъ. Мысль, что при такомъ состояніи дѣлъ должны въ непродолжительномъ времени истощиться и мѣстныя средства окрестностей, и что за тѣмъ неминуемо послѣдуетъ голодъ, со всѣми его ужасами, заставляла трепетать Испанцевъ. Въ этомъ критическомъ положеніи, снова является Діэго Мендесъ, съ свойственною ему ревностью къ общему благу. Онъ вызвался — употребить всѣ усилія для обезпеченія продовольствія экипажей, и только просилъ адмирала позволить ему отправиться съ тремя товарищами на островъ. Коломбъ съ радостью далъ согласіе, и Мендесъ тотчасъ же выступилъ въ путь, съ тремя хорошо вооруженными спутниками. Вездѣ, гдѣ они проходили, туземцы принимали ихъ весьма ласково, приглашали въ свои жилища, угощали разными яствами и вообще исполняли въ отношеніи къ нимъ всѣ обя-

занности гостепріимства дикаго быта. Пришедъ во владѣніе кацика одного многочисленнаго племени, Мендесъ заключилъ съ нимъ договоръ о снабженіи бѣлыхъ людей съѣстными припасами, на слѣдующихъ условіяхъ. Кацикъ обязался посылать своихъ подданныхъ на охоту и рыбную ловлю, заставлять ихъ приготовлять кассавный хлѣбъ и каждый день присылать все это къ порту; а Испанцы, въ замѣнъ доставляемыхъ припасовъ, обязались давать имъ ножи, гребни, бисеръ, удочки, гремушки и другія вещи, смотря по количеству приносимыхъ имъ припасовъ. Для выдачи дикарямъ всѣхъ этихъ вещей, положено было назначить со стороны Испанцевъ особаго коммисара, который долженъ былъ переселиться въ резиденцію кацика на постоянное пребываніе. Кончивъ сдѣлку, Мендесъ послалъ одного изъ своихъ спутниковъ къ адмиралу, съ увѣдомленіемъ о первомъ успѣхѣ, а самъ отправился далѣе. Въ трехъ миляхъ отъ селенія перваго кацика онъ заключилъ такой-же договоръ съ другимъ царькомъ, и отправилъ къ Коломбу другаго своего товарища. Продолжая идти далѣе, онъ вскорѣ прибылъ въ резиденцію кацика Гуарно, лежащую въ тринадцати миляхъ отъ кораблей. Этотъ царёкъ принялъ Мендеса съ величайшею благосклонностью, велѣлъ, по его просьбѣ, немедленно собрать большое количество съѣстныхъ припасовъ, и сверхъ того,

обѣщалъ доставлять Испанцамъ провизію, къ порту, въ опредѣленные дни. За собранные припасы Мендесъ тотчасъ-же заплатилъ разными вещами, и отправилъ эту покупку къ кораблямъ съ третьимъ своимъ спутникомъ, поручивъ ему, какъ и первымъ двумъ, просить адмирала о немедленной высылкѣ коммисаровъ, для пріема отъ кациковъ съѣстныхъ припасовъ, которые они обязались поставлять Испанцамъ, и для расплаты за нихъ.

Такимъ-образомъ Мендесъ остался одинъ, въ странѣ совершенно чуждой для него, между племенами дикими и часто весьма немиролюбивыми; но онъ былъ спокоенъ, потому-что любилъ страстно всѣ предпріятія, которыя обѣщали ему славу безъ раздѣла. Несмотря на свое одиночество, онъ рѣшился обойти островъ до самой противоположной его оконечности. Въ этомъ намѣреніи онъ отнесся къ кацику съ просьбой — дать ему двухъ проводниковъ, для указанія пути. Благосклонный кацикъ исполнилъ его желаніе, безъ всякаго затрудненія, и Мендесъ, поручивъ одному изъ дикарей нести свои припасы, а другому бумажный гамакъ, служившій ему постелью, смѣло отправился въ путь вдоль берега, и черезъ нѣсколько дней достигъ восточной оконечности Ямайки, входившей въ составъ владѣній одного могущественнаго кацика, по имени Амейро. Замѣтимъ здѣсь, что всѣ пріемы Мендеса, отъ природы весе-

добронравнаго и одареннаго особенною ловкостью, были именно такого рода, что должны были снискать ему привязанность диких. Поэтому не удивительно, что он очень скоро подружился с царьком, который, в знак своей приязни, поменялся с ним именами, — что у диких почиталось какбы залогом братства, — и обещал доставлять Испанцам съестные припасы; а когда Мендес собрался в обратный путь, он продал ему прекрасный челн, за медный таз, короткое полукафтанье и одну из двух рубах, составлявших весь походный запас белья Діэго, и снабдил его шестью гребцами, для отвоза к эскадре. Таким-образом они разстались весьма довольные друг другом. На возвратном пути Мендес заезжал в те места, где заключил договоры о поставке припасов, и нашел, что требованные им коммисары уже на своих местах. Приняв все заготовленные припасы, он нагрузил ими свою лодку, и в торжестве въехал в порт, где был встречен радостными восклицаніями товарищей и принят с распростертыми объятіями адмиралом. Привезенные им припасы не могли подоспеть более кстати: Испанцы умирали с голоду. И с этого времени туземцы уже постоянно доставляли им каждый день все нужное, по условію с их кациками (1).

(1) *Завещаніе Діэго Мендеса.* — Navarrete, t. I.

Успокоенный такимъ-образомъ на счетъ удовлетворенія непосредственныхъ нуждъ своихъ спутниковъ, Коломбъ не могъ, однакожъ оставаться равнодушнымъ въ столь затруднительномъ положеніи и безпрестанно размышлялъ о средствахъ къ отплытію отъ острова. Корабли его находились въ столь плохомъ состояніи, что не могли уже быть исправлены; а помощи на берегу этого дикаго острова, среди неизвѣстнаго моря, ожидать было не откуда. Оставалось одно средство — увѣдомить о своемъ положеніи Овандо и просить его прислать за экипажами корабль изъ Санъ-Доминго. Но какъ это сдѣлать? Ямайка отдѣлена проливомъ отъ Испаніолы въ сорокъ миль шириною, весьма опаснымъ для переѣзда, потому-что онъ перерѣзывается противными теченіями,—между-тѣмъ какъ у нихъ, кромѣ легкихъ туземныхъ лодокъ, не было другихъ судовъ. Кто-же осмѣлится предпринять столь гибельное путешествіе на ничтожномъ, бренномъ челнѣ? думалъ Коломбъ. Вдругъ, среди этихъ печальныхъ размышленій, воображенію его представился Діэго-Мендесъ съ своимъ челномъ. Онъ зналъ хорошо пламенный характеръ Мендеса, его неустрашимость и желаніе прославиться — даже на счетъ своей жизни. Онъ объяснилъ ему на-единѣ свою мысль въ такихъ выраженіяхъ, которыя наиболѣе способны были возбудить рвеніе благороднаго Испанца и вмѣстѣ съ тѣмъ польз-

стить его самолюбію. Самъ Мендесъ сообщаетъ намъ точное описаніе этого занимательнаго, истинно характеристическаго, разговора.

«Сынъ мой, Діэго-Мендесъ!» сказалъ почтенный адмиралъ. «Изъ всѣхъ насъ, ты да я «только понимаемъ опасность настоящаго на«шего положенія во всемъ ея пространствѣ. «Насъ здѣсь — горсть, а этихъ дикарей не«смѣтное множество; они непостоянны по «природѣ и раздражительны. При малѣй«шемъ поводѣ къ непріязненности, они мо«гутъ забросать насъ головнями и сжечь «въ нашихъ соломенныхъ каютахъ. Кромѣ «того, до-сихъ-поръ они исполняютъ въ точ«ности условія, которыя ты заключилъ съ «ними на счетъ поставки намъ припасовъ; «но кто знаетъ, долго ли это будетъ? . . . »Можетъ быть, завтра же, по какому-нибудь »капризу, они нарушатъ договоръ и оста»вятъ насъ совершенно безъ всякихъ спосо«бовъ къ пропитанію. Не имѣя никакихъ «средствъ принудить ихъ силою продавать «намъ припасы, мы въ совершенной зависи«мости отъ нихъ. Я думалъ объ одномъ сред«ствѣ, но прежде желалъ узнать твое мнѣніе. «Вотъ въ чемъ дѣло: что еслибъ кто нибудь «взялся съѣздить въ Испаніолу на твоемъ чел«нѣ и привесть намъ оттуда корабль? . . . «Въ такомъ случаѣ мы были-бы спасены. «Скажи, что ты объ этомъ думаешь?»

—«Я очень хорошо понимаю всю опас«ность нашего положенія, синьйоръ,» отвѣчалъ Мендесъ, «и знаю, что она гораздо бо«лѣе, чѣмъ, быть-можетъ, воображаютъ дру«гіе. Совсѣмъ тѣмъ не думаю, чтобы кто ни«будь отважился принять на себя столь ги«бельную экспедицію, на такомъ ничтож«номъ суднѣ, какъ моя лодка. Мнѣ кажется, «что это дѣло не только трудное, но даже «вовсе невозможное: чтобъ достигнуть Испа«ніолы, нужно переѣхать рукавъ въ сорокъ «миль шириною и пройти между островами, «гдѣ волненіе моря чрезвычайно сильно. Не «знаю, кто рѣшится добровольно подвергнуть «себя столь очевидной опасности.»

Коломбъ не отвѣчалъ, — но его взоръ, его молчаніе, ясно показывали Мендесу, что онъ надѣялся въ этомъ случаѣ на него. — «Синь«йоръ! вскричалъ Мендесъ. Я не одинъ разъ «уже подвергался смерти, для спасенія васъ «и всѣхъ, которые здѣсь находятся, и до«сихъ-поръ Богъ чудесно хранилъ меня Я «готовъ жертвовать собой и теперь. Но есть «недовольные, которые ропщутъ на то, буд«то-бы ваше превосходительство всегда пору«чаете мнѣ одному такія дѣла, которыя пред«ставляютъ вѣрные случаи пріобрѣсть славу, «между-тѣмъ, какъ многіе другіе исполни«ли-бъ ихъ точно также какъ и я. Поэтому «прошу васъ, синьйоръ, прежде собрать всѣ «экипажи и вызвать охотника на это пред«

«пріятіе: можетъ-быть и найдется кто-ни«будь, — хоть я сильно сомнѣваюсь въ этомъ. «Если всѣ откажутся, тогда я выду впередъ «и сослужу вамъ эту службу, съ опасностью «моей жизни, какъ не разъ уже дѣлывалъ (1).»

Коломбъ съ радостью согласился на предложеніе достойнаго Мендеса, котораго самоотверженіе такъ близко подходитъ къ героизму. На другой-же день, поутру, онъ велѣлъ собрать экипажи и сдѣлать имъ публичное предложеніе, не пожелаетъ-ли кто принять на себя исполненія предположенной экспедиціи? Всѣ отступили при одной мысли о столь гибельномъ предпріятіи и объявили его — верхомъ безразсудной дерзости. Послѣ этого вышелъ Діэго Мендесъ и сказалъ: «Синь«йоръ! у меня не двѣ жизни, но я готовъ «жертвовать собой для васъ и для блага мо«ихъ соотечественниковъ, и надѣюсь, что «Богъ не оставитъ меня въ этомъ случаѣ, какъ «Онъ не оставлялъ меня во многихъ другихъ.»

Коломбъ обнялъ великодушнаго и ревностнаго Испанца, который тотчасъ-же началъ приготовляться къ отъѣзду. Вытащивъ свой челнъ на берегъ, онъ придѣлалъ къ нему киль; покрылъ досками носъ и корму, чтобъ волны не могли залить его; обмазалъ снаружи смолой, поставилъ мачту съ парусомъ и уложилъ запасъ провизіи для себя, одного своего товарища, Испанца, и шести туземцевъ.

(1) *Завѣщаніе Діэго-Мендеса,* Navarrete, tom. I.

Между-тѣмъ какъ Мендесъ снаряжался, Коломбъ написалъ письма, — одно къ Овандо, въ которомъ, просилъ его немедленно выслать къ Ямайкѣ корабль, для перевоза его и экипажей въ Испаніолу; другое къ королю и королевѣ, потому-что Діэго Мендесъ, исполнивъ свое дѣло въ Санъ-Домингѣ, долженъ былъ отправиться оттуда въ Испанію съ адмиральскими депешами. Въ послѣднемъ письмѣ Коломбъ, описавъ свое бѣдственное положеніе, просилъ государей прислать за нимъ и его людьми въ Испаніолу корабль, для переѣзда въ Испанію, — сообщалъ имъ подробное повѣствованіе о своемъ путешествіи, изъ котораго разныя обстоятельства мы ввели уже въ соотвѣтственныя мѣста этой Исторіи, но болѣе всего расиространялся о важности открытія провинціи Верагуи, въ которой, по его мнѣнію, заключались рудники Золотаго-Херсонеса, откуда царь Соломонъ извлекъ столько сокровищъ на построеніе Іерусалимскаго Храма. Онъ убѣждалъ ихъ-величества — не предавать этого богатаго берега, подобно другимъ землямъ, которыя онъ открылъ, на произволъ авантуристамъ и не назначать туда правителями людей, не принимающихъ никакого участія въ этомъ благородномъ дѣлѣ.

« Не должно, — прибавляетъ онъ, — без-« защитное дитя предавать во власть мачи-« хи. Я не могу вспомнить безъ слезъ объ

« Испаніолѣ и Паріѣ, этихъ злополучныхъ « странахъ, которыя доведены до столь от« чаяннаго и, къ сожалѣнію, неисправимаго « состоянія. Надѣюсь, что ихъ примѣръ по« служитъ въ пользу этого прекраснаго края, и « что для благоденствія его будутъ приняты « иныя мѣры.» Тутъ его воображеніе постепенно воспламеняется: онъ описываетъ Верагую, какъ страну, далеко превосходящую всѣ другія, дотолѣ имъ открытыя, и наконецъ намекаетъ на любимый свой планъ объ освобожденіи Гроба-Господня. «Писано, говоритъ онъ, « что Іерусалимъ и Сіонъ будутъ « возстановлены рукою христіанина. Кто-же « этотъ христіанинъ? Богъ изъясняетъ это « устами пророка въ четырнадцатомъ псал« мѣ. Аббатъ Іоакимъ (1) говоритъ, что « возстановитель долженъ придти изъ Испа« ніи.» Потомъ онъ обращается къ прежней исторіи о великомъ-ханѣ, который будто-бы

(1) Іоакимъ, уроженецъ мѣстечка Челико, близь Козенца, путешествовалъ къ Святымъ-Мѣстамъ, и по возвращеніи въ Калабрію, вступилъ въ Чистерціанское братство, въ монастырь Корраца, гдѣ достигъ степени пріора и аббата; а впослѣдствіи и самъ основалъ монастырь. Онъ умеръ въ 1202-мъ году, семидесяти-двухъ лѣтъ отроду, оставивъ послѣ себя множество сочиненій. Извѣстнѣйшія изъ нихъ: *Комментаріи на Исаію, Іеремію и Апокалипсисъ*. Есть также и собственныя его пророчества. (См. о немъ *Dictionnaire historique*, tom V, Caen, 1785).

просилъ прислать къ нему мудрецовъ, для наставленія его въ догматахъ христіанской вѣры, и воображая, что онъ находился тогда невдалекѣ отъ Кафая, восклицаетъ въ пламенномъ порывѣ священной ревности: «Кто хо- «четъ предпринять этотъ благородный под- «вигъ? . . . Берусь, если Господь позво- «литъ мнѣ возвратиться въ Испанію, доста- «вить всѣхъ, желающихъ принять на себя «это святое дѣло, во владѣнія хана, съ по- «мощію Божіей, здравыхъ и невредимыхъ.»

Ничто такъ хорошо не характеризуетъ Колумба, какъ его письма, безъискуственныя, простодушныя, иногда весьма краснорѣчивыя, мѣстами довольно неясныя и почти непонятныя. Въ приведенномъ нами мѣстѣ, на-примѣръ, съ какою силою проявляется его пламенный энтузіазмъ! Въ то время, когда онъ предавался этимъ мечтамъ и замышлялъ новыя предпріятія, онъ былъ почти разрушенъ лѣтами, пожираемъ терзающими страданіями, прикованъ къ одру болѣзни въ хижинѣ, кое-какъ собранной изъ обломковъ кораблей, на берегу отдаленнаго и дикаго острова! Невозможно вѣрнѣе изобразить ужаснѣйшей картины бѣдственнаго положенія, въ которомъ онъ тогда находился, какъ приведя собственныя его слова, изъ того-же письма, гдѣ онъ, послѣ мимолетнаго порыва энтузіазма, вдругъ обращается къ настоящему своему положенію, однимъ изъ тѣхъ крутыхъ переходовъ

мысли, которые такъ свойственны ему, и говоритъ: «По-сю-пору я плакалъ о другихъ, «а теперь . . . . о, пусть сжалится надо «мною небо, пусть плачетъ обо мнѣ зем-«ля! . . . . . Житейскія дѣла мои таковы, «что не имѣю у себя ниодного мараведа, «заброшенъ здѣсь — въ этой Индіи — оди-«нокой, больной, измученный заботами, окру-«женный свирѣпыми дикарями и каждый день «при смерти!... А духовныя мои дѣла — еще «хуже! Разлученный съ таинствами нашей «святой матери Церкви, я долженъ погубить «душу, если она оставитъ мое тѣло здѣсь, «на этомъ пустынномъ берегу! . . . Плачь-«те-жъ обо мнѣ всѣ, въ комъ есть христіан-«ская любовь къ ближнему, кто любитъ исти-«ну и справедливость! Я предпринялъ это «путешествіе не для стяжанія почестей или «богатства: всѣ надежды мои въ этомъ родѣ уже «умерли во мнѣ. Я имѣлъ въ виду — един-«ственно пользу вашихъ величествъ, и ста-«рался доставить вамъ ее съ чистыми намѣ-«реніями и величайшимъ усердіемъ, и это «сущая истина! Если угодно будетъ Богу «освободить меня отсюда, умоляю ваши «величества дозволить мнѣ сходить на «поклоненіе въ Римъ и выполнить другіе «мои обѣты.»

Когда депеши были приготовлены и лодка снаряжена, Діэго Мендесъ съ однимъ товарищемъ, Испанцемъ, и шестью туземцами,

отплылъ въ путь вдоль берега, въ восточномъ направленіи. Быстрыя противныя теченія, съ которыми должны были бороться путники, сдѣлали этотъ переѣздъ весьма труднымъ и опаснымъ. Въ одномъ мѣстѣ на нихъ напали дикари въ чёлнахъ и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ; однакожъ имъ удалось уйти, и безъ дальнѣйшихъ приключеній достигнуть восточной оконечности острова, лежащей въ тридцати-четырехъ миляхъ отъ порта. Тамъ они остановились, въ намѣреніи дождаться тихой погоды, которая-бы позволила имъ пуститься въ открытое море, — какъ вдругъ на нихъ напала многочисленная толпа дикихъ, забрала ихъ въ плѣнъ и увела во внутренность острова, на три мили разстоянія отъ берега. Дикари вознамѣрились умертвить ихъ; но при раздѣлѣ имущества Испанцевъ, между ними возникъ споръ, который они согласились рѣшить какою-то азартною игрой. Улучивъ минуту, когда все вниманіе дикарей было устремлено на игру, Діэго-Мендесъ ускользнулъ отъ нихъ, отыскалъ свой чёлнъ и возвратился въ портъ одинъ, черезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда изъ него. Онъ не говоритъ, что сталось съ его спутниками, потому что вообще рѣдко упоминаетъ о комъ нибудь другомъ, кромѣ себя. Эти подробности извлечены изъ его «Духовнаго Завѣщанія.»

Безуспѣшность этой экспедиціи, хотя и

огорчила Коломба, однакожъ онъ весьма радовался, что покрайней мѣрѣ его вѣрный Мендесъ избѣжалъ смерти. Что касается до самого Мендеса, то, не обращая ни малѣйшаго вниманія на перенесенные имъ труды, ни на опасность, отъ которой только-что избавился, онъ вызвался тотчасъ-же отправиться снова въ предположенную экспедицію, и только просилъ адмирала о томъ, чтобъ онъ далъ ему достаточный конвой, который-бы охранялъ его отъ нападеній туземцевъ дотѣхъ-поръ, пока онъ достигнетъ оконечности острова. Адлантадо вызвался сопровождать его съ сильнымъ и хорошо вооруженнымъ отрядомъ. Въ эту вторую экспедицію въ спутники къ Мендесу вызвался нѣкто Варфоломей Фіеско, Генуэзецъ, капитанъ одной изъ карабеллъ бывшей Коломбовой эскадры, — человѣкъ съ большими достоинствами и совершенно преданный адмиралу, который съ своей стороны весьма уважалъ его. Экспедицію снарядили изъ двухъ большихъ туземныхъ лодокъ, изъ которыхъ одна поступила подъ начальство Мендеса, другая — Фіеско. Экипажъ каждой лодки состоялъ изъ шести Испанцевъ и десяти туземныхъ гребцовъ. Обѣ лодки должны были плыть, не теряя другъ-друга изъ виду, до самой Испаніолы, откуда Фіеско долженъ былъ немедленно возвратиться въ Ямайку и вывесть изъ безпокойства адмирала и экипажи, извѣстіемъ о

благополучномъ окончаніи путешествія, а Мендесъ — отправиться въ Санъ-Доминго, вручить губернатору письмо адмирала, выпроводить въ Ямайку судно, которое тотъ назначитъ, и потомъ ѣхать въ Испанію съ депешами адмирала къ ихъ величествамъ.

По окончаніи всѣхъ распоряженій, туземцы перенесли въ лодки свой скудный путевой запасъ, состоявшій изъ кассавнаго хлѣба и калебаса воды на каждаго. Испанцы, кромѣ хлѣба, взяли съ собой утіевъ, и каждый вооружился шпагой и щитомъ. Такимъ-образомъ они отплыли въ это продолжительное и опасное путешествіе, сопровождаемые усердными молитвами своихъ товарищей.

Аделантадо, съ вооруженнымъ отрядомъ, послѣдовалъ за ними вдоль берега. Дикіе во весь путь не дѣлали ни малѣйшихъ непріязненныхъ покушеній, и путешественники вскорѣ благополучно достигли оконечности острова. Тамъ они простояли три дня, выжидая пока море успокоится и представитъ имъ возможность устремиться въ него на своихъ слабыхъ челнахъ. Наконецъ погода совершенно стихла; они простились съ товарищами и пустились въ обширный океанъ. Аделантадо слѣдовалъ за ними взоромъ до-тѣхъ-поръ, пока лодки представляли уже едва замѣтныя точки и ночь совершенно ихъ скрыла отъ его глазъ. На другой день онъ выступилъ обратно къ порту, останавливаясь

на пути въ разныхъ селеніяхъ и стараясь утвердить туземцевъ въ ихъ добромъ расположеніи къ Испанцамъ (1).

(1) *Hist. del Almirante,* cap. 101.

ГЛАВА II.

Возмущение Порраса.

Въ крайнихъ бѣдствіяхъ остается то утѣшеніе, что дѣла уже не могутъ принять худшаго положенія, и потому естественно должны улучшится. Казалось-бы, что судьба, такъ долго и упорно преслѣдовавшая Коломба, истощила наконецъ надъ нимъ всѣ удары, — потому-что ужаснѣе того положенія, въ которомъ онъ находился въ описываемую нами эпоху, не могла бы придумать для него и и самая зависть, съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдовавшая его въ дни славы и благоденствія. Заточенный, среди открытаго имъ Свѣта, между обломками своихъ судовъ, на дикомъ берегу пустыннаго моря; окруженный варварскими племенами, которыя изъ ненадежныхъ друзей съ каждымъ мгновеніемъ могли превратитьтя въ свирѣпыхъ враговъ: онъ въ то-же время терзался жесточайшими страданіями, которыя приковывали

его къ постели, и его ослабленная голова изнемогала подъ бременемъ бѣдствій и немощей, тяготѣвшихъ надъ нею. Но онъ еще не выпилъ всей чаши до дна. Ему оставалось испытать еще одно бѣдствіе, болѣе ужасное, чѣмъ бури и кораблекрушенія, чѣмъ тѣлесныя страданія и ярость дикихъ ордъ — вѣроломство людей, на которыхъ онъ полагалъ свои надежды, которыхъ онъ почтилъ своею довѣренностью.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Мендеса и Фіеско, между Испанцами открылись разныя болѣзни, — слѣдствія непомѣрныхъ трудовъ, перенесенныхъ ими въ послѣднемъ путешествіи, тѣсноты помѣщенія, въ которомъ они были заключены, подъ вліяніемъ знойнаго и вмѣстѣ влажнаго климата, и недостатка свойственной имъ, питательной пищи, потому что они не могли привыкнуть къ жизни туземцевъ, которые довольствовались почти одними растеніями. Ихъ физическія страданія еще усиливало и дѣлало жгучей пожирающее безпокойство, которое содержитъ умъ въ столь опасномъ раздраженіи, и то продолжительное и безпрестанно обманываемое ожиданіе, которое медленно грызетъ сердце. Привыкши къ жизни дѣятельной и разнообразной, они теперь томились въ унылом̆ъ бездѣйствіи, бродили среди печальныхъ развалинъ, служившихъ имъ жилищемъ, устремляя жадный взоръ въ горизонтъ, въ надеждѣ усмотрѣть

члинъ Фіески, — удивлялись его продолжительному отсутствію и отчаявались дождаться его возвращенія. Дни проходили за днями; по расчету времени, онъ давно уже долженъ былъ возвратиться, — а онъ все не показывался; объ немъ не было ни слуху, ни вѣсти. Наконецъ они почти убѣдились, что ихъ посланные погибли, и одни впали въ глубокое уныніе, другіе предались порывамъ нетерпѣнія и гнѣва. Между экипажами разлился ропотъ, и какъ обыкновенно случается въ подобныхъ обстоятельствахъ, ропотъ самый несправедливый и безразсудный. Вмѣсто того, чтобъ утѣшить своего стараго и больнаго начальника, который, раздѣляя общее несчастіе, страдалъ болѣе чѣмъ всякой изъ нихъ, и при всемъ томъ не переставалъ заботиться о средствахъ къ улучшенію ихъ участи, они принялись осыпать его ругательствами, какъ виновника всѣхъ своихъ бѣдствій.

Озлобленіе безсмысленной толпы, которая сама не знаетъ, чего хочетъ, не заслуживаетъ вниманія, если только эта толпа предоставлена на произволъ самой себѣ: ее безумная ярость обыкновенно разрѣшается въ пустыхъ воплахъ. Но если ея негодованію даютъ направленіе одинъ или нѣсколько злонамѣренныхъ умовъ, она принимаетъ грозный видъ и становится опасною для общественнаго спокойствія. Въ числѣ офицеровъ Ко-

ломба находились два брата, Франсиско и Діэго Поррасъ. Они были родственники королевскаго казначея, Моралеса, который былъ женатъ на ихъ сестрѣ, и онъ-то просилъ адмирала дать имъ какія нибудь мѣста на своихъ судахъ (1).

Желая сдѣлать Моралесу пріятное, Коломбъ назначилъ Франсиска Порраса капитаномъ одной изъ своихъ карабеллъ, а для Діэго исходатайствовалъ должность главнаго нотаріуса эскадры. Адмиралъ говоритъ, что онъ обходился съ братьями Поррасъ, какъ съ родными, хотя ни тотъ, ни другой не имѣли тѣхъ качествъ, которыхъ требовали занимаемыя ими мѣста. Они были тщеславны, наглы и, подобно многимъ, облагодѣтельствованнымъ Коломбомъ, заплатили ему самою черною неблагодарностью (2).

Замѣтивъ броженіе умовъ и состояніе раздражительности матросовъ, Поррасы пристали къ нимъ и начали возбуждать ихъ къ мятежу, самыми возмутительными внушеніями. Они увѣряли этихъ бѣдняковъ, что если они основываютъ свои надежды на возвращеніи Мендеса, въ такомъ случаѣ они слишкомъ просты, потому-что экспедиція Мендеса — не что иное, какъ хитрость, придуманная адмираломъ единственно.

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 102.

(2) Письмо Коломба къ сыну своему, Діэго, Navarette, *Collet*.

для того, чтобъ успокоить ихъ на время и удержать при себѣ, пока они ему нужны; что онъ не имѣетъ ни намѣренія, ни желанія возвратиться въ Испанію, изъ которой онъ изгнанъ, также какъ и изъ Испаніолы, куда не допустили его даже укрыться отъ бури, какъ сами они это видѣли; что ему теперь все равно, гдѣ ни жить—въ Ямайкѣ или въ другомъ мѣстѣ, до тѣхъ поръ, пока его друзья устроятъ дѣла его при дворѣ, и исходатайствуютъ ему позволеніе и Кіэски, возвратиться. Чтожъ касается до Мендеса и Фіэско говорили они, то, очевидно, что они посланы не въ Испаніолу за кораблемъ, а въ Испанію по личнымъ надобностямъ Коломба: иначе, почему-бы этому кораблю, еслибъ онъ дѣйствительно былъ назначенъ для ихъ освобожденія, не придти по-сю-пору, или наконецъ, почему-бы самому Фіеско не возвратиться? Но если и допустить, что они дѣйствительно посланы за помощью, то со времени ихъ отъѣзда прошло уже столько времени, безъ всякаго слуху и вѣсти объ нихъ, что нельзя и сомнѣваться въ ихъ погибели: а въ такомъ случаѣ остается одно средство — взять туземныя лодки и пуститься на удачу самимъ къ Испаніолѣ. Но дѣло въ томъ, что адмиралъ никакъ не согласится на это предпріятіе; онъ слишкомъ старъ и слабъ для подобнаго путешествія, и кромѣ того, измученъ подагрой. Что-жъ остается дѣлать? . . . Неужели мы

всегда должны пренебрегать собой для его выгодъ или быть жертвами его дряхлости? неужели мы должны отказаться отъ единственнаго средства къ спасенію, и оставаясь при немъ, осудить себя на добровольную гибель на развалинахъ его кораблей? . . . И чего намъ бояться? Если только намъ удастся переѣхать благополучно проливъ, въ Испаніи насъ примутъ какъ нельзя лучше — именно оттого, что мы бросимъ здѣсь адмирала: Овандо его тайный врагъ; онъ не можетъ желать ему добра, потому-что видитъ въ немъ соперника, жаждущаго лишить его губернаторскаго мѣста. А по прибытіи въ Испанію, мы смѣло можемъ положиться на покровительство епископа Фонсеки, котораго непріязненность къ Коломбу слишкомъ извѣстна; впрочемъ, и кромѣ его, мы сами имѣемъ при дворѣ могущественныхъ родственниковъ и друзей, которые всегда готовы отвергнуть всякой доносъ адмирала. И въ доказательство, что общественное мнѣніе и предубѣжденіе знатныхъ всегда и постоянно было противъ Коломба, они приводили въ примѣръ возмущеніе Рольдана и выводили изъ него, что ихъ величества, лишивъ его по этому случаю нѣкоторыхъ достоинствъ и привилегій, будутъ весьма довольны новому поводу лишить его и остальныхъ (1).

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 102.

Коломбъ зналъ, что матросы озлоблены противъ него и обвиняютъ во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ: они уже не одинъ разъ обнаруживали это явно, имѣя дерзость оскорблять своего начальника грубымъ тономъ и знаками наглой непочтительности. Но, привыкнувъ къ несправедливости людей въ несчастіи, и наученный испытаніями цѣлой жизни — владѣть своими страстями, адмиралъ переносилъ съ терпѣніемъ ихъ буйный ропотъ, успокоивалъ ихъ раздраженіе и старался возбудить въ нихъ мужество надеждой на скорую помощь. Онъ надѣялся, что Фіеско скоро возвратится съ добрыми вѣстями, и что тогда достовѣрность о близкой помощи положитъ конецъ всѣмъ неудовольствіямъ. Но зло было гораздо важнѣй, чѣмъ онъ полагалъ: экипажи составили уже формальный заговоръ.

2-го января 1504 года, Коломбъ, въ жестокомъ припадкѣ подагры, почти лишенный употребленія всѣхъ членовъ, лежалъ въ своей каютѣ и печально размышлялъ о бѣдственномъ своемъ положеніи, какъ вдругъ вошелъ къ нему Франсиско Поррасъ. Его торопливая походка, отрывистые пріемы и необыкновенное волненіе ясно обнаруживали непріязненную цѣль его посѣщенія. На его лицѣ изображалось дерзкое безстыдство человѣка, рѣшившагося на открытое преступленіе. Подошедъ къ постели адмирала, онъ разлился въ горькихъ жалобахъ на бѣдственное

положеніе экипажей, на вѣрную гибель, которая ожидаетъ ихъ въ этомъ несчастномъ мѣстѣ, и обвинялъ его въ тайномъ замыслѣ — не возвращаться въ Испанію. Необыкновенная дерзость Порраса, заставила Колумба подозрѣвать его въ какомъ-нибудь преступномъ намѣреніи. Однакожъ, сохранивъ все свое хладнокровіе, онъ съ трудомъ приподнялся съ постели, въ надеждѣ успокоить его благоразумными представленіями. Онъ старался доказать ему всю невозможность отъѣзда изъ Ямайки прежде прибытія изъ Испаніолы корабля; говорилъ, что онъ имѣетъ гораздо болѣе причинъ, чѣмъ всѣ они, желать съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ — скорѣй оставить этотъ островъ, потому-что, кромѣ заботъ о личной своей безопасности, онъ еще обязанъ отвѣтствовать передъ Богомъ и государями за жизнь людей, ввѣренныхъ его попеченію; напомнилъ ему, что онъ не принималъ ни одной мѣры, которая касалась общественнаго благосостоянія, безъ предварительнаго и гласнаго совѣщанія со всѣми своими людьми, и безъ общаго ихъ одобренія, наконецъ сказалъ, что если экипажи думаютъ, что въ настоящихъ обстоятельствахъ можно предпринять что-либо для общей пользы, пусть они соберутся къ нему и представятъ каждый свое мнѣніе: и онъ вмѣстѣ съ ними-же обсудитъ дѣло и изберетъ благоразумнѣйшее.

Но между Поррасомъ и его сообщниками

дѣло было рѣшено заранѣе; а если нѣсколько негодяевъ приняли твердое намѣреніе возмутиться, въ такомъ случаѣ они уже становятся глухи ко всѣмъ убѣжденіямъ разсудка и справедливости. Поррасъ отвѣчалъ грубо, что теперь не время толковать, а надобно выбирать одно изъ двухъ—или сей часъ-же собираться въ путь, или оставаться здѣсь на волю Божію. «Что касается до меня,— прибавилъ онъ, оборотясь къ адмиралу спиной, и сильно возвысивъ голосъ, такъ что онъ раздался на всѣхъ корабляхъ, — то я отправляюсь въ Кастилію, и кто хочетъ, тотъ можетъ слѣдовать за мной.» Только-что онъ произнесъ эти слова, какъ вдругъ раздались со всѣхъ сторонъ шумные вопли:» Я ѣду съ вами! . . . И я! . . . И я! «И толпа матросовъ хлынула на палубу, потрясая оружіемъ и оглашая воздухъ возмутительными воплями и угрозами. Одни спрашивали Порраса, что̀ теперь надобно дѣлать? другіе кричали: «Кастилія! Кастилія!» И среди этой суматохи раздавались голоса нѣскольких негодяевъ, которые грозились убитьсь адмирала.

Услышавъ шумъ, Коломбъ черезъ силу всталъ съ постели, и несмотря на тѣлесное страданіе и чрезвычайную слабость, вышелъ колеблющимися шагами изъ каюты, въ надеждѣ укротить мятежниковъ своимъ присутствіемъ. Но нѣсколько вѣрныхъ ему Испанцевъ, страшась, чтобъ возмутители не

посягнули на его жизнь, при самомъ его появленіи бросились между нимъ и толпою, схватили его и принудили возвратиться въ каюту.

Аделантадо также выбѣжалъ изъ своей комнаты, но совершенно въ другомъ положеніи. При первой тревогѣ, онъ схватилъ копье, и ринулся на бунтующую толпу. Съ величайшимъ трудомъ могли удержать его нѣсколько Испанцевъ, оставшихся вѣрными своему долгу. Наконецъ имъ удалось укротить его ярость и уговорить, чтобъ онъ отдалъ имъ копье и удалился въ каюту къ своему брату. Послѣ этого, тѣ-же Испанцы обратились къ Поррасу и его сообщникамъ съ убѣдительнѣйшею просьбой—уѣхать, куда они хотятъ, только безъ шуму, потому что никто не думаетъ противиться ихъ намѣренію, и слѣдственно нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ насилію; что-жъ касается до адмирала, то, говорили они, виновные подвергнутъ себя жесточайшему наказанію отъ короля и королевы за малѣйшее покушеніе на его жизнь (1).

Эти благоразумныя представленія умѣрили буйность мятежниковъ, и они занялись приготовленіями къ отъѣзду. Захвативъ десять лодокъ, купленныхъ адмираломъ у туземцевъ,

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 32. — *Hist. del Almirante*, cap. 102.

они сѣли въ нихъ съ такою радостью, какъ будто были увѣрены, что тотчасъ-же пріѣдутъ на нихъ прямо въ Испанію. Нѣкоторые матросы, не принявшіе участія въ мятежѣ, видя, что большая часть ихъ товарищей уѣзжаетъ, устрашились своего одиночества, и собравъ на-скоро свои пожитки, также сѣли къ нимъ въ челны. Число Испанцевъ, покинувшихъ такимъ образомъ адмирала, простиралось до сорока-восьми человѣкъ. Многіе изъ оставшихся не приняли участія въ этомъ открытомъ побѣгѣ единственно по болѣзни; иначе большая часть изъ нихъ непремѣнно пристала-бы къ бунтовщикамъ (1). Когда лодки удалились, небольшое число людей, сохранившихъ вѣрность своему долгу, и больные, съ трудомъ выходившіе изъ своихъ каютъ, впали въ величайшее уныніе; они считали себя погибшими и наполняли воздухъ плачемъ и стенаніями. Коломбъ, несмотря на свои страданія, всталъ съ постели и пошелъ утѣшить этихъ добрыхъ и честныхъ людей; потомъ навѣстилъ всѣхъ больныхъ, и старался всѣми мѣрами пролить въ ихъ душу бодрость и надежду. Онъ умолялъ ихъ возложить упованіе на Бога, который не оставитъ ихъ; обѣщалъ, по пріѣздѣ въ Испанію, упасть къ ногамъ королевы, представить ей объ ихъ вѣрности и постоянствѣ и исхода-

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 102.

тайствовать имъ такія милости, которыя сдишкомъ вознаградятъ ихъ за всѣ претерпѣнныя ими бѣдствія (1).

Между-тѣмъ, Франсиско Поррасъ и его сообщники плыли съ своей эскадрой чёлновъ вдоль берега, въ восточномъ направленіи, тѣмъ-же путемъ, которымъ прошли Мендесъ и Фіэско. Они приставали къ берегу въ разныхъ мѣстахъ и вездѣ производили ужаснѣйшіе безпорядки; отнимали у туземцевъ не только съѣстные припасы, но все, что возбуждало ихъ жадность, и всѣ свои неистовства, всю гнусность своего поведенія, обращали на Коломба, увѣряя жителей, что онъ долженъ заплатить за все, что они забираютъ у нихъ,—и даже простерли свою низость до того, что научали дикарей убить адмирала, если онъ не удовлетворитъ ихъ требованій; всюду изображали его непримиримымъ врагомъ туземцевъ, доказавшимъ уже свое тиранство во время управленія многими островами, гдѣ онъ всюду распространялъ нищету и смерть между жителями, и теперь прибылъ въ Ямайку съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ подвергнуть и ея обитателей тѣмъ-же ужасамъ и бѣдствіямъ.

Достигнувъ восточной оконечности остро-

(1) Las Casas, lib. II, cap. 32.

ва, они остановились, чтобъ дождаться благополучной погоды для переѣзда черезъ рукавъ, и такъ-какъ сами они не умѣли искусно управлять туземными челнами, то пригласили для этого нѣсколько дикихъ. Когда море совершенно успокоилось, мятежники пустились въ путь; но едва отплыли отъ берега мили на четыре, какъ поднялся противный вѣтеръ и началось волненіе, которое принудило ихъ поспѣшно обратиться назадъ. Обратное плаваніе ихъ было сопряжено съ величайшею опасностью. Туземныя лодки весьма легко опрокидывались, потому-что не имѣли достаточной тяжести и дѣлались почти съ круглыми килями: при малѣйшемъ волненіи, онѣ требовали совершеннаго равновѣсія, чтобъ удерживаться на водѣ; а теперь, въ добавокъ ко всѣмъ этимъ неудобствамъ, онѣ были еще слишкомъ тяжело нагружены, и когда море сдѣлалось довольно бурно, начали сильно черпать воду. Испанцы, въ испугѣ, начали бросать въ море всѣ тяжести, безъ которыхъ могли обойтись, оставивъ при себѣ только оружіе и часть съѣстныхъ припасовъ. Но ураганъ усилился и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась опасность. Тогда они велѣли туземнымъ гребцамъ спрыгнуть въ море, удержавъ при себѣ только необходимое число ихъ для управленія челнами. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ повиновались безпрекословно; другихъ, которые коле-

бались, они безжалостно принудили исполнить ихъ волю, оружіемъ. Хотя дикіе превосходно плавали, но до берега было такъ далеко, что они, не предвидя возможности достигнуть его вплавь, старались держаться ближе къ челнамъ, и отъ времени до времени опирались на нихъ, чтобъ перевесть дыханіе; но такъ-какъ это нарушало равновѣсіе и увеличивало опасность, то Испанцы начали рубить ихъ по рукамъ, и они снова погружались въ волны подъ ударами шпагъ. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ испустили духъ отъ ранъ; другіе, обезсилѣвъ отъ продолжительной борьбы съ волнами, утонули: такимъ образомъ погибло ихъ восемнадцать человѣкъ и спаслись только тѣ, которые были удержаны для управленія челнами (1).

Достигнувъ земли, Испанцы долго не могли согласиться между собой, что имъ предпринять. Одни совѣтовали воспользоваться попутнымъ вѣтромъ, дувшимъ прямо по направленію къ Кубѣ, и немедленно отплыть къ этому острову, откуда, какъ они полагали, уже легко будетъ переѣхать къ оконечности Испаніолы; другіе утверждали, что гораздо

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 102. — Las Casas, lib. II, cap. 32.

благоразумнѣй возвратиться въ портъ, въ которомъ они оставили адмирала, и тамъ — или примириться съ нимъ или овладѣть оставшимися у него припасами и оружіемъ, въ которыхъ они имѣли нужду, побросавъ почти все, что у нихъ было, въ море, во время опасности. Иные наконецъ требовали, чтобъ сдѣлать новую попытку пробраться къ Испаніолѣ, какъ скоро успокоится море.

Послѣднее мнѣніе одержало верхъ надъ прочими, и мятежники, въ ожиданіи благопріятной погоды, расположились въ одномъ туземномъ селеніи, близъ восточной оконечности острова. Они прожили тамъ цѣлый мѣсяцъ на счетъ туземцевъ, съ которыми обходились самымъ деспотическимъ и своенравнымъ образомъ. Наконецъ погода утихла; они сдѣлали другую попытку переплыть проливъ; но противный вѣтеръ поднялся снова, и они опять принуждены были искать спасенія у береговъ Ямайки. Потерявъ терпѣніе и отчаясь успѣть въ своемъ предпріятіи, они бросили чёлны и отправились сухимъ путемъ въ западную часть острова, ознаменовывая путь свой самымъ буйнымъ своеволіемъ — переходя изъ селенія въ селеніе, подобно шайкѣ разбойниковъ живущей безъ правилъ и законовъ, захватывая съ собой все, что попадалось подъ руки, добывая припасы для своего пропитанія добровольно или насильственно, смотря по пріему, какой имъ дѣлали туземцы:

ты присмотромъ за больными и охраненіемъ развалинъ, которые служили имъ убѣжищемъ; туземцы уже мало доставляли припасовъ; для отысканія ихъ въ большемъ количествѣ въ окрестностяхъ прибрежья, некого было отрядить; только изрѣдка удавалось Испанцамъ пріобретать ихъ въ довольно значительномъ количествѣ, посредствомъ мѣны на оставшіяся у нихъ Европейскія издѣлія, — и этимъ они были обязаны единственно соблюденію строжайшей честности со стороны адмирала въ сдѣлкахъ съ туземцами и самому ласковому обращенію съ ними. Со всѣмъ тѣмъ, забывая собственныя страданія, Коломбъ думалъ только о средствахъ облегчить положеніе здоровыхъ и возстановить силы больныхъ товарищей своего бѣдствія. Лучшіе и питательнѣйшіе припасы онъ велѣлъ раздавать больнымъ и приказалъ раздѣлить между ними всѣ неповредившіеся сухари. Въ то-же время, зная какъ сильно дѣйствуетъ на здоровье воображеніе, онъ всѣми мѣрами старался оживить духъ и надежды тѣхъ, которые впадали въ уныніе. Скрывая пожирающую тоску и заботы, онъ всегда являлся своимъ людямъ съ покойнымъ, даже веселымъ лицемъ; каждаго встрѣчалъ ласковымъ словомъ и утѣшалъ надеждой на близкую помощь. Этою неусыпною, отеческою заботливостью онъ успѣлъ, наконецъ, возстановить мужество и здоровье своихъ спутниковъ и

привелъ ихъ состояніе содѣйствовать общественному благосостоянію. Благоразумная дисциплина, приводимая въ исполненіе съ кротостью, которая однакожъ не доходила до послабленія, содержала всюду спокойствіе и порядокъ. Однимъ словомъ, благодаря неимовѣрнымъ усиліямъ и душевный твердости адмирала, дѣла приняли такой счастливый оборотъ, что наконецъ и сами люди его почувствовали всѣ выгоды спасительной дисциплины и поняли всю необходимость лишеній, которымъ подвергалъ ихъ предусмотрительный начальникъ, и которыя обратились, какъ и всегда, въ ихъ-же пользу.

Но только-что Коломбъ успѣлъ отвратить внутреннія бѣдствія отъ своего маленькаго, полуморскаго поселенія, — которое было такъ близко къ погибели, — какъ другое, гораздо опаснѣйшее зло, начало угрожать ему извнѣ. Туземцы, отъ природы лѣнивые и непредусмотрительные, не имѣли обыкновенія дѣлать для себя никакихъ запасовъ и ограничивали весь свой трудъ—единственно снисканіемъ необходимаго для удовлетворенія своихъ настоящихъ нуждъ, не заботясь о будущемъ. Истощивъ, что имѣли, они нашли весьма тягостнымъ снабжать каждый день припасами столько голодныхъ людей. Издѣлія Европейскихъ фабрикъ, которыя сначала они цѣнили такъ высоко, теряли свое достоинство по мѣрѣ того, какъ становились обыкновеннѣй

между ними. И самая важность особы адмирала значительно уменьшилась въ ихъ глазахъ съ того времени, какъ большая часть экипажей удалилась отъ него открытымъ образомъ. Наконецъ коварныя внушенія мятежниковъ довершили упадокъ Коломба въ мнѣніи дикарей, и поселили ненависть и вражду къ нему во многихъ кацикахъ, доставлявшихъ ему съѣстные припасы.

Продовольствіе становилось со дня на день затруднительнѣй. Условія, заключенныя Діэго Мендесомъ о каждодневной поставкѣ туземцами извѣстнаго количества провизіи, выполнялись слабо. Наконецъ дикіе совсѣмъ перестали носить припасы къ порту и часто отказывали въ нихъ Испанцамъ даже тогда, если тѣ сами приходили за ними. Люди Коломба принуждены были обходить окрестности, для снисканія себѣ скудной пищи. Но и эти поиски съ каждымъ днемъ становились затруднительнѣй, и вскорѣ къ прежнимъ причинамъ унынія и отчаянія, присоединился еще страхъ — умереть съ голоду.

Адмиралъ слышалъ, какъ товарищи его бѣдствія сообщали другъ-другу свои печальныя предчувствія, видѣлъ угрожающія имъ несчастія — и не находилъ средства отвратить ихъ. Прибѣгнуть къ силѣ — было весьма опасно, и самый успѣхъ представлялъ только временное улучшеніе дѣлъ. Кромѣ того, рѣшившись на эту мѣру, нужно было-бы

выслать въ экспедицію всѣхъ безъ изъятія людей, которые могли владѣть оружіемъ: а въ такомъ случаѣ, самъ онъ и всѣ больные остались-бы на обломкахъ своихъ кораблей, безъ всякой защиты отъ мщенія туземцевъ.

Голодъ увеличивался съ каждымъ днемъ. Дикари, видя нужду бѣлыхъ, и перенявъ отъ нихъ искуство барышничать, пользовались крайностью ихъ положенія, запрашивали за свои припасы вдесятеро болѣе противъ прежняго и всегда приносили ихъ въ самомъ маломъ количествѣ, чтобъ сильнѣй раздражить желаніе голодныхъ Испанцевъ пріобресть ихъ. Наконецъ и эти скудныя пособія прекратились совершенно. Положеніе Испанцевъ было ужасно. Замѣтно было, что клеветы Порраса и его шайки возбудили негодованіе туземцевъ противъ адмирала и что дикари скрывали отъ его людей припасы, въ надеждѣ — или уморить его вмѣстѣ съ приверженцами, голодомъ, или принудить удалиться отъ острова.

Въ этой крайности, вдругъ одна счастливая мысль представилась воображенію Коломба. Онъ зналъ, что черезъ три дня, около полуночи, будетъ полное затмѣніе луны, и рѣшился воспользоваться своими астрономическими свѣдѣніями. Призвавъ къ себѣ Испаніольскаго переводчика, онъ велѣлъ ему немедленно отправиться къ главнѣйшимъ касикамъ и пригласить ихъ на корабли, для

важнаго совѣщанія, назначивъ для этого день, который долженъ былъ предшествовать затмѣнію. Кацики явились въ опредѣленное время. Коломбъ собралъ ихъ вокругъ себя, и велѣлъ переводчику объявить имъ, что «онъ и его люди чтятъ Божество, обитающее на небѣ; что это Божество благопріятствуетъ тѣмъ, кто дѣлаетъ добро, и «наказываетъ нарушителей его законовъ и «злыхъ; что примѣръ тому они могли видѣть на Діэго Мендесѣ и Франсиско Поррасѣ, изъ которыхъ первому, отправившемуся въ путешествіе по приказанію своего «начальника, оно благопріятствовало, а Поррасу и его шайкѣ, въ наказаніе за ихъ «мятежъ, послало противные вѣтры и бури; «что это могущественное Божество раздражено теперь на кациковъ и ихъ подданныхъ «за то, что они, вопреки своимъ договорамъ, »перестали снабжать припасами его вѣрныхъ «служителей, и готово наказать ихъ за это «голодомъ и моромъ; а чтобъ они не остались глухи къ его предостереженію, оно «въ нынѣшнюю-же ночь явитъ на небѣ видимые знаки своего гнѣва: луна, на ихъ «глазахъ, перемѣнитъ свой обыкновенный «цвѣтъ и, мало помалу, померкнетъ, что «будетъ несомнѣннымъ предвѣстіемъ ужаснѣйшихъ казней, которыя ожидаютъ ихъ.»

Это предсказаніе, произнесенное торжественнымъ голосомъ, встревожило большую

часть дикарей; другіе начали смѣяться надъ нимъ; однакожъ всѣ ожидали наступленія ночи въ мрачномъ безпокойствѣ. Наконецъ взошла луна; дикіе внимательно смотрѣли на нее; вдругъ густая тѣнь начала медленно застилать ея свѣтлый дискъ. Дикари затрепетали, и страхъ ихъ увеличивался по мѣрѣ того, какъ тѣнь становилась гуще; наконецъ, когда таинственный мракъ распростерся надъ всей природой, ужасъ ихъ не имѣлъ болѣе границъ. Они опрометью бросились съ кораблей; набрали, сколько могли захватить съ собой, съѣстныхъ припасовъ, и возвратясь съ ними къ кораблямъ, наполнили воздухъ жалобными воплями и стенаніями; взошедъ на суда, они упали къ ногамъ Колумба и умоляли его упросить — свое Божество, чтобъ Оно отвратило отъ нихъ ужасныя бѣдствія, которыми грозитъ имъ, — увѣряя, что впередъ будутъ доставлять Испанцамъ все, чего только онъ пожелаетъ. Коломбъ отвѣчалъ, что онъ съ своей стороны готовъ исполнить ихъ просьбу, но долженъ вопросить Божество о Его намѣреніяхъ. Съ этими словами, онъ удалился въ свою каюту и заперся въ ней. Между тѣмъ окрестные лѣса и прибрежье наполнялись жалобнымъ завываньемъ и мольбами дикарей о помилованіи. Адмиралъ пробылъ въ каютѣ все время, пока затмѣніе увеличивалось; наконецъ, когда оно достигло всей полноты, вы-

шелъ оттуда и объявилъ туземцамъ, что онъ ходатайствовалъ за нихъ передъ своимъ Божествомъ, и что Оно даруетъ имъ на этотъ разъ прощеніе, съ тѣмъ только, чтобъ они впередъ исполняли свои обѣщанія, — и въ доказательство своего милосердія къ нимъ, тотчасъ-же сниметъ эту темную завѣсу, которая скрываетъ отъ нихъ сіяніе луны.

Дикари, увидѣвъ, что вслѣдъ за тѣмъ луна дѣйствительно начала, мало-по-малу, прочищаться, и наконецъ явилась на небесахъ въ прежнемъ своемъ блескѣ и красотѣ, осыпали адмирала благодареніями за его посредничество и отправились домой, радуясь и поздравляя другъ - друга съ избавленіемъ отъ столь великихъ бѣдствій.

И съ той поры они смотрѣли на Коломба съ почтеніемъ и нѣкоторою боязнью, какъ на человѣка, пользующагося особенною благосконностью и довѣренностью Божества, — который, находясь на землѣ, знаетъ, что дѣлается на небѣ, — усердно старались снискать его благорасположеніе разными приношеніями и каждый день доставляли въ портъ такое множество припасовъ, что Испанцамъ уже нечего было опасаться голоду (1).

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 3.—Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 33.

ГЛАВА IV.

Посольство Діэго де-Эсковара къ адмиралу (1504).

Со времени отъѣзда Мендеса и Фіэско, прошло уже восемь мѣсяцевъ, а объ нихъ все еще не было никакого слуху. Напрасно Испанцы устремляли нетерпѣливый взоръ въ даль океана, и каждый тузсмный чёлнъ, мелькавшій въ отдаленіи, принимали за судно, идущее спасти ихъ! Наконецъ, даже и тѣ изъ нихъ, которые въ особенности любили утѣшать себя обманчивыми надеждами, отчаялись и пришли въ уныніе. И сколько причинъ они имѣли къ отчаянью! . . . Кто исчислитъ всѣ опасности, которымъ могли подвергнуться ничтожные чёлны въ подобной экспедиціи! Ихъ могло опрокинуть противными теченіями; ихъ могли затопить волны; наконецъ экипажи могли погибнуть уже достигнувъ Испаніолы, посреди ея скалистыхъ горъ и дикихъ пле-

менъ. Въ довершеніе унынія, они узнали еще, что у береговъ Ямайки видѣли затопленное судно принесенное теченіями. Они страшились, не то-ли самое это судно, которое было послано къ нимъ на помощь, — и если это было дѣйствительно оно, въ такомъ случаѣ, вмѣстѣ съ нимъ должны были погибнуть и всѣ ихъ надежды. Говорятъ, что этотъ слухъ былъ распущенъ мятежниками, съ намѣреніемъ устрашить и довести до отчаянія Испанцевъ, оставшихся вѣрными адмиралу (1): и если это справедливо, то они вполнѣ достигли своей цѣли. Потерявъ всю надежду на помощь, считая себя забытыми и оставленными цѣлымъ свѣтомъ, многіе изъ спутниковъ Коломба впали въ мрачное ожесточеніе и рѣшились освободиться изъ своего заточенія — во чтобы то ни стало. Нѣкто, по имени Бернардо, аптекарь изъ Валенціи, и главнѣйшіе сообщники его, Алонсо де-Самора и Педро де-Виллаторо, составили новый заговоръ и предложили недовольнымъ послѣдовать примѣру Порраса — захватить оставшіеся челны и попытаться достигнуть Испаніолы (2).

Мятежъ готовъ былъ вспыхнуть, какъ въ одинъ вечеръ, около сумерокъ, Испанцы увидѣли вдали парусъ судна, которое повидимому шло по направленію къ порту. Легче

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 104.

(2) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 35.

понять, чѣмъ изобразить, ихъ радостный восторгъ, когда они удостовѣрились наконецъ, что это было дѣйствительно небольшое судно, которое, не подходя къ острову, остановилось вдали, въ открытомъ морѣ, и послало потопленнымъ судамъ адмирала шлюпъ. Испанцы устремили на него глаза, наслаждаясь зрѣлищемъ своихъ одновѣрцевъ и освободителей. Когда шлюпъ нѣсколько приблизился, они увидѣли на немъ Діэго де-Эскобара, одного изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ мятежѣ Рольдана, осужденнаго при Коломбѣ на смерть и прощеннаго преемникомъ его, Бобадиллой. Выборъ такого посланника не предвѣщалъ ничего добраго.

Приставъ къ кораблямъ, Эскобаръ, не выходя изъ шлюпа, передалъ Коломбу письмо отъ Овандо, губернатора Испаніолы, вмѣстѣ съ боченкомъ вина и окорокомъ, присланными адмиралу отъ него въ подарокъ. Послѣ этого, Эскобаръ тотчасъ-же отплылъ на нѣкоторое разстояніе и увѣдомилъ Коломба о предметѣ своего посольства, издали. Онъ сказалъ ему, что присланъ губернаторомъ — изъявить адмиралу все участіе, которое его превосходительство принимаетъ въ его бѣдствіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сожалѣніе, что онъ не могъ до-сихъ-поръ прислать за нимъ корабля, потому-что въ Санъ-Домингскомъ портѣ нѣтъ ниодного большаго судна, на которомъ-бы адмиралъ могъ помѣститься со

всѣмъ своимъ экипажемъ; но что какъ-скоро такое судно войдетъ въ портъ, губернаторъ немедленно отправитъ его за нимъ. Къ этому Эскобаръ прибавилъ увѣреніе, что дѣла адмирала на Испаніолѣ, касающіяся его личныхъ выгодъ, совершенно обезпечены тщательнѣйшимъ наблюденіемъ за ними, и просилъ его, если онъ располагаетъ писать къ губернатору, приготовить письмо какъ можно скорѣй, потому-что онъ намѣренъ немедленно отправиться въ обратный путь.

Это посольство заключало въ себѣ что-то необыкновенно странное; но выводить заключеній было некогда; Эскобаръ хотѣлъ ѣхать и Коломбъ поспѣшилъ написать къ Овандо отвѣтъ, въ которомъ благодарилъ его, въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, за участіе; представлялъ опасность и ужасъ своего положенія, которое сдѣлалось еще безнадежнѣй со времени возмущенія Порраса; увѣрялъ губернатора, что онъ вполнѣ полагается на его обѣщаніе — прислать къ нему скорую помощь, которой онъ будетъ ждать съ терпѣніемъ на своихъ потопленныхъ каравеллахъ; наконецъ поручалъ его благосклонности Діэго Мендеса и Варфоломея Фіэско, увѣряя, что они посланы въ Санъ-Доминго отнюдь не съ какими-нибудь дурными намѣреніями или хитрыми замыслами съ его стороны, но единственно чтобъ увѣдомить тамъ о его

плачевномъ положеніи и просить помощи(1). Эскобаръ, получивъ письмо, немедленно отплылъ къ своему кораблю, который тотчасъже поднялъ паруса и вскорѣ скрылся изъ виду, при наступившей темнотѣ ночи.

Поспѣшный отъѣздъ и непонятное поведеніе Эскобара, имѣвшее нѣкоторый видъ таинственности, столько-же изумили и испугали Испанцевъ, сколько обрадовало ихъ прибытіе его судна. Онъ избѣгалъ всякаго сношенія съ ними, какъ будто-бъ не принималъ никакого участія въ ихъ судьбѣ и не чувствовалъ нималѣйшаго состраданія къ ихъ бѣдствіямъ. Коломбъ замѣтилъ мрачное выраженіе на лицахъ матросовъ, и опасаясь новой бури, спѣшилъ разсѣять ихъ подозрѣнія. Онъ сказалъ имъ, что совершенно доволенъ новостями, полученными отъ Овандо, и что изъ Испаніолы скоро придутъ корабли за ними; а чтобъ дать болѣе вѣсу своимъ словамъ, онъ прибавилъ, что съ Эскобаромъ онъ самъ отказался ѣхать, потому-что его карабелла слишкомъ мала и не могла поднять всѣхъ его людей въ одинъ разъ, почему онъ и предпочелъ остаться съ ними и раздѣлить ихъ участь; карабеллу-жъ отправилъ назадъ съ такою поспѣшностью для того, чтобъ она, нетеряя нисколько времени, выслала къ нимъ скорѣй корабли изъ Испаніолы. Эти

(1) Las Casas, lib. II, cap. 34.

слова и увѣренность, что положеніе экипажей Коломба извѣстно въ Санъ-Доминго, произвели наилучшее дѣйствіе. Надежда снова оживила матросовъ и заговоръ, готовый вспыхнуть, остался безъ исполненія.

По въ самомъ дѣлѣ, поведеніе Овандо возбуждало величайшее негодованіе Коломба. Губернаторъ, знавши о его положеній, нѣсколько мѣсяцевъ оставлялъ его посреди величайшихъ опасностей, въ самой жестокой неизвѣстности, беззащитнаго противъ нападеній туземцевъ, возмущеній матросовъ и противъ собственнаго отчаянья, и наконецъ, собравшись отправить къ нему посольство, онъ какъ-будто въ насмѣшку избралъ для этого всѣмъ извѣстнаго, жесточайшаго врага его. И на самую присылку въ подарокъ съѣстныхъ припасовъ, Коломбъ смотрѣлъ какъ на новое, умышленное оскорбленіе. Онъ полагалъ, что Овандо, опасаясь его возстановленія въ губернаторскомъ званіи, съ намѣреніемъ оставлялъ его безъ помощи, въ той надеждѣ, что онъ погибнетъ въ Ямайкѣ, а Эскобара почиталъ шпіономъ, подосланнымъ для того, чтобъ развѣдать, въ какомъ состояніи находится онъ съ своимъ экипажемъ, и удостовѣриться — живы-ли они еще.

Ласъ-Касасъ, который находился въ то время въ Санъ-Доминго, изъявляетъ подоб-

ныя-же подозрѣнія. Онъ говоритъ, что Овандо была извѣстна старинная вражда между Эскобаромъ и Коломбомъ, и по этой-то именно причинѣ онъ послалъ его въ Ямайку, надѣясь, что сердце его будетъ нечувствительно къ страданіямъ адмирала, и что Эскобаръ получилъ повелѣніе — не всходить на суда Коломба, не высаживаться на берегъ, не вступать ни съ кѣмъ въ сношенія, кромѣ адмирала, и отъ него одного только принять письма; однимъ словомъ, что онъ былъ просто — шпіонъ, подосланный для развѣдыванiй (1).

Другіе приписываютъ равнодушіе Овандо къ положенію адмирала, его благоразумной осторожности. Тогда носился слухъ, будто-бы Коломбъ, раздраженный Испанскимъ дворомъ, который лишилъ его губернаторскаго званія, имѣлъ намѣреніе передать открытыя имъ земли своей отечественный странѣ, Генуѣ, или какой-нибудь другой державѣ. Но этотъ слухъ былъ уже не новость, и самъ Коломбъ намекаетъ на него въ письмѣ своемъ къ католическимъ величествамъ, которое онъ послалъ съ Діэго Мендесомъ. Все, что можно привесть въ извиненіе Овандо —

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 32. — *Hist. del Almirante*, cap. 103.

это его продолжительное отсутствіе изъ Санъ-Доминго во внутреннія провинціи острова, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ войнахъ съ туземцами, и что въ портѣ дѣйствительно могло не случиться въ то время большаго корабля, на которомъ-бы можно было перевезть Коломба и его экипажъ въ Испанію. Онъ могъ также опасаться, что адмиралъ, оставаясь въ Испаніолѣ, въ ожиданіи судна для переѣзда въ Европу, станетъ вмѣшиваться въ общественныя дѣла и даже искать себѣ приверженцевъ, или что его присутствіе на островѣ подастъ поводъ къ новымъ возмущеніямъ и безпорядкамъ, такъ какъ онъ имѣлъ тамъ еще множество враговъ (1). Можетъ-быть онъ расчитывалъ, что, по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, лучше будетъ, если Коломбъ, до прибытія изъ Испаніи какого-нибудь судна, останется спокойно въ Ямайкѣ,—тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, онъ тамъ не подвергался ни малѣйшей опасности, имѣя оружіе и достаточныя силы для защиты и обезпеченный продовольствіемъ посредствомъ дружелюбной сдѣлки съ туземцами, — о чемъ, безъ сомнѣнія, сказалъ ему Діэго Мендесъ, самъ заключившій эти сдѣлки. Таковы могли быть разсужденія, которыми Овандо старался согласить

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 32. — *Hist. del Almirante*. cap. 103.

свои выгоды съ внушеніями совѣсти, не обративъ вниманія на всю ненавистность мѣры, возбудившей негодованіе его соотечественниковъ и оставившей неизгладимое пятно на его памяти.

ГЛАВА V.

Путешествіе на чёлнѣ, Діэго Мендеса и Варфоломея Фіеско, въ Испаніолу (1504).

Для полноты этой Исторіи, мы считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь читателю подробности путешествія Діэго Мендеса и Варфоломея Фіэско, и причины, которыя не позволили послѣднему возвратиться въ Ямайку. Достигнувъ восточной оконечности острова, и разлучившись съ адлантадо, они продолжали плыть въ прежнемъ направленіи, совершенно по прямой чертѣ, цѣлый день,— побуждая туземцевъ, которые часто отдыхали, грести какъ можно сильнѣй. Воздухъ не возмущался ни малѣйшимъ вѣтеркомъ; небо было безоблачно; море совершенно спокойно. Вскорѣ зной сдѣлался нестерпимъ. Ничто не защищало путниковъ отъ палящаго солнца, котораго огненные лучи, отражаемые

океаномъ, такъ-сказать убивали зрѣніе. Гребцы, ослабленные жаромъ и усталостью, почти безпрестанно бросались въ море, и освѣжась нѣсколько въ его волнахъ, принимались за весла съ новыми силами. При захожденіи солнца, они потеряли изъ виду землю. Ночью гребцы раздѣлились на двѣ смѣны, и такимъ-образомъ гребли и спали поочередно. Испанцы послѣдовали ихъ примѣру — одни ложились отдыхать, другіе оставались съ оружіемъ въ рукахъ, въ полной готовности защищаться, въ случаѣ вѣроломства со стороны ихъ дикихъ спутниковъ.

Проведя такимъ образомъ часть ночи, въ работѣ и безъ сна, путники, съ наступленіемъ дня, чувствовали чрезвычайное изнеможеніе. Кругомъ виднѣлось лишь небо да море. Ихъ слабые челны возвышались и западали на поверхности воды, совершенно по произволу волнъ, и, казалось, не могли выдержать легчайшей зыби, при самой тихой погодѣ, не только бороться съ яростными волнами при сильномъ вѣтрѣ. Испанцы и туземные гребцы, сопровождавшіе Мендеса и Фіеско, впали въ уныніе. Начальники старались всѣми силами оживить ихъ бодрость; они позволяли имъ иногда прекращать на время греблю, или брали сами весла и раздѣляли съ ними ихъ трудъ. Это, однакожъ, продолжалось недолго. Скоро новый источникъ страданія заставилъ ихъ забыть и трудъ и

усталость. Въ продолженіе предшествовавшаго, весьма жаркаго, дня и слѣдующей за нимъ ночи, измученные зноемъ и усталостью дикари выпили весь запасъ воды. Скоро путники почувствовали всѣ муки пожирающей жажды, которая становилась нестерпимѣй по мѣрѣ того, какъ солнце возвышалось надъ горизонтомъ. Глубокое спокойствіе стихій, благопріятствовавшее ходу слабыхъ челновъ, еще болѣе увеличивало ихъ страданія, дѣлая ихъ жгучей, нестерпимѣй. Ни малѣйшій вѣтерокъ не потрясалъ воздуха, не прохлаждалъ палящихъ лучей тропическаго солнца. Самое зрѣлище, которое встрѣчали ихъ взоры всюду, куда ни обращались, увеличивало ихъ страданія: они были окружены водой—и умирали отъ жажды. Къ полдню бодрость и силы оставили ихъ совершенно, и гребцы не могли болѣе дѣйствовать веслами. Къ счастью, въ это время Мендесъ и Фіеско нашли, — или показали видъ, будто нашли,—два небольшіе боченка воды, которые они, можетъ-быть, съ намѣреніемъ скрыли, на случай подобной крайности. Это драгоцѣнное пособіе они употребляли съ благоразумною бережливостью, давая отъ времени до времени по нѣскольку глотковъ воды своимъ спутникамъ, и въ особенности туземнымъ гребцамъ, что освѣжало ихъ и возвращало силы продолжать греблю. Они старались также ободрить ихъ надеждой,

что скоро откроется небольшой островокъ Навaза, лежащій по пути, въ восьми миляхъ отъ Испаніолы, и что тамъ они найдутъ воду и отдохнутъ.

Остальную часть дня путники продолжали грести съ тягостнымъ усиліемъ, едва владѣя веслами, и безпрестанно устремляя жадный взоръ на край горизонта, въ надеждѣ усмотрѣть желанный островъ. Насталъ вечеръ; сѣло солнце; а они все не видѣли ни малѣйшаго признака земли,—ни облачка, которое-бы хоть на-минуту ввело ихъ въ пріятное заблужденіе. По ихъ расчетамъ, они уже должны были находиться на высотѣ Навазы. Не видя ее, они начали опасаться, не уклонились-ли отъ этого островка въ сторону,—и если это дѣйствительно случилось, въ такомъ случаѣ они должны были погибнуть отъ жажды, прежде чѣмъ успѣютъ достигнуть Испаніолы.

Наконецъ совсѣмъ стемнѣло; наступила глубокая ночь, и путники потеряли послѣднюю надежду пристать къ Навазѣ, потому-что этотъ островокъ такъ малъ и низменнъ, что еслибъ они прошли мимо его въ самомъ близкомъ разстояніи, и тогда не замѣтилибъ его въ темнотѣ. Въ это время одинъ изъ туземныхъ гребцовъ упалъ мертвый, изнемогши подъ бременемъ совокупныхъ терзаній усталости, жару и жажды, доходившей почти до бѣшенства. Его трупъ бросили въ

море. Другіе, трепеща и задыхаясь, падали на дно челновъ. Ихъ изнуренные и совершенно потерявшіе бодрость товарищи, едва гребли. Отъ времени до времени они набирали въ ротъ морской воды, чтобъ хоть нѣсколько освѣжить засохшія гортани, но ея горечь и ѣдкость только усиливали жажду. Изрѣдка, и то въ совершенной только необходимости, имъ давали по нѣскольку капель воды, оставшейся въ боченкахъ, и въ особенности тѣмъ, которые гребли. Было уже за полночь; смѣнившіеся съ работы гребцы, не могли заснуть: такъ мучительна была ихъ жажда; а если и уступали на нѣсколько минуть изнеможенію, то сонъ ихъ возмущался грезами объ источникахъ и прозрачныхъ ручьяхъ, журчащихъ свѣжею, чистою водой,—и воспоминаніе объ нихъ, при пробужденіи, еще болѣе увеличивало ихъ страданія. Наконецъ послѣднія капли воды были выпиты гребцами, и не утоливъ жажды, только раздражили ее сильнѣе. Они едва гребли, и одинъ за другимъ оставляли свои вагаи. Казалось, что всѣ они умрутъ, не достигнувъ Испаніолы.

Мендесъ и Фіэско, выдерживавшіе до того времени съ удивительнымъ мужествомъ и благоразуміемъ эту тагостную борьбу съ страданіемъ и отчаяньемъ, наконецъ и сами начали изнемогать подъ ихъ бременемъ. Діего Мендесъ сидѣлъ, устремивъ взоры на горизонтъ,

освѣщавшійся мало-по-малу тѣмъ блѣднымъ свѣтомъ, который предшествуетъ восхожденію луны. Наконецъ показалась луна и освѣтила какую-то темную массу, возвышающуюся надъ поверхностью океана. «Земля! земля!» закричалъ онъ въ тоже мгновеніе: и этотъ крикъ какъ-будто возвратилъ къ жизни его умирающихъ спутниковъ. Это была Наваза,—маленькой, низменный островокъ, находившійся отъ чёлновъ еще въ такомъ отдаленіи, что еслибъ не взошла въ это время луна, его невозможно было-бы замѣтить. Ошибка въ счисленіи пройденнаго разстоянія произошла оттого, что путешественники невѣрно опредѣляли скорость движенія своихъ челновъ, замедляёмую усталостью гребцовъ и противными теченіями.

Путники почувствовали въ себѣ новыя силы. Гребцы принялись за работу съ какимъ-то лихорадочнымъ волненіемъ, и на разсвѣтѣ чёлны пристали къ острову. Выбѣжавъ на берегъ, первымъ движеніемъ каждаго было— принесть усердное благодареніе Богу за свое избавленіе. Островокъ Наваза — не что иное, какъ груда голыхъ скалъ, около полу-мили въ окружности. На немъ нѣтъ ни одного дерева, ни куста, ни травы, ни ручья или озерца. Однакожъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ въ безполезныхъ поискахъ и мучительной тоскѣ, бѣднымъ путешественникамъ удалось отыскать

довольно большое количество дождевой воды, скопившейся въ разсѣлинахъ скалъ. Они съ жадностью бросились къ ней, начали черпать калебасами и утолять палящую жажду, безъ всякой мѣры. Напрасно благоразумнѣйшіе изъ нихъ предупреждали объ опасности! Испанцы еще сколько-нибудь воздерживались; но бѣдные дикари, которыхъ жажда была усилена еще утомительною работой, находились какъ въ горячкѣ, и почти съ бѣшенствомъ бросались на холодную воду. Нѣкоторые изъ нихъ умерли на мѣстѣ; другіе опасно заболѣли (1).

Утоливъ жажду, мореплаватели пошли отыскивать себѣ пищи. Имъ удалось поймать у береговъ нѣсколько чешуйчатыхъ рыбъ; у Мендеса было огниво и кремень; онъ велѣлъ принесть изъ своего чёлна нѣсколько сухихъ вѣтвей, вырубилъ огня, — и вскорѣ запылало пламя. Они спекли рыбу и съ наслажденіемъ удовлетворили свой голодъ. Весь этотъ день былъ посвященъ отдыху: путники, сидя въ тѣни скалъ, смотрѣли съ удовольствіемъ на Испаніолу, которой горы рисова-

(1) Недалеко отъ острова Навасы, въ самомъ морѣ, бьетъ ключь прѣсной воды, которая, соединяясь съ морскими волнами, уменьшаетъ ихъ горечь. Но это обстоятельство не было извѣстно Испанцамъ въ ту эпоху. — (Oviedo, *Cronica*, lib. IV, cap. 12).

лись на горизонтѣ въ восьми миляхъ разстоянія.

Съ наступленіемъ вечерней свѣжести, оживленные отдыхомъ, они отправились въ дальнѣйшій путь и на другой день, то есть въ четвертый со времени отъѣзда изъ Ямайки, благополучно достигли Испаніолы у мыса Тибюрона и сдѣлавъ тамъ высадку на берегъ прекрасной рѣки, были приняты туземцами весьма ласково.

Вотъ подробности, извлеченныя изъ разныхв источниковъ (1), объ этомъ любопытномъ и сопряженномъ съ столькими опасностями путешествіи, отъ котораго зависѣло освобожденіе Коломба и его спутниковъ.

Пробывъ два дня у гостепріимныхъ обитателей прибрежья, и возстановивъ силы отдыхомъ, Фіэско, согласно обѣщанію, данному имъ адмиралу, располагалъ отплыть обратно въ Ямайку, чтобъ увѣдомить своихъ соотечественниковъ о благополучномъ прибытіи посланныхъ въ Испаніолу; но сопровождавшіе его Испанцы и дикіе, такъ много претерпѣли въ этотъ переѣздъ, что рѣшительно отказались плыть назадъ въ чёлнахъ.

Между-тѣмъ Діэго Мендесъ, простясь съ товарищами, сѣлъ въ свой чёлнъ, съ шестью Испаніольскими туземцами, и презирая всѣ

(1) *Hist. del Almirante*, lib. II, cap. 31. — *Завѣщаніе Діэго Мендеса*, Navarrete tom. I.

опасности, отплылъ вдоль берега къ Санъ-Доминго, отстоящему отъ того мѣста, гдѣ онъ сдѣлалъ высадку, на сто тридцать миль. Проплывъ, съ безчисленными затрудненіями, восемдесять миль разстоянія, — принужденный безпрестанно бороться съ противными теченіями, и подвергаясь тысячѣ опасностей со стороны дикихъ прибрежныхъ ордъ, — онъ узналъ, что губернаторъ отправился въ Ксарагву, за пятдесять миль отъ берега. Всегда неустрашимый, всегда готовый на борьбу съ трудами и препятствіями, Мендесъ бросилъ свой чёлнъ и пустился въ Ксарагву, одинъ, пѣшкомъ, черезъ лѣса и горы, и прибылъ въ эту провинцію благополучно, совершивъ, такимъ-образомъ, одну изъ опаснѣйшихъ экспедицій, какія когда-либо предпринималъ подчиненный, для спасенія своего начальника.

Овандо принялъ его благосклонно и изъявилъ живѣйшее участіе въ бѣдственномъ положеніи Коломба. Онъ безпрестанно увѣрялъ Мендеса, что немедленно пошлетъ къ нему помощь: но проходили дни, недѣли и мѣсяцы, — а обѣщаніе губернатора оставалось безъ исполненія. Не имѣя тогда никакихъ особенныхъ заботъ по управленію, кромѣ войны съ туземцами, онъ приводилъ въ предлогъ своихъ безконечныхъ отсрочекъ — неимѣніе въ Санъ-Домингскомъ портѣ довольно большаго судна, которое бы можно было

послать въ Ямайку. Но еслибъ онъ принималъ непритворное участіе въ судьбѣ такого человѣка, какъ Коломбъ, то въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, легко нашелъ-бы средство — если не перевезть его съ людьми въ Испаніолу, или прямо въ Европу, по-крайней-мѣрѣ доставить имъ припасовъ и снабдить другими предметами, въ которыхъ они терпѣли совершенный недостатокъ.

Такимъ-образомъ, вѣрный Мендесъ прожилъ въ Ксарагвѣ цѣлыхъ семь мѣсяцевъ. Все это время Овандо старался подъ разными предлогами удержать его при себѣ и не допустить въ Санъ-Доминго, — съ одной стороны, опасаясь, не подосланъ-ли онъ адмираломъ съ какимъ-нибудь тайнымъ порученіемъ, а съ другой — желая воспрепятствовать ему найти тамъ, безъ его содѣйствія, нужную помощь. Наконецъ, не находя болѣе предлоговъ, губернаторъ уступилъ его безпрестаннымъ просьбамъ и далъ позволеніе отправиться въ Санъ-Доминго, гдѣ Мендесъ располагалъ дождаться прибытія изъ Испаніи кораблей и нанять одинъ изъ нихъ для адмирала. Получивъ это позволеніе, Діэго тотчасъ-же отправился въ путь, какъ и прежде — одинъ, пѣшкомъ, черезъ лѣса и горы, наполненныя враждебными племенами ожесточенныхъ дикарей, — за семдесятъ миль разстоянія отъ Ксарагвы. И въ это-то время Овандо отправилъ въ Ямайку карабеллу, подъ начальствомъ Эскобара, ко-

тораго странное и двусмысленное посѣщеніе имѣло въ глазахъ Коломба такъ много сходства съ дѣйствіями шпіона, подосланнаго въ непріятельскій станъ, для развѣдыванія.

ГЛАВА VI.

Предложенія Колумба мятежникамъ. — Сраженіе аделантадо съ Поррасомъ и его соучастниками (1503).

Успокоивъ отчаяніе своихъ спутниковъ, которому они предались послѣ кратковременнаго посѣщенія и поспѣшнаго отъѣзда Эскобара, Колумбъ рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и попытаться, не поможетъ-ли оно ему обратить мятежниковъ къ ихъ обязанностямъ, мѣрами кротости. Онъ зналъ, что ихъ начинала уже страшить будущность картинами неизбѣжныхъ бѣдствій, до которыхъ обыкновенно доводитъ жизнь безпорядочная и бродяжническая, — что многіе изъ злоумышленниковъ тайно желали возвратиться на мирный и безопасный путь долга; и видя какъ искусно онъ разстроилъ всѣ козни, которыми они старались побудить туземцевъ не доставлять ему припасовъ, начи-

нали опасаться, какъ-бы наконецъ онъ не восторжествовалъ и надъ ними и не предалъ ихъ всей строгости законовъ. Пользуясь этимъ благопріятнымъ расположеніемъ умовъ, адмиралъ, вскорѣ послѣ прибытія и отъѣзда Эскобара, отправилъ къ мятежникамъ двухъ Испанцевъ, имѣвшихъ съ ними сношенія, — порученіемъ увѣдомить ихъ о недавнемъ пріѣздѣ изъ Санъ-Доминга корабля, съ письмами отъ Испаніольскаго губернатора, который обѣщалъ въ непродолжительномъ времени прислать за экипажемъ Коломба суда, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить непокорнымъ, что если они немедленно обратятся къ своему долгу, то онъ готовъ все прошедшее предать забвенію, неподвергая ихъ поступковъ изслѣдованію, и взять всѣхъ ихъ съ собою, на суда, которыхъ онъ ожидаетъ. А въ доказательство, что судно дѣйствительно приходило, послалъ имъ часть окорока, присланнаго ему съ Эскобаромъ.

Франсиско Поррасъ, увидѣвъ посланныхъ, пошелъ къ нимъ на встрѣчу, въ сопровожденіи нѣсколькихъ начальниковъ своей шайки. Онъ догадывался, что эти люди присланы адмираломъ съ какими-нибудь предложеніями, и опасался, чтобъ его сообщники, при первомъ обѣщаніи прощенья, въ порывѣ неудовольствія или раскаянія, не оставили его и не покорились-бы адмиралу. Выслушавъ посланныхъ, Поррасъ и его довѣренные начали

совѣтоваться между собой. Судя о другихъ по себѣ, они подозрѣвали адмирала въ вѣроломствѣ, сомнѣвались въ искренности его обѣщаній, не могли вѣрить, чтобъ онъ имѣлъ великодушіе простить ихъ, и рѣшились — не ввѣрятся ему. Поэтому отвѣчали посланнымъ, что не имѣютъ ни малѣйшаго желанія возвратиться на суда и предпочитаютъ жить на островѣ, по своей волѣ; но если хочетъ адмиралъ, они обяжутся вести себя смирно и порядочно, если онъ дастъ имъ торжественное обѣщаніе предоставить въ ихъ распоряженіе одно судно, когда ихъ прибудетъ два, и половину, если придетъ одно, и сверхъ-того, если онъ согласится раздѣлить съ ними свои припасы и другія нужныя имъ вещи, потому-что они все, что имѣли, принуждены были бросить въ море. Когда имъ замѣтили, какъ сумасбродны и неисполнимы ихъ требованія, они дерзко отвѣчали, что если ихъ не примутъ добровольно, они то принудятъ адмирала выполнить ихъ силой, и съ этой угрозой отпустили посланныхъ (1).

Несмотря на всю осторожность Порраса, переговоры его съ адмиральскими посланными не могли происходить такъ скрытно, чтобъ его сообщники не узнали о предметѣ посольства, — и предлагаемая амнистія, вмѣ-

(1) Las Casas, lib. II, cap. 35. — *Hist. del Almirante*, cap. 106.

отъ съ надеждой уѣхать съ острова, взволновали всѣ умы. Поррасъ, опасаясь, чтобъ его соучастники не оставили его, употребилъ всю силу своего краснорѣчія и прибѣгнулъ къ самой безстыдной лжи, чтобъ удержать ихъ при себѣ. Онъ говорилъ имъ, что предложеніе адмирала, жестокаго и мстительнаго отъ природы, не что иное, какъ сѣть, въ которую онъ старается завлечь ихъ, для того, чтобъ послѣ излить на нихъ все свое мщеніе; возбуждалъ ихъ — мужественно продолжать начатую борьбу противъ его тираніи, и приводилъ въ примѣръ тѣхъ, которые, поступая такимъ образомъ въ Испаніолѣ, наконецъ восторжествовали надъ нимъ и отправили его въ Испанію, въ цѣпяхъ; увѣрялъ, что и они могутъ сдѣлать тоже, въ полной надеждѣ на защиту и покровительство его родственниковъ и друзей при дворѣ. Но самое сильное убѣжденіе онъ основывалъ на карабеллѣ Эскобара. Обнаруживая невѣжество вѣка, оно вмѣстѣ показываетъ, до какой степени простирались суевѣрныя понятія матросовъ на счетъ Коломба и его астрономическихъ познаній. Поррасъ увѣрялъ ихъ, что никакой настоящей карабеллы къ острову не приходило, а что это былъ — призракъ, явившійся по заклинанію адмирала, извѣстнаго чернокнижника и чародѣя; и въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ, приводилъ — что судно явилось въ сумеркахъ;

что оно не хотѣло имѣть ни съ кѣмъ сношеній, кромѣ одного адмирала, и съ наступленіемъ ночи, вдругъ изчезло; что еслибъ это была настоящая карабелла, то экипажъ ея непремѣнно вступилъ-бы въ сношенія съ своими соотечественниками, да и самъ адмиралъ, съ сыномъ своимъ и братомъ, никакъ не упустили-бы случая возвратиться въ Санъ-Доминго; и наконецъ, что судно простоялъ-бы сколько-нибудь времени въ портѣ и не исчезло-бъ изъ глазъ такъ мгновенно и таинственно (1).

Этими и подобными доводами, Поррасу удалось привесть умы своихъ сообщниковъ въ прежнее расположеніе и возстановить отчасти ихъ бодрость; но опасаясь, чтобъ они снова не впали въ раздумье или не поколебались отъ повторительныхъ предложеній адмирала, онъ рѣшился вовлечь ихъ въ какое-нибудь важное преступленіе, которое-бы отняло у нихъ всякую надежду на прощенье. Составивъ планъ, онъ выступилъ къ одному туземному селенію *Маимъ*, расположенному въ четверти мили отъ кораблей, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи выстроенъ городъ Севилла. Говорятъ, что его намѣреніе состояло въ томъ, чтобъ овладѣть съѣстны-

(1) *Hist. del Almirante*, lib. 106. — Las Casas, lib. II., cap. 35.

ми припасами, находившимися на судахъ адмирала, и самого его захватить въ плѣнъ (1).

Но Колумбъ былъ предупрежденъ о замыслѣ мятежниковъ и о приближеніи ихъ къ порту. Не имѣя силъ выходить изъ каюты, онъ поручилъ своему брату усовѣстить ихъ, и если можно, обратить къ долгу кротостью; но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему довольно сильный отрядъ, для отраженія всякаго насильственнаго дѣйствія съ ихъ стороны, оружіемъ. Адлантадо, — болѣе мужъ дѣла, нежели слова, — тотчасъ-же выступилъ въ походъ съ пятьюдесятью человѣками, испытанной храбрости и готовыхъ на всякую опасность; но всѣ они были блѣдны и ослаблены болѣзнями и продолжительнымъ заключеніемъ на корабляхъ. Остановясь на скатѣ одной возвышенности, на выстрѣлъ изъ лука отъ селенія, занятаго бунтовщиками, адлантадо отправилъ къ нимъ для переговоровъ тѣхъ-же самыхъ Испанцевъ, которыхъ посылалъ къ нимъ адмиралъ съ предложеніемъ о всепрощеньи. Но Поррасъ и его офицеры не допустили ихъ къ себѣ. Надѣясь на числительное превосходство своихъ силъ и на лучшее состояніе здоровья матросовъ, — которыхъ вольная, бродячая жизнь среди лѣсовъ, на открытомъ воздухѣ, укрѣпила еще болѣе, — они съ насмѣшкой говори-

(1) *Hist. del Almirante*, lib. 106. — Las Casas, lib. II, cap. 33.

ли имъ о сподвижникахъ адлантадо, большею частью привыкшихъ къ жизни удобной и спокойной, насмѣхались надъ ихъ блѣдными и изнуренными лицами, называли ихъ бумажными солдатиками, каррикатурами воиновъ, которые не въ состоянiи будутъ выдержать и перваго ихъ удара. Предводители мятежниковъ не взяли въ соображенiе, что у подобныхъ людей гордость и благородство чувствъ часто съ избыткомъ замѣняютъ недостатокъ физическихъ силъ, и забывали еще, что противники ихъ имѣли надъ ними то важное преимущество, что на ихъ сторонѣ были справедливость и законы. Увлеченные возбужденiями своихъ начальниковъ, мятежники воспламенились порывомъ храбрости, и потрясая своимъ оружiемъ, съ воплями отвергли всякiе переговоры съ посланными дона Варфоломея.

Шесть самыхъ сильныхъ воиновъ согласились во время сраженiя дружно напасть на адлантадо и не выпускать его изъ рукъ до-тѣхъ-поръ, пока не положатъ на мѣстѣ,— въ томъ предположенiи, что съ его смертью, все остальное обратится въ бѣгство. Устроившись въ боевой порядокъ, бунтовщики обнажили шпаги, и не ожидая нападенiя, съ крикомъ и потрясая копьями, устремились на противниковъ. Однако-жъ отрядъ адлантадо встрѣтилъ ихъ такъ хорошо, что пятеро изъ нихъ при первой сшибкѣ легли на мѣ-

стѣ, — большею частью тѣ самые, которые сговорились напасть на аделантадо. Онъ самъ, своей рукой, убилъ двухъ изъ нихъ: сперва Хуана Санчеса,- того страшнаго моряка, который упустилъ кацика Квибіана, — и почти въ то-же мгновеніе, Хуана Барбера, прежде всѣхъ обнажившаго шпагу. Могучій аделантадо, съ обыкновеннымъ своимъ мужествомъ, осыпалъ все вокругъ себя градомъ ударовъ, находясь въ пылу самой жаркой схватки и окружая себя трупами убитыхъ и ранеными, какъ вдругъ явился противъ него Франциско Поррасъ, и напавъ съ ожесточеніемъ, сильнымъ ударомъ меча разсѣкъ его щитъ и въ то-же время нанесъ ему легкую рану въ руку; но шпага Порраса засѣла въ щитѣ его противника, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ выдернуть ее, аделантадо бросился на бунтовщика, схватился съ нимъ грудь съ грудью, и послѣ жестокой борьбы, при помощи нѣсколькихъ воиновъ, овладѣлъ имъ и взялъ въ плѣнъ (1).

Потерявъ своего начальника, мятежники лишились всей бодрости и въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство. Аделантадо хотѣлъ-было ихъ преслѣдовать, но разсудилъ, что и этого урока для нихъ слишкомъ достаточно; ктому-жъ надобно было еще взять мѣры на случай нападенія со стороны туземцевъ, ко-

(1) *Hist. del Almirante*, lib. 107. — Las Casas, lib. II, cap. 33.

торые стояли не вдалекѣ съ оружіемъ, въ боевомъ порядкѣ, и смотрѣли въ безмолвномъ удивленіи на эту битву бѣлыхъ людей между собою, не принимая однако-жъ ни чьей стороны. Когда дѣло кончилось, они пришли на поле сраженія и начали разсматривать трупы тѣхъ самыхъ существъ, которыхъ сначала почитали безсмертными. Особенное любопытство дикарей возбуждали раны, нанесенныя Европейскимъ оружіемъ. Въ числѣ раненыхъ мятежниковъ находился, Педро Ледема, тотъ лоцманъ, который такъ неустрашимо бросился въ буруны и достигъ вплавь Верагскаго берега, чтобъ развѣдать о колоніи. Онъ былъ одаренъ неимовѣрною силой мускуловъ и имѣлъ громкій и звучный голосъ. Когда туземцы, считая его мертвымъ, начали разсматривать его раны, которыми онъ былъ покрытъ — въ прямомъ значеніи этого слова, онъ вдругъ вскрикнулъ своимъ ужаснымъ голосомъ, который до того перепугалъ дикарей, что они бросились бѣжать со всѣхъ ногъ, воображая, что за ними гонится по пятамъ цѣлая толпа мертвецовъ. Ледема, упавъ во время сраженія въ яму, былъ отысканъ Испанцами уже на другой день поутру, и пролежалъ въ ней все это время, не освѣживъ себя даже каплей воды. Число и важность его ранъ, кажутся невѣроятны, но онѣ описаны Фернандо Коломбомъ, который видѣлъ ихъ своими глазами, и Ласъ-Касасомъ, ко-

торый слышалъ подробности описаннаго нами сраженія отъ самаго Ледемы. За недостаткомъ нужныхъ средствъ, его лечили коекакъ, — и не смотря на то, сложеніе этого человѣка было такъ сильно, что онъ выздоровѣлъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Ласъ-Касасъ разговаривалъ съ нимъ въ Севиллѣ и узналъ отъ него разныя подробности этого путешествія Коломба, а черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, Ледема палъ подъ кинжаломъ убійцы (1).

Разбивъ бунтовщиковъ, аделантадо возвратился въ торжествѣ на корабли. Адмиралъ принялъ его съ распростертыми объятіями и назвалъ своимъ избавителемъ. Побѣдители привели съ собой Порраса и нѣсколько другихъ начальниковъ мятежной шайки. Во всемъ отрядѣ дона Варфоломея не было ни одного убитаго, и только двое ранены — онъ самъ, въ руку, и адмиральскій интендантъ, получившій весьма легкую рану копьемъ, которая скорѣй походила на царапину и сначала казалась ни мало не опасною, такъ-что самая легкая изъ ранъ Ледемы была тяжелѣй: однакожъ онъ умеръ отъ ней, не смотря на всѣ усилія спасти его.

На другой день, 20 мая, мятежники прислали къ адмиралу прошеніе, за общею ихъ подписью, въ которомъ, сознаваясь во всѣхъ

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 35.

своихъ преступленіяхъ, жестокостяхъ и безчестныхъ замыслахъ, умоляли его — умилосердиться надъ ними и простить ихъ возмущеніе, за которое Богъ уже наказалъ ихъ. Они давали торжественное обѣщаніе — не выходить на будущее время изъ повиновенія и служить ему вѣрно; клялись, крестомъ и Евангеліемъ, не нарушать сдѣланнаго ими обѣщанія, и въ подкрѣпленіе своихъ словъ, ввели въ просьбу одно ужаснѣйшее заклятіе, которое заслуживаетъ выписки: «Если мы нарушимъ «эту клятву, писали они, то пусть ни одинъ свя«щенникъ, ни одинъ христіанинъ, не приметъ «нашей исповѣди, и покаяніе наше не при«несетъ намъ никакой пользы; пусть цер«ковь отлучитъ насъ отъ своихъ таинствъ; «пусть души наши въ будущей жизни не «получатъ никакого облегченія отъ папскихъ «буллъ и индульгенцій; пусть тѣла наши бу«дутъ брошены среди поля, подобно тру«памъ отступниковъ и еретиковъ, вмѣсто че«стнаго погребенія въ землю, и пусть не «разрѣшаютъ насъ отъ грѣховъ ни папа, ни «кардиналы, ни архіепископы, ни епископы «и ни одинъ изъ христіанскихъ священниковъ. (1)» Таковы страшныя заклятія, которыми эти негодяи старались усилить свою присягу. Вообще должно замѣтить, что если человѣкъ употребляетъ особыя усилія увѣ-

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 35.

рить другихъ въ святости своего слова, то онъ мало заслуживаетъ доверія. Изъ уничиженныхъ выраженій, въ которыхъ было написано прошеніе мятежниковъ, адмиралъ увидѣлъ, какъ глубоко они упали духомъ, и съ свойственнымъ ему великодушіемъ, велѣлъ объявить имъ, что предаетъ забвенію прошедшее и прощаетъ всѣхъ, съ тѣмъ только, что прежній начальникъ ихъ, Франсиско Поррасъ, будетъ содержаться арестованнымъ.

Чтобъ избѣжать стѣсненія на корабляхъ, столь вреднаго для здоровья, и вмѣстѣ отвратить всякой поводъ къ ссорамъ между людьми, которые такъ недавно еще сражались между собой, Коломбъ рѣшился оставить покорившихся мятежниковъ на берегу, подъ начальствомъ одного благоразумнаго и преданнаго ему офицера, отдѣливъ имъ часть припасовъ, привезенныхъ изъ Европы, и предоставивъ усиливать продовольствіе посредствомъ мѣны по всему острову, до прибытія судовъ.

Наконецъ, послѣ мучительнаго ожиданія, продолжавшагося цѣлый годъ, сомнѣнія Испанцевъ на счетъ обѣщанной помощи разсѣялись появленіемъ двухъ кораблей, которые плыли прямо къ порту. Одинъ изъ этихъ кораблей былъ нанятъ и снабженъ съѣстными припасами на счетъ адмирала, вѣрнымъ и неутомимымъ Діэго Мендесомъ; другой, подъ начальствомъ Діэго де-Салькадо, адми-

ральскаго агента на Испаніолѣ, снаряженъ вслѣдъ за нимъ, губернаторомъ.

Поведеніе Овандо, оставившаго Коломба въ его ужасномъ положеніи, возбудило на островѣ всеобщее негодованіе, до такой степени, что даже въ въ церквахъ начали гремѣть противъ него въ проповѣдяхъ. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ Ласъ-Касасъ, который находился тогда въ Санъ-Доминго. Если губернаторъ дѣйствительно старался выиграть время, въ надеждѣ, что Коломбъ погибнетъ въ Ямайкѣ, въ такомъ случаѣ извѣстія, привезенныя Эскобаромъ, должны были вывесть его изъ этого заблужденія: и онъ не могъ болѣе терять ни одной минуты, если хотѣлъ пріобресть титулъ его избавителя или покрайней мѣрѣ избѣжать безславія, что предалъ его совершенно на произволъ судьбы. Поэтому онъ приступилъ къ дѣлу съ необыкновенною поспѣшностью и отправилъ къ Ямайкѣ карабеллу въ одно время съ кораблемъ, посланнымъ Діэго Мендесомъ. Послѣдній, выполнивъ въ точности эту часть возложенныхъ на него порученій, по отплытіи судовъ, сѣлъ на корабль и отправился въ Испанію, собразно инструкціямъ адмирала.

Читатель, быть-можетъ, не безъ участія броситъ взглядъ на описаніе дальнѣйшихъ

приключеній Діэго Мендеса, которое мы предлагаемъ здѣсь въ краткомъ очеркѣ. «Король Фердинандъ, говорить Овидо, узнавъ объ отличныхъ заслугахъ Менеса, щедро наградилъ его, и въ память рѣдкаго самоотверженія этого Испанца, позволилъ ему присоединить къ своему гербу изображеніе лодки.»

Мендесъ остался постоянно вѣренъ и преданъ адмиралу, и служилъ ему усердно, по возвращеніи его въ Испанію, и въ продолженіе послѣдней его болѣзни. Коломбъ питалъ къ нему живѣйшую благодарность за его приверженность, и на смертномъ одрѣ своемъ въ награду за его услуги, обѣщалъ ему званіе главнаго алгвазила на островѣ Испаніолѣ. Сынъ адмирала, донъ Діэго, охотно обѣщалъ исполнить обязательство своего отца; однакожъ, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, вступилъ въ свои наслѣдственныя права, и Мендесъ напомнилъ ему объ этомъ обѣщаніи, онъ отвѣчалъ, что мѣсто главнаго алгвазила онъ отдалъ уже дядѣ своему, дону Варфоломею, а для него постарается пріискать другую, не менѣе почетную и выгодную должность. Мендесъ справеведливо возразилъ, что сходнѣй такую должность пріискать для дона Варфоломея, а ему дать мѣсто, обѣщанное адмираломъ. Несмотря на то, онъ не получилъ ничего и остался безъ вознагражденія. Потомъ Мендесъ совершилъ

разныя путешествія для открытій, на судахъ, зафрактованныхъ на собственный его счетъ; испыталъ много превратностей фортуны и, какъ кажется, кончилъ жизнь свою въ бѣдности. Изъ его завѣщанія, подписаннаго въ Валладолидѣ 19-го іюня 1536 года, изъ котораго извлечена большая часть приведенныхъ нами подробностей, видно, что въ эпоху его путешествія съ адмираломъ, онъ находился въ цвѣтущемъ возрастѣ. Въ томъ же завѣщаніи онъ проситъ передать обѣщанную ему награду дѣтямъ своимъ, назначивъ — старшаго главнымъ - алгвазиломъ въ Санъ - Доминго, а другаго лейтенантомъ адмирала въ томъ-же городѣ, съ сохраненіемъ имъ этихъ мѣстъ по смерть. Неизвѣстно, выполнена-ли эта просьба наслѣдниками дона Діэго.

Другою статьей завѣщанія, Мендесъ проситъ, чтобъ надъ его могилой поставили большой камень съ такою надписью: *Здѣсь лежитъ тѣло благороднаго рыцаря, Діэго Мендеса, служившаго вѣрой и правдой королевскому Испанскому престолу въ завоеваніи Индіи, сперва подъ начальствомъ славной памяти адмирала дона Христофора, который открылъ ее а потомъ самъ по себѣ на корабляхъ, зафрактованныхъ на свой счетъ. Скончался . . . и проч. Прохожій, изъ любви къ ближнему твоему, сотвори надъ нимъ молитвы: Отче нашъ и Богородица Дѣва, радуйся!*

Посрединѣ этого камня онъ завѣщалъ вырѣзать челнъ, присоединенный къ его гербу королемъ Фердинандомъ, въ память его путешествія изъ Ямайки въ Испаніолу, а сверху большими буквами слово: «САЮА.» Онъ приказываетъ своимъ наслѣдникамъ быть всегда вѣрными адмиралу (дону Діэго Коломбу) и супругѣ его и даетъ имъ много благоразумныхъ наставленій, присоединяя къ каждому свое благословеніе; проситъ ихъ тщательно сохранять въ фамиліи Мендесовъ его библіотеку, которую онъ бралъ съ собой во всѣ свои путешествія и которая состояла изъ небольшаго числа сочиненій, въ такомъ родѣ: *Наука умирать свято*, Эразма; *Проповѣдь*, того-же писателя, на Испанскомъ языкѣ: *Бесѣды*, его же; *Исторія Іосифа*; *Нравственная философія*, Аристотеля; *Книга о Святой Землѣ*; еще одно сочиненіе подъ заглавіемъ: *Созерцаніе Страсти Спасителя нашего*; *Разсужденіе о мщеніи за смерть Агамемнона*, и еще нѣсколько разсужденій.

Это любопытное и характеристическое завѣщаніе находится въ архивѣ герцога де-Верагуа, въ Мадритѣ.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

Правленіе Овандо въ Испаніолѣ. — Угнетеніе туземцевъ (1503).

Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію возвращенія Коломба въ Испаніолу, мы считаемъ не лишнимъ бросить взглядъ на главнѣйшія событія, совершившіяся на этомъ островѣ подъ управленіемъ Овандо. Вмѣстѣ съ новымъ губернаторомъ, прибыло туда множество авантюристовъ разныхъ состояній, — жадныхъ спекулантовъ, легковѣрныхъ мечтателей, обѣднѣвшихъ расточителей. Всѣ они надѣялись обогатиться въ самое короткое время на островѣ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, золото стоило только подбирать съ земли или вынимать изъ ручьевъ, вытекающихъ изъ горъ. «Только-что сдѣлали мы высадку,» — гово-

ритъ Лась-Касась, прибывшій съ тою-же экспедиціей, — «какъ эти люди бросились къ рудникамъ, находившимся въ восьми миляхъ отъ берега; всѣ дороги были покрыты ими; каждый изъ нихъ несъ на плечахъ походную сумку съ сухарями и рудокопными инструментами, и ниодинъ не имѣлъ слуги, которому-бы могъ передать свою ношу; кто имѣлъ лошадь, тотъ считалъ себя счастливѣй другихъ, потому что могъ вывезть съ острова больше золота.» Эти хидальги безъ слугъ шли весело къ минамъ, стараясь опередить другъ друга, чтобъ скорѣй достигнуть обѣтованной земли, — въ полной увѣренности, что прибывъ туда, все затрудненіе будетъ только въ выборѣ. «Они воображали, говоритъ Лась-Касась, что золото также легко и скоро собирать, какъ рвать плоды съ дерева,» и не прежде разувѣрились въ этомъ, какъ пришедъ уже на самое мѣсто. Здѣсь они съ ужасомъ увидѣли, что для пріобретенія золота нужно рыть землю, — работа тягостная и многимъ изъ нихъ совершенно чуждая; что для отысканія жилъ металловъ, надобно имѣть нужныя познанія, большую опытность и особенную смѣтливость, и наконецъ, что самая разработка минъ — дѣло чрезвычайно трудное, требующее большаго терпѣнія и навыка: и при всемъ томъ еще, обладая всѣми необходимыми для подобнаго труда качествами, никогда нельзя быть увѣ-

рену въ успѣхѣ. Несмотря на столь непріятное разочарованіе, искатели клада принялись рыть землю и работали нѣсколько часовъ весьма усердно; но золото не показывалось. Проголодавшись, они бросили заступы и сѣли обѣдать; потомъ снова принялись за работу — и опять напрасно.» Ихъ трудъ, говоритъ Ласъ-Касасъ, доставлялъ имъ добрый апетитъ, ускоряя пищевареніе, но золота не доставилъ ни малѣйшей частицы (1).»

Такимъ-образомъ, проведя цѣлую недѣлю въ безполезномъ трудѣ, потребивъ всѣ свои припасы и истощивъ терпѣніе, они прокляли свое безразсудство и печально отправились обратно, по тому-же самому пути, по которому такъ недавно еще шли, полные надеждъ. Они прибыли въ Санъ-Доминго, не собравъ ниодной унціи золота, голодные, унылые, обезнадеженные. Такова почти всегда участь тѣхъ, которые необдуманно вдаются въ рудокопныя предпріятія, — самыя обольстительныя изъ всѣхъ спекуляцій, но вмѣстѣ и самыя обманчивыя.

Вскорѣ эти жертвы корыстолюбія, истративъ все, что привезли съ собой изъ Испаніи, почувствовали всѣ ужасы нищеты. Многимъ изъ нихъ — рѣшительно нечего было ѣсть, и они, чтобъ утолить голодъ, который терзалъ ихъ, принуждены были продать —

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib II, cap. 5.

даже одежду. Нѣкоторые вступили въ сообщества съ старыми колонистами, но большая часть, не зная куда дѣваться, впали въ нѣкоторый родъ помѣшательства, имѣвшаго сходство съ тѣмъ состоянiемъ человѣка, когда онъ внезапно пробуждается послѣ неприятнаго, тягостнаго сновидѣнiя. Душевныя страданiя, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, усилили физическое разстройство, — и нѣкоторые изъ нихъ медленно исчахли и погибли отъ сухотки, другiе умерли отъ жестокой горячки. Такимъ-образомъ, въ короткое время, погибло на островѣ болѣе тысячи Испанцевъ.

Овандо слылъ за человѣка отличнаго по своему благоразумiю и проницательности, и многiя его мѣры для возстановленiя спокойствiя на островѣ и улучшенiя быта колонистовъ, оправдываютъ это мнѣнiе. Сообразно съ данными ему инструкцiями, онъ разселилъ прибывшiя съ нимъ семейства въ четырехъ городахъ, во внутреннихъ провинцiяхъ острова, и далъ имъ разныя льготы и привиллегiи. Разработка минъ шла до него медленно, видимо клонилась къ упадку; онъ оживилъ ее, возбудивъ усердiе Испанцевъ уменьшенiемъ взноса въ казну, который ограничилъ, вмѣсто половины, третью, а потомъ пятою частью прiобретаемаго металла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ далъ колонистамъ почти неограниченныя права надъ не-

счастными туземцами, позволивъ имъ употреблять самыя тиранскія мѣры для принужденія ихъ къ работѣ. Коломба чаще всего упрекали въ жестокостяхъ противъ туземцевъ, и это обстоятельство заставляетъ насъ разсмотрѣть въ томъ-же отношеніи дѣйствія его преемника, — человѣка, обязаннаго своимъ избраніемъ на его мѣсто, высокому понятію о его благоразуміи и мнимой способности къ управленію. Надобно вспомнить, что когда Коломбъ, въ 1499 году, былъ принужденъ раздать сообщникамъ Рольдана земли, онъ въ тоже время заключилъ съ сосѣдними кациками условія, по которымъ они обязались, вмѣсто подати, высылать извѣстное число своихъ подданныхъ въ помощь колонистамъ при обработываніи полей. Эта мѣра, какъ мы уже замѣтили, была началомъ бѣдственной системы раздѣла туземцевъ на участки (*repartimientos*). Бобадилла, вступивъ въ званіе губернатора, принудилъ кациковъ высылать каждому Испанцу опредѣленное число людей для разработки минъ, — гдѣ они употреблялись совершенно какъ рабочія животныя, — а для предупрежденія побѣговъ, велѣлъ сдѣлать общую перепись жителямъ, и раздѣливъ ихъ на участки, распредѣлилъ между колонистами. О жестокомъ угнетеніи туземцевъ и звѣрскихъ поступкахъ съ ними, которые были послѣдствіемъ этой мѣры, мы уже говорили. Они возбудили негодованіе

Изабеллы, и въ 1502 году Овандо получилъ повелѣніе — смѣнить Бобадиллу и объявить жителей острова свободными: послѣ чего туземцы тотчасъ-же перестали ходить на разработку минъ.

Но въ такомъ положеніи дѣла оставались недолго. Въ слѣдуюшемъ году Овандо сдѣлалъ представленіе Испанскимъ государямъ, что совершенная свобода, дарованная жителямъ, произвела весьма непріятныя послѣдствія для колоній; что съ той поры невозможно собирать съ нихъ податей, потому что они отъ природы лѣнивы и непредусмотрительны и слѣдственно, безъ принужденія, не хотятъ ничего работать; что, ктому-жъ, одинъ трудъ только можетъ удержать ихъ отъ пороковъ и распутствъ, которымъ они предаются отъ праздности, и наконецъ, что съ тѣхъ поръ, какъ начался этотъ новый порядокъ вещей, они чуждаются Испанцевъ и не приходятъ болѣе слушать наставленій миссіонеровъ въ истинахъ христіанской религіи.

Послѣднее представленіе имѣло сильное вліяніе на Изабеллу и заставило ихъ величества, въ 1503 году, написать къ Овандо письмо, въ которомъ они повелѣвали ему — стараться всѣми мѣрами вселить въ туземцевъ привязанность къ Испанскому народу и къ католической религіи; позволяли занимать ихъ работою, если это необходимо для ихъ пользы; но умѣренно, не обременяя излиш-

нимъ трудомъ, и всегда исправно и щедро платя имъ за работу; а въ управленіи ими приказывая наблюдать величайшую разборчивость и кротость, и въ опредѣленные дни собирать ихъ для наставленія въ истинахъ христіанской религіи.

Овандо воспользовался властью, данною ему этимъ письмомъ, во всемъ ея пространствѣ. Онъ опредѣлилъ каждому Испанцу, сообразно съ его званіемъ, или по собственному произволу, извѣстное число туземцевъ, и велѣлъ кацикамъ высылать этихъ людей въ назначенныя мѣста, объявивъ, что они будутъ получать за труды плату отъ тѣхъ Испанцевъ, къ которымъ поступятъ. Но плата была назначена губернаторомъ собственно для одного вида, чтобы только не выдти изъ повелѣній короля и королевы: такъ она была ничтожна; а религіозное образованіе туземцевъ ограничивалось — однимъ обрядомъ крещенія. Продолженіе рабочаго времени сначала было опредѣлено шестью мѣсяцами въ годъ; потомъ увеличено до восьми. Испанцы, подъ предлогомъ, что ихъ рабочіе — наемные и трудятся для собственной пользы, житейской и духовной, обременяли ихъ тягостнѣйшими работами и обращались съ ними безчеловѣчнѣй и жестокосердѣй, чѣмъ въ самыя бѣдственныя для нихъ времена при Бобадиллѣ; часто отсылали ихъ въ мѣста, удаленныя отъ

ихъ жилищъ и семействъ на нѣсколько дней пути, и удерживали тамъ на изнурительныхъ работахъ; если кто изъ этихъ несчастныхъ страдальцевъ, утомившись, оставлялъ на минуту работу, того тотчасъ осыпали ударами плети; пища ихъ состояла изъ одного кассавнаго хлѣба, слишкомъ мало питательнаго при столь изнурительныхъ трудахъ; иногда имъ давали свинины, но въ такомъ маломъ количествѣ, что каждому доставалось не болѣе какъ по нѣскольку золотниковъ.» Когда надсмотрщики за работами (Испанцы) обѣдали, — говоритъ Ласъ - Касасъ, — туземцы, подобно голоднымъ собакамъ, бросались подъ столъ подбирать кости, которыя тѣ иногда бросали имъ: оглодавъ и высосавъ кость, они растирали ее между камнями въ порошокъ и посыпали имъ свой кассавный хлѣбъ, — чтобы не пропадала ни малѣйшая частица такой драгоцѣнности.» На полевыхъ работахъ бѣдные дикари не получали ни мяса, ни рыбы: небольшое количество кассавнаго хлѣба и кой-какіе коренья, составляли ихъ единственную пищу.

Лишая, такимъ-образомъ, своихъ работниковъ пищи, необходимой для поддержанія ихъ силъ и здоровья, Испанцы въ то-же время обременяли ихъ такими трудами, которыхъ не перенесъ-бы человѣкъ самого сильнаго сложенія. Если работникъ, доведенный

до крайности, — въ надеждѣ избавиться отъ этого тяжкаго и непрерывнаго труда и варварскихъ истязаній своихъ мучителей, — искалъ спасенія въ горахъ; его преслѣдовали, какъ дикаго звѣря, сѣкли безъ милосердія, и чтобъ предупредить новую попытку къ побѣгу, заковывали навсегда въ желѣза. Множество этихъ несчастныхъ жертвъ погибло до истеченія срока, опредѣленнаго для работъ. Тѣ, которые пережили его, получили позволеніе возвратиться въ свои домы, съ тѣмъ, чтобъ въ слѣдующемъ году опять явиться на работу въ назначенное время. Но ихъ жилища, большею частію, находились въ сорока, шестидесяти и даже въ восьмидесяти миляхъ отъ мѣста работы; а всѣ путевые запасы ихъ состояли изъ небольшаго количества кореньевъ, сладкаго перцу и кассавнаго хлѣба. Изнуренные продолжительною и тяжкою работой, несоразмѣрною съ ихъ слабымъ сложеніемъ, многіе изъ нихъ не имѣли силы достигнуть своихъ жилищъ и умерли на пути, — одни падая мертвыми на дорогѣ, другіе испуская послѣдній вздохъ на берегахъ ручьевъ, или въ тѣни деревъ, гдѣ они искали защиты отъ солнца.» Мнѣ попадалось ихъ довольно, говоритъ Ласъ-Казасъ: иные валяясь мертвые среди дороги; другіе съ трудомъ переводили дыханіе, отъ усталости и изнеможенія, сидя въ тѣни подъ деревьями; нѣкоторые, въ борепіи съ смертью,

произносили слабымъ голосомъ: «Ѣсть! ѣсть!» Наконецъ, тѣ, которымъ удалось достигнуть жилищь, нашли ихъ, большею частію, опустѣлыми. Въ продолженіи восьми мѣсячнаго ихъ отсутствія, жены и дѣти ихъ или умерли, или разсѣялись; поля — единственный источникъ ихъ пропитанія, заросли травой. Въ уныніи, въ изнеможеніи, безъ всякой надежды на помощь, имъ ничего не осталось — какъ ждать у порога своихъ хижинъ медленной смерти (1).»

Далѣе нѣтъ возможности слѣдовать за описаніемъ Ласъ-Касаса тѣхъ ужасныхъ подробностей, — возмущающихъ въ одно время и природу и человѣчество, — которыхъ онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ. Довольно того, если мы прибавимъ къ его ужасной картинѣ, что труды и истязанія, которымъ подвергали этотъ слабый и беззащитный народъ, были дотого невыносимы, что онъ изнемогъ подъ ними и мало-по-малу совершенно исчезъ съ лица земли. Многіе туземцы, въ отчаяніи, лишали себя жизни; матери, одолѣвая могущественный инстинктъ природы, убивали грудныхъ дѣтей своихъ, чтобъ избавить ихъ отъ столь бѣдственнаго существованія. Не прошло еще двѣнадцати лѣтъ со времени открытія этого несчастнаго острова, какъ уже

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 14, MS.

почти все народонаселеніе, около милліона душъ, его первоначальныхъ жителей, погибло жертвой алчнаго корыстолюбія Европейцевъ.

ГЛАВА II.

Убійство въ Ксарагвѣ. — Судьба Анакоаны (1503).

Представивъ,—хотя въ неполной картинѣ,— бѣдственное положеніе несчастныхъ жителей острова подъ управленіемъ Овандо, бросимъ теперь взглядъ на военныя дѣйствія этого правителя, котораго благоразуміе такъ превознесено нѣкоторыми историками той эпохи, и вмѣстѣ на тотъ періодъ исторіи Испаніолы, — періодъ столь обильный событіями, и столь тѣсно связанный съ судьбой Коломба,—который заключаетъ въ себѣ совершенное покореніе, или, лучше сказать, конечное истребленіе его первыхъ обитателей. Начнемъ описаніемъ бѣдствій, постигшихъ прекрасную провинцію Ксарагву, — этотъ гостепріимный уголокъ Гаити, всегдашнее убѣжище Испанцевъ въ несчастьи,— и заключимъ нѣсколькими словами о судьбѣ прекрасной Анакоаны, великодушной почитательницы бѣлыхъ, составлявшей нѣкогда

гордость и украшеніе острова. По смерти Бегегіо, кацика этой области, ему наслѣдовала въ правленіи сестра его, Анакоана. Видимое пристрастіе ея къ Испанцамъ, постепенно охлаждалось зрѣлищемъ бѣдствій, внесенныхъ ими въ ея отечество, и омерзительнымъ распутствомъ сообщниковъ Рольдана, во время пребыванія ихъ въ Ксарагвѣ. Любовь ея прелестной дочери, Гигуамоты, къ молодому Испанцу, Фернандо де-Гуэварѣ, также была для ней источникомъ сильной горести; а непомѣрныя работы и угнетенія, которыми Бобадилла и Овандо обременили ея, нѣкогда столь счастливыхъ, подданныхъ, превратили наконецъ ея дружеское расположеніе къ бѣлымъ въ ненависть.

Поведеніе Испанцевъ, поселившихся въ окрестностяхъ ея резиденціи, гдѣ имъ были отведены участки земли, съ каждымъ днемъ усиливало и раздражало это враждебное чувство. Ксарагва была колонизирована большею частью остатками мятежной шайки Рольдана,—людьми, потерявшими стыдъ и совѣсть, пріученными преступною снисходительностью ихъ прежняго начальника къ своеволію, къ жизни самой грубой и чувственной. Они возбудили къ себѣ жестокую ненависть въ подвластныхъ Анакоанѣ кацикахъ, самымъ прихотливымъ и тиранскимъ угнетеніемъ ихъ, на основаніи пагубной системы *repartimientos*.

Первые обитатели этой провинціи, по единогласному свидѣтельству историковъ, отличались высшею степенью умственныхъ способностей и гражданской образованности, характеромъ болѣе благороднымъ и великодушнымъ, отъ жителей другихъ областей Испаніолы и сосѣдственныхъ острововъ: и тѣмъ сильнѣй они должны были чувствовать обиды и угнетеніе ненавистныхъ пришельцевъ. Между кациками и ихъ притѣснителями возникали иногда раздоры: колонисты тотчасъ представляли это губернатору въ видѣ непокорности, а малѣйщее сопротивленіе насилію какого-нибудь своевольнаго и развращеннаго негодяя—явнымъ бунтомъ противъ властей острова. Такого рода жалобы безпрестанно доходили до губернатора, не обращая на себя большаго вниманія.

Наконецъ, какой-то заботливый политикъ,— одинъ изъ тѣхъ людей, которые во всемъ предусматриваютъ опасность, — увѣрилъ его, что между туземцами Ксарагвы составляется заговоръ, имѣющій цѣлью всеобщее возстаніе и повсемѣстное истребленіе Испанцевъ: и Овандо немедленно выступилъ туда съ отрядомъ войскъ, изъ трехъ-сотъ человѣкъ пѣшихъ, вооруженныхъ шпагами, ружьями и арбалетами, и изъ семидесяти кавалеристовъ, въ латахъ, съ копьями и щитами. Цѣль этой экспедиціи, какъ онъ вездѣ разглашалъ, состояла въ простомъ, дружескомъ

посѣщенія Анакоаны, съ которою ему надобно было переговорить о разныхъ мѣрахъ относительно платы податей.

Когда слухъ объ этомъ дошелъ до Анакоаны, она разослала гонцовъ ко всѣмъ подвластнымъ ей касикамъ и знатнѣйшимъ старшинамъ, съ приказаніемъ, чтобъ они собрались въ ея резиденцію, для почетной встрѣчи и пріема Испанскаго губернатора. При появленіи Овандо съ его отрядомъ, Анакоана, по туземному обычаю, вышла къ нему на встрѣчу, въ сопровожденіи множества знатнѣйшихъ своихъ подданныхъ, мужчинъ и женщинъ, отличавшихся, какъ мы уже сказали, особенною граціозностью и красотою. Они привѣтствовали Испанцевъ веселыми звуками своихъ арейтосовъ, или народныхъ пѣсенъ; молодыя женщины, махая пальмовыми вѣтвями, плясали передъ ними: однимъ словомъ, все напоминало тотъ трогательный пріемъ, который такъ восхитилъ аделантадо и сопровождавшихъ его Испанцевъ, когда они въ первый разъ посѣтили эту провинцію.

Анакоана приняла губернатора съ тою любезностью и вмѣстѣ съ тѣмъ естественнымъ достоинствомъ, которыя составляли ея отличительныя качества. Она назначила ему самый большой домъ въ резиденціи, а людей его велѣла размѣстить въ сосѣднихъ жилищахъ. Нѣсколько дней сряду туземцы угощали и увеселяли своихъ посѣтителей всѣмъ,

чѣмъ только могли; забавляли ихъ плясками, пѣснями и разными народными играми, между тѣмъ какъ Анакоана оказывала имъ самое предупредительное вниманіе и изъявляла по-крайней-мѣрѣ по наружности, прежнее радушное доброжелательство.

Но несмотря на всю внимательность Анакоаны къ своимъ гостямъ, на всѣ доказательства ея преданности, не одинъ разъ испытанной Испанцами, ни на извѣстное благородство ея характера, неспособнаго ни къ чѣму низкому; — Овандо остался при прежнемъ убѣжденіи — что она имѣетъ тайный замыселъ умертвить его и всѣхъ Испанцевъ, находившихся въ ея владѣніяхъ. Историки не объясняютъ, на чемъ именно онъ основывалъ свое подозрѣніе; но, по всей вѣроятности, оно было внушено ему колонистами Ксарагвы, — безчестными и безнравственными негодяями, заражавшими своимъ присутствіемъ эту прекрасную провинцію. Не приступая къ насильственнымъ и кровавымъ мѣрамъ, Овандо, кажется, долженъ-бы былъ прежде удостовѣриться въ справедливости доноса; сообразить обстоятельства, которыя могли оправдать или отвергнуть возможность мнимаго нападенія нагихъ дикарей на многочисленный отрядъ воиновъ, покрытыхъ желѣзомъ и вооруженныхъ столь страшнымъ для нихъ Европейскимъ оружіемъ, и наконецъ принять въ соображеніе всѣ прежніе поступ-

ки Анакоаны. Предположивъ даже, что подозрѣнія Овандо были справедливы, и тогда — правленія Коломба и аделантадо представляли ему слишкомъ довольно примѣровъ, что для разстройства, самымъ лучшимъ образомъ придуманныхъ, замысловъ туземцевъ, достаточно простаго арестованія кациковъ и удержанія ихъ въ видѣ заложниковъ. Но политика Овандо была не такъ разборчива: она дѣйствовала при одномъ подозрѣніи точно такъ, какъ-бы дѣло было утверждено неопровержимыми доказательствами. Губернаторъ рѣшился предупредить мнимый заговоръ ужасною хитростью предать неожиданно весь этотъ беззащитный народъ, безъ разбора, въ жертву кровавому мщенію.

Когда народныя игры туземцевъ, которыми они увеселяли своихъ гостей, кончились, Овандо въ свою очередь пригласилъ ихъ на игры своего отечества, и между прочимъ на нѣкоторый родъ турнира, или сраженіе на коняхъ тупыми копьями, — рыцарское увеселеніе, заимствованное Испанцами у Гренадскихъ Мавровъ. Тогдашняя Испанская кавалерія столько-же отличалась выѣздкою лошадей и великолѣпіемъ ихъ убранства, сколько ловкостью и искуствомъ всадниковъ въ управленіи ими. Въ войскахъ, привезенныхъ губернаторомъ изъ Испаніи, былъ одинъ всадникъ, который пріучилъ своего коня становиться на дыбы и прыгать въ тактъ подъ

звуки музыки (1). Турниръ былъ назначенъ въ первое воскресенье, послѣ полудня, на площади, передъ домомъ, который занималъ Овандо. Вмѣстѣ съ назначеніемъ дня, войску были отданы тайныя повелѣнія. Кавалерія получила приказъ вступить на ристалище не съ тупыми копьями, но съ оружіемъ болѣе надежнымъ и страшнымъ; а пѣхотнымъ воинамъ велѣно было собраться на площадь какъ простымъ зрителямъ, но также съ оружіемъ и въ полной готовности дѣйствовать по условленному знаку.

Въ опредѣленный часъ площадь покрылась туземцами, нетерпѣливо ожидавшими начала этого военнаго зрѣлища. Кацики собрались въ домъ Овандо, обращенный фасадомъ къ ристалищу. Ниодинъ изъ нихъ не былъ вооруженъ, и всѣ черты ихъ выражали безпечную довѣрчивость, совершенно несовмѣстную съ измѣной, въ которой ихъ обвиняли. Чтобъ отклонить всякое подозрѣніе и устранить малѣйшіе признаки ужаснаго замысла, Овандо, послѣ обѣда, принялъ участіе въ одной игрѣ съ своими высшими офицерами. Между-тѣмъ кавалерія вступила на площадь, и кацики пришли просить его, чтобъ онъ велѣлъ начать турниръ (1). Къ нимъ присоединились Анакоана, прелестная дочь ея, Ги-

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 9.
(2) Oviedo, *Cronica de las Indias*, lib. III, cap. 12.

гуамота, и приближенныя ихъ женщины, и также просили губернатора — дать знакъ къ началію игръ.

Тогда Овандо оставилъ игру и вышелъ на балконъ, откуда его можно было видѣть со всѣхъ пунктовъ площади. Увѣрившись, что войска заняли назначенныя мѣста и всѣ распоряженія его исполнены въ точности, онъ подалъ раковой сигналъ — взявшись за золотое украшеніе, висѣвшее у него на шеѣ, какъ говорятъ, одни (1); а по словамъ другихъ — положивъ руку на крестъ Алькантары, вышитый на его одеждѣ (2). Въ то-же мгновеніе раздался звукъ трубы, и отрядъ солдатъ, подъ начальствомъ Діэго Беласкеса и Родриго Мехіатрилло, окружилъ домъ, въ которомъ находилась Анакоана и ея кацики, и захватилъ всѣ выходы изъ него; потомъ нѣсколько Испанцевъ вошли во внутренность зданія, вывели оттуда Анакоану, подъ стражей, а кациковъ привязали къ столбамъ, поддерживавшимъ кровлю строенія и начали пытать. Ужасныя истязанія, которымъ ихъ подвергли, продолжались до-тѣхъ-поръ, пока нестерпимыя мученія заставили нѣкоторыхъ кациковъ объявить себя виновными въ мнимомъ заговорѣ. Послѣ этой жестокой насмѣш-

(1) Las Casas, lib. II, cap. 32.

(2) Charlevoix, *Histoire de Saint-Domingue*, L. XXIV, p. 235.

ки надъ судебными формами, вмѣсто того, чтобъ подвергнуть несчастныхъ слѣдствію и суду обыкновеннымъ порядкомъ, Овандо велѣлъ зажечь домъ: и всѣ они погибли въ пламени.

Между-тѣмъ, какъ участь старшинъ рѣшалась столь варварскимъ образомъ, на площади производилось страшное кровопролитіе. По знаку Овандо, кавалерія врѣзалась въ толпы нагихъ и беззащитныхъ туземцевъ, давила ихъ лошадьми, поражала шпагами и пронзала копьями, не щадя ни пола, ни возраста, и предавая смерти всѣхъ безъ разбора съ звѣрскимъ ожесточеніемъ. Если какой-нибудь всадникъ, движимый состраданіемъ, хотѣлъ спасти дитя и сажалъ его за собой на коня, варвары-товарищи на его-же глазахъ пронзали несчастную жертву копьями. Описаніе этого ужаснаго убійства приводитъ въ содраганіе; пріятно было-бы сомнѣваться въ истинѣ повѣствователя; но, къ несчастью, всѣ обстоятельства этого кроваваго пиршества описаны самымъ подробнымъ, — чтобъ не сказать мелочнымъ, — образомъ, почтеннымъ епископомъ Ласъ-Касасомъ, который находился тогда на островѣ и часто имѣлъ случаи говорить о немъ съ тѣми самыми людьми, которые составляли планъ этой кровавой трагедіи. Быть-можетъ, въ негодованіи, которымъ онъ всегда воспламенялся при воспоминаніи о бѣдствіяхъ Испаніольскихъ жителей, дос-

тойный епископъ изобразилъ это событіе слишкомъ рѣзкими красками: но, судя по описаніямъ всѣхъ современныхъ повѣствователей и по множеству неопровержимыхъ фактовъ, которые говорятъ сами за себя — Исторія рѣдко представляла зрѣлища болѣе кровавыя и ужасныя. Овидо, — панегиристъ Овандо, — который такъ громко выхваляетъ справедливость, благоразуміе, доброту и кротость этого вельможи, также его отеческое управленіе туземцами Испаніолы, былъ въ провинціи Ксарагвѣ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ описаннаго нами происшествія, и разсказываетъ большую часть подробностей этого событія; между прочимъ упоминаетъ и объ игрѣ, которою губернаторъ забавлялся такъ хладнокровно за нѣсколько минутъ до открытія столь ужаснаго позорища, и о смерти касиковъ, сожженныхъ за живо» въ числѣ слишкомъ сорока человѣкъ, » говоритъ онъ. «Діэго Мендесъ, который находился въ Ксарагвѣ во время самого происшествія, и безъ сомнѣнія, былъ свидѣтелемъ столь важнаго событія, случайно упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи, что» всѣхъ касиковъ было умерщвлено или сожжено восемдесятъ четыре (1).» — Ласъ-Касасъ говоритъ, что» съ Анакоаной вошли въ домъ восемдесятъ каци-

(1) Oviedo, *Crónica de las Indias*, lib. II, cap. 12. — Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 9.

ковъ.—Число туземцевъ, умерщвленныхъ на площади, должно быть ужасно, потому что избіеніе производилось среди многочисленной толпы, безоружной и беззащитной. Не многимъ изъ нихъ удалось спастися; убѣжавъ изъ города, они бросились въ чёлны и пристали къ острову Гуанабо, въ восьми миляхъ отъ Ксарагвскаго берега; но ихъ преслѣдовали, переловили и отдали Испанцамъ въ неволю.

Анакоану отправили въ Санъ-Доминго, въ цѣпяхъ, — гдѣ, послѣ беззаконнаго суда, насмѣшки надъ правосудіемъ, она была объявлена виновною, на основаніи показаній, исторгнутыхъ пыткой у кациковъ, и обвиненій ея же палачей, и приговорена къ позорной казни. Она была повѣшена въ присутствіи тѣхъ самыхъ людей, которымъ покровительствовала такъ долго и такъ великодушно (1). Овидо старается запятнать доброе имя этой несчастной женщины — обвиненіемъ ея въ распутствѣ; но это общая черта историка Овидо, который обыкновенно старается безславить всѣхъ туземныхъ владѣтелей, падшихъ жертвами неблагодарности и неправосудія его соотечественниковъ. Современные, болѣе уважаемые писатели, единогласно изображаютъ Анакоану — женщиной

(1) Oviedo, *Cronica de las Indias*, lib. III, cap. 12. — Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 9.

благородной и любезною, отличавшеюся множествомъ пріятныхъ качествъ. Она была боготворима своими подданными, на которыхъ производила вліяніе даже при жизни своего брата; славилась, какъ говорятъ, искуствомъ составлять арейтосы, или народныя баллады, и, безъ сомнѣнія, сильно содѣйствовала распространенію въ своемъ народѣ нѣкотораго рода образованности, которою онъ отличался отъ обитателей другихъ частей острова. Ея красота, ея любезность, гремѣли по всему острову и возбудили удивленіе въ самыхъ Испанцахъ. Доказательствомъ ея благороднаго великодушія служитъ — всегда ласковое и привѣтливое обращеніе ея съ бѣлыми людьми, несмотря на то, что они были причиной смерти ея мужа, неустрашимаго и грознаго Каонабо, погибшаго въ цѣпяхъ во власти Испанцевъ, которымъ она не мстила потому, что считала своего мужа зачинщикомъ ссоры, — хотя не одинъ разъ имѣла полную возможность удовлетворить этому чувству надъ малочисленными партіями Испанцевъ, скитавшихся безъ оружія въ ея владѣніяхъ, и даже надъ тѣми, которые колонизировались въ нихъ. И несмотря на все это, она погибла жертвой нелѣпаго обвиненія въ заговорѣ противъ вооруженнаго отряда, состоявшаго почти изъ четырехъ-сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ изъ семидесяти, столь ужасныхъ для

туземцевъ, кавалеристовъ,—противъ силы, достаточной для истребленія многочисленнѣйшихъ туземныхъ армій.

Казни и убійства продолжались въ Ксарагвѣ еще долго послѣ этого общаго избіенія. Любимый племянникъ Анакоаны, кацикъ Гунора, убѣжавшій въ горы, былъ преслѣдуемъ, какъ звѣрь, пойманъ и повѣшенъ. Испанцы, подъ предлогомъ усмиренія бунта, предавали все огню и мечу, цѣлыхъ полгода, возобновляя истребленіе каждый разъ, какъ только горсть туземцевъ, доведенныхъ до отчаянья, убѣгала въ горы и укрывалась тамъ въ какой-нибудь пещерѣ или ущельи: о чемъ доносили они губернатору, какъ объ умышленномъ сборѣ туземцевъ, для составленія новыхъ заговоровъ. Наконецъ, открывъ всѣ убѣжища бѣдныхъ дикарей, умертвивъ ихъ неисчислимое множество и доведя остальныхъ до ужаснѣйшей нищеты и самого тяжкого рабства, Испанцы провозгласили, что въ этой части острова порядокъ возстановленъ, и Овандо, въ память своего великаго торжества, основалъ на берегу озера городъ, назвавъ его « Santa-Maria de la verdadera Paz. « (Святой-Маріи, Подательницы Мира) (1).

Такова трагическая исторія прелестной провинціи Ксарагвы и ея любезныхъ и госте-

(1) Oviedo, *Cronica de las Indias*, lib. III, cap. 12.

пріимныхъ обитателей, — провинціи, которую сами же Испанцы называли «раемъ», и которую они въ короткое время превратили своими подлыми страстями въ позорище опустошеній и смерти.

ГЛАВА III.

Война съ племенемъ Гигейцевъ (1504).

Мы уже описали порабощеніе четырехъ областей Испаніолы и бѣдственную судьбу ихъ кациковъ. Въ правленіе Овандо и послѣдняя изъ этихъ, нѣкогда независимыхъ провинцій, Гигей, занимавшая восточную оконечность острова, подверглась той-же участи.

Обитатели Гигея составляли самое воинственное населеніе Испаніолы. Подверженые частымъ набѣгамъ Караибовъ, они по необходимости научились владѣть оружіемъ. Надъ ними властвовалъ тогда кацикъ Котабанама. Ласъ-Касасъ видѣлъ этого царька, и называетъ его — Индѣйскимъ героемъ. « Во всемъ его племени, говоритъ онъ, не было человѣка сильнѣй его, и трудно отыскать въ какомъ-бы то ни было народѣ изъ тысячи мужчинъ одного, который-бы имѣлъ столь колоссальный ростъ и такіе исполинскіе размѣры.

Онъ былъ гораздо выше самого рослаго изъ своихъ соотечественниковъ; отъ плеча до плеча у него былъ аршинъ разстоянія, и все прочія части тѣла соотвѣтствовали этимъ размѣрамъ. Лицо его, не отличаясь особенною пріятностью, было важно и величаво. Его лукъ никто не могъ натянуть, кромѣ его самого; онъ пускалъ изъ него стрѣлы, вооруженныя трехконечнымъ остріемъ изъ рыбьихъ костей; его оружіе, казалось, было сдѣлано для гиганта. Однимъ словомъ, все въ немъ поражало грозною, но вмѣстѣ стройною колоссальностію, и приводило въ изумленіе даже самихъ Испанцевъ.

Въ продолженіе четвертаго путешествія Коломба, вскорѣ послѣ вступленія Овандо въ должность губернатора, Гигейцы захватили у небольшаго островка Саоны, лежащаго противъ берега ихъ провинціи, Испанскій шлюпъ съ восемью пассажирами и умертвили ихъ, въ отмщенье за смерть одного изъ своихъ кациковъ, затравленнаго какимъ-то Испанцемъ собакой, — злодѣяніе, за которое они требовали удовлетворенія и не получили его.

Узнавъ объ этомъ происшествіи, Овандо немедленно отправилъ въ Гигей Хуана де-Эскибеля, одного изъ храбрѣйшихъ своихъ офицеровъ, съ отрядомъ изъ 400 воиновъ, поручивъ ему «утушить возмущеніе и наказать виновныхъ.» Котабанама собралъ вои-

ность и приготовился къ сильному отпору. Не полагаясь на снисходительность Испанцевъ, онъ отвергъ всѣ ихъ предложенія о мирѣ. Открытіе кампаніи обѣщало успѣхъ туземцамъ. Они уже превозмогли свой суевѣрный страхъ, который внушала имъ мнимая сверхъестественность Испанцевъ, и не смотря на превосходство Европейскаго оружія, противъ котораго имъ трудно было держаться, показали такую храбрость и стойкость, что заставили непріятеля опасаться неблагопріятныхъ послѣдствій отъ этого упорнаго сопротивленія. Ласъ-Касасъ, Шарльвуа и другіе историки описываютъ ожесточенный бой одного Гигейца съ двумя Кастиланскими всадниками, въ которомъ дикій воинъ показалъ примѣръ едва вѣроятнаго героизма: весь израненый ихъ копьями и шпагами, онъ съ ожесточеніемъ продолжалъ битву, нападая то на одного изъ своихъ противниковъ, то на другаго, попеременно, до тѣхъ поръ, пока обезоружилъ обоихъ и обратилъ въ бѣгство; и не въ состояніи будучи преслѣдовать своихъ враговъ, онъ долго еще грозилъ имъ вслѣдъ, потрясая отнятымъ у нихъ оружіемъ, пока не палъ мертвый (1).

(1) Вотъ подробности этого, въ самомъ дѣлѣ необыкновеннаго, боя, взятыя изъ Шарльвуа (*Histoire de Saint-Domingue*, liv. XXIV). «Два Испанскихъ всадника, Вальвенебро и Порсеведро, увидѣвши однажды дикаго, шедшаго

Но несмотря на эти частныя усилія, туземцы вскорѣ были разбиты и оттѣснены въ горы. Испанцы преслѣдовали ихъ, открыли убѣжища ихъ женъ и дѣтей, произвели между ними страшное кровопролитіе и сожгли старшинъ ихъ. Захвативъ въ плѣнъ владѣтельницу одного важнаго округа провинціи

издали. Вальтенебро тотчасъ отдѣлился отъ своего товарища и поскакалъ на путника съ поднятымъ копьемъ. Туземецъ, желая предупредить ударъ, пустилъ въ него стрѣлу, но не попалъ, и въ туже минуту былъ проколотъ насквозь наскакавшимъ всадникомъ. Вырвавъ изъ раны копье Испанца, дикій схватилъ за узду его коня и хотѣлъ заколоть своего врага, но Испанецъ вонзилъ ему въ животъ всю шпагу, по самый эфесъ. Раненый овладѣлъ шпагой, какъ и копьемъ, вырвавъ ее у Кастиланца, который не выпускалъ рукояти. Вальтенебро выхватилъ кинжалъ и вонзилъ его весь въ тѣло дикаря, который отнялъ у него и это оружіе. Портеведра, видя что товарищъ его обезоруженъ и въ опасности, пришпорилъ лошадь и поскакалъ къ нему на помощь. Гигеецъ дождался его съ твердостью, несмотря на то, что кровь лилась ручьями изъ трехъ широкихъ ранъ его. Портеведра нанесъ ему еще три раны тѣмъ-же порядкомъ и, подобно своему товарищу, былъ обезоруженъ. Такимъ-образомъ оба кавалериста были обращены въ бѣгство однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ они едва удостоивали травли своими собаками. Нѣсколько времени спустя, Гигеецъ палъ мертвый.»

Гигея, по имени Гигуанаму, они тотчасъ же повѣсили ее.

Эскибель послалъ на карабеллѣ отдѣльный отрядъ къ острову Саонѣ, съ приказанiемъ — отмстить примѣрнымъ образомъ его жителямъ за истребленiе шлюпа и смерть Испанскихъ матросовъ. Островитяне встрѣтили посланныхъ отпоромъ; однакожъ вскорѣ разбѣжались въ безпорядкѣ, тщетно стараясь укрыться въ пещерахъ, которыми былъ наполненъ островъ. Испанцы загнали въ одно мѣсто отъ шести до семи сотъ этихъ несчастныхъ, — и всѣ они погибли подъ ударами кинжала или шпаги. Пощаженные яростью побѣдителей были уведены въ неволю: » и съ той поры, говоритъ Ласъ-Касасъ, островъ сдѣлался обширною пустыней (1). »

Гигейцы, видя, что для нихъ нѣтъ убѣжища даже въ нѣдрахъ земли, впали въ глубокое отчаянiе и умоляли о мирѣ. Испанцы согласились прекратить военныя дѣйствiя и даже принять жителей подъ свое покровительство, съ условiемъ, чтобъ они воздѣлывали для нихъ значительное пространство земли и доставляли извѣстное количество кассавнаго хлѣба, въ видѣ дани. По заключенiи мира, Котабанама посѣтилъ Испанцевъ, въ ихъ лагерѣ, и возбудилъ тамъ всеобщее

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 9.

удивленіе и любопытство исполинскими размѣрами своего тѣла и своимъ воинственнымъ видомъ. Эскибель принялъ его съ большимъ уваженіемъ и помѣнялся съ нимъ именами, что почиталось у дикихъ Американцевъ залогомъ ненарушимой дружбы. Съ тѣхъ поръ туземцы стали называть своего касика — Хуаномъ Эскибелемъ, а Испанскаго вождя — Котабанамой. Построивъ въ одномъ селеніи, на берегу моря, деревянную крѣпостцу, и оставивъ въ ней девять человѣкъ гарнизона, подъ командой капитана Мартина Виллямана, Эскибель распустилъ свой отрядъ, и каждый Испанецъ отправился домой съ участкомъ невольниковъ, доставшимся ему въ эту экспедицію.

Но миръ продолжался недолго. Около того времени, когда были посланы за Колумбомъ корабли въ Ямайку, въ Гигеѣ вспыхнуло новое возмущеніе, порожденное угнетеніемъ Испанцевъ, которые были тамъ оставлены, и нарушеніемъ договора, заключеннаго съ туземцами Эскибелемъ. Мартинъ де-Вилламанъ требовалъ отъ жителей, чтобъ они не только обработывали условленное пространство земли, но чтобъ сами относили въ Санъ-Доминго получаемое съ полей, и когда Гигейцы, ссылаясь на договоръ, отказались выполнить его требованіе, онъ употребилъ самыя жестокія мѣры, чтобъ принудить ихъ къ тому силой. Кромѣ того, онъ явно потворствовалъ

развратному поведенію своихъ людей въ отношеніи къ туземнымъ женщинамъ. Испанцы безнаказанно похищали у жителей дочерей, сестеръ и даже женъ (1). Все это ожесточило Гигейцевъ до такой степени, что они не въ силахъ были долѣе воздерживать справедливаго негодованія, — возстали противъ своихъ тирановъ, умертвили ихъ и обратили въ пепелъ ихъ деревянное укрѣпленіе. Одинъ только Испанецъ спасся отъ этого поголовнаго истребленія, и явившись въ Санъ-Доминго, донесъ о происшествіи.

Овандо тотчасъ-же отдалъ приказъ— «предать огню и мечу провинцію Гигей»: и Испанскія войска двинулись съ разныхъ пунктовъ къ границамъ этой области. Главное начальство надъ ними опять было поручено Хуану де Эскибелю, и въ помощь бѣлымъ собранъ былъ еще многочисленный отрядъ союзныхъ туземцевъ, поступившій подъ его-же начальство. Селенія Гигея вообще располагались на горахъ. Плоскія вершины этихъ горъ обнимали обширное пространство, иногда отъ десяти до пятнадцати миль въ окружности, и пересѣкались долинами, которыхъ необыкновенно плодоносная, красноватая почва воздѣлывалась туземцами подъ кассавный корень. Чтобъ перейти съ одной высоты на другую, надобно было перебираться черезъ

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 9.

дефилеи, часто не шире пятидесяти шаговъ, между естественными стѣнами утесовъ, до того отвѣсныхъ и гладкихъ, что они имѣли видъ произведенія человѣческихъ рукъ, вооруженныхъ искуствомъ. Всѣ селенія этой провинціи строились однообразно: каждое изъ нихъ состояло изъ четырехъ весьма широкихъ улицъ, простиравшихся въ длину на полетъ брошеннаго камня; улицы располагались крестомъ, по двѣ въ рядъ, отчего въ каждомъ селеніи образовалась посерединѣ большая площадь.

Когда Испанцы достигли границы Гигея, на всѣхъ высотахъ вспыхнули огни, и широкіе столбы дыма, возвѣстивъ жителямъ о приближеніи непріятеля, распространили всеобщую тревогу. Старики, женщины и дѣти были немедленно удалены въ уединенныя пещеры, скрытыя въ лѣсной чащѣ, а воины занялись дѣятельнымъ приготовленіемъ къ бою. Кастилланцы вступили на безлѣсную, открытую равнину, удобную для дѣйствія кавалеріи. Захвативъ въ плѣнъ нѣсколькихъ туземцевъ, они начали расспрашивать ихъ о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля, но не получили никакого отвѣта. Испанцы прибѣгли къ пыткѣ, но также безъ всякаго успѣха: дикари остались непреклонны среди истязаній. Этотъ народъ слишкомъ любилъ своихъ кациковъ и предпочиталъ смерть измѣнѣ.

Испанцы продолжали углубляться во внутренность провинціи, и въ одномъ селеніи были встрѣчены соединенными силами нѣсколькихъ второстепенныхъ царьковъ. Дикіе воины ждали ихъ, выстроившись вдоль улицъ, съ своими луками и стрѣлами, но совершенно нагіе и безъ всякаго оборонительнаго оружія. При появленіи непріятелей, они подняли ужасный вопль и пустили въ нихъ тучу стрѣлъ, но съ такого отдаленія, что ни одна стрѣла не достигла своей цѣли. Испанцы отвѣчали имъ залпомъ изъ арбалетъ и двухъ или трехъ ружей, потому-что огнестрѣльнаго оружія у нихъ было очень мало. Дикіе, увидѣвъ, что многіе изъ ихъ одноземцевъ пали мертвые на мѣстѣ, обратились въ бѣгство, не дождавшись атаки шпагами; но и въ самомъ бѣгствѣ они являли примѣры благороднаго мужества: нѣкоторые воины вырывали изъ своихъ ранъ стрѣлы, глубоко вонзившіяся въ тѣло, ломали и грызли ихъ зубами, и въ безсильной ярости бросали ихъ въ Испанцевъ.

Разбитые и разсѣянные Гигейцы устремились къ своимъ естественнымъ крѣпостямъ — горнымъ пещерамъ, и укрылись въ нихъ, семействами или обществами сосѣдей, избравъ каждое такое убѣжище, которое казалось болѣе безопаснымъ. Испанцы преслѣдовали ихъ, но съ величайшимъ трудомъ, потому что принуждены были перебираться черезъ гус-

тые лѣса, каменистыя и утесистыя горы. Проводниками служили имъ нѣсколько плѣнныхъ, которыхъ они принудили измѣнить своимъ одноземцамъ неслыханными истязаніями. Они гнали ихъ передъ собой на веревкѣ, обвязавъ однимъ концемъ шею своей жертвы, а другой держа въ рукѣ. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ, достигнувъ края пропасти, мгновенно кидались въ нее стремглавъ, стараясь увлечь за собой и своихъ тирановъ. Наконецъ Испанцы открыли убѣжища несчастныхъ побѣжденныхъ и не пощадили ни возраста ни пола; все — даже беременныя женщины и отчаянныя матери съ дѣтьми на рукахъ — пало подъ ударами безчеловѣчныхъ убійцъ. Подробности этихъ возмущающихъ душу жестокостей, совершенныхъ съ величайшимъ хладнокровіемъ, дотого омерзительны, что нѣтъ возможности описывать ихъ.

Послѣ этого истребленія, Эскибель отправился вдоль морскаго берега, къ резиденціи Котабанамы, гдѣ кацикъ ожидалъ своихъ враговъ съ многочисленнымъ войскомъ. Достигнувъ подошвы горы, на вершинѣ которой была расположена резиденція, передъ Испанцами открылись двѣ дороги: одна совершенно свободная и какъ-будто съ намѣреніемъ расчищенная отъ кустарниковъ и всего, что могло затруднить ихъ путь, — и на этой дорогѣ была помѣщена засада, которая должна

была ударить въ тылъ непріятелю; другая — почти непроходимая и мѣстами заваленная засѣками. Не трудно было угадать хитрость дикарей, и Эскибель избралъ послѣднюю. Резиденція находилась въ полуторѣ мили отъ моря. На пространствѣ первой полумили Испанцы съ трудомъ могли прокладывать себѣ путь. Далѣе они не встрѣтили уже никакихъ препятствій, и это обстоятельство уже явно обнаружило замыселъ дикарей. Отрядъ двинулся форсированнымъ маршемъ, достигъ берега, и вдругъ, повернувъ назадъ, вышелъ на ту дорогу, гдѣ была расположена засада, — напалъ на нее врасплохъ и произвелъ страшное кровопролитіе.

Тогда всѣ дикіе, выстроенные на улицахъ и засѣвшіе въ домахъ резиденціи, бросились на долину, пуская въ Испанцевъ издали свои безвредныя стрѣлы, и подступая все ближе и ближе, начали бросать въ нихъ камни изъ рукъ, не зная употребленія пращей. Они до того ожесточились противъ своихъ гонителей, что смерть падающихъ вкругъ нихъ товарищей, вмѣсто того чтобъ приводить ихъ въ уныніе и робость, только увеличивала ихъ ярость, и они изъявляли ее въ страшныхъ, бѣшеныхъ вопляхъ. Этотъ неравный бой, или лучше сказать, эта бойня, продолжалась отъ двухъ часовъ по полудни до самаго вечера. Дасъ-Касасъ, бывшій очевидцемъ свидѣтелемъ дѣла, говоритъ, что « Индѣйцы сва-

зали въ этомъ сраженіи чудеса храбрости, хотя ихъ неопытность и недостатокъ оборонительнаго оружія сдѣлали безполезными всѣ ихъ усилія.» Съ наступленіемъ темноты, бой мало по малу прекратился. Дикіе скрылись среди густыхъ кустарниковъ, которые ихъ окружали; глубокое молчаніе послѣдовало за ихъ военными кликами, и въ продолженіе цѣлой ночи резиденція оставалась въ рукахъ Испанцевъ.

ГЛАВА IV.

Конецъ войны съ Гигейцами. — Участь Котабанамы (1504).

На другой день послѣ описаннаго нами сраженія, Испанцы приготовились продолжать битву; но ни одинъ туземецъ не показывался изъ кустарниковъ. Увидѣвъ, что даже самъ великій вождь ихъ, Котабанама, не въ силахъ противиться бѣлымъ, они потеряли все мужество и разбѣжались по ущельямъ горъ. Испанцы, раздѣлясь на малые отряды, преслѣдовали ихъ, какъ звѣрей, стараясь въ особенности захватить кациковъ, и преимущественно Котабанаму. Они разсѣялись по всѣмъ тропинкамъ, которыя вели къ дикимъ убѣжищамъ побѣжденныхъ. Несмотря на все искуство и предосторожносси Гигейцевъ скрывать свои слѣды во время бѣгства (1), Испанцы уже такъ привыкли къ тому, что они

(1) Въ такихъ случаяхъ они обыкновенно шли одинъ за другимъ, стараясь ступать на одно и то-же мѣсто, такъ

называли «травлей Индѣйцевъ,» что узнавали ихъ между слѣдами множества животныхъ: одного сухаго, едва измятаго листа, было уже достаточно для нихъ, чтобъ опредѣлить путь преслѣдуемаго. Они научились также распознавать издали запахъ дыма отъ огней, разводимыхъ туземцами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они располагались для отдыха или ночлега: и это также служило имъ средствомъ открывать ихъ сокровеннѣйшія убѣжища. Если имъ попадался въ руки какой-нибудь отставшій дикарь, они принуждали его разными истязаніями открыть пристанище его одноземцевъ, и связавъ ему руки, гнали передъ собой, для указанія пути. Нашедъ какой-нибудь изъ этихъ пріютовъ стариковъ и больныхъ, слабыхъ женщинъ и беззащитныхъ дѣтей, они умерщвляли всѣхъ безъ пощады, подъ тѣмъ предлогомъ, что, распространивъ повсюду ужасъ, скорѣй положатъ конецъ возмущенію. Они отрѣзывали плѣннымъ руки и съ ними же отсылали эти кровавые гостинцы къ ихъ одноземцамъ, чтобъ принудить, какъ говорили они, скорѣе сдаться непокорныхъ. «Нельзя сосчитать, говоритъ Ласъ-Касасъ, всѣхъ несчастныхъ, у которыхъ они отрѣзали таким образомъ руки, и изъ которыхъ боль-

чтобъ отъ цѣлой толпы оставался одинъ только слѣдъ на землѣ, — и притомъ ходили столь легкою поступью, что трава за ними оставалась почти неизмятою.

шая часть, не могши перенесть жестокой боли и истекая кровью, падали на пути и умирали.

Кровожадные побѣдители, казалось, находили наслажденіе въ придумываніи новыхъ, замысловатыхъ истязаній для своихъ несчастныхъ жертвъ, и съ этой жаждой крови въ нихъ соединялось какое-то ужасающее легкомысліе. Они устроивали висѣлицы такимъ образомъ, чтобъ ноги повѣшенныхъ касались земли, для того, чтобъ продлить ихъ смертныя страданія. « Однажды, говоритъ съ негодованіемъ епископъ Ласъ-Касасъ, они повѣсили тринадцать Индѣйцевъ рядомъ, и пока эти несчастные были живы, они испытывали надъ ними силу руки и доброту своего оружія, нанося имъ жестокіе удары шпагами; потомъ обложивъ ихъ сухою соломой, зажгли ее, и страдальцы испустили духъ среди неслыханныхъ мученій. »

Приведенныя нами подробности ужасны; но мы умалчиваемъ о множествѣ другихъ, еще болѣе возмущающихъ душу. Онѣ извлечены изъ повѣствованія достопочтеннаго Ласъ-Касаса, очевиднаго свидѣтеля описанныхъ имъ событій. Въ то время онъ былъ молодъ, но писалъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и говоритъ, что « всѣ эти дѣла и множество подобныхъ имъ, которыя возмущаютъ человѣческую природу, я видѣлъ самъ, видѣлъ собственными своими глазами, и нынѣ едва

вѣрю тому, едва осмѣливаюсь пересказывать ихъ : мнѣ кажется, что все это было только — страшное сновидѣніе (1).»

Мы желали-бы не вводить въ нашу исторію этихъ подробностей, которыя въ одно время безславятъ человѣчество и нѣкоторымъ образомъ кладутъ пятно на народную честь цѣлой націи. Но мы уклонились-бы отъ исторической истины, еслибъ, имѣя передъ глазами столько неопровержимыхъ доказательствъ, умолчали о дѣлахъ столь ужасныхъ, засвидѣтельствованныхъ очевидцами, на которыхъ не можетъ пасть и тѣни подозрѣнія въ лживости или клеветѣ. Эти примѣры звѣрства показываютъ намъ, до какой степени можетъ простираться жестокость человѣка, если онъ побуждается жадностью къ корысти, жаждой мщенія, или даже фанатическою, неправильно понимаемою, ревностью къ дѣлу религіи. Исторія представляетъ много доказательствъ этой печальной истины : но вездѣ, какъ и въ Санъ-Доминго, преступленія — почти всегда были дѣломъ частныхъ лицъ, а не цѣлыхъ націй. И потому-то одна изъ священныхъ обязанностей мудраго правительства — строго наблюдать за людьми, которыхъ оно облекаетъ своею властью въ странахъ отдаленныхъ и беззащитныхъ, точно также какъ обязанность историка — увѣковѣчивать па-

(1) Las Casas, lib. II, cap. 27, MS.

мять о недостойныхъ дѣлахъ и жестокостяхъ, совершенныхъ людьми, — чтобъ ихъ ужасная картина служила спасительнымъ урокомъ для поколѣній грядущихъ.

Хуанъ де-Эскибель видѣлъ, что несмотря на всѣ жестокія мѣры, невозможно совершенно покорить провинціи, до-тѣхъ поръ, пока Котабанама будетъ оставаться на свободѣ. Этотъ кацикъ удалился на островокъ Саону, о которомъ мы уже говорили, и скрылся тамъ съ женой и дѣтьми въ одной обширной пещерѣ, посреди лабиринта утесовъ и лѣсовъ.

Для отысканія его, Эскибель употребилъ карабеллу, недавно прибывшую изъ Санъ Доминго съ съѣстными припасами для его отряда. Онъ зналъ, что Котабанама принялъ всѣ мѣры осторожности и разставилъ на всѣхъ высотахъ острова сторожевыхъ, которые наблюдаютъ за движеніями карабеллы. Поэтому, взявъ съ собой пятдесятъ солдатъ, онъ отплылъ съ ними ночью, и держась берега, подъ защитой его густой тѣни, достигъ на разсвѣтѣ Саоны. Бросивъ якорь у берега, противъ одного утесистаго мыса, который закрывалъ судно со стороны островка, онъ сдѣлалъ высадку съ сорока человѣками, такъ скрытно, что сторожевые совершенно не замѣтили этого. Двое изъ этихъ несчастныхъ были тотчасъ-же схвачены и приведены къ Эскибелю, который, узнавъ

отъ нихъ, что кацикъ скрывается неподалекѣ отъ того мѣста, одного закололъ изъ своихъ рукъ, а другаго велѣлъ связать и оставить для указанія пути.

Испанцы устремились впередъ, каждый желая нетерпѣливо отличиться взятіемъ кацика. Достигнувъ развѣтвенія пути, гдѣ дорога расходилась на право и на лѣво, всѣ они взяли первое изъ этихъ двухъ направленій, кромѣ Хуана Лопеса, неустремимаго и привыкшаго къ войнѣ съ туземцами, солдата. Онъ одинъ повернулъ на тропинку, которая шла влѣво, извиваясь посреди холмовъ, покрытыхъ такимъ густымъ кустарникомъ, что въ немъ невозможно было ничего видѣть далѣе полувыстрѣла изъ лука. Вдругъ въ одномъ узкомъ дефилеѣ, стѣсненномъ скалами и густыми деревьями, онъ встрѣтился лицемъ къ лицу съ двѣнадцатью туземными воинами; всѣ они были вооружены луками и стрѣлами и шли, по своему обыкновенію, въ рядъ, одинъ по слѣдамъ другаго. Увидѣвъ Лопеса, дикіе вообразили, что за нимъ идетъ цѣлый отрядъ Испанцевъ и пришли въ такой ужасъ, что совершенно потеряли присутствіе духа, — хотя легко могли-бы пронзить его на мѣстѣ своими стрѣлами. Лопесъ спросилъ, гдѣ ихъ кацикъ. Воины отвѣчали, что онъ идетъ вслѣдъ за ними и посторонились, чтобъ дать ему дорогу. Тогда Испанецъ увидѣлъ Котабанаму, который, только что замѣ-

тилъ его, тотчасъ натянулъ свой страшный лукъ и готовъ былъ спустить стрѣлу; но Лопесъ стремительно бросился на него и нанесъ ему ударъ шпагой. Сопровождавшіе кацика воины, пораженные паническимъ страхомъ, давно уже разбѣжались. Котабанама, устрашенный брызнувшимъ изъ раны потокомъ крови, закричалъ, что онъ Хуанъ де-Эскибель, надѣясь внушить Испанцу уваженіе къ своей особѣ, напомнивъ ему, что онъ помѣнялся именемъ съ его начальникомъ. Вмѣсто отвѣта, Лопесъ схватилъ его одной рукой за волосы, а другой хотѣлъ вонзить въ него свою шпагу; но кацикъ отбилъ рукой смертоносное оружіе, и схвативъ своего врага поперегъ тѣла, повергъ на землю, рухнувъ вмѣстѣ съ нимъ и самъ. Такъ какъ оба они были необыкновенно сильны, то между ними завязалась продолжительная и жестокая борьба. Котабанама, несмотря на свою поверхность, не могъ умертвить Испанца, потому что шпага лежала на землѣ подъ ними: поэтому, схвативъ его своею могучею рукой за горло, онъ старался задушить его. Между тѣмъ, на шумъ и вопли борцовъ, прибѣжали Испанцы, находившіеся невдалекѣ, и въ то-же мгновеніе освободили своего измученнаго, едва живаго товарища, который съ трудомъ переводилъ дыханіе: такъ сильно сдавилъ его исполинъ Гигеецъ. Они схватили кацика, связали и отвели въ ближнее селеніе. От-

крывъ пещеру, въ которой онъ укрывался съ своимъ семействомъ, Испанцы не нашли въ ней ни жены, ни дѣтей его: эти несчастные, узнавъ отъ убѣжавшихъ воиновъ о плѣненіи царька, удалились въ другую часть острова. Въ пещерѣ нашли цѣпь, въ которую были нѣкогда закованы нѣсколько плѣнныхъ туземцевъ; бѣднякамъ удалось разорвать ее; они напали на трехъ приставленныхъ къ нимъ Испанцевъ, умертвили ихъ и убѣжали на этотъ островъ. Возлѣ цѣпи лежали шпаги умерщвленныхъ Испанцевъ, принесенныя освободившимися плѣнниками кацику, какъ трофей своего подвига. Этою самою цѣпью сковали руки несчастному Котабанамѣ.

Испанцы занялись приготовленіями къ казни кацика, на площади, посреди одного опустѣлаго селенія. Они устроили высокую пирамиду изъ древесныхъ отрубковъ, сложенныхъ клѣткою, и располагали на ней сжечь несчастнаго медленнымъ огнемъ. Однакожъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія, они рѣшились отказаться отъ удовольствія, которое обѣщало имъ зрѣлище этого отвратительнаго жертвоприношенія. Можетъ-быть, они полагали, что Котабанаму, какъ лице слишкомъ замѣчательное, должно было казнить болѣе публичнымъ и торжественнымъ образомъ. Какъ-бы то ни было, только они отмѣнили казнь, и заковавъ его въ тяжелыя цѣпи, отвезли на карабеллу и отправили въ Санъ-Доминго.

Овандо имѣлъ уже его въ своей власти; ему болѣе нечего было страшиться этого, нѣкогда грознаго, противника бѣлыхъ; ничто не принуждало его употербить противъ него жестокость: и со всѣмъ тѣмъ, онъ не имѣлъ великодушія пощадить падшаго врага, котораго все преступленіе состояло въ желаніи защитить своихъ подданныхъ и свою родную страну, столь законно ему принадлежавшую, отъ насилія и неистовствъ пришельцевъ. Онъ велѣлъ повѣсить его публично и позорнымъ образомъ, какъ самаго презрѣннаго преступника (1). Такъ погибъ Котабанама, послѣдній изъ пяти владѣтельныхъ касиковъ Гаити. За его смертью послѣдовало совершенное порабощеніе его народа, и описанное нами возстаніе было послѣднимъ усиліемъ туземцевъ свергнуть съ себя иго своихъ притѣснителей. Почти все населеніе острова было истреблено; что уцѣлѣло, покорилось въ мрачномъ отчаяніи своей ужасной судьбѣ.

Такова ненавистная система правленія губернатора Овандо, — этого столь превознесеннаго политика, слывшаго за человѣка, отличающагося особеннымъ благоразуміемъ и умѣренностью, — посланнаго для искорененія злоупотребленій, и *въ особенности*, — для защиты и облегченія участи туземцевъ! Правленіе Коломба могло казаться чрезвычайно

(1) Las-Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 18.

тягостнымъ для жителей Испаніолы, привыкшихъ къ полной и дикой независимости; но оно не было ни жестоко, ни кровожадно. Онъ не проливалъ крови изъ удовольствія или для удовлетворенія низкой страсти мщенія; всѣ его усилія стремились къ тому, чтобъ образовать этотъ дикій народъ и сдѣлать изъ него подданныхъ, полезныхъ его государямъ; онъ не хотѣлъ ни угнетать его, ни преслѣдовать, ни истреблять. Узнавъ, что со времени удаленія его отъ должности, почти все населеніе Испаніолы исчезло, онъ не могъ воздержать благороднаго порыва негодованія, и въ письмѣ своемъ къ королю, писанномъ по возвращеніи его въ Испанію, выражается объ этомъ предметѣ такимъ образомъ: «Испаніольскіе Индѣйцы составляли, и нынѣ составляютъ, истинное богатство этого острова, — потому-что не кто другой, какъ они, воздѣлываютъ землю и приготовляютъ хлѣбъ для христіанъ, разрываютъ золотыя мины и исправляютъ всѣ трудныя работы за людей и за рабочихъ животныхъ. Теперь я узналъ, что въ продолженіе моего отсутствія, на островѣ погибло пять шестыхъ населенія — собственно отъ варварства и хладнокровныхъ жестокостей Испанцевъ, частью отъ меча, другіе отъ безчеловѣчныхъ истязаній, множество съ голоду; но большая часть погибла въ горахъ и пещерахъ, куда они укрывались отъ непомѣрныхъ работъ, которыми

ихъ обременяли. Что касается до меня, прибавляетъ онъ: правда, я много отсылалъ Индѣйцевъ въ Испанію для продажи; но всегда дѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобъ они, познавъ тамъ истины католической религіи, изучивъ Европейскія искуства и ознакомясь съ нашими обычаями, были возвращаемы на родину и способствовали образованію своихъ соотечественниковъ.»

Этотъ краткій обзоръ политики Овандо относительно тѣхъ самыхъ предметовъ, которые навлекли на Коломба столь сильные упреки, представляетъ читателю возможность справедливѣй оцѣнить дѣйствія послѣдняго. Коломба не должно судить по современнымъ намъ понятіямъ о добрѣ и злѣ, утвержденнымъ уже въ вѣкѣ болѣе образованномъ. Мы не должны отдѣлять его отъ эпохи, въ которую онъ жилъ. Только сравнивая его дѣйствія съ поступками людей, принадлежавшихъ къ той-же эпохѣ, — людей, которыхъ достоинства и дарованія были превознесены современниками, — поставленныхъ на его мѣсто, для исправленія его ошибокъ, мы пріобретаемъ возможность видѣть — могъ-ли Коломбъ, или кто-нибудь другой, въ столь особенномъ, въ столь новомъ и затруднительномъ положеніи, управлять съ большимъ благоразуміемъ и умѣренностью.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА I.

Отъѣздъ Коломба въ Санъ-Доминго. — Возвращеніе его въ Испанію (1504).

28-го іюня Коломбъ съ радостью оставилъ свои потопленныя суда, на которыхъ онъ былъ такъ долго заточенъ, и всѣ Испанцы — друзья и враги — сѣли на корабли, присланные изъ Санъ-Доминго. Овидо говоритъ, что туземцы, узнавъ объ отъѣздѣ своихъ гостей, плакали, потому-что считали ихъ существами, сшедшими съ неба. Правда, ласковое обхожденіе и постоянные знаки доброжелательства къ нимъ со стороны адмирала, также убѣжденіе въ его непосредственныхъ сношеніяхъ съ Божествомъ, оправданное предсказаніемъ луннаго затмѣнія, могли внушить дикарямъ мысль, что его присутствіе было благопріятно

для ихъ острова; но не такъ легко повѣрить, чтобъ неистовства и насилія буйныхъ и развращенныхъ негодяевъ, составлявшихъ шайку Порраса, которые бродили нѣсколько мѣсяцевъ по острову, изъ селенія въ селеніе, могли заставить жителей печалиться объ ихъ отъѣздѣ.

Противные вѣтры и теченія, постоянно затруднявшіе плаваніе Коломба въ продолженіе этой несчастной экспедиціи, преслѣдовали его и при переѣздѣ въ Испаніолу изъ Ямайки. Наконецъ, послѣ утомительной борьбы, продолжавшейся нѣсколько недѣль, онъ присталъ 3-го августа къ небольшому полуострову Беатѣ, на Испаніольскомъ берегу. Между Беатой и Санъ-Домингомъ теченіе столь стремительно, что корабли часто задерживаются на этомъ пространствѣ по нѣскольку мѣсяцевъ, въ ожиданіи довольно сильнаго попутнаго вѣтра, который бы позволилъ судамъ бороться съ нимъ. Отсюда Коломбъ отправилъ сухимъ путемъ письмо къ Овандо, въ которомъ, увѣдомляя губернатора о своемъ прибытіи, старался разсѣять его подозрѣнія на счетъ своихъ намѣреній, потому-что Сальседо, — капитанъ одного изъ присланныхъ въ Ямайку кораблей, — сказалъ ему, что Овандо опасается, чтобъ присутствіе адмирала на островѣ не дало повода къ возмущеніямъ и безпорядкамъ. Въ томъ-же письмѣ Коломбъ, съ свойственною ему пыл-

костью и простодушіемъ, выражаетъ радость о своемъ освобожденіи. «Она такъ велика, говоритъ онъ, что со времени прибытія за мной Діэго де Сальседо, я почти не могу спать.»

Съ поднявшимся попутнымъ вѣтромъ, корабли снова отплыли въ море, и 18-го августа бросили якорь въ Санъ-Доминкскомъ портѣ. Тайное недоброжелательство, которое многіе питали еще къ адмиралу въ Испаніолѣ, было подавлено общимъ чувствомъ состраданія къ его недавнимъ бѣдствіямъ. Несчастье заставляетъ забывать множество недостатковъ, между тѣмъ какъ счастливцу не прощаютъ — даже его достоинствъ. Такъ случилось и съ Коломбомъ. На томъ самомъ островѣ, гдѣ, въ эпоху своего могущества, онъ былъ окруженъ врагами, — откуда былъ высланъ позорнымъ образомъ, въ цѣпяхъ, при воплях и ругательствахъ черни; гдѣ не позволили ему даже укрыться отъ бури, грозившей гибелью его эскадрѣ: теперь, когда онъ явился жертвой ужаснаго кораблекрушенія, подавленный бременемъ бѣдствій, — всѣ забыли прежнюю вражду къ нему, всѣ воспламенились внезапнымъ энтузіазмомъ въ его пользу! Въ чемъ отказывали его достоинствамъ, то охотно дали его несчастіямъ, и самая зависть, укрощенная настоящими его бѣдствіями, казалось, простила ему всѣ прежніе его тріумфы.

Губернаторъ, сопровождаемый почетнѣйшими гражданами, вышелъ къ нему на встрѣчу; принялъ его съ величайшею почтительностью; отвелъ для него помѣщеніе въ собственномъ своемъ домѣ, и во все время пребыванія Коломба въ Санъ-Доминго, оказывалъ ему величайшую внимательность и вѣжливость. Овандо былъ тонкій придворный, политикъ столько-же хитрый, какъ и осторожный; но между нимъ и Коломбомъ существовали слишкомъ важныя причины къ взаимной недовѣрчивости: и потому, ихъ сношенія не могли быть искренни. Адмиралъ и сынъ его, Фернандо, утверждаютъ, что Овандо расточалъ въ этомъ случаѣ свою принужденную и лицемѣрную вѣжливость единственно съ того цѣлью, чтобъ изгладить въ умахъ воспоминаніе о своемъ равнодушіи къ положенію Коломба въ Ямайкѣ, и прикрыть тайную непріязненность къ нему. Это оправдывается и самыми поступками Овандо. Въ то самое время, какъ онъ истощался передъ адмираломъ въ изъявленіяхъ доброжелательства и состраданія къ его несчастіямъ, онъ велѣлъ освободить мятежника Порраса, который содержался подъ стражей и долженъ былъ отправиться съ Коломбомъ въ Испанію, для произведенія надъ нимъ суда, и даже говорилъ о наказаніи людей, поднявшихъ оружіе для защиты адмирала противъ бунтовщиковъ, изъ которыхъ они многихъ убили, другихъ

вали въ плѣнъ. Но Коломбъ сильно возсталъ противъ угрозъ губернатора. Главная причина ихъ несогласій между собою заключалась въ томъ, что границы ихъ власти были недостаточно опредѣлены, и слѣдственно, каждый опасался дать своему сопернику малѣйшую поверхность надъ собой. Овандо присвоивалъ себѣ право изслѣдованія всѣхъ происшествій, случившихся въ Ямайкѣ, какъ входящей въ кругъ его правленія, заключавшій въ себѣ всѣ острова и твердую землю. Коломбъ, съ своей стороны, представлялъ, что ему дана отъ короля неограниченная власть и право производить судъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ надъ всѣми лицами, вошедшими въ составъ его экспедиціи, съ самаго отъѣзда изъ Испаніи, до возвращенія, и въ доказательство предъявилъ ему свою инструкцію. Губернаторъ выслушалъ его весьма вѣжливо и съ улыбкой на лицѣ, но замѣтилъ, что инструкція не даетъ адмиралу никакой власти въ мѣстахъ, подвѣдомственныхъ его управленію (1). Однакожъ онъ оставилъ намѣреніе производить слѣдствіе надъ людьми Коломба и отправилъ Порраса въ Испанію для сужденія его въ « Совѣтѣ о дѣлахъ Индіи. »

Пребываніе Коломба въ Санъ-Доминго воз-

(1) Письмо Коломба къ сыну его, Діэго, изъ Севиллы, 21 ноября 1504. Navarrete, t. 1.

будило въ немъ весьма непріятныя ощущенія. Онъ видѣлъ повсюду слѣды ужаснаго опустошенія, — слѣдствіе варварскаго обращенія съ туземцами и страшныхъ убійствъ въ Ксарагвѣ, произведенныхъ губернаторомъ и его повѣренными. Было время, когда онъ льстилъ себя надеждой разлить образованность между этими дикими племенами, сдѣлать изъ нихъ промышленныхъ и трудолюбивыхъ подданныхъ короны, и благоразумнымъ распредѣленіемъ работъ, доставить правительству важный и постоянный доходъ. Но какъ жестоко событія ниспровергли его надежды! Пять многочисленныхъ племенъ, населявшихъ горы и долины острова въ эпоху его открытія, — съ ихъ городами и селеніями, съ ихъ воздѣланными полями, которыя цѣлымъ равнинамъ давали видъ цвѣтущихъ и разнообразныхъ садовъ, — почти исчезли, почти изгладились съ лица земли, и большая часть ихъ владѣтельныхъ касиковъ погибли насильственной и позорной смертью. Коломбъ смотрѣлъ на дѣла этого острова совсѣмъ иначе, нежели Овандо. Онъ принималъ отеческое участіе въ благоденствіи его жителей, и его личныя выгоды требовали, чтобъ ими управляли благоразумно. Поэтому, въ письмахъ своихъ къ государямъ, онъ жалуется, что всѣ общественныя дѣла на островѣ идутъ весьма безпорядочно; что золото сваливается въ большіе амбары, кое-какъ

построенные и покрытые соломой, и оставляется тамъ безъ всякаго надзора, подвергаясь расхищенію перваго, кто вздумаетъ сдѣлать покражу; наконецъ, что самъ Овандо нелюбимъ, народъ угнетенъ, доходы и спокойствіе острова подвержены ежеминутной опасности отъ буйства и возмущеній колонистовъ (1). Коломбъ видѣлъ всѣ эти злоупотребленія, и не имѣлъ власти отвратить ихъ; а его замѣчанія и представленія, губернаторъ принималъ съ видимымъ неудовольствіемъ и всегда обращалъ въ дурную сторону.

Собственныя свои дѣла онъ нашелъ въ большомъ безпорядкѣ. Его доходы и податныя сборы, во все время его отсутствія, не были собираемы: по крайней мѣрѣ онъ не могъ получить въ нихъ яснаго отчета и полной уплаты; и все, что было собрано, пошло на снаряженіе кораблей, для переѣзда его съ своими экипажами въ Испанію. Въ послѣдующихъ письмахъ онъ обвиняетъ Овандо — въ умышленномъ запущеніи его дѣлъ, или покрайней-мѣрѣ въ небреженіи ими во время его продолжительнаго отсутствія, и въ притѣсненіи чиновниковъ, которымъ было ввѣрено управленіе его помѣстьями и другимъ имуществомъ: и изъ двухъ писемъ Изабеллы къ Овандо, отъ 27 ноября 1503,

(1) Письмо Коломба къ сыну его, Діэго, изъ Севиллы, 3-го декабря 1504. Navarrete, t. I.

видно, что Коломбъ имѣлъ достаточныя причины обвинять его въ этомъ (1). Она увѣдомляла губернатора, что Алонсо Санчесъ де Карвайялъ принесъ на него жалобу, что онъ съ намѣреніемъ препятствуетъ его дѣйствіямъ при сборѣ адмиральскихъ доходовъ, и строго приказывала наблюдать договоры, заключенные съ адмираломъ, во всей точности, уважать его агентовъ и не затруднять ихъ дѣйствій, а, напротивъ, облегчать ихъ. Эти письма, обнаруживая неблагородное поведеніе Овандо, въ отношеніи къ своему знаменитому предшественнику, вмѣстѣ съ тѣмъ доказываютъ личное участіе Изабеллы въ дѣлахъ Коломба, во время его отсутствія. Она изъявляла губернатору неудовольствіе за то, что онъ не впустилъ эскадру адмирала въ Санъ-Домингскій портъ, когда она искала тамъ убѣжища отъ бури, и дѣлала выговоръ, почему онъ не послѣдовалъ совѣту Коломба и не задержалъ отплытіе флота Бобадиллы, который избѣгъ бы тогда бѣдственной участи, постигшей его (2). Но болѣе всего возбудили негодованіе и омерзѣніе Изабеллы — кровожадныя дѣйствія Овандо въ отношеніи къ туземцамъ, и въ особенности Ксарагвское избіеніе и казнь несчастной Анакоаны. Она узнала объ этихъ происше-

(1) Navarrete, *t.* II, decad. CLI, CLII.

(2) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. I, lib. V, cap. 12.

ствіяхъ уже на смертномъ одрѣ; и умирая, въ изнеможеніи, съ усиліемъ произнося слова, просила и получила обѣщаніе Фердинанда — немедленно лишить Овандо губернаторскаго званія и потребовать его въ Испанію. Король, повидимому, неохотно далъ обѣщаніе: покрайней-мѣрѣ выполнилъ его слишкомъ поздно — именно черезъ четыре года уже послѣ смерти Изабеллы, когда побудили его къ тому другія обстоятельства,— потому что Овандо пріобрелъ его совершенное расположеніе усиленіемъ доходовъ съ острова.

Безпрерывныя несогласія между губернаторомъ и адмираломъ, хотя первый постоянно носилъ личину искренности и дружелюбія, заставили Коломба ускорить свой отъѣздъ. Корабль, на которомъ онъ возвратился изъ Ямайки, былъ починенъ, снаряженъ и отданъ подъ начальство адлантадо. Для самаго адмирала, его сына и служителей наняли другое судно. Большая часть его экипажей осталась въ Санъ-Доминго. Всѣ они находились въ величайшей бѣдности, и Коломбъ сдѣлалъ имъ необходимыя вспоможенія на свой собственный счетъ, а тѣмъ, которые пожелали возвратиться въ отечество, далъ на проѣздъ, сколько нужно было, денегъ. И большая часть этихъ бѣдняковъ, обязанныхъ великодушной щедрости адмирала, были злѣйшіе бунтовщики.

Онъ отплылъ отъ Испаніолы 12 сентября; но только что вышелъ изъ порта, какъ сильный шквалъ сломилъ мачту на его суднѣ. Онъ тотчасъ-же переѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и домашними на корабль аделантадо, и отославъ поврежденное судно въ Санъ-Доминго, продолжалъ путь. Весь этотъ переѣздъ сопровождался безпрерывными бурями, изъ которыхъ во время одной большую мачту раскололо въ четырехъ мѣстахъ. Коломбъ страдалъ въ это время подагрой и не могъ вставать съ постели; однакожъ, благодаря его совѣтамъ и дѣятельности аделантадо, поврежденіе скоро было исправлено; мачту укоротили; слабыя части ея укрѣпили кряжами, вынутыми изъ каютъ, которыя въ ту эпоху строили на кормѣ и носу, и крѣпко перевязали веревками. Другая буря, разразившаяся почти вслѣдъ за первою, увеличила поврежденіе судна, изломавъ переднюю его мачту. Въ такомъ ненадежномъ положеніи корабль долженъ былъ пройти еще семь сотъ миль по бурному океану. Судьба преслѣдовала Коломба до самаго конца этой экспедиціи, послѣдней и самой бѣдственной изъ всѣхъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль сряду онъ былъ безпрестанно игралищемъ бурь, и въ тоже время болѣзнь терзала и мучила его ужаснѣйшимъ образомъ. Наконецъ, 7-го ноября онъ бросилъ якорь въ Санъ-Люкарскомъ портѣ. Оттуда онъ велѣлъ везти себя въ Се-

виллу, гдѣ надѣялся вкусить покой, столь необходимый для его тѣла и души, и возстановить свое здоровье, разстроенное длиннымъ рядомъ утомительныхъ трудовъ, безпокойствъ и огорченій (1).

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 108. — Las Casas, *Hist. Ind.* lib. II, cap. 36.

ГЛАВА II.

Болѣзнь Коломба въ Севиллѣ. — Онъ требуетъ отъ правительства возстановленія своихъ правъ. — Смерть Изабеллы (1504).

Ослабленный лѣтами и немощами, изнуренный трудами и безпокойствами послѣдней экспедиціи, Коломбъ смотрѣлъ на Севиллу, какъ на мирную пристань, гдѣ наконецъ надѣялся отдохнуть и успокоиться отъ всѣхъ страданій, душевныхъ и тѣлесныхъ. Но ему суждено было оставаться жертвой заботъ и огорченій до конца жизни, — на сушѣ, какъ и на морѣ. Съ перемѣной мѣста дѣйствія, для него измѣнялся только родъ несчастій, и въ удѣлъ его старости были назначены судьбой — дни и ночи страданій, и могила, усѣянная терніемъ.

По пріѣздѣ въ Севиллу, онъ нашелъ всѣ дѣла свои въ безпорядкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ присланъ въ оковахъ изъ Санъ-До-

минго въ Испанію, — когда Бобадилла завладѣлъ его домомъ и имуществомъ, — доходы и сборы его никогда не взимались исправно и все получаемое оставалось въ рукахъ Овандо. «Губернаторъ поступилъ со мною жестоко, говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ сыну своему, Діэго (1): всѣ увѣряютъ меня, что съ моихъ помѣстьевъ собрано въ Испаніолѣ отъ одиннадцати до двѣнадцати тысячь кастилановъ, а я не получилъ и четвертой части . . . Мнѣ очень хорошо извѣстно, что со времени моего отъѣзда, онъ долженъ былъ получить болѣе пяти тысячь кастилановъ.» Коломбъ просилъ короля, чтобъ онъ написалъ къ Овандо письмо и приказалъ-бы ему немедленно выдать недоимочныя суммы, потому что его агенты не осмѣлятся даже и намекнуть объ этомъ губернатору, безъ письменнаго разрѣшенія его величества.

Коломбъ не былъ корыстолюбивъ; но его званіе и положеніе требовали значительныхъ издержекъ. Въ свѣтѣ думали, что онъ обладалъ несмѣтнымъ богатствомъ; но источникъ сокровищъ, которымъ онъ владѣлъ, изливалъ еще едва примѣтныя струи. Послѣднее путешествіе истощило его средства и поставило въ затруднительное положеніе. Все, что онъ могъ собрать изъ своихъ доходовъ въ Испаніолѣ, около тысячи-двухъ-

(1) Изъ Севиллы, 13 декабря 1504, Navarret, т. I. стр. 345.

соть кастилановъ, было издержано на перевозъ въ Испанію людей, принадлежавшихъ къ его экипажамъ, которые находились въ крайности, и большая часть этой суммы осталась въ долгу за правительствомъ. Въ то время, когда онъ съ тягостнымъ усиліемъ старался получить отъ казны издержанную имъ сумму, трудно вообразить, въ какой онъ находился крайности. Въ письмахъ къ сыну своему, Діэго, онъ безпрестанно проситъ его — наблюдать самую строгую экономію. «Я не получаю ничего изъ моихъ доходовъ, говоритъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ, и живу займомъ.» . . . А въ другомъ прибавляетъ: «Немного пользы принесла мнѣ двадцатилѣтняя служба моя, исполненная столькихъ трудовъ и опасностей! Я не имѣю въ Испаніи угла, гдѣ-бы могъ приклонить голову; если хочу ѣсть или спать, долженъ идти въ гостинницу, и тамъ весьма часто нечѣмъ бываетъ расплатиться.»

Однакожъ, среди такого крайняго убожества, онъ не столько заботился о себѣ, какъ о своихъ спутникахъ, и неотступно просилъ правительство дать повелѣніе о выдачѣ заслуженнаго ими жалованья. Онъ писалъ объ этомъ нѣсколько разъ, въ сильныхъ выраженіяхъ, къ государямъ, умоляя ихъ приказать удовлетворить его людей всѣмъ, что имъ слѣдовало, и убѣждалъ сына своего, Діэго, который находился тогда при дворѣ, хода-

тайствовать въ ихъ пользу. «Они бѣдны, говоритъ онъ, и вотъ ужъ около трехъ лѣтъ, какъ оставили свои жилища. Они подвергались безчисленнымъ трудамъ и опасностямъ, и принесли съ собой такія неоцѣненныя вѣсти, за которыя ихъ величества должны вѣчно благодарить Бога». И ходатайствуя за этихъ людей, онъ зналъ, что многіе изъ нихъ были его злѣйшими врагами, и что даже въ то время нѣкоторые были болѣе расположены вредить ему, чѣмъ дѣлать добро: такъ благороденъ, такъ великодушенъ былъ Коломбъ, — такъ сильно въ немъ было влеченіе — прощать!

Рвеніе, которое адмиралъ имѣлъ къ выгодамъ правительства, и которое всегда было могущественнымъ двигателемъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, проявлялось и въ частныхъ его просьбахъ и ходатайствахъ за себя и другихъ. Въ томъ самомъ письмѣ къ Фердинанду, гдѣ онъ упоминаетъ о безпорядочномъ управленіи королевскими доходами въ Испаніолѣ, и жалуется, что золото сваливается тамъ коекакъ въ анбары, на-скоро и непрочно устроенные, и подвергается расхищенію, онъ говоритъ: что для приведенія въ порядокъ дѣлъ на островѣ, нуженъ человѣкъ съ сильнымъ и твердымъ характеромъ, который-бы принималъ личное участіе въ увеличеніи казенныхъ доходовъ, и ясно намекаетъ, что этотъ человѣкъ — онъ.

Въ томъ, что непосредственно касалось его выгодъ, онъ не столько хлопоталъ о денежныхъ вознагражденіяхъ, сколько о возстановленіи его въ прежнихъ правахъ и достоинствахъ. Получивъ королевское обѣщаніе, что они будутъ возвращены ему, и почитая ихъ трофеями своихъ знаменитыхъ подвиговъ, онъ чувствовалъ, что безмолвное порицаніе будетъ тяготѣть на его имени, доколѣ онъ будетъ лишенъ ихъ. Еслибъ его гордость сносила терпѣливо эту несправедливость, она противорѣчила бъ его благородному характеру: кто можетъ оставаться равнодушнымъ къ вѣнцу тріумфа, тотъ не имѣетъ благороднаго честолюбія, побуждающаго къ дѣламъ великимъ и славнымъ.

Весьма неудовлетворительные отвѣты, полученные Коломбомъ на свои письма, лишили его покоя. Онъ зналъ, что при дворѣ у него много дѣятельныхъ враговъ, готовыхъ представлять всѣ его дѣла въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ; чувствовалъ необходимость быть тамъ лично, чтобъ противодѣйствовать ихъ кознямъ, и не могъ исполнить этого, потому-что болѣзнь удерживала его въ Севиллѣ. Одинъ разъ онъ приготовился было выѣхать въ путь; но суровость зимы и жестокость болѣзни принудили его отказаться отъ принятаго намѣренія. Все, что онъ могъ сдѣлать—это снова писать къ государямъ и просить немногихъ преданныхъ ему друзей,

ходатайствовать въ его пользу. Онъ опасался, чтобъ его недоброжелатели не представили въ ложномъ свѣтѣ несчастныхъ событій его послѣдняго путешествія. Главная цѣль экспедиціи, открытіе Даріенскаго перешейка, не была достигнута, и вторая — пріобрѣтеніе золота, имѣла не лучшій успѣхъ. Правда, онъ открылъ золотыя мины Верагуи, но не привезъ сокровищъ въ Испанію, потому что, — какъ самъ онъ объясняетъ въ своихъ письмахъ, — не хотѣлъ грабить и опустошать край, гдѣ прежде всего нужно учредить мѣстное правленіе, и тогда уже можно будетъ получать золото, не прибѣгая къ насилію.

Но болѣе всего онъ опасался, чтобъ лживости его враговъ и безстыдство виновныхъ, не сказали происшествій, случившихся въ Ямайкѣ, и во всѣхъ безпорядкахъ и бѣдствіяхъ не обвинили бы его самого, какъ это случилось при возмущеніи Рольдана. Поррасъ, главный зачинщикъ мятежа, былъ присланъ губернаторомъ Овандо въ Испанію, для сужденія его въ «Совѣтѣ о дѣлахъ Индіи,» — но безъ всякаго слѣдственнаго дѣла, изъ котораго бы видно было, за что онъ долженъ быть судимъ. Колумбъ, находясь въ Ямайкѣ, велѣлъ произвесть по этому предмету изслѣдованіе; но нотаріусъ эскадры, производившій слѣдствіе, вмѣстѣ со всѣми бумагами, относившимися къ дѣлу, остался на томъ кораблѣ, на которомъ адмиралъ отплылъ отъ Испаніолы и

который, потерявъ мачты, былъ отосланъ обратно въ Санъ-Доминго. «Совѣтъ,» не получивъ надлежащихъ документовъ и свѣденій, по которымъ-бы могъ приступить къ сужденію Порраса, не занялся дѣломъ, и такимъ образомъ главный виновникъ мятежа остался на свободѣ, съ полною возможностью и желаніемъ вредить адмиралу. Какъ родственникъ Моралеса, королевскаго казначея, онъ имѣлъ доступъ къ вельможамъ и сановникамъ двора и успѣлъ предупредить ихъ въ свою пользу. Коломбъ написалъ къ Моралесу письмо и приложилъ къ нему копію съ прошенія, поданнаго ему въ Ямайкѣ мятежниками, въ которомъ они сознавались въ своихъ преступленіяхъ и умоляли его о прощеніи. Онъ убѣдительно просилъ казначея, не довѣрять наговорамъ своего родственника и не обвинять тѣхъ, на кого онъ приносить жалобы, не объяснившись съ ними и не узнавъ подробностей дѣла отъ свидѣтелей болѣе безпристрастныхъ. . . . .

Вѣрный и неутомимый Діэго Мендесъ, Алонсо Санчесъ де-Карвайяль и еще одинъ усердный другъ Коломба, по имени Жеронимо, находились тогда при дворѣ. Адмиралъ поручилъ сыну своему, Діэго, просить ихъ, чтобъ они взяли участіе въ его дѣлѣ, потому-что свидѣтельство этихъ благородныхъ и уважаемыхъ людей о его дѣйствіяхъ въ Ямайкѣ было весьма важно. «Надѣюсь, говоритъ

онъ, что правдивость и усердіе Мендеса, ниспровергнутъ клеветы Порраса.» Ничто не можетъ быть такъ трогательно и вмѣстѣ простодушно, какъ изъявленіе Коломба своей преданности къ Испанскимъ монархамъ, выраженной имъ въ одномъ письмѣ. «Я служилъ ихъ величествамъ съ такимъ усердіемъ, съ такимъ стараніемъ, какъ будто дѣло шло о пріобретеніи рая, и если совершилъ какія-нибудь ошибки, то это потому, что лучше не могъ уже ничего сдѣлать, ни по свѣдѣніямъ моимъ, ни по средствамъ.»

Читая эти трогательныя жалобы, едва можно увѣрить себя, что онѣ писаны Коломбомъ, — тѣмъ человѣкомъ, который такъ недавно еще, не болѣе какъ за нѣсколько лѣтъ, былъ идоломъ двора, который принялъ его какъ благодѣтеля и расточалъ ему почти царскія почести: такъ трудно узнать героя, открывшаго Новый-Свѣтъ, въ этомъ дряхломъ, больномъ и почти нищемъ старикѣ, доведенномъ до такого состоянія самыми успѣхами своими! Почти невозможно вѣрить, что тотъ самый человѣкъ, который доставилъ Испанской коронѣ столь обширныя и богатыя страны, такъ часто и безполезно обращался ко двору обогащеннаго имъ государства съ просьбами о возвращеніи ему законныхъ его правъ, и говорилъ языкомъ обвиняемаго, будучи столь жестоко обиженъ!

Наконецъ каравелла, на которой находились акты, относящіеся къ дѣлу братьевъ Поррасовъ, прибыла въ Альгарвію (на Португальскомъ берегу), и Коломбъ надѣялся, что послѣ этого, дѣла объяснятся и примутъ другой видъ. Его нетерпѣніе—явиться ко двору увеличивалось съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, дотого, что онъ рѣшился отправиться туда, и нанялъ уже носилки; но дурная погода и болѣзнь, возроставшая съ каждымъ днемъ, принудили его вторично отказаться отъ этого путешествія. Наконецъ и послѣднее его средство — переписка, начала измѣнять ему: онъ могъ заниматься ею только по ночамъ, потому-что днемъ жестокая болѣзнь лишала его употребленія рукъ. Извѣстія, получаемыя имъ отъ двора, съ каждымъ днемъ становились неблагопріятнѣй для его надеждъ: интриги его враговъ брали верхъ надъ усиліями друзей; флегматикъ Фердинандъ оставался равнодушенъ ко всѣмъ его просьбамъ; благородная Изабелла находилась при смерти. На справедливости и великодушіи этой государыни основывались его послѣднія надежды получить отнятыя у него права и удовлетвореніе по всѣмъ предметамъ его жалобъ.

« Да возвратитъ Святая Троица, говоритъ онъ, здоровье нашей государынѣ! Она возстановитъ порядокъ во всемъ, что нынѣ въ разстройствѣ.» Увы, въ то время, когда онъ пи-

салъ эти строки, его великодушная покровительница уже не существовала!

Здоровье Изабеллы давно уже было потрясено цѣлымъ рядомъ великихъ семейственныхъ несчастій. Смерть единственнаго сына ея, принца Іоанна, — нѣжнолюбимой дочери, принцессы Изабеллы, и внука, наслѣднаго принца Мигуэля, нанесла три жестокія раны ея глубоко-чувствительному сердцу. Эти страданія были растравляемы слабоуміемъ старшей ея дочери, Іоанны, и несчастнымъ супружествомъ этой принцессы съ эрцгерцогомъ Филиппомъ. Горе, проникая въ великолѣпные чертоги, рѣдко приноситъ съ собой то дружеское, неудерживаемое приличіями соучастіе, тѣ сладостныя утѣшенія, которыя смягчаютъ скорбь людей, заключенныхъ въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ жизни. Изабелла томилась посреди великолѣпія и благоговѣйныхъ почестей блестящаго двора, окруженная трофеями славнаго и счастливаго царствованія,—находясь на высотѣ человѣческаго величія. Глубокая, неизцѣлимая меланхолія овладѣла ея душею, и мало-по-малу разрушала ея силы и изощряла тѣлесныя страданія. Послѣ четырехмѣсячныхъ мученій, она скончалась, 26 ноября 1504, въ Медина-дель-Кампо, на пятдесятъ четвертомъ году отъ рожденія. Но уже давно, задолго до той роковой минуты, когда глаза ея закрылись на вѣки, сердце Изабеллы охладѣло ко всѣмъ блестящимъ суетностямъ свѣ-

та. «Тѣло мое, говоритъ она въ своемъ завѣщаніи, прошу похоронить въ монастырѣ Св. Франциска, что въ алгамбрѣ города Гренады, въ обыкновенной могилѣ, поставивъ надъ ней, вмѣсто монумента, простой камень съ надписью. Но я желаю и приказываю: если король, мой повелитель, изберетъ для себя мѣсто погребенія въ другой какой-либо церкви, монастырѣ, или въ иномъ какомъ мѣстѣ или части нашихъ королевствъ — перенесть туда-же и мое тѣло и погребсти его рядомъ съ тѣломъ его величества, въ ознаменованіе союза, которымъ мы наслаждались въ здѣшней жизни, и который, надѣюсь на благость Божію, продолжится и для душъ нашихъ въ небѣ.»

Вотъ одна изъ статей завѣщанія этой удивительной женщины, которыя всѣ обнаруживаютъ то-же благочестивое смиреніе сердца, и въ которыхъ,—какъ справедливо замѣтилъ одинъ историкъ, — выраженіе супружеской любви соединяется съ умилительнымъ благочестіемъ и самою нѣжною, самою трогательнею меланхоліей (1). Это былъ одинъ изъ чистѣйшихъ духовъ, которые когда-либо ниспосылались небомъ для управленія судьбами народовъ. Еслибъ она прожила долѣе, то ея заботливая доброта, предупредила-бъ множе-

(1) *Elogio de la Reina Catolica*, por Diego Clemencia. Ilustracion 19.

ство ужасныхъ и вмѣстѣ омерзительныхъ позорищъ, которыми ознаменовано начало колонизаціи Новаго-Свѣта, и облегчила-бъ участь его дикихъ обитателей. Во всякомъ случаѣ — славное имя Изабеллы всегда будетъ блистать непомерцаемымъ свѣтомъ на первыхъ страницахъ Исторіи этого полушарія.

Коломбъ получилъ извѣстіе о смерти Изабеллы въ то время, когда писалъ письмо къ сыну своему, Діэго. Онъ упоминаетъ объ этомъ событіи кратко, въ припискѣ, сдѣланной на-скоро, но тѣмъ не менѣе заслуживающей удивленія. «Вотъ тебѣ, любезный сынъ мой, Діэго, наставленіе—что ты долженъ дѣлать теперь. Вопервыхъ, ты долженъ усердно и съ большимъ благоговѣніемъ помолиться Богу за успокоеніе души королевы, нашей государыни. Вся жизнь ея была исполнена святости и строгаго православія; она всегда была готова на все для служенія Богу: слѣдственно, мы можемъ быть увѣрены, что она принята въ царство славы Божіей, — туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни треволненій здѣшняго міра. Вторымъ твоимъ дѣломъ должно быть отнынѣ —постоянное направленіе всѣхъ твоихъ силъ и способностей на пользу службы короля, нашего государя; ты долженъ для него трудиться неутомимо и стараться облегчить его скорбь. Его величество— глава христіанства. Вспомни притчу въ которой говорится, что когда страдаетъ голова,

то и всѣ члены страждутъ. И поэтому-то каждый добрый христіанинъ обязанъ молить Бога о сохраненіи его здоровья и жизни, а въ особенности, мы, состоящіе въ его службѣ, должны исполнять это усерднѣе и ревностнѣй, чѣмъ кто-либо другой (1).»

Невозможно безъ умиленія читать этого письма, исполненнаго столь простаго и вмѣстѣ трогательнаго краснорѣчія, гдѣ Коломбъ такъ простодушно выражаетъ любовь и признательность къ своей благодѣтельницѣ, вѣрность и непоколебимую преданность къ государю, который не хотѣлъ признать великихъ заслугъ его. И эти-то дружескія письма, — эта, такъ сказать, «домашняя переписка,» гдѣ изливаются чувства и мысли прямо, свободно, безъ приготовленій, обнаруживаютъ лучше всѣхъ наблюденій сердце Коломба.

(1) *Письмо Коломба къ его сыну, Діэго*, 3 *декабря* 1504.

ГЛАВА III.

Коломбъ является ко двору. — Его безполезныя усилія получить отъ короля справедливость (1505).

Смерть Изабеллы нанесла роковой ударъ надеждамъ Коломба. Пока была жива королева, онъ могъ еще всего надѣяться отъ высокаго правосудія этой государыни, отъ ея уваженія къ своему королевскому слову, отъ признательности къ его великимъ заслугамъ Испаніи и отъ личнаго уваженія, которое она имѣла къ его характеру. Съ тѣхъ поръ, какъ она заболѣла, дѣла Коломба пришли въ видимый упадокъ, а съ ея смертью судьба его зависѣла уже непосредственно отъ справедливости и великодушія Фердинанда.

Остатокъ зимы и начало весны адмиралъ пробылъ въ Севиллѣ, удерживаемый жестокою болѣзнью, тщетно домогаясь правосудія отъ правительства. Братъ его, аделантадо, ко-

тораго постоянная нѣжность и преданность служили ему опорою во всѣхъ испытаніяхъ судьбы, находился тогда при дворѣ, для ходатайства по его дѣламъ, вмѣстѣ съ младшимъ его сыномъ, Фернандо, которому было тогда около семнадцати лѣтъ. Нѣжный отецъ въ письмахъ къ старшему своему сыну, Діэго, часто говоритъ о Фернандо, какъ о юношѣ, который, по необыкновенной зрѣлости ума и поступкамъ, кажется уже совершеннымъ мужемъ, и убѣждаетъ любить его, приводя въ примѣръ себя и своихъ братьевъ. Мы выпишемъ одно изъ этихъ трогательныхъ и простодушныхъ убѣжденій, которыя обнаруживаютъ всю доброту его сердца: «Обходись съ нимъ, говоритъ онъ, какъ долженъ обходиться старшій братъ съ младшимъ: онъ у тебя одинъ, и я молю Бога, чтобъ онъ былъ для тебя таковъ, какъ ты самъ желаешь. Но еслибъ ты имѣлъ и десять братьевъ, и тогда ихъ не было-бы много: во всю жизнь мою, я не имѣлъ лучшихъ друзей, какъ въ братьяхъ.»

Въ числѣ людей, которымъ поручалъ Коломбъ въ то время доставлять свои письма ко двору, находился Америкъ Веспуцій. Онъ отзывается объ немъ, какъ о человѣкѣ съ большими достоинствами, но несчастливомъ въ своихъ предпріятіяхъ, которыя не принесли ему столько пользы, сколько онъ заслуживалъ того, и прибавляетъ, что онъ, Веспу-

цій, всегда былъ расположенъ оказывать ему услуги. Кажется, адмиралъ имѣлъ въ виду черезъ его посредство убѣдить дворъ въ важности своего послѣдняго открытія богатѣйшихъ странъ Новаго-Свѣта, къ которымъ приставалъ впослѣдствіи и Америкъ Веспуцій, въ путешествіе съ Алонсо де-Ойедой.

Около этого времени одно обстоятельство освѣтило на-минуту мрачную будущность адмирала лучемъ надежды и утѣшенія. Ко двору ожидали стариннаго и вѣрнаго друга его, Діэго де Десу, бывшаго нѣкоторое время епископомъ Паленціи,—того достойнаго монаха, который пособилъ Коломбу развернуть его теорію передъ совѣтомъ ученыхъ въ Саламанкѣ, и помогалъ ему своимъ кошелькомъ въ то время, когда тотъ дѣлалъ свои предложенія объ открытіи Испанскому двору. Деса былъ назначенъ Севильскимъ архіепископомъ, но еще не посвященъ въ этотъ новый санъ. Адмиралъ поручилъ своему сыну, Діэго, ввѣрить дѣла свои попеченію этого достойнаго прелата. «Въ особенности, пишетъ онъ, прошу тебя обратить вниманіе на два предмета: первое—узнать, упомянула-ли въ Бозѣ почивающая королева что-нибудь обо мнѣ въ своемъ завѣщаніи, и второе—возбудить участіе къ нашему дѣлу достопочтеннаго епископа Паленційскаго, которому ихъ величества обязаны обладаніемъ Индіи, потому что онъ убѣдилъ меня остаться въ Севиллѣ, когда я

собирался уѣхать оттуда (1).» Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Если пріѣхалъ епископъ Паленцiйскій, или когда пріѣдетъ, скажи ему, что я радуюсь его возвышенію, и когда буду въ Мадритѣ, остановлюсь у него, хотя бы онъ и не пригласилъ меня, потому-что мы должны сохранить съ нимъ прежнюю, братскую дружбу.»

Требованія Коломба о возстановленіи его въ правахъ и достоинствахъ, постоянно возобновляемыя имъ, то письменно, то черезъ посредство друзей, дворъ принималъ съ холоднымъ равнодушіемъ. Ихъ не удовлетворяли, и на его мнѣнія о разныхъ предметахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, не обращали вниманія. Овандо посланы были новыя инструкціи, изъ которыхъ не сообщили адмиралу ниодного слова. Когда положено было отправить въ Новый-Свѣтъ трехъ епископовъ, онъ напрасно требовалъ позволенія изъяснить свое мнѣніе объ этомъ предметѣ, до избранія духовныхъ сановниковъ. Однимъ словомъ, ни по какому дѣлу, относившемуся къ Новому-Свѣту, съ нимъ не совѣтовались ни въ чемъ. Онъ глубоко чувствовалъ эту невнимательность къ себѣ, и его нетерпѣніе — скорѣй явиться ко двору, возростало съ каждымъ днемъ. Чтобъ имѣть болѣе удобства

(1) Письмо отъ 21 декабря 1504, Navarrete, т. I, стр. 346.

въ пути, онъ желалъ сдѣлать этотъ переѣздъ на мулѣ; но такъ-какъ въ Испаніи въ ту эпоху было запрещено употребленіе муловъ для верховой ѣзды, потому-что оно, сдѣлавшись всеобщимъ, вредило распространенію лошадей, — то Коломбъ долженъ былъ просить на это королевскаго разрѣшенія. Оно было дано ему, въ уваженіе преклонныхъ лѣтъ и немощей, которыя не позволяли ему ѣздить на конѣ. Однакожъ состояніе его здоровья долго не позволяло ему воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ.

Приведенныя нами подробности взяты изъ недавно найденныхъ писемъ Коломба. Они обнаруживаютъ истинное состояніе его дѣлъ, его тѣлесныя и душевныя страданія, въ продолженіе зимы, проведенной имъ въ Севиллѣ, по возвращеніи изъ послѣдней и самой бѣдственной его экспедиціи. До открытія этихъ писемъ, вообще полагали, что Коломбъ, возвратясь въ Испанію изъ четвертаго путешествія своего въ Новый-Свѣтъ, отдыхалъ спокойно отъ своихъ славныхъ трудовъ и заботъ: и никогда человѣкъ не былъ достойнѣй успокоенія, — никогда никто не желалъ его пламеннѣй и не обманулся въ своихъ надеждахъ столь жестоко, какъ Коломбъ.

Состояніе здоровья адмирала не позволяло ему выѣхать изъ Севиллы до самаго мая: наконецъ, съ наступленіемъ лучшаго времени года, силы его нѣсколько укрѣпились и онъ,

въ сопровожденіи брата своего, аделантадо, отправился ко двору, въ Сеговію. Не далѣе какъ за нѣсколько лѣтъ, Коломбъ вступилъ въ Барцелонну въ полномъ блескѣ пышнаго тріумфа, окруженный дворянствомъ и рыцарствомъ Испаніи, при шумныхъ кликахъ восторженной толпы; а теперь онъ въѣхалъ въ Сеговію—измученный усталостью, погруженный въ мрачную задумчивость, забытый всѣми, удрученный горестью болѣе, чѣмъ самымъ бременемъ лѣтъ и немощей. Когда онъ представился ко двору, ему не изъявили того лестнаго вниманія, того искренняго доброжелательства и ободрительнаго сострадація, на которыя давали ему право его знаменитыя заслуги и недавнія страданія (1).

Себялюбивый Фердинандъ забылъ всѣ его заслуги, а видѣлъ и помнилъ только мнимыя неудобства въ удовлетвореніи настоящихъ его требованій. Онъ принялъ его ласково, истощался въ увѣреніяхъ своего участія въ немъ; но слова его сопровождались тою принужденною и ледяною улыбкой, которая, какъ лучь зимняго солнца, скользитъ на лицѣ, не согрѣвая сердца. Адмиралъ представилъ ему подробный отчетъ послѣдняго путешествія, описалъ огромное протяженіе обойденной части открытаго имъ материка;

(1) Las Casas, *Hist Ind.*, lib. II, cap. 37. — Herrera, *Hist. Ind.*, decad. I, lib. VI, cap. 13.

разсказалъ о сокровищахъ провинціи Верагуи, о бѣдствіяхъ, которыя онъ претерпѣлъ на островѣ Ямайкѣ, о возмущеніи Поррасовъ и ихъ шайки, и о другихъ предметахъ, относящихся къ этой несчастной экспедиціи. Король слушалъ его внимательно, но оставался совершенно холоденъ. Не было уже великодушной Изабеллы, которая ободрила бы жертву эгоизма и несправедливости своего супруга благосклонною улыбкой или слезою сострадания «Я не знаю, говоритъ почтенный Ласъ-Касасъ, причины охлажденія короля къ человѣку, который оказалъ ему столь огромныя услуги; но, кажется, она заключалась въ томъ, что его успѣли предубѣдить противъ адмирала ложными доносами и жалобами, и я имѣлъ случай узнать на этотъ счетъ кое-что отъ людей весьма близкихъ къ королю (1).

Спустя нѣсколько дней послѣ этой аудіенціи, Коломбъ подалъ Фердинанду формальное прошеніе, въ которомъ, исчисливъ все, что онъ сдѣлалъ для Испаніи и что ему было обѣщано договоромъ, утвержденнымъ королевскою подписью и печатью, и кромѣ того словомъ государей, онъ умолялъ его о возвращеніи ему правъ и вознагражденіи за понесенные имъ убытки, о чемъ онъ такъ давно уже хлопочетъ, безъ всякой пользы, и предлагалъ въ замѣнъ — посвятить службѣ

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 37.

его величества весь остатокъ своей жизни, прибавляя, что, по внутреннему убѣжденію и достовѣрнымъ свѣденіямъ, онъ надѣется оказать ему услуги, которыя во сто разъ превзойдутъ все, что онъ сдѣлалъ до того времени. Фердинандъ отвѣчалъ, что онъ вполнѣ цѣнитъ все, чѣмъ обязана адмиралу Испанія, но полагаетъ необходимымъ подвергнуть дѣло, о которомъ онъ проситъ, особому разсмотрѣнію какого-нибудь искуснаго и свѣдущаго посредника. Адмиралъ согласился и предложилъ для этого — Севильскаго архіепископа, дона Діэго Десу, который постоянно принималъ большое участіе въ дѣлахъ Новаго-Свѣта. Король утвердилъ его выборъ; но адмиралъ предупредилъ его, что онъ предаетъ рѣшенію посредника собственно только вопросъ о денежномъ вознагражденіи его за разныя, вовсе удержанныя или невполнѣ выданныя ему, суммы, а не о правѣ своемъ на званіе губернатора Индіи. «Изъ чего я заключаю, говоритъ Ласъ-Касасъ, что онъ почиталъ излишнимъ изслѣдованіе законности этого послѣдняго права, котораго несомнѣнность была утверждена слишкомъ гласно и очевидно.» И дѣйствительно, Коломбъ цѣнилъ выше всего свои права на достоинства и почетные титулы: на все остальное смотрѣлъ онъ какъ на предметы второстепенные. Разговаривая однажды съ королемъ, онъ объявилъ ему, что не имѣетъ нималѣйшаго же-

ланія вступать въ тяжбу съ правительствомъ или подавать на него жалобы, и готовъ возвратить королю всѣ свои привиллегіи и акты на денежные оклады и доходы, которые утверждены за нимъ договоромъ, если его величеству будетъ угодно опредѣлить ему, вмѣсто нихъ, какую-нибудь сумму, по личному его благоусмотрѣнію. Онъ просилъ его только рѣшить это дѣло немедленно, не откладывая вдаль, чтобъ онъ могъ получить возможность удалиться въ какой-нибудь мирный уголокъ и найти тамъ успокоеніе, необходимое для него послѣ столькихъ трудовъ и при болѣзненномъ его состояніи. Фердинандъ отвѣчалъ ему комплиментами и неопредѣленными обѣщаніями. «На дѣлѣ, замѣчаетъ Ласъ-Касасъ, король нетолько не оказывалъ адмиралу никакихъ знаковъ благосклонности, но напротивъ того, противопоставлялъ ему всевозможныя препятствія, и при всемъ томъ не переставалъ осыпать его комплиментами.»

Коломбъ слѣдовалъ за дворомъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, безъ всякаго успѣха. Король, по прежнему, изъявлялъ въ обхожденіи съ нимъ большое уваженіе. Кардиналъ Хименесъ, архіепископъ Толедскій, и всѣ важнѣйшіе сановники двора, также оказывали ему особенную внимательность; но опытъ научилъ Коломба цѣнить лживую вѣжливость царедворцевъ и не вѣрить ей. Его претензіи передали въ «Совѣтъ для рѣшенія

совѣстныхъ дѣлъ покойной королевы и короля.» Это учрежденіе Испаніи, — родъ судебнаго мѣста, — вообще извѣстно подъ названіемъ *Junta de Descargos*; члены его назначаются царствующимъ королемъ, и оно имѣетъ единственною цѣлью наблюдать за выполненіемъ завѣщательныхъ статей его предшественника и за уплатой его долговъ.

«Совѣтъ» два раза разсматривалъ дѣло Коломба, но не рѣшилъ ничего. Намѣренія короля были слишкомъ извѣстны, и никто не смѣлъ сдѣлать противнаго ему. «Думаютъ, говоритъ Ласъ-Касасъ, что еслибъ король нашелъ средство согласить свои поступки въ отношеніи къ Коломбу съ требованіями совѣсти, и не боялся запятнать своего имени столь несправедливымъ дѣломъ, онъ явно уничтожилъ-бы всѣ привиллегіи, данныя адмиралу королевою и имъ самимъ, и на которыя Коломбъ пріобрелъ столь законное право своими заслугами (1).»

Коломбъ еще льстилъ себя надеждой, что такъ-какъ требованія о возстановленіи его въ правахъ слишкомъ важны и весьма близко касаются верховной власти, то король не рѣшается удовлетворить ихъ, не посовѣтовавшись объ этомъ предметѣ съ своею дочерью, Іоанной, наслѣдовавшею послѣ Изабеллы Кастильскій престолъ, которую со дня-на-день

(1) Las Casas, *Hist. Ind.*, lib. II, cap. 37.

ожидали изъ Фландріи, съ ея супругомъ, Филиппомъ. Эта мысль укрѣпляла его бодрость и заставляла терпѣливо переносить проволочки; но физическія силы его уже не въ состояніи были бороться съ препятствіями; ему не помогала уже сносить огорченія та блестящая перспектива славы, тотъ пылкій энтузіазмъ, которые поддерживали его нѣкогда въ продолжительной борьбѣ съ предубѣжденіемъ, во время домогательствъ при дворахъ. Свѣтильникъ его жизни готовъ былъ угаснуть.

Онъ опять слегъ въ постель отъ жестокихъ припадковъ подагры, усиленныхъ неудачными хлопотами при дворѣ и множествомъ огорченій, раздиравшихъ его сердце. Съ болѣзненнаго одра своего, онъ еще разъ отнесся къ правосудію короля. Онъ уже ничего не просилъ для себя, а ходатайствовалъ единственно за сына своего, Діэго; не требовалъ вознагражденій за денежныя потери, а просилъ только утвержденія за своими дѣтьми и ихъ потомками трофеевъ своей славной службы — почетныхъ титуловъ и достоинствъ, умоляя короля возвратить дону Діэго губернаторское мѣсто, котораго онъ былъ лишенъ столь несправедливо. « Это дѣло касается моей чести, писалъ онъ къ нему; во всемъ прочемъ — поступите, какъ заблагоразсудится вашему величеству; возвратите или удержите, смотря потому, какъ признаете полезнѣе для вашихъ

выгодъ: и я останусь доволенъ. Я думаю, что главною причиной теперешняго разстройства моего здоровья — безпокойства, терзающія меня отъ неисполненія этого дѣла.»
Вмѣстѣ съ прошеніемъ Коломба, Фердинандъ получилъ просьбу и отъ сына его, Діэго, который просилъ короля о томъ-же предметѣ и предлагалъ, чтобъ онъ назначилъ ему въ совѣтники нѣсколько особъ, по личному своему избранію, обязываясь руководствоваться ихъ указаніями.

Фердинандъ принялъ оба прошенія съ обыкновенными увѣреніями въ готовности удовлетворить просителей, но, какъ и прежде, оставилъ ихъ безъ вниманія.. «И чѣмъ чаще подавали ему просьбы, замѣчаетъ Ласъ-Касасъ, тѣмъ онъ благосклоннѣй отвѣчалъ на нихъ, и тѣмъ не менѣе оставался упорно при своей системѣ — медлить сколько возможно болѣе. Этимъ средствомъ онъ надѣялся истощить терпѣніе просителей и заставить ихъ, взамѣнъ данныхъ имъ привиллегій, принять званія и помѣстья въ Кастиліи.» Коломбъ постоянно отвергалъ съ негодованіемъ всѣ предложенія въ этомъ родѣ, считая ихъ униженіемъ трофеевъ своихъ славныхъ дѣлъ, хотя потерялъ уже всякую надежду на правосудіе Фердинанда. Съ одра болѣзни онъ написалъ къ своему вѣрному другу, Діэго де Десѣ, письмо, въ которомъ увѣдомляетъ его, что онъ уже пересталъ надѣяться. «Повиди-

мому, пишетъ онъ, его величество не признаетъ нужнымъ исполнить обѣщаній, данныхъ мнѣ имъ и блаженной памяти королевой и утвержденныхъ ихъ словомъ и печатью. Бороться съ его волей — то-же что бороться съ вѣтромъ. Я сдѣлалъ все, что долженъ былъ сдѣлать: остальное предоставляю Богу, Который всегда былъ ко мнѣ милостивъ (1).»

Холодный и себялюбивый Фердинандъ смотрѣлъ равнодушно на страданія знаменитаго человѣка, изнемогавшаго подъ бременемъ немощей, усиленныхъ сокрушительнымъ дѣйствіемъ ниспровергнутыхъ надеждъ. Онъ имѣлъ одно въ виду -- выиграть время. Еще нѣсколько отсрочекъ, еще нѣсколько горестныхъ неудачъ — и онъ видѣлъ ясно, что это благородное сердце перестанетъ биться и онъ избавится навсегда отъ справедливыхъ требованій человѣка, который, переставъ быть полезенъ своею службой, казался ему только неотвязчивымъ просителемъ.

(1) Navarrete, *Collec. de Viages*, tom. I.

ГЛАВА IV.

Смерть Коломба.

Между-тѣмъ какъ жизнь, вмѣстѣ съ надеждой, угасала въ груди Коломба, истомленной страданіями и горестью, новый лучь надежды блеснулъ въ его душѣ и освѣтилъ ее внезапнымъ, но мгновеннымъ блескомъ. Съ радостью узналъ онъ о высадкѣ на Испанскій берегъ короля Филиппа и королевы Іоанны, прибывшихъ изъ Фландріи, для принятія Кастильскаго престола. Онъ льстилъ себя надеждой найти въ дочери Изабеллы покровительницу и друга: и это была его послѣдняя надежда. Король Фердинандъ отправился со всѣмъ дворомъ въ Лоредо, для встрѣчи молодыхъ государей. Коломбъ весьма желалъ послѣдовать за нимъ, но жестокій припадокъ подагры удержалъ его въ постели. Онъ не могъ даже отпустить сына своего,

Діэго, потому-что, въ томъ состояніи болѣзни и одиночества, въ которомъ онъ тогда находился, не могъ обойтись безъ его пособій. Поэтому положено было, чтобъ адлантадо, — его всегдашняя, неизмѣнная опора, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, — отправился туда одинъ, въ качествѣ его представителя, съ привѣтствіями и поздравленіями отъ его имени. Коломбъ послалъ съ нимъ къ новымъ монархамъ письмо, въ которомъ изъявлялъ сожалѣніе, что болѣзнь воспрепятствовала ему засвидѣтельствовать лично свою преданность ихъ величествамъ; просилъ ихъ всегда считать его въ числѣ своихъ вѣрнѣйшихъ подданныхъ; изъявлялъ надежду, что черезъ ихъ содѣйствіе онъ будетъ возстановленъ въ своихъ правахъ и преимуществахъ, и увѣрялъ, что несмотря на жестокія тѣлесныя страданія, онъ еще въ состояніи оказать имъ такія услуги, въ сравненіи съ которыми, все, сдѣланное имъ до того времени — покажется за ничто.

Таково послѣднее усиліе пламеннаго и неукротимаго духа этого знаменитаго мужа, который, находясь на смертномъ одрѣ, забывалъ и годы и немощи свои и мечталъ объ обширнѣйшихъ предпріятіяхъ, съ надеждой и довѣренностью юноши, передъ которымъ раскрыта длинная перспектива долголѣтней жизни съ неистощимымъ запасомъ силъ. Адлантадо простился съ братомъ, котораго уже

не суждено было ему увидѣть, и отправился съ его порученіями къ новымъ монархамъ. Онъ получилъ самый благосклонный пріемъ. Юные государи обратили особенное вниманіе на требованія адмирала и просили аделантадо увѣрить его, что его дѣло рѣшится скоро и счастливо.

Между-тѣмъ, заботы и огорченія Коломба приближались къ концу. Мгновенное пламя, оживившее его надежды, вскорѣ угасло подъ новымъ бременемъ тѣлесныхъ страданій. Вскорѣ послѣ отъѣзда аделантадо, болѣзнь его усилилась. Послѣднее путешествіе до того разстроило всѣ пружины его тѣла, и безъ того уже ослабленнаго и потрясеннаго трудами, бѣдствіями и лишеніями цѣлой жизни, что не было возможности возстановить ихъ; къ этому присоединилось безпрерывное волненіе, въ которомъ онъ находился съ самаго пріѣзда своего изъ послѣдняго путешествія; оно лишало его покоя, столь необходимаго въ старости и болѣзни. Холодная неблагодарность короля терзала его сердце. Продолжительное отрѣшеніе отъ должности, непріязненность и клевета, которыя онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу, легли черною тѣнью на его славу, которая составляла великій предметъ его честолюбія. Правда, эта тѣнь была мимолетная: но какъ трудно самому знаменитому человѣку проникнуть взоромъ сквозь облако, затмѣвающее на-минуту его имя, и

усмотрѣть продолжительный блескъ, которымъ окружитъ его удивленіе потомства.

Ослабленіе силъ и постоянно возростающія страданія дали почувствовать Коломбу, что послѣдній его часъ приближается, — и онъ занялся устройствомъ своихъ дѣлъ въ пользу наслѣдниковъ.

Говорятъ, что 4-го мая онъ написалъ нѣкотораго рода духовную, безъ соблюденія обыкновенныхъ формъ и никѣмъ незасвидѣтельствованную, на чистой страницѣ молитвенника, подареннаго ему папою Александромъ VI. Этою духовною онъ назначалъ наслѣдницей своихъ привиллегій и званій, въ случаѣ пресѣченія мужеской линіи его дома, Генуэзскую республику, которой завѣщалъ и самый молитвенникъ, и приказалъ построить и содержать въ городѣ Генуѣ госпиталь, изъ доходовъ съ его помѣстьевъ въ Италіи. Насчетъ достовѣрности этого акта возникли сомнѣнія и онъ сдѣлался предметомъ сильныхъ преній между коментаторами. Впрочемъ, этотъ фактъ не заслуживаетъ большаго вниманія. Духовная могла быть написана человѣкомъ, подобнымъ Коломбу, въ припадкѣ болѣзни, когда онъ почуствовалъ быстрое приближеніе смерти, и доказываетъ привязанность къ его отечественному городу. Комментаторы называютъ ее «Походнымъ Завѣщаніемъ,» потому-что подобныя духовныя, безъ соблюденія обыкновенныхъ формально-

стей, требуемыхъ законами гражданскими, допускаются между военными людьми, когда они желаютъ распорядиться дѣлами, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ жизнь подвергается опасности. Спустя двѣ недѣли, за день до смерти, Коломбъ подписалъ окончательную духовную, составленную по надлежащей формѣ, въ которой онъ завѣщалъ свои званія и имущество съ большею опредѣлительностью.

Въ послѣднія, ужасныя минуты жизни, когда душѣ остается уже мало времени на расчеты съ небомъ и землею, всякое притворство исчезаетъ и характеръ человѣка проявляется въ настоящемъ его видѣ. Послѣднее завѣщаніе Коломба, писанное на краю могилы, носитъ на себѣ отпечатокъ его господствующей страсти и его мирныхъ добродѣтелей. Онъ повторяетъ и утверждаетъ въ немъ многія статьи перваго завѣщанія и назначаетъ сына своего, Діэго, полнымъ своимъ наслѣдникомъ. Послѣ смерти Діэго, если онъ не оставитъ по себѣ дѣтей мужескаго пола, родовыя помѣстья (mayorasgo) должны были перейти къ его брату, дону Фернандо, а отъ него, въ подобномъ-же обстоятельствѣ, къ брату адмирала, дону Варфоломею, — нисходя постоянно къ ближайшему наслѣднику мужеской линіи. Въ случаѣ пресѣченія этой линіи, майоратство должно было перейти въ наслѣдство ближайшей родственницы адмирала. Онъ приказываетъ всѣмъ наслѣдникамъ своихъ помѣстьевъ —

никогда не отчуждать ихъ въ другія руки ни участками, ни въ цѣлости, но употреблять всевозможныя средства къ улучшенію и увеличенію ихъ; убѣждаетъ — жертвовать во всякое время жизнью и имуществомъ для пользы службы короля и для распространенія христіанской вѣры; сыну своему, Діэго, завѣщаетъ — употреблять ежегодно десятую часть доходовъ съ помѣстьевъ, когда они придутъ въ хорошее состояніе, на вспоможеніе бѣднымъ родственникамъ и другимъ нуждающимся; а изъ остальныхъ девяти десятыхъ дохода производить опредѣленныя пенсіи — другому сыну своему, дону Фернандо, и братьямъ, дону Варфоломею и дону Діэго: первому, то есть дону Фернандо, наслѣдственно, во всей его мужеской линіи, на правѣ родоваго имѣнія; а послѣднимъ — на основаніи особыхъ правилъ, подробно изъясненныхъ въ духовной адмирала (1). Обезпечивъ такимъ образомъ будущность своей фамиліи, онъ приказываетъ сыну, дону Діэго, когда его помѣстья станутъ приносить достаточный доходъ, соорудить часовню на островѣ Испаніолѣ, столь чудесно ему дарованномъ Богомъ, посреди города «Зачатія,» въ Бегѣ, и служить въ ней каждый день обѣдни и панихиды за упокой душъ отца его и матери и всѣхъ усопшихъ въ православіи. Другою статьей онъ ввѣряетъ по-

(1) См. Приложеніе № 33: «Завѣщаніе Коломба».

печенію дона Діэго, Беатрису Энрикесъ, мать побочнаго сына его, Фернандо. Связь Коломба съ этою дамой не была утверждена бракомъ,—и по этой-ли причинѣ, или терзаемый раскаяніемъ, что оставлялъ ее такъ долго въ небреженіи, онъ въ послѣднія минуты жизни сильно сокрушался о ней. Онъ проситъ дона Діэго давать ей такое содержаніе, чтобъ она могла жить прилично. «И чтобъ это было исполнено въ точности, прибавляетъ онъ, для очищенія моей совѣсти: потому что это дѣло жестоко тяготитъ мнѣ душу. (1) Наконецъ онъ назначилъ собственною рукою нѣсколько небольшихъ суммъ и велѣлъ разослать ихъ по адресамъ, лицамъ, жившимъ въ разныхъ мѣстахъ и на большихъ разстояніяхъ, не открывая имени дателя. Надобно думать, что это было—такъ-сказать очистительные платежи прежнихъ долговъ адмирала, или вознагражденія за небольшія услуги, оказанныя ему въ молодо-

(1) Діэго, сынъ адмирала, упоминаетъ въ своей духовной объ этой статьѣ завѣщанія отца своего, и говоритъ, что адмиралъ поручилъ ему выдавать Беатрисѣ Энрикесъ по 10,000 мараведовъ въ годъ, что онъ и выполнялъ въ продолженіе нѣкотораго времени въ точности; но послѣдніе три или четыре года, сколько онъ помнитъ, не посылалъ ей ничего: почему и приказываетъ наслѣднику своему справиться объ этомъ обстоятельствѣ и уплатить все недоданное ей, сполна.

сти. Въ числѣ такихъ даяній была назначена одна серебряная полумарка бѣдному Жиду, жившему у воротъ «Еврейской Улицы» въ Лиссабонѣ. Эти мелочныя распоряженія доказываютъ его строгую заботливость о соблюденіи справедливости во всѣхъ его дѣлахъ и строгую точность въ исполненіи малѣйшихъ обязанностей. Въ томъ-же духѣ онъ далъ много совѣтовъ сыну своему, Діэго, насчетъ того, какъ онъ долженъ вести дѣла свои, приказывая между прочимъ — каждый мѣсяцъ самому лично сводить счеты своихъ домашнихъ расходовъ: потому что, прибавляетъ онъ, неаккуратность въ этомъ дѣлѣ влечетъ за собою потерю денегъ и служителей и дѣлаетъ послѣднихъ врагами своихъ господъ (1). Его завѣщательныя распоряженія были писаны въ присутствіи немногихъ друзей и вѣрныхъ служителей, между которыми находимъ имя Варфоломея Фіеско, сопровождавшаго Діэго Мендеса въ опасномъ путешествіи на чёлнѣ изъ Ямайки въ Испаніолу.

Исполнивши съ такою совѣстливостью всѣ земныя обязанности, налагаемыя на человѣка честью, сердечными привязанностями и справедливостью, Коломбъ обратилъ всѣ свои мысли къ Небу, и причастившись Святыхъ-Таинъ, скончался, съ твердымъ упованіемъ

(1) *Memorial ajustado*, § 248.

на Бога, въ день Вознесенія, 20-го мая 1506 года, около семидесяти лѣтъ отроду (1). Послѣднія слова его были; «In manus tuas, Domine, commendo spiritum, meum» ! Господи! предаю въ руки Твои духъ мой (2).

Тѣло его было поставлено въ монастырѣ Св. Франсиска и погребено съ пышностью въ Валладолидѣ, въ приходской церкви «Santa-Maria-la-Antiga.» Въ 1513 году останки его были перенесены въ Севиллу, въ картезіанскій монастырь «las Cuevas,» и преданы землѣ въ придѣлѣ Св. Анны, или «Santo-Christo,» гдѣ впослѣдствіи было погребено тѣло сына его, Діэго, умершаго въ деревнѣ Монтальбанѣ, 23-го февраля 1526 года. Въ 1536 году останки Коломба и Діэго перевезли въ Испаніолу и предали землѣ въ главномъ придѣлѣ Санъ-Домингскаго собора. Но и тамъ они не остались въ покоѣ: ихъ вынули еще разъ и перевезли въ Гаванну, на островъ Кубу.

По смерти Коломба, Фердинандъ воздалъ ему безплодныя почести, велѣвъ воздвигнуть въ память великому человѣку монументъ, съ надписью:

Por Castilla y por Leon
Nuevo mundo hallo Colon (3), —

(1) *Cura de los Palacios*, cap. 121.

(2) Las Casas, lib. II, cap. 35.—*Hist. del Almirante*, cap. 106.

(3) Для Кастильи и Ліона Новый-Свѣтъ открылъ Колонъ.

памятникъ неоплатнаго долга благодарности, которою былъ обязанъ ему этотъ монархъ, и вмѣстѣ вопіющей несправедливости его къ заслугамъ Коломба. Нѣкоторые Испанскіе писатели недавно взялись было оправдать поведеніе Фердинанда въ отношеніи къ адмиралу. Конечно, ихъ побудительныя причины достойны уваженія; но всѣ усилія ихъ оказались безполезны, и не должно сожалѣть объ этомъ. Стараться укрыть отъ порицанія потомства несправедливость и слабости людей—значитъ похищать у Исторіи одно изъ важнѣйшихъ ея преимуществъ. Она должна передать изъ рода въ родъ неблагодарность Фердинанда и сохранить память о ней въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ. Тѣнь, брошенная ею на блестящую репутацію этого монарха, есть спасительный урокъ для человѣчества: она указываетъ, какъ важно для славы человѣка — наблюдать во всю жизнь строгую справедливость въ отношеніи къ другимъ, и особенно къ людямъ, знаменитымъ своими заслугами государству.

ГЛАВА V.

Замѣчанія о характерѣ Коломба.

Предпринявъ составленіе Исторіи Коломба, авторъ старался изобразить своего героя въ настоящемъ его видѣ, — со всѣми его слабостями и несовершенствами, — и не пропустилъ ниодной подробности, ниодного свѣденія, которыя могли очертить его характеръ или бросить какой-нибудь свѣтъ на побудительныя причины его намѣреній и дѣйствій. Онъ ввелъ въ свое произведеніе множество обстоятельствъ, о которыхъ другіе историки или вовсе умалчивали или упоминали слегка, опасаясь повредить славѣ этого великаго человѣка обнаруженіемъ фактовъ, которые могутъ быть приняты за доказательства его грубыхъ заблужденій. Но историкъ, который, изображая геніальнаго человѣка, ограничивается одними великими и героическими его чертами, можетъ напи-

сать прекрасную картину, но не вѣрный потретъ. Въ людяхъ необыкновенныхъ мы встрѣчаемъ смѣсь добродѣтелей и слабостей. Часто самое величіе ихъ есть послѣдствіе борьбы, которую они выдерживаютъ съ несовершенствами своей природы, и самые возвышенные ихъ подвиги иногда обязаны своимъ существованіемъ столкновенію этихъ противоположныхъ качествъ.

Коломбъ былъ геній обширный, изобретательный. Мысль его дѣйствовала могущественно, но неправильно, проявляясь иногда бурными порывами, съ тою неодолимою силой, которая составляетъ отличительную черту умовъ этого разряда. Геній его обнялъ всѣ роды познаній, относящихся къ избранному имъ предмету, и если его ученость въ нашъ вѣкъ кажется довольно ничтожною, а нѣкоторыя заблужденія его слишкомъ рѣзкими: это потому, что самая наука, составлявшая главный предметъ его изученія, была въ ту эпоху весьма несовершенна. Его открытія освѣтили невѣжество вѣка, въ которомъ онъ жилъ, обратили догадки въ достовѣрность и разсѣяли множество заблужденій, съ которыми онъ долженъ былъ бороться.

Его честолюбіе было возвышенно и благородно. Онъ былъ исполненъ высокихъ мыслей и неодолимаго желанія — прославить себя знаменитыми подвигами. Говорили, что къ его честолюбивымъ замысламъ присоеди-

нялись виды корыстные; что онъ въ договорахъ своихъ съ Испанскимъ дворомъ обнаружилъ эгоизмъ и жадность. Но этотъ упрекъ столько-же несправедливъ, какъ и неоснователенъ. Коломбъ желалъ почестей и богатства — единственно для того, чтобъ они служили нѣкоторымъ образомъ видимымъ знакомъ важности его открытій. Всѣ его требованія ограничивались утвержденіемъ за нимъ званія вице-короля и правителя тѣхъ странъ, которыя онъ надѣялся присоединить къ владѣніямъ Испанскихъ государей, и полученіемъ съ нихъ части доходовъ, для поддержанія достоинства своего званія. Еслибъ онъ не открылъ новыхъ земель, въ такомъ случаѣ его вице-королевскій титулъ не имѣлъ-бы никакого значенія; а еслибъ открытыя страны не дали доходовъ, то всѣ его труды и опасности не принесли-бъ ему никакой пользы. Важность этого званія и сопряженныхъ съ нимъ доходовъ была слѣдствіемъ богатства новооткрытыхъ царствъ, которыя онъ присоединилъ къ Кастильской коронѣ. Какой монархъ не принялъ-бы ихъ съ восторгомъ на такихъ условіяхъ? Коломбъ рисковалъ въ этомъ предпріятіи не одними трудами и надеждой на славу: когда зависть осмѣлилась подвергнуть сомнѣнію чистоту его побужденій, онъ охотно принялъ на свой счетъ восьмую часть издержекъ, употребленныхъ на первую экспедицію, и выпол-

нилъ это обязательство, при помощи друзей. Самыя выгоды, которыя обѣщали ему открытія, онъ располагалъ употребить съ тоюже безкорыстною и благочестивою цѣлью и домогался ихъ, намѣреваясь обратить на разныя благотворительныя и богоугодныя дѣла,—на облегченіе участи бѣдныхъ своего отечественнаго города, на сооруженіе церквей для поминовенія душъ усопшихъ, и на вооруженіе арміи, для освобожденія Гроба-Господня, въ Палестинѣ.

Во время управленія новооткрытыми странами, онъ требовалъ строгаго уваженія къ своему вице-королевскому сану и чрезвычайно дорожилъ своими преимуществами — не изъ суетной любви къ титуламъ, но потому, что смотрѣлъ на нихъ, какъ на доказательства и трофеи совершенныхъ имъ великихъ подвиговъ. Онъ былъ ревнивъ къ своимъ отличіямъ и почиталъ ихъ лучшею своею наградой. Въ послѣднихъ прошеніяхъ къ королю онъ настаивалъ — собственно только на возвращеніе своихъ правъ и достоинствъ, а денежныя претензіи соглашался предать разсмотрѣнію посредниковъ и даже предоставить ихъ на произволъ короля. «Но мои достоинствъ, говоритъ онъ съ благородною гордостью, касаются моей чести». Въ завѣщаніи, онъ приказываетъ сыну своему, Діэго, и всѣмъ его преемникамъ: какими-бы титулами и достоинствами не на-

граждали ихъ впослѣдствіи монархи, всегда подписываться просто — *Адмиралъ*, чтобъ увѣковѣчить въ своей фамиліи память о началѣ ея знаменитости.

Всѣ дѣйствія Коломба носятъ на себѣ печать величія его видовъ и благородства души. Вмѣсто того, чтобъ, подобно современнымъ мореплавателямъ, рыскать алчнымъ авантуристомъ, съ единственною цѣлью — пріобрѣсть непосредственную добычу, онъ старался всюду собирать свѣденія объ ихъ почвѣ, произведеніяхъ, гаваняхъ и рѣкахъ. Онъ желалъ — колонизировать новооткрытыя страны; вводить въ нихъ земледѣліе, пріобретать дружелюбное расположеніе туземцевъ и распространять между ними образованность; основывать города, водворять въ нихъ полезныя искуства и ремесла и подчинять все владычеству закона, порядка и религіи, и на этихъ незыблемыхъ основаніяхъ воздвигнуть новыя царства, благоустроенныя и цвѣтущія. Въ исполненіи своихъ благородныхъ и прекрасныхъ намѣреній онъ встрѣтилъ препятствія со стороны негодяевъ, которыми имѣлъ несчастіе начальствовать, и для которыхъ всякой законъ былъ — тиранія, всякой порядокъ — угнетеніе. Они ниспровергли своими возмущеніями всѣ начатыя работы, всѣ полезныя предпріятія, вооружили противъ себя кроткихъ и миролюбивыхъ туземцевъ, навлекли на свою голову войну и бѣдствія, и

сокрушивъ Коломба подъ развалинами воздвигаемаго имъ зданія, они-же обвинили его во всѣхъ безпорядкахъ.

Счастлива была-бы Испанія, еслибъ люди, которые шли по слѣдамъ Коломба, держались его здравой политики и его благонамѣренныхъ видовъ. Тогда Новый-Свѣтъ заселился-бъ мирными колонистами и принялъ Европейскую образованность подъ вліяніемъ мудрыхъ законодателей, безъ угнетенія, безъ насилій и кровопролитія, — а не сдѣлался-бъ добычей скитающихся авантуристовъ и жертвой алчныхъ завоевателей.

Коломбъ былъ одаренъ слишкомъ глубокою чувствительностью, легко воспламенялся и чрезвычайно быстро и сильно принималъ наружныя впечатлѣнія; отъ природы раздражительный и пылкій, онъ тяжело переносилъ оскорбленія и несправедливости. Но сердечная доброта и великодушіе составляли сильное противовѣсіе излишней живости его характера. Эти качества ярко блистали среди самыхъ смутныхъ обстоятельствъ его бурной жизни. Безпрестанно оскорбляемый въ драгоцѣннѣйшихъ правахъ своихъ, — неуважаемый, какъ начальникъ, въ исполненіи власти, — обманутый во всѣхъ своихъ планахъ и предначертаніяхъ, — подвергаемый нѣсколько разъ опасности лишиться жизни, во время возмущеній презрѣнныхъ бунтовщиковъ, — и все это въ такія эпохи, когда волненіе и

безпокойство ума и тѣлесныя страданія способны были вывесть изъ терпѣнія самаго кроткаго человѣка, — онъ умѣлъ воздерживать природную свою пылкость, подавлять негодованіе и нисходить до увѣщаній, часто до просьбъ даже. Мы должны замѣтить еще, какъ онъ былъ чуждъ мстительности, какъ легко прощалъ и забывалъ обиды и проступки, при малѣйшемъ изъявленіи раскаянія и покорности! Мы отдавали справедливость его благоразумію и благонамѣренности въ управленіи другими: но онъ заслуживаетъ еще большихъ похвалъ за твердость, съ какою умѣлъ управлять собой.

Врожденная доброта Коломба дѣлала его сердце доступнымъ ко всѣмъ пріятнымъ ощущеніямъ, какія могутъ производить на насъ внѣшніе предметы. Въ письмахъ своихъ и дневникахъ, вмѣсто того, чтобъ означать подробности обстоятельствъ съ техническою точностью обыкновеннаго мореходца, онъ описываетъ красоты природы съ энтузіазмомъ поэта или живописца. Обозрѣвая берега Новаго-Свѣта, онъ, своими простодушными, но живописными описаніями, заставляетъ читателя раздѣлять то наслажденіе, которое доставляли ему окружающіе предметы — благорастворенный климатъ, чистота атмосферы, благоуханіе воздуха, освѣжаемаго обильными росами, зелень лѣсовъ, пышность деревъ, величавость горъ, прозрачность и

свѣжесть источниковъ и рѣкъ. Каждая перемѣна мѣста доставляетъ ему новыя наслажденія. Каждую вновь открытую страну онъ называетъ «прекраснѣйшею изъ всѣхъ, какія открылъ прежде,» и каждую изъ нихъ «лучшею страной во всемъ свѣтѣ.» Наконецъ, тѣмъ-же простымъ и одушевленнымъ языкомъ, онъ говоритъ своимъ монархамъ, что «послѣ всего, сказаннаго имъ о другихъ островахъ, онъ опасается, что ему уже не повѣрятъ, если онъ скажетъ, что островъ, о которомъ онъ говоритъ теперь, превосходитъ красотой всѣ прежніе.»

Съ тѣмъ-же жаромъ и безъискуственностью онъ выражается въ разныхъ другихъ случаяхъ: такъ легко онъ былъ доступенъ впечатлѣніямъ радости и горя, наслажденія и негодованія. Когда онъ былъ окруженъ презрѣнными людьми, которые терзали его своею неблагодарностью и дерзостью, онъ часто запирался въ своей каютѣ, и тамъ, на свободѣ, облегчалъ сердце, исполненное тоски, вздохами и стенаніями. По возвращеніи въ Испанію, въ оковахъ, когда великодушная и добрая Изабелла встрѣтила его нѣжнымъ состраданіемъ, онъ забылъ свою благородную гордость, съ которою переносилъ дотолѣ всѣ оскорбленія, и разлился передъ нею въ слезахъ и рыданіяхъ.

Онъ былъ чрезвычайно набоженъ; религіозное чувство проявляется во всѣхъ его мы-

сляхъ и дѣйствіяхъ, во всемъ, что онъ говорилъ или писалъ. Всякое значительное открытіе онъ ознаменовывалъ торжественнымъ изъявленіемъ благодарности Богу. Голосъ молитвы вознесся съ его кораблей, когда глазамъ его представился въ первый разъ Новый Свѣтъ, — и первымъ его движеніемъ, когда онъ коснулся ногой берега этого невѣдомаго міра, было — колѣнопреклоненіе и благодарственная молитва Небу. Каждый вечеръ экипажъ его пѣлъ *Salve Regina* и другіе священные гимны, и прелестныя рощи, осѣнявшія дикіе берега этихъ языческихъ странъ, оглашались торжественными звуками литургіи. Религія, проникнувъ глубоко въ его душу, сообщила всѣмъ его поступкамъ какую-то спокойную важность и кроткое снисхожденіе къ людямъ. Образъ его изъясненія отличался достоинствомъ и разборчивостью въ словахъ: онъ никогда не употреблялъ въ разговорахъ ни клятвъ, ни брани, ни одного неприличнаго выраженія. Всѣ важнѣйшія экспедиціи его были предприняты «во имя Святой Троицы,» и онъ не отправлялся ни въ одно путешествіе не причастившись Святыхъ-Таинъ. Въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, всегда наблюдалъ праздники, установленные Церковью. Воскресенье было для него священнымъ днемъ успокоенія, въ продолженіе котораго онъ никогда не поднималъ парусовъ, если не при-

нуждала къ тому крайняя необходимость. Онъ твердо вѣрилъ въ чудесную силу обѣтовъ, покаяній и богомольныхъ путешествій, и прибѣгалъ къ нимъ въ минуты опасности и бѣдствія. Иногда набожность его простиралась, быть можетъ, слишкомъ далеко: она носила на себѣ нѣкоторымъ образомъ отпечатокъ фанатизма его вѣка. Онъ очевидно, раздѣлялъ мнѣніе тогдашняго католическаго духовенства: что всѣ народы, не признающіе этой религіи, не должны быть терпимы на землѣ; что позволительно лишать ихъ всѣхъ правъ человѣчества; употреблять самыя насильственныя средства для обращенія ихъ, и подвергать жесточайшимъ наказаніямъ, даже совершенно истреблять, въ случаѣ сопротивленія и упорства. Сообразно съ этими ложными понятіями, онъ считалъ себя въ правѣ захватывать и отсылать въ Испанію дикихъ обитателей Новаго - Свѣта, для наставленія ихъ догматамъ христіанской религіи, или для продажи въ рабство, когда они отваживались противиться его вторженіямъ въ ихъ земли. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вопреки природной добротѣ своего сердца и тѣхъ чувствъ, которыя питалъ сначала къ этимъ кроткимъ и гостепріимнымъ людямъ,—поддаваясь, быть-можетъ самъ не замѣчая того, вліянію корыстныхъ видовъ правительства и насмѣшекъ своихъ враговъ надъ ничтожностью выгодъ, доставленныхъ его предпріятіями. Впрочемъ,

надобно замѣтить, что обращеніе въ неволю дикихъ обитателей Новаго - Свѣта, если ихъ забирали въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, въ формальныхъ сраженіяхъ, было гласно одобрено правительствомъ, и когда эта мѣра, по требованію королевы, была подвергнута разсмотрѣнію особаго совѣта, составленнаго изъ избранныхъ сановниковъ, духовныхъ и гражданскихъ, многіе отличнѣйшіе правовѣдцы и богословы объявили ее законною, и вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу туземцевъ не мнѣніемъ учрежденной правительствомъ юнты, а единственно человѣколюбіемъ Изабеллы.

Справедливость требовала, чтобъ мы поставили на видъ это обстоятельство, оправдывающее до нѣкоторой степени поступки Коломба. Произнося судъ надъ историческимъ лицемъ, никогда не должно отдѣлять его отъ той эпохи, къ которой оно принадлежало: иначе мы можемъ отнести къ нему, лично, заблужденія и несправедливости его вѣка. Совсѣмъ тѣмъ, мы не думаемъ оправдывать Коломба въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ самое заблужденіе неизвинительно. Пусть остается это пятно на славномъ его имени и послужитъ урокомъ для другихъ.

Намъ остается теперь указать на одну особенность въ его характерѣ, столь великомъ во всѣхъ отношеніяхъ: на его пылкое и восторженное воображеніе, которое бро-

сало столь яркій блескъ на всѣ его мысли. Геррера говоритъ, что онъ имѣлъ сильное поэтическое дарованіе, и мы дѣйствительно находимъ нѣкоторые слѣды этого таланта на поляхъ «Книги-Пророчествъ,» представленной ихъ католическимъ - величествамъ. Впрочемъ, поэтическій геній его проявляется нетолько во всемъ, что онъ писалъ, даже во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Онъ творилъ вокругъ него міръ чудесъ и сообщалъ всѣмъ предметамъ свои блестящіе цвѣта. Онъ внушалъ ему самые мечтательные планы, подвергавшіе его сарказмамъ и насмѣшкамъ людей съ умомъ болѣе холоднымъ, болѣе разборчивымъ, но вмѣстѣ и болѣе ограниченнымъ. Къ тому-же источнику относятся ипотезы, составленныя имъ во время пребыванія у береговъ Паріи, о видѣ земли, о мѣстоположеніи земнаго рая, о рудникахъ Офира въ Испаніолѣ, о золотомъ Херсонесѣ въ Верагуѣ, и рыцарскій проэктъ крестоваго похода, для завоеванія Гроба-Господня. И тотъ-же поэтическій характеръ, соединяясь съ его глубокою набожностью, внушалъ ему торжественныя размышленія о таинственномъ смыслѣ разныхъ мѣстъ Священнаго-Писанія и Пророчествъ. Подобныя мысли возвышали въ его глазахъ важность всѣхъ его предпріятій и дѣйствій, и заставляли смотрѣть на себя, какъ на избранника Неба, присланнаго въ міръ для совершенія великаго предназна-

ченнаго ему подвига, и почитать себя человѣкомъ, получающимъ указанія и вдохновенія свыше: отсюда—утѣшительный голосъ, слышавшійся ему во время смятеній на Испаніолѣ, и ночью на Верагскомъ берегу.

Безъ сомнѣнія, въ характерѣ Коломба было слишкомъ много восторженности; но эта-то самая восторженность и произвела столь счастливыя и необкновенныя послѣдствія. Болѣе всего достойна удивленія въ этомъ человѣкѣ власть, которую онъ пріобрелъ надъ своимъ пламеннымъ воображеніемъ и надъ живостью своего ума, которыхъ порывы онъ умѣрялъ силою разсудка и всегда умѣлъ давать имъ самое счастливое направленіе, съ рѣдкою проницательностью. Такимъ образомъ, его воображеніе, вмѣсто того, чтобъ истощаться въ безплодныхъ порывахъ, помогало его мыслительной способности и приводило его къ такимъ заключеніямъ, до которыхъ люди обыкновенные никогда не дошли-бы, и даже не поняли-бъ ихъ при постороннемъ указаніи. Его геній умѣлъ постигнуть смыслъ темныхъ преданій прошедшаго, и въ лабиринтѣ догадокъ и мечтаній вѣковъ минувшихъ, прочитать признаки существованія невѣдомаго міра, подобно древнимъ прорицателямъ, которые, говорятъ, читали въ звѣздахъ и прозрѣвали въ сновидѣніяхъ будущія событія.» Коломбъ,— гово-

ритъ одинъ Испанскій писатель (1), — былъ выше вѣка, въ которомъ онъ жилъ. Ему одному было предоставлено совершеніе великаго подвига: онъ одинъ могъ переплыть это море—предметъ столькихъ басенъ и суевѣрнаго ужаса, и разгадать тайну своего столѣтія. »

Но не смотря на все могущество воображенія, самыя смѣлыя мечты Коломба далеко уступали существенности: онъ умеръ, не подозрѣвая всей важности своихъ открытій, и до послѣдней минуты жизни оставался въ убѣжденіи, что онъ проложилъ только новый путь богатой торговлѣ съ отдаленными предѣлами стараго материка и открылъ нѣсколько неизвѣстныхъ до того времени областей и острововъ Леванта. Испаніолу онъ считалъ древнимъ Офиромъ, къ которому заѣзжали корабли Соломона; а Кубу и Твердую-Землю—отдаленными частями Азіи. Какое блистательное зрѣлище славы открылось-бы передъ нимъ, еслибъ онъ зналъ, что открылъ совершенно новый материкъ, равный пространствомъ всѣмъ тремъ частямъ Стараго Свѣта и отдѣленный двумя обширными океанами отъ всѣхъ частей земли, извѣстныхъ до того времени образованному человѣку!... И какъ утѣшился-бы его благородный геній среди страданій старости и убожества, пре-

(1) Kladera, *Investigaciones historicas*, p. 34.